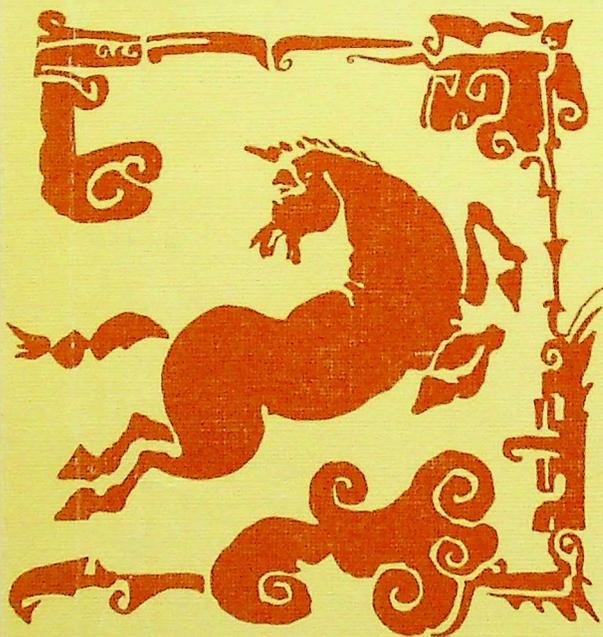

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/90

**Монголия на путях
перестройки**

**Экологическое
«харакири»**

**Можно ли преодолеть
инфляцию!**

**«Тайна» встречи И. Коно
с Н. Булганиным**

**Визит Н. Хрущева
в Пекин**

**Мао Цзэдун
в последние годы жизни**

Секреты будзюцю

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/90

Издается с марта
1972 г.

Научный и общественно-политический журнал выходит шесть раз в год на русском, английском, японском и испанском языках

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Ж. Энхсайхан. Монголия на путях перестройки 3

ПУЛЬС РЕГИОНА

Т. Мацумаэ. Экологическое «харакири»: кто остановит меч? 12
Е. Р. Богатова, Н. А. Макаров. Лаосский вариант обновления 15
М. В. Курячев. За совместное предпринимательство 25
А. И. Токарев. Опыт промышленного сотрудничества 30

СОВЕТСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И АТР

В. В. Миськов. Тихоокеанские маршруты ФЕСКО-лайн 36

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

В. Е. Зотов. Предпосылки и последствия политического кризиса 43
М. Г. Солнцева. Можно ли преодолеть инфляцию? 54
Юань Луньцой, А. В. Островский. Реформа, труд, зарплата 62
С. Г. Дементьев. Рынок техники — новое явление 71
М. В. Солнцев. Театр на самокупаемости 76

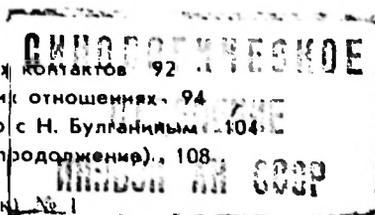
ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

Р. Ш.—А. Алиев. Япония: традиции и внешняя политика 82

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С. Л. Тихвинский. Уроки дипломатических контактов 92
К. Ниидзэки. Три волны в японо-советских отношениях 94
Н. Б. Адырхаев. «Тайна» встречи И. Коно с Н. Булганиным 104
М. С. Тартаковский. На весах столетий (продолжение), 108

1 Проблемы Дальнего Востока (рус. язык) № 1

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

Н. Т. Федоренко. Визит Н. Хрущева в Пекин 121

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Ли Жуй. Мао Цзэдун в последние годы жизни 129

А. И. Черкасенко. Перестройка глазами японцев 133

ПРОФИЛИ

М. В. Баньковская. Китаем очарованный (продолжение) 138

Н. В. Захарова. Возвращение сатирика 145

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

А. И. Тарасова. Щедрость — уже талант (неизвестные письма А. К. Арсеньева) 153

А. А. Долин. Путь самурая (часть II — «Секреты будуюцу») 158

А. М. Дронов, И. В. Потапов. Оздоровительный комплекс упражнений 163

Р. Б. Ноздрева. Икэбана: философия природы 168

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР

С. Фрэйзер (Австралия). Демографическая палитра Китая 171

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

А. Груздев. От кого бережем? (о судьбе Дальневосточного архива) 180

В. Я. Сидихменов. Китайский журнал на русском языке 187

В. Б. Якубовский. Встреча с учеными из Таиланда 189

Н. С. Кулешов. Семинар по исследованиям Тибета 191

П. К. Фиалковский. Выпускники Харбинского политехнического института действуют 192

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Г. А. Ганшин. Путь к созданию КНР 195

Е. Г. Пашенко. Хозяйственный договор в Китае 197

В. А. Гринюк. Жизненный подвиг Сэн Катаямы 199

А. А. Макаров. Политика Токио: взгляд изнутри 201

Э. В. Молодякова. Хранители японской старины 205

С. П. Мясоедов, Е. Ю. Трелелкова. НИС в мировой политике 207

СИС: социум, информация, статистика

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале,
не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848,
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Н. КАШИН, И. И. КОВАЛЕНКО, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1990

Ж. ЭНХСАЙХАН

«Проблемы Дальнего Востока» (ПДВ): Как влияет геополитический фактор на развитие Монголии и ее внешние связи?

Ж. Энхсайхан (Ж. Э.): Геополитический фактор играет если не определяющую, то весьма важную роль в политико-экономическом развитии любого государства мира. Наша история показывает, что это не исключение и для Монголии. Не углубляясь в историю, хочу лишь отметить, что наше географическое расположение благоприятно отразилось, например, на распространении в Монголии идей Великого Октября. Союз со Страной Советов, ее всесторонняя поддержка дали возможность монгольскому народу после победы народной революции 1921 г. сделать свой исторический выбор, развиваться по некапиталистическому пути, то есть по пути к социальному прогрессу и равенству без эксплуатации человека человеком.

Географическое расположение оказало огромное воздействие не только на избрание нами пути развития страны. Неоценимы помощь и поддержка Советского Союза в преодолении нашей отсталости, превращении страны в аграрно-индустриальную.

Геополитический фактор влияет не только на наше социально-экономическое развитие, но, что не менее важно, и на нашу безопасность, а это не измеришь в рублях, долларах или тугриках. Как соседняя держава Советский Союз играл и играет огромную роль в обеспечении безопасности МНР. Об этом свидетельствуют советская военная помощь в 1921 и 1939 гг., введение в середине 60-х годов, в разгар так называемой культурной революции в Китае, когда возникла угроза нашей безопасности, советских войск в Монголию по просьбе ее правительства.

Наличие дружественной страны, тем более надежного союзника на своей сухопутной границе протяженностью около 3,5 тыс. км, имело и имеет важное значение также для Советского Союза. Об этом свидетельствует история, например разгром в годы гражданской войны белогвардейских банд атамана Семенова и барона Унгерна, ставивших целью превращение Монголии в плацдарм агрессии против Советской России, наша совместная победа над японскими милитаристами в 1939 г. на реке Халхин-Гол.

Надежность Монголии как союзника не раз испытывалась жизнью. Так, с первых дней Великой Отечественной войны монгольский народ оказывал Советскому Союзу не только моральную поддержку, но и посильную материальную помощь, которую советский народ хорошо помнит и ценит. В 1945 г. совместными действиями наши страны ликвидировали прямую угрозу своей безопасности со стороны японского милитаризма, а ныне совместно выступают за мир и безопасность на Дальнем Востоке.

В трудную минуту, например при стихийных бедствиях, наши народы живо откликаются на беду друг друга, протягивая руки бескорыстной помощи. Поэтому с полным основанием и у нас, и у нас дружба и сотрудничество наших народов считались и считаются прообразом отношений нового типа между большим и малым государствами.

В торгово-экономическом сотрудничестве наши страны являются естественными партнерами. СССР для нас — основной поставщик товаров как производственного, так и потребительского назначения. Так, Советский Союз поставляет более 90 % импортируемых нами машин и оборудования, 100 % нефтепродуктов, 70 % товаров

Ж. Энхсайхан — Полномочный Министр, Советник Посольства МНР в СССР.

широкого потребления. Огромна и финансовая помощь Советского Союза. Сегодня его долгосрочные кредиты составляют около $\frac{2}{3}$ капиталовложений в народное хозяйство МНР. Со своей стороны СССР также является основным потребителем монгольских экспортных товаров. Например, за счет ввоза из Монголии Советский Союз удовлетворяет существенную часть своих импортных потребностей в таких товарах, как мясо, шерсть, продукция горно-рудной промышленности и т. д. Немаловажным является и то, что Монголия поставляет Советскому Союзу некоторые так называемые валютные товары, уран и другое сырье стратегического назначения.

Мне кажется, что наше сотрудничество имеет огромный потенциал, который можно задействовать путем дальнейшего совершенствования наших отношений: развития кооперации, непосредственных прямых связей, создания совместных предприятий и использования других прогрессивных форм сотрудничества, изучения и использования опыта друг друга. Перестройка в наших странах, поиски путей и резервов повышения эффективности и совершенствования механизма сотрудничества, откровенное и конструктивное обсуждение всех назревших проблем открывают такую возможность.

На юге Монголия граничит с Китаем. Несмотря на все зигзаги истории, с древних времен монгольский народ испытывает чувство глубокого уважения к китайскому народу, к его древней и богатой цивилизации. Монголия всегда была заинтересована в развитии добрососедских и взаимовыгодных связей со своим южным соседом. Однако, к сожалению, монголо-китайские отношения не всегда развивались в желаемом русле. В последние годы в результате обоюдных усилий наши отношения нормализовались; открылась возможность развивать их в духе подлинного добрососедства и взаимной выгоды. Этому содействует создание в 1989 г. монголо-китайской межправительственной комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. В последние годы торговля между нашими странами резко возросла. В 1988 г. взаимный товарооборот достиг около 40 млн. швейцарских франков. Ныне ведутся переговоры по организации ряда совместных малых и средних предприятий.

Следует отметить, что полная нормализация советско-китайских отношений отвечает национальным интересам Монголии; это создает еще более благоприятную атмосферу и возможность для ускорения ее социально-экономического развития.

При всей важности геополитического фактора не следует, однако, его абсолютизировать, ибо это может привести к географическому детерминизму, к ограничению внешних связей страны, особенно экономических, взаимоотношениями исключительно с соседями. Важное значение у нас придавалось и придается отношениям со всеми социалистическими странами, особенно членами Совета Экономической Взаимопомощи. Однако в настоящее время Монголия стремится к расширению связей и с другими государствами, особенно азиатско-тихоокеанскими, к полнокровному участию в международном разделении труда и мирохозяйственных связях. Проявлением этой новой политической линии явилось получение в 1988 г. Монголией статуса наблюдателя (в дальнейшем не исключается и возможность полноправного участия) в движении неприсоединения, восстановление членства МНР в «группе 77», установление дипломатических отношений с ЕЭС, рассмотрение вопроса о вступлении в члены Азиатского банка развития и некоторых других международных организаций экономического характера.

ПДВ: Создается впечатление, что сегодня в международной деятельности Монголии происходят коренные изменения, особенно во внешнеэкономической сфере.

Ж. Э.: По мере оздоровления международной атмосферы и создания новой обстановки в мире многие государства активизируют свои международные связи. Об этом свидетельствует, например, современная внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность Советского Союза. Такой же процесс происходит и в Монголии. Однако краеугольным камнем внешней политики МНР были и остаются развитие и углубление отношений с Советским Союзом. Это отвечает долгосрочным национальным интересам нашей страны.

Что касается второй части вашего замечания, то хотел бы отметить, что диверсификация внешнеэкономических связей отвечает требованию времени, объективному процессу роста взаимозависимости государств и интернационализации экономики. Как было отмечено на 5-м пленуме ЦК МНРП (декабрь 1988 г.), в 1976—1987 гг.

при двукратном повышении цен на товары нашего импорта, цены на экспортные товары возросли всего на 36%! Условия и конъюнктура мировой торговли меняются не в нашу пользу. Поэтому изменения во внешней политике преследуют целью теснее увязать ее с внутренними задачами развития страны, повысить ее эффективность. В виду географической, демографической, экономической и некоторых других особенностей нашей страны внешнеэкономические отношения играют важную роль в развитии экономики и повышении жизненного уровня народа. Так, около 30% произведенного национального дохода реализуется через внешнюю торговлю. Импортируется весь потребляемый в стране фонд нефтепродуктов и черных металлов, более 90% вводимых в эксплуатацию машин и оборудования и около 50% реализованных товаров широкого потребления. Кроме того, значительная часть народнохозяйственного бюджета финансируется за счет внешних источников. Основными внешнеэкономическими партнерами МНР были и остаются СССР и другие социалистические страны, особенно члены СЭВ, на которые в совокупности приходится более 95% ее внешнего товарооборота. Особенностью этих отношений является то, что они осуществляются на основе согласованных пятилетних и годовых планов, долгосрочных соглашений и программ экономического и научно-технического сотрудничества, годовых протоколов о товарообороте и платежах. Нельзя не отметить, что в рамках СЭВ Монголия, как Куба и СРВ, пользуется также некоторыми преференциальными условиями сотрудничества, включая льготные кредиты, поощрительные надбавки к контрактным ценам на отдельные виды ее экспортной продукции, льготные тарифы по оплате иностранных специалистов, командируемых на работу в МНР, получает помощь в подготовке национальных кадров. Поэтому даже при сравнительно возросшем участии несоциалистических стран в наших внешних связях доля социалистических стран остается весьма высокой.

Сложившиеся структуры народного хозяйства и экспорта МНР до сих пор имеют ярко выраженную сырьевую направленность. Сегодня такое положение явно не отвечает нашим интересам. Именно поэтому принимаются решения о развитии таких отраслей экономики, в немалой степени определяющих научно-технический прогресс, как машиностроение, металлообрабатывающая и химическая промышленности. Большое значение ныне придается созданию новых производственных мощностей по глубокой и комплексной промышленной переработке животноводческого и минерального сырья. В результате этого планируется увеличить экспорт готовых изделий, что поможет нам сбалансировать внешнюю торговлю и в полной мере пользоваться плодами своей экономической деятельности. Монголия также намерена использовать широкие возможности подключения к системе международного разделения труда.

По состоянию внешнеторговых отношений на 1988 г., без учета социалистических стран, Монголия осуществляет торговлю не менее чем с 260 фирмами около двадцати развитых капиталистических стран. Она экспортирует козий пух, пушнину, кожаные изделия, кишки мелкого рогатого скота, полуфабрикаты и некоторые другие товары. Успешная продажа монгольских товаров на рынках Западной Европы и Японии в условиях большой конкуренции свидетельствует об их высоком качестве и росте конкурентоспособности. В импорте из капиталистических стран преобладают машины и оборудование, преимущественно для легкой и пищевой промышленности, запасные части к ним, волокна и пряжа, красители и химикаты. В последние годы мы покупаем также некоторые виды продовольственных товаров и товары широкого потребления.

ПДВ: Программа МНРП, принятая в 1966 г., поставила задачу превращения МНР в ближайшем будущем в индустриально-аграрную страну, имеющую рациональную структуру добывающей и перерабатывающей промышленности. Как осуществляется эта задача?

Ж. Э.: Эти программные установки были и остаются ориентиром нашего развития. За истекшие годы сделано немало. Промышленность развивалась быстрыми темпами и начала играть существенную роль в экономике страны, повысились технический уровень и эффективность производства, были осуществлены структурные сдвиги в народном хозяйстве, произошли важные изменения социально-политиче-

ского характера. Сооружались в основном сравнительно крупные высокомеханизированные промышленные предприятия.

Ныне индустрия МНР производит 46 % совокупного общественного продукта. На промышленные товары отечественного производства приходится около 60 % государственного и кооперативного товарооборота и $\frac{3}{4}$ экспорта страны. Произошли важные изменения в территориальном размещении промышленности. Наряду с развитием такого традиционного промышленного центра, как Улан-Батор, возникли новые города Дархан, Эрдэнэт, Баганур и др., выпускающие уже треть промышленной продукции страны. Однако, несмотря на эти изменения, задачи, поставленные в области индустриализации, особенно в части перерабатывающей промышленности, нельзя считать выполненными. Как показывает опыт, индустриализация страны не исключает, а наоборот, предполагает развитие других отраслей экономики, особенно сельского хозяйства, строительства, транспорта и др., чему сегодня уделяется большое внимание.

Проанализировав опыт своего экономического развития, мы пришли к выводу, что ввиду природно-географических условий нашей страны (наличия обширной территории) и ее демографических особенностей (низкая плотность населения), экономически выгодным является развитие небольших и средних производств в различных отраслях народного хозяйства. На развитие именно таких предприятий будут направляться наши усилия.

ПДВ: Какие, на Ваш взгляд, наиболее важные проблемы существуют в развитии монголо-советских экономических связей?

Ж. Э.: Следует прежде всего особо отметить, что перестройка, осуществляемая в Советском Союзе, оказывает огромное влияние и на международный климат в целом, и на межгосударственные отношения в частности. Сказывается она и на развитии советско-монгольских связей. Сегодня наши отношения претерпевают изменения, выходят на более высокий уровень зрелости. Как отметил тов. Батмунх, их отличают глубокое взаимопонимание, доверие, растущие динамизм и плодотворность, крепнущие связи между трудящимися, производственными коллективами.

Сегодня на предприятиях, построенных с помощью Советского Союза, производится половина национального дохода, 56 % валовой продукции промышленности нашей страны. С помощью Советского Союза у нас построено около 700 народно-хозяйственных объектов. Советский Союз также оказывает МНР огромную помощь в подготовке национальных кадров. Монгольский народ глубоко признателен за это братскому советскому народу.

Богатый опыт накоплен нами при создании и эксплуатации совместных предприятий. Так, в течение ряда лет успешно работают монголо-советские хозяйственное объединение «Монголсовцветмет» и горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт».

С целью содействия все большему углублению, расширению и совершенствованию всестороннего сотрудничества между нашими странами был принят ряд основополагающих документов, таких, как Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между МНР и СССР на период до 2000 г., Концепция развития внешнеэкономических связей между МНР и СССР до 2005 г., Программа углубления сотрудничества МНРП и КПСС в области идеологии, культуры, науки и образования. Выполнение положений этих документов позволит нашей стране быстрее осуществить структурные изменения в экономике, преодолеть ее чисто сырьевую направленность, ускорить научно-технический и социальный прогресс страны, укрепить основы нашей дружбы. Словом, наше сотрудничество можно охарактеризовать как успешно развивающееся.

Однако в этой сфере еще существуют некоторые проблемы, они требуют безотлагательного решения и находятся в центре внимания советского и монгольского руководства. Так, на встрече 26 июля 1989 г. в Москве, как это бывало и на других подобных встречах, Ж. Батмунх и М. С. Горбачев уделили большое внимание перспективам взаимодействия Советского Союза и Монголии в экономической сфере. В этой связи были затронуты некоторые «проблемные» вопросы. В результате достигнуто взаимопонимание относительно существенной корректировки структуры сотрудничества, перестройки его механизма.

Вопросы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества, повышения его эффективности были в центре внимания переговоров министров иностранных дел двух стран в декабре 1989 г.

По нашему мнению, главным препятствием, мешающим развитию и повышению эффективности сотрудничества, является устаревший механизм внешнеэкономических связей, прежде всего механизм ценообразования. Совершенствование принципов ценообразования требует безотлагательного решения. Мы выражаем надежду, что ведущиеся консультации и переговоры между компетентными органами обеих сторон приведут к взаимоприемлемому решению этого вопроса, от которого в немалой степени зависит объем советско-монгольского торгово-экономического сотрудничества в следующей пятилетке и вплоть до 2000 г.

На эффективность сотрудничества, по моему мнению, также влияет чрезмерная диверсификация структуры сотрудничества и большое количество строящихся объектов, медленный ход согласования каждого объекта, отставание проектной разработки, неувязка поставки оборудования и материалов с графиком и сроком строительства и т. д. Такие, казалось бы, чисто технического характера проблемы приводят к тому, что из пятилетки в пятилетку не выполняется план ввода в эксплуатацию некоторых объектов, происходит срыв строительно-монтажных работ, увеличивается количество «незавершенки».

Кроме того, не полностью используются проектные мощности предприятий и хозяйственных организаций, построенных при технико-экономическом содействии Советского Союза. Некоторые затруднения возникают в связи с переходом советских предприятий на новую систему хозяйствования. Однако, как показывает опыт решения вопросов, возникших в связи с деятельностью монголо-советского совместного предприятия «Эрдэнэт», при наличии взаимопонимания все эти проблемы могут быть разрешены.

ПДВ: Известно, что в СССР и МНР — двух социалистических странах, существовавших до второй мировой войны, имел место культ личности. Не могли бы Вы рассказать нашему читателю, как преодолеваются последствия культа личности в Вашей стране?

Ж. Э.: История нашей страны свидетельствует, что наряду с объективными трудностями социально-экономического развития, возникали также трудности, вызванные причинами в основном субъективного толка, прямо связанные с ошибочной, извращенной политикой партийно-государственного руководства тех или иных времен, с порочным, командно-диктаторским стилем его деятельности.

Как известно, от культа личности Сталина вместе с советским народом пострадал монгольский народ, переживший такое порождение сталинщины, как трагедия авторитарного правления и культа личности Х. Чойбалсана. Массовые репрессии, особенно усилившиеся в сентябре 1937 г. в связи с созданием так называемой чрезвычайной комиссии при министерстве внутренних дел, возглавлявшейся Х. Чойбалсаном, коснулись, по крайней мере, каждого десятого жителя страны. Согласно имеющимся данным, чрезвычайная комиссия лишь в 1937—1939 гг. осудила 25 785 человек, огульно обвинявшихся в измене родине и контрреволюционной деятельности. 20 039 из них были приговорены к смертной казни, 5 746 — к различным срокам лишения свободы. Сначала жертвами произвола стали видные деятели партии и государства. Так, после IX съезда партии (1934) Президиум ЦК партии был избран в составе 11 человек. Из них к 1940 г. остался лишь Х. Чойбалсан. Восемь из них были репрессированы. Кроме того, были репрессированы бывшие главы правительства А. Амар и П. Гэндэн, Председатель и заместитель Председателя Президиума Малого хурала МНР Д. Догсом и Д. Лосол, бывшие секретари ЦК МНРП О. Бадрах, Б. Баасажав, Д. Лувсаншарав, Х. Лувсандорж, министр обороны маршал МНР Г. Дэмид. По надуманному «Делу о контрреволюционной организации П. Гэндэна и Г. Дэмиды» были репрессированы 62,7 % членов ЦК партии, избранных IX съездом МНРП, 80 % членов Президиума ЦК партии, 57,1 % членов Центральной партийной комиссии, 80 % членов Центральной ревизионной комиссии партии! Позже жертвами произвола стали целые социальные слои и народности. Из 100 тыс. священнослужителей было репрессировано 70 %. С лица земли было стерто 720 монастырей и храмов, которые были объявлены «очагами контрреволюции». К 1939 г. (а в мае этого года Япония напала на Монголию в районе реки Халхин-Гол) был практически уничтожен командный костяк монгольской народной армии, в том числе репрессировано около 80 % всех генералов (большинство из них расстреляны).

Пленумы ЦК партии, состоявшиеся в апреле 1956 г. и январе 1962 г., подвергнув критике культ личности, приняли решение об устранении его пагубных последствий. Такая работа была начата, но вскоре она застопорилась, ограничившись посмертной реабилитацией значительного числа безвинно репрессированных.

Важный импульс благотворному процессу восстановления исторической правды и справедливости дал декабрьский пленум ЦК партии 1988 г., в соответствии с решением которого была создана специальная комиссия Политбюро ЦК партии по реабилитации и восстановлению доброго имени граждан, незаконно репрессированных в 30—40-х годах. Кроме того, соответствующие подкомиссии и рабочие группы созданы в аймачных и городских парткомах и центральных юридических органах; они собирают архивные материалы и показания свидетелей, встречаются с очевидцами событий.

18 сентября 1988 г. на очередном заседании Комиссии были рассмотрены вопросы о так называемых «делах» П. Гэндэна и Г. Дэмида, и контрреволюционной организации П. Гэндэна и Г. Дэмида, а также итоги реабилитации 12 партийных и государственных деятелей, репрессированных по этим «делам», вопрос об их членстве в партии. Комиссия, изучив материалы пленума Верховного Суда МНР и заседания его военной коллегии, согласилась с их заключением о надуманности и необоснованности указанных «дел».

Комиссия Политбюро ЦК МНРП сейчас рассматривает дела других репрессированных, относящихся к так называемому второму эшелону руководства того времени. Ввиду почти полного отсутствия архивных материалов весьма сложным, по всей видимости, будет рассмотрение дел репрессированных рядовых граждан.

Комиссия проделала уже большую работу, однако ей предстоит сделать еще немало, чтобы ответить на вопрос, кем в политическом отношении являлись репрессированные деятели, каков был механизм репрессий и кто его составлял, какую политическую цель преследовали репрессии, в ходе которых физически уничтожались «знающие» и активные руководящие кадры, подготовленные внутри страны и за рубежом», какой моральный и материальный ущерб был причинен стране и народу и т. д. Неисследованной остается противоречивая деятельность Х. Чойбалсана и его окружения, его связи с И. В. Сталиным. Вряд ли эти массовые репрессии проходили без ведома и влияния последнего, тем более что жизнь некоторых из репрессированных руководителей трагически оборвалась именно в Советском Союзе. Каковы бы ни были результаты исследований, можно с уверенностью сказать, что репрессии тех времен не смогут поколебать искренней дружбы советского и монгольского народов.

Наоборот, установление исторической правды и честное признание существовавших в наших отношениях некоторых деформаций послужат гарантией их недопущения в будущем, будут содействовать укреплению доверия.

Имя Сталина ныне официально убрано из названия улиц, воинских частей, культурных учреждений. В настоящее время в обществе идут горячие дискуссии о том, сохранять ли памятник Сталину, как оценивать деятельность Х. Чойбалсана, нужно ли в спешке принимать на этот счет решения и т. д.

С целью восстановления исторической правды наши историки, другие общественные деятели приступили к пересмотру истории МНР и МНРП, Монгольский народ с нетерпением ожидает результатов этих исследований, которые ликвидируют «белые пятна» в истории страны и партии.

Несомненно, работа Комиссии, проводимые исследования, перестройка в политической сфере, демократизация и гласность, укрепление законности и правопорядка и главное — уроки истории, создадут гарантии того, что беззаконие и репрессии никогда не повторятся.

ПДВ: В последнее время в Монголии стали много писать о Чингисхане. Как оценивают монгольские историки Чингисхана?

Ж. Э.: Сегодня, когда монгольские ученые, монгольский народ в целом переосмысливают многие страницы истории своей страны, они не могут пройти мимо личности Чингисхана. То, что Чингисхан был великим полководцем — бесспорно. Что же касается его роли в истории, то тут однозначных оценок нет. Дискуссии вокруг Чингисхана идут, как известно, не только в Монголии, но и в других странах. К сожалению, Чингисхан в большинстве случаев изображался искаженно, главным

образом как жестокий тиран. Однако история требует объективности. В Институте истории АН МНР ведется работа по созданию полной научной биографии Чингисхана. Это поможет дать ответ на многие вопросы.

Монгольские ученые считают, что историческую роль Чингисхана нельзя оценивать однозначно. Она была безусловно прогрессивной, когда он выступал как выдающийся государственный деятель, сумевший объединить разрозненные феодальные племена в единое государство. Как считает большинство ученых, в дальнейшем, а именно с 1211 г., когда он стал на путь опустошительных захватнических войн, его деятельность приобрела реакционный характер. Такая оценка вполне оправдана, однако для более точной характеристики роли Чингисхана следует учитывать, что, как справедливо писал крупный советский монголовед Б. Я. Владимирцов, Чингисхан был сыном своего времени, сыном своего народа, поэтому надо его рассматривать действующим в обстановке своего века и своей среды, а не переносить его в другие века и другие места земного шара. Для этого нужно стереть «белые пятна» истории, без чего невозможно дать точную оценку его деятельности. Однозначно осуждая захватнические войны Чингисхана, следует тем не менее досконально изучить следующие вопросы: какой была реальная обстановка в самой Монголии в XIII в., какими были ее отношения с соседями, особенно крупными государствами, по какой причине в 1211 г. Чингисхан развязал военные действия в Северном Китае, почему он потом начал поход в Среднюю Азию, что привело к битве на Калке в 1223 г. и т. д.? Следует отметить, что если не считать битвы на Калке, у Чингисхана не было прямых столкновений с Русью, он не вел захватнической войны против нее. Стал бы он воевать против Руси, если бы не умер в 1227 г. — это уже другой, гипотетический вопрос. Ныне разрабатывается программа поиска могилы Чингисхана. Эта программа поможет пролить дополнительный свет на изучение роли Чингисхана и его времени. Коль скоро речь зашла о «белых пятнах» истории, то такие «пятна» существуют не только в знании периода Чингисхана. Многочисленные «белые пятна» остались и в последующей истории монголо-русских отношений. Мне кажется, более объективного исследования ждет период так называемого монголо-татарского нашествия на Русь. Представляется, что тут краски чрезмерно сгущены. Иначе трудно логически и однозначно объяснить феномен более чем двухсотлетнего монголо-татарского ига на Руси. Возникает вопрос: не существовали ли какие-либо особые взаимоотношения между Золотой Ордой и княжествами Руси, между ханами и князьями, что и позволило «игу» продержаться более двух столетий.

ПДВ: В чем специфика монгольской стратегии обновления, чем отличается она, скажем, от перестройки и реформ в других социалистических странах?

Ж. Э.: Как и у вас, а также в других социалистических странах, цель обновления — устранить деформации социализма, полнее раскрыть его потенциал и преимуществ вывести на качественно новый этап. Эта цель была выдвинута уже в 1986 г. на XIX съезде нашей партии. Обновление у нас началось с экономической реформы, цель которой заключалась в том, чтобы, во-первых, устранить административно-командный метод руководства народным хозяйством, заменить его экономическим; во-вторых, дать как можно больше самостоятельности промышленным предприятиям и инициативе масс. В этом отношении у нас делается немало. Важной вехой на этом пути стал декабрьский (1988) пленум ЦК МНРП, разработавший целостную концепцию обновления Монголии, включая ее политическую систему.

«Монгольская перестройка», безусловно, имеет не только общие цели, но и некоторые общие черты с перестройкой, осуществляемой в Советском Союзе, в других социалистических странах. Именно поэтому мы внимательно изучаем их опыт и используем из него то, что отвечает нашим условиям и особенностям, силам и возможностям. Тем не менее наша перестройка имеет свою специфику. Это объясняется тем, что, во-первых, она осуществляется в стране, уровень экономического развития которой значительно ниже по сравнению с европейскими социалистическими странами. Во-вторых, есть различия в политической, социальной и экономической структуре общества. Самобытен исторический путь, национальные обычаи и традиции Монголии. Свой отпечаток накладывает и наше геополитическое расположение, с которого мы начали разговор. Если говорить более конкретно, то, например, у нас пересматривается история не только послереволюционного периода. Под новым,

объективным углом зрения мы подходим и к нашей истории средних веков. В экономике немалый упор делается на изучение некоторых традиционных форм хозяйствования, включая применявшуюся столетиями и оправдавшую себя форму семейного подряда, традиционный метод ведения животноводства. В промышленности большой упор будет делаться на сооружении средних и малых предприятий. О некоторых аспектах перестройки во внешней политике я уже говорил в начале беседы.

ПДВ: Хорошо известно, что МНР проводит весьма активную деятельность на международной арене. В этой связи и с учетом профиля журнала и интереса читателей хотели бы попросить Вас рассказать о политике Монголии в АТР.

Ж. Э.: Если всестороннее развитие и углубление дружбы и сотрудничества с СССР, другими социалистическими странами являются стержневым направлением монгольской внешней политики, то приоритетным является политика в АТР. И это естественно, ибо нам не безразлично, какие процессы происходят в этом обширном регионе, неотъемлемой частью которого является Монголия. В рамках такого подхода мы придаем важное значение полной нормализации советско-китайских отношений, оказывающих позитивное влияние на общую политическую атмосферу в регионе.

Активно и последовательно выступая за мирное урегулирование конфликтов и спорных вопросов, за устранение источников напряженности в регионе, Монголия поддерживает конструктивные предложения других государств. Так, МНР полностью разделяет владивостокские и красноярские инициативы Советского Союза.

Не ограничиваясь поддержкой мирных инициатив других государств, Монголия сама выступает с конкретными предложениями. Так, хорошо известно наше предложение о создании механизма, исключающего применение силы в отношениях между государствами региона. Хотя большинство стран региона позитивно расценивает это предложение, западные государства и некоторые их союзники в регионе воздерживаются от его поддержки. Они мотивируют это тем, что мол пока существуют региональные конфликты, невозможно исключить применение силы. Этот аргумент не выдерживает критики, ибо им известно, что предлагаемый нами механизм должен соответствовать международному праву, согласно которому не исключается правомерное применение силы в соответствии с Уставом ООН. Во всех остальных случаях, в том числе при разрешении региональных конфликтов, применение силы должно быть исключено.

Мы уверены, что с общим улучшением международного климата, отходом государств от мышления и действий в соответствии с категориями «холодной войны», монгольское предложение, отвечающее интересам всех государств, будет получать все большую поддержку государств региона. Этому может содействовать организация регулярных встреч ученых и экспертов по вопросам укрепления доверия и безопасности в регионе по типу куалалумпурских «круглых столов» или владивостокской встречи 1988 г.

Одностороннее сокращение вооруженных сил СССР и Китая, советско-китайские переговоры по сокращению вооруженных сил в районе их границы до минимального уровня, вывод значительной части советских войск из Монголии содействуют созданию атмосферы доверия в регионе.

В августе 1989 г. в своем выступлении на торжественном собрании, посвященном 50-летию победы советских и монгольских войск на Халхин-Голе, тов. Ж. Батмунх выдвинул идею формирования на постоянной основе механизма диалога между государствами АТР в таких областях, как экономическое сотрудничество, торговля, научно-технические связи, военное доверие, обеспечение безопасности международных коммуникаций, экология, культурные контакты, гуманитарные проблемы.

Инициатива монгольского руководства направлена на то, чтобы этот важный в военно-стратегическом, торгово-экономическом и научно-техническом отношении регион стал ареной полнокровного взаимодействия и сотрудничества, чтобы его колоссальные людские, интеллектуальные, природные и другие ресурсы могли служить целям удовлетворения человеческих нужд и прогрессу. Двусторонние отношения государств, принадлежащих одной социальной системе, довольно развиты, однако этого не скажешь об отношениях между странами с различным социальным строем. В этом смысле многосторонние связи и контакты находятся на начальном этапе развития, они весьма хрупки. Это тормозит развитие межгосударственных

связей, мешает укреплению доверия, в то время как объективные процессы роста взаимозависимости государств диктуют необходимость углубления интеграции и кооперации, развития взаимовыгодного сотрудничества. В качестве первоначального шага Монголия предлагает приступить к рассмотрению ее инициативы на уровне правительственных экспертов.

Многие государства региона положительно откликнулись на эту идею. Ныне проводится дипломатическая работа по выявлению позиций потенциальных участников механизма диалога. Здесь нужно уточнить, что под «механизмом» не подразумевается создание какого-либо постоянно действующего органа или организации со своим уставом, членством и т. д.

Монголия выступает с инициативами и по парламентской линии, и по линии общественных организаций.

В плане двусторонних связей успешно развиваются ее отношения с социалистическими странами Азии. Особенно расширяются в последнее время ее контакты и сотрудничество с Китаем. Монголия последовательно проводит политику развития политических, торгово-экономических и культурных отношений со всеми странами региона. Так, в последнее время расширяются культурные связи с Индией, торгово-экономические отношения с Японией, налаживаются контакты со странами АСЕАН. Словом, наши отношения со странами АТР успешно развиваются и имеют широкие перспективы.

ПДВ: Уважаемый товарищ Энхсайхан, в последнее время наш журнал установил полезные, как мы считаем, контакты с представителями общественно-политических и научных кругов МНР. Настоящее интервью еще одно доказательство этому. Мы благодарим Вас за участие в разговоре с нашим читателем и желаем Вам творческих успехов и благополучия.

СИС: социум, информация, статистика

Центр китайской медицины на Украине

На базе одного из санаториев радонового курорта Хмельник на Украине создается Центр китайской медицины при участии Хэйлуцзянской компании Всекитайского объединения по торгово-промышленному и экономическому развитию. В лечении заболеваний опорно-двигательного аппарата, периферической нервной системы, кровообращения, сердечной деятельности будут использоваться лекарственные препараты растительного происхождения и иглотерапия. В центр войдут комплекс диагностики на базе компьютерной техники, фармацевтическая фабрика.

Одноразовые шприцы из Хэйлуцзяна

По контракту о меновой торговле на сумму 6,5 тыс. швейцарских франков Хэйлуцзянский филиал Китайской компании по импорту и экспорту медикаментов и медицинского оборудования поставит в СССР в течение 1989—1990 гг. 10 млн. одноразовых шприцев.

ПУЛЬС РЕГИОНА Экологическое «харакири»: кто остановит меч!

Т. МАЦУМАЭ

В 1972 г. в Стокгольме состоялась организованная ООН международная конференция по проблемам окружающей среды. Конференция приняла Декларацию по проблемам человеческого окружения и одобрила план действий.

Ранее беспокойство в отношении окружающей среды вызывало присущее в основном промышленно развитым странам загрязнение в ограниченных районах воды и воздуха отходами промышленного производства.

Для Японии наиболее распространенным было загрязнение атмосферы отходами перерабатывающей промышленности (окиси серы вызывают специфическое заболевание «астма Эккайти»), водоемов и почв — частицами кадмия, отрицательно воздействующего на человеческий организм (болезнь «итай-итай»), а также промышленными отходами, содержащими метило-ртутные соединения (болезнь «минамата»).

На международной конференции сообщалось о больших изменениях в состоянии окружающей среды, происходящих в планетарном масштабе. Среди них — неуклонно продолжающееся разрушение природного цикла из-за ускорения потребления кислорода в результате из года в год увеличивающейся деятельности человека на поверхности земли. Это происходит потому, что количество кислорода, образуемого в процессе синтеза под солнечными лучами, меньше, чем его потребляется. Главная причина сложившейся ситуации — рост потребления кислорода и уменьшение площади лесов. Это в свою очередь увеличивает содержание углекислого газа в атмосфере, что понижает тепловое излучение Земли, порождая так называемый парниковый эффект. Основная причина уменьшения площади лесов заключается в том, что и сегодня половина человечества полагается на уголь и дрова как источник энергии и увеличивает их использование в виде топлива.

Как пример больших изменений в экологической цепочке приведу северо-западную часть Таиланда. В 1961 г. 43 % площади этого района покрывали леса; на снимке, сделанном метеоспутником LANDSAT в 1982 г., их уже не более 5 %. Эта тенденция устойчиво сохраняется: на снимке того же спутника вид долины реки Меконг (на северном берегу которой — Лаос, на южном — Таиланд) в 1986 г. совершенно изменился: отчетливо видно, что на таиландском берегу большая часть лесов вырублена.

Сейчас наиболее кислородообразующие места на Земле — пояс Амазонки в Латинской Америке и индонезийский остров Калимантан (Борнео).

Пояс Амазонки в 1973 г. представлял собой зеленые массивы лесов, однако с конца 70-х годов здесь началось освоение новых земель, сопровождавшееся усиленной вырубкой лесов, и в последнее время все чаще попадаются проплешины голой земли. После того как на международной конференции по проблемам окружающей среды (1972) был принят план действий ООН в этой области, начало осуществляться планомерное наблюдение за состоянием планеты, включающее в себя создание системы наблюдения за состоянием окружающей среды, системы получения экологической информации, международную регистрацию вредных химических материалов и т. п. В 1982 г. в Найроби на аналогичной конференции уже поднимались как экологические проблемы

Выступление ректора университета Токай Тацура Манумаэ на 2-й Конференции ректоров университетов и директоров научно-исследовательских институтов азиатско-тихоокеанского региона, Токио, 7 августа 1989 г.

планетарного масштаба вопросы: влияния беспорядочного освоения новых земель и опустынивания на производство продовольствия; производства ядерного оружия, совершенствования бактериологического и химического оружия и т. п. Сегодня же общей для всего человечества становится проблема целостности, сохранения окружающей среды.

С другой стороны, благодаря совершенствованию техники наблюдений и измерений стало очевидным увеличение загрязнения окружающей среды продуктами жизнедеятельности человека. В особенности это касается промышленно развитых стран, которые, сами того не замечая, все дальше уходят по пути загрязнения среды обитания продуктами химии полимеров, созданной для поддержания на высоком уровне своей обеспеченной жизни, и другими отходами; расточительно обходятся с природными ресурсами, отдавая приоритет развитию экономики. Разрушение природы и загрязнение среды обитания сейчас происходят повсеместно — от дна морского до высших слоев (атмосферы). Сегодня мы не можем даже представить себе последствия, к которым может привести разрушение климата планеты.

Из-за разрушения озонового слоя под влиянием газов фреона усиливается поток ультрафиолетовых лучей, достигающий поверхности Земли. По данным искусственного спутника «Нимбус» (октябрь 1979 г.), наблюдалось уменьшение озонового слоя над Южным полюсом; в октябре 1987 г. четко отмечались уменьшенные границы озонового слоя, в нем начало просматриваться расширяющееся отверстие, получившее название «озоновая дыра».

Одна из тем нашей конференции — сотрудничество в деле сохранения окружающей среды; поэтому необходимо соединить усилия университетов и научно-исследовательских институтов азиатско-тихоокеанского региона, чтобы помочь сохранению среды обитания в условиях, когда планетарный масштаб приняли проблемы загрязнения атмосферы и водоемов, уменьшение зеленого покрова и опустынивание и т. п. Основная информация для этой работы начинается с анализа данных наблюдений за планетой и изменений в них. Эффективным орудием наблюдений стали искусственные спутники Земли. Именно они дали послужившую предостережением обширную информацию об изменениях в лесном покрове планеты и увеличении опустынивания. В только что приведенном примере спутниковая съемка ясно показала, как всего лишь за десять с небольшим лет джунгли Амазонки превратились в пустующие земли. Метеоспутник NOAA выявил изменения в размещении растительности во всех уголках планеты; стационарный метеоспутник, исходя из распределения снежного покрова на Земле, информировал об изменении границ районов выпадения осадков.

Мы можем наблюдать за изменением температуры морей и океанов и размещением планктона, движением течений и т. п. в глобальном масштабе, за рельефом и характером почв, растительным и животным миром, что делает возможным создание всеохватывающей мониторинговой системы наблюдения за планетой.

Пять спутников на стационарных орбитах обеспечивают постоянное наблюдение за средним поясом Земли; находящиеся на полярной орбите спутники, вращаясь с севера на юг или наоборот, делают возможным наблюдение за климатом и планетой с небольшой высоты.

На поверхности планеты постоянно происходят крупные землетрясения и извержения вулканов, наводнения и засухи; ущерб, причиняемый стихийными бедствиями, чрезвычайно велик. Известно извержение вулкана Асама в 1783 г., покрывшее мир вулканическим пеплом, что резко изменило климат на половине земного шара. В последние годы можно назвать извержение вулкана Святая Елена, также повлиявшее на климат планеты. В 1982 г. тучи пепла в течение трех недель после извержения вулкана Эль-Чичон (El Chichon) стояли над Землей, что четко зафиксировали искусственные спутники.

В последнее время чрезвычайно оживилась вулканическая деятельность в Японии, искусственный спутник отчетливо зафиксировал выбросы дыма вулканом Идзу Осима в регионе Токио. В 1986 г. дымовые выбросы этого вулкана были отмечены Центром космической информации университета Токай, засняты и опубликованы в печати.

Центр космической информации, проанализировав статистические данные о наиболее часто возникающих в восточной части полуострова Идзу очагах землетрясений и их перемещениях, сделал прогноз о постепенном смещении центра вулканической активности на северо-запад — в начале 1989 г. именно на северо-западе полуострова Осима, в море у города Ито, вновь заработал вулкан. Активизация вулканов продолжает нарастать

в северо-западном направлении, что дает основания предполагать там крупные изменения в земной коре. Это может быть крупным землетрясением и возобновлением извержений ранее «спавших» вулканов.

В отношении стихийных бедствий по мере развития техники наблюдения и прогнозирования также становится возможным постепенно брать ситуацию под контроль. До сих пор человек не имел четкого представления о возникающих в разных местах природных явлениях; развитие техники связи и наблюдения, расширение всемирной информационной сети сделают возможным в кратчайшие сроки оповещать обо всех событиях.

Я затронул здесь несколько проблем, а именно: 1) уменьшение площади тропических лесов; 2) наступление пустынь; 3) засухи и наводнения; 4) ущерб от стихийных бедствий; 5) загрязнение атмосферы и водоемов; 6) климатические аномалии; 7) информация о состоянии морей и океанов; 8) вулканическая деятельность и изменения в земной коре — и другие, относящиеся к экологии и физическим изменениям планеты, по которым, надеюсь, начнется сотрудничество между всеми университетами и научно-исследовательскими институтами, участвующими в нашей конференции, в форме обмена результатами исследований и создания информационной сети наблюдения и анализа данных. Успех подобного предприятия необычайно важен для существования человечества.

Хотел бы кратко рассказать об имеющихся в распоряжении университета Токай технических средствах по приему спутниковой информации и обработке получаемых изображений. Прием информации производится в Центре космической информации университета Токай в Кумамото на Кюсю. Сейчас информация идет со спутников: GMS (стационарный спутник), NOAA (метеоспутник) и MOS-1 (спутник наблюдения за водными бассейнами); в ближайшем будущем станет возможным прием информации от LANDSAT, J'ERS-1 (спутник наблюдения за поверхностью суши), ADEOS (спутник-наблюдатель) и др. Диапазон приема — около 3000 км. Получаемые снимки находят широкое применение в различных областях: землепользовании, разведке полезных ископаемых, исследовании морей и океанов, медицине, компьютерной графике, анализе строения земной коры, сохранении культурных богатств, контроле за загрязнением окружающей среды и т. д.

Чтобы защитить мир и окружающую среду в тихоокеанском регионе и воплотить в жизнь новую эпоху процветания, мы хотим создать систему сотрудничества между всеми заинтересованными университетами и учреждениями — таково предложение университета Токай.

Перевод с японского языка Ю. Е. БУГАЕВА

СИС: социум, информация, статистика

Экологическая проблема Китая

По мнению президента Академии наук КНР Чжоу Гуанчжао, Китай стоит перед лицом самого сурового в истории экологического кризиса и загрязнения окружающей среды. Если не принять экстренных мер, то они могут стать угрозой самому существованию китайской нации. Экологическая среда в стране переживает «процесс серьезного разрушения, деградации и загрязнения» в результате крупномасштабной деятельности человека. Площадь почв, подверженных эрозии, увеличилась почти на треть, ежегодно уносятся 5 млрд. т плодородного слоя; уменьшается лесной покров, годовые расходы древесины превышают ее прирост на 100 млн. м³; 51 млн. га достигла площадь деградированных степей; ежегодно на 1,5 тыс. км² расширяется площадь земель, превращенных в пустыни, что составляет уже 11,4 % территории страны; 150 млн. человек вынуждены использовать для питья загрязненную воду; в юго-западной части страны появились кислотные дожди; в Пекине и других городах образуются зоны туманов.

Лаосский вариант обновления

Е. БОГАТОВА,
Н. МАКАРОВ

В 80-е годы в странах Индокитая — Вьетнаме, Лаосе, Камбодже — постепенно расширяются и приобретают глубину процессы реформ. Степень радикальности и содержание их — при многих схожих чертах — различны, но все они охватывают и внутренние и внешние процессы социально-экономического и социально-политического развития: вопросы собственности, государственного управления, отношений с различными странами и пр. Для понимания сущности этих реформ важно помнить, что их реализация была объективно подготовлена самим ходом развития Вьетнама, Лаоса и Камбоджи после освобождения, когда — где постепенно, а где и сразу — стали отчетливо проявляться сковывающие производство и общественную жизнь последствия попыток подчинить экономику и политику идеологическим установкам, абстрактным, оторванным от реальной жизни идеям, основывавшимся на старом представлении о социализме, путях его развития, на желании немедленно перейти к новым формам организации производства и общества, быстро поднять материально-техническую базу.

В связи с этим все реформы, проводящиеся ныне во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, так или иначе связаны прежде всего с перестройкой мышления, переосмыслением подходов к путям развития, выработкой нового понимания основных проблем и противоречий общества и путей их разрешения. Не случайно обновление мышления выделяется как одно из главных звеньев общей политики обновления. В беседе с авторами этой статьи Кхамсай Суфанувонг, заместитель министра экономики, планирования и финансов ЛНДР (которого в Лаосе называют одним из «отцов» реформы), подчеркнул, что в Лаосе обычно не говорят — реформа, перестройка. Более распространен термин «переход к новому экономическому и политическому мышлению».

Радикальность нового мышления лаосского руководства, особенно в экономике, ярко проявилась в последние несколько лет — переводом экономики на полностью рыночные принципы ценообразования, признанием активной положительной роли частного сектора, проведением политики открытых дверей в области внешнеэкономических связей и другими предпринятыми шагами. Это привлекло внимание советских ученых, журналистов, разные аспекты лаосских реформ получили отражение на страницах советской печати. Однако, на наш взгляд, взаимосвязанной и полной картины — не только намерений, проводимых мер, но и результатов реформы — в Лаосе, особенно в последние годы, еще нет. Нам хотелось бы восполнить этот пробел, основываясь на материалах и впечатлениях, полученных в ходе командировки в Лаос в мае 1989 г., а также многочисленных бесед с лаосскими специалистами-практиками и учеными, на анализе документов НРПЛ и Совета Министров ЛНДР.

Основные принципы и идеи нового мышления

Подтверждая, что марксизм-ленинизм является идейной основой всей деятельности партии и государства, лаосские руководители подчеркивают, что они рассматривают верность идеям Маркса и Ленина не как буквальное следование, тем или иным установкам, а как освоение диалектики, принципов исторического и диалектического материализма,

Богатова Евгения Роменовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭМСС АН СССР.

Макаров Николай Александрович, кандидат экономических наук, заведующий сектором ИЭМСС АН СССР.

как ключ к поиску эффективных решений конкретных задач и проблем своей страны. «Общество постоянно эволюционирует, поэтому линия партии не может быть выработана раз и навсегда, напротив, она должна постоянно дополняться и совершенствоваться, исходя из реальных условий,— подчеркивалось на IV съезде ЛНДР¹. По образному выражению Кхамса Суфанувонга, стратегию можно представить в виде прямой координат, а тактику в виде синусоиды, то отдаляющейся, то приближающейся, но всегда тесно связанной со стратегией. Оставим в стороне обсуждение условности этого образа, а попытаемся разобраться: как в этой связи мыслится сейчас в Лаосе переживаемый страной период, как он соотносится с провозглашаемой целью развития — социализмом.

Следует подчеркнуть, что качественные характеристики самого социализма в Лаосе понимаются пока в русле традиционно развивавшейся в течение многих десятилетий в социалистических странах теории. Во всяком случае, они практически не обсуждаются. С точки зрения собственности — это экономика, базирующаяся на государственной и кооперативной формах собственности. В материалах IV съезда НРПЛ (ноябрь 1986 г.) об этом сказано так: «Цель процесса преобразований — превратить многоукладную экономику в социалистическую с единственным экономическим укладом — социалистическим, представленным двумя формами собственности: государственной и кооперативной»². С точки зрения материально-технической базы социализма — это крупное машинное производство, способное «обеспечить различные отрасли народного хозяйства современными машинами и оборудованием, превращение экономики, основанной на ручном труде, в экономику, базирующуюся на механизированном и частично автоматизированном производстве»³. Цитаты можно было бы продолжить, однако важно обратить внимание на другое.

Из практики своей деятельности в 1975—1986 гг. НРПЛ сделала вывод о том, что критерий социально-экономической эффективности — важнейший при оценке тех или иных мероприятий, конкретным результатом должно быть «постоянное увеличение производства, улучшение условий жизни народа, непрерывное и всестороннее укрепление и развитие социалистического строя»⁴. Последняя часть этого утверждения долгое время понималась как постоянное увеличение доли государственного и кооперативного секторов, изживание частного, укрепление диктатуры пролетариата и усиление позиций понимаемого в вышесказанном смысле социализма в борьбе «кто кого»? — ведь главным противоречием современного лаосского общества считалась борьба между социалистическим и капиталистическим путем развития. Однако такие действия на практике приводили к тому, что первые части того результата, который должен быть достигнут, — постоянное увеличение производства и улучшение жизни народа — реализовывались слабо и в сельскохозяйственной, и в промышленной сфере, и в сфере обращения. Примирить эти позиции не удавалось, так как в устанавливаемых «сверху» формах собственности и организации управления не было стимулов к развитию: уравнительное распределение, пассивное выполнение директив вышестоящих органов, отсутствие собственных накоплений и самостоятельности и др.

Выход из этого противоречия на IV съезде НРПЛ был найден через признание многоукладности экономики, изменение механизма хозяйствования в самом госсекторе. Процесс преобразований «не может быть завершен на начальном этапе переходного периода, он будет продолжаться в течение всего этого периода и даже позднее»⁵. Но на съезде в постановке вопроса была все-таки половинчатость. Признание многоукладности, несмотря на утверждение об ее объективной предопределенности низким уровнем развития производительных сил, выглядело как временная уступка: «В тех областях, где государство еще не в состоянии полностью обеспечить хозяйственную деятельность, а кооперативные хозяйства и частник справляются неплохо, они могут продолжать свою деятельность»⁶.

Из такой постановки неясно: а как быть в случае, если госпредприятие (в производстве, торговле) уже существует, а работает плохо? Может ли частник не продолжать, а начинать свою деятельность на месте неэффективной государственной организации? В 1988—1989 гг. ответ на этот вопрос был дан более последовательный, и не только теоретический, но и практический: вполне возможно пойти на снижение доли государственного и кооперативного секторов, если это на пользу развитию экономики, позволяет добиться лучших результатов. Так, вполне можно назвать проводимую сейчас политику в области внутренней торговли планомерным сокращением доли государственного сектора в розничном товарообороте⁷, поскольку практика показала, что частная

торговля во многих случаях функционирует гораздо оперативнее, лучше. Фактически отказались в Лаосе и от монополии госпредприятия в закупках риса, торговле нефтепродуктами⁶.

Сама жизнь привела к выводу: основным противоречием лаосского общества является на современном этапе не противоречие между капитализмом и социализмом, а противоречие между низким уровнем развития производительных сил и возрастающими потребностями общества. Существование различных типов и форм собственности и хозяйствования необходимо для разрешения этого противоречия, причем равенство их перед законом и перед рынком с точки зрения социальных прав и экономических условий, как считают в Лаосе, объективно следует из признания необходимости многоукладности. Идея равенства, конкуренции разных хозяйств — важная черта нового мышления, намеченная на IV съезде НРПЛ лишь пунктиром и развитая в материалах последующих пленумов ЦК НРПЛ.

По-новому понимая главное противоречие периода, признавая длительное существование различных укладов, НРПЛ в последнее время по-новому формулирует и сущность политического строя в стране. Ранее, в том числе и в документах IV съезда, характер политической власти в Лаосе трактовался как диктатура пролетариата, причем ставилась задача постоянного ее укрепления. Основой этой диктатуры, в соответствии с материалами съезда, являлся союз рабочего класса и крестьянства. Такая трактовка, в общем, традиционна, она восходит еще к начальным этапам существования социализма в мире как реального строя и стала со временем общим местом в программных документах партий в странах, провозгласивших строительство социализма в качестве основной задачи. При этом то обстоятельство, что промышленность в некоторых странах составляла лишь небольшую часть народного хозяйства, а рабочие (еще не сформировавшиеся в класс) — лишь несколько процентов от численности населения, не считалось противоречащим характеристике строя как диктатуры пролетариата. Строительство социализма представлялось делом быстрым и последовательно-поступательным, в результате чего будет обеспечиваться промышленный рост, доля рабочего класса — неуклонно возрастать, диктатура же его как класса в союзе с крестьянством (преимущественно кооперированным) будет упрочиваться. Другие слои общества, связанные с частными формами собственности, будут постепенно исчезать, так же как и сама частная собственность. Основными элементами диктатуры считалась партия — как ее ядро, государственные органы, массовые общественные организации, «воспитывающие, организующие и мобилизующие» народные массы на претворение в жизнь политики партии и правительства.

Такова вкратце логика обоснования диктатуры пролетариата в странах с неразвитой экономикой. Нетрудно видеть, что она во многом противоречит курсу на использование многоукладности, постепенный экономический рост на базе начальной активизации традиционных отраслей, ибо не позволяет консолидировать разные общественные силы, снять противостояние различных слоев населения. Новому курсу, по мнению лаосских товарищей, больше отвечает строй народной демократии, предусматривающий демократию для всех групп общества, всех наций и народностей. Пока, очевидно, это тоже скорее цель, чем реальность, однако гораздо более приближенная к требованиям жизни, отвечающая ее объективному развитию в большей степени, чем диктатура пролетариата.

Характеристика принципов нового мышления будет неполной, если мы не затронем внешнеэкономическую политику. В этой сфере отчетливо просматривается желание проводить политику открытых дверей, противопоставив ее узко понимавшейся ранее политике замкнутости внешнеэкономических связей исключительно на социалистические страны. Сохраняя общую установку на стратегическую опору на социалистические страны, прежде всего СССР, лаосское руководство исходит из идеи единого мира и необходимости использования преимущества связей с государствами различных систем, максимальной диверсификации внешних источников развития страны. При этом важно обратить внимание на желание по-новому подойти и к сотрудничеству с Советским Союзом, все больше в Лаосе утверждаются настроения ответственного отношения к помощи, увязки ее с реальными возможностями страны.

Даже такой краткий обзор некоторых принципиальных положений современной идеологии социально-экономического развития Лаоса позволяет, во-первых, обратить внимание на эволюцию подходов за период после IV съезда НРПЛ в сторону их

радикализации и, во-вторых, заметить приближение общих установок к реальной жизни, перенесение центра тяжести работы из области дискуссий «социализм или капитализм» в область решения практических задач развития в целях достижения более высокого уровня развития и жизни населения.

Теоретические принципы нового мышления — а его со всем основанием можно охарактеризовать и как возвращение к здоровому смыслу — в послесъездовский период были конкретизированы в решениях Совета Министров ЛНДР. Среди наиболее важных из них можно назвать пакет постановлений, принятых в марте 1988 г. по различным вопросам внутренней и внешней экономической политики³, а также временное положение об управлении и использовании сельскохозяйственных земель и угодий в ЛНДР (апрель 1989 г.). Закон об иностранных капиталовложениях (июль 1988 г.) и положение о порядке его применения (март 1989 г.).

Обратимся теперь к практике.

Практические аспекты нового мышления

Одно из главных направлений современной экономической политики в Лаосе заключается в преодолении натуральности народного хозяйства. С особой остротой эта задача стоит в сельском хозяйстве, где занято более 80 % населения, а на долю этой отрасли приходится 75 % производимого национального дохода. Лаосская деревня в основной своей массе находится на крайне низком уровне социально-экономического развития. сплошь и рядом еще не произошло отделение ремесла от земледелия, очень слабы экономические связи как внутри деревни, так и с внешним миром.

После 1975 г. проблемы сельского хозяйства в Лаосе пытались решить путем, привычным для стран, взявших курс на построение социализма, — созданием формально действующих производственных кооперативов. Естественно, не обошлось без помощи со стороны советников из социалистических стран с многолетним опытом коллективизации сельского хозяйства. Понадобился собственный опыт, в том числе негативный, чтобы повернуться к здоровому смыслу и признать, что и для Лаоса производственная кооперация в сельском хозяйстве, формальная и во многом принудительная, не подходит.

Тем не менее номинально кооперативы сохраняются в Лаосе и по настоящее время и охватывают примерно 60 % крестьянских дворов. Однако суть их меняется коренным образом, они фактически превращаются в посредников между крестьянином и другими хозяйственными субъектами в области материально-технического снабжения, различных видов обслуживания сельского хозяйства. Крестьянин получает полную производственную самостоятельность на земельном участке, который закрепляется за ним и размер которого зависит от количества трудоспособных в семье. Крестьяне-единоличники уравнены с членами кооперативов в налогообложении, размер которого устанавливается в зависимости от урожая на срок от 3 до 5 лет. Налог в рисоводстве собирается в основном в натуральной форме, в то же время намечается все более широко применять денежный налог не только на производителей технических культур и фруктов, но и риса.

Государство в своей налоговой политике в сельском хозяйстве проводит курс на поддержку кооперативных форм на селе. Так, от 10 до 25 % сельскохозяйственного налога остается в распоряжении кооперативов, которые выполняют преимущественно функции снабженческо-сбытовой кооперации.

Внесены серьезные изменения в систему закупок сельскохозяйственной продукции. Государственная монополия на закупки основной продовольственной культуры (риса) отменена: последние осуществляются наряду с государственными закупочными организациями частными торговцами, а также кооперативами.

По оценке, данной на состоявшемся в начале 1989 г. 7-м пленуме ЦК НРПЛ, перемены в аграрной политике дали первые результаты. Несмотря на засуху в 1988 г., цены на рис и снабжение городского населения этим продуктом питания оставались относительно стабильными.

Однако само по себе признание крестьянской семьи основным самостоятельным производителем на селе в условиях Лаоса не сможет обеспечить подъем сельского хозяйства, решить проблему самообеспечения страны продовольствием, диверсификации сельскохозяйственного производства, его товаризации.

На ближайшую перспективу в Лаосе выдвинута задача добиться решения продовольственной проблемы прежде всего и главным образом за счет увеличения производства риса. В этой области также наметились новые пути. Ранее проводилась установка на достижение самообеспечения продовольствием на уровне каждой провинции, теперь акцент делается на специализации товарного производства риса в 7 из 17 провинций республики. Первостепенное внимание уделяется увеличению кратности использования земли. Потенциальные возможности здесь огромны: из примерно 660 тыс. га, занятых под рисом, второй урожай собирают только на площади 10 тыс. га. В первую очередь подобное положение объясняется очень слабой системой ирригации, что не позволяет культивировать рис в сухой сезон.

Значительные потенциальные возможности существуют для интенсификации выращивания риса; в среднем урожайность этой культуры не превышает по стране 30 центнеров с гектара. Предпринимаются попытки внедрять прогрессивные агротехнические технологии, новые, более продуктивные сорта риса, в том числе из Филиппин, Таиланда, Вьетнама.

Однако «зеленая революция» идет в Лаосе с трудом и очень неравномерно. Здесь проявляется воздействие двух факторов — материального и личностного. Государство пока не имеет достаточных средств для широкомасштабного ирригационного строительства и расширения поливных угодий, эти мероприятия осуществляются прежде всего за счет мобилизации сил народа. Крестьяне неохотно идут на применение новых сортов риса, требующих дополнительных расходов на приобретение удобрений, инсектицидов. С другой стороны, ощущается психологический настрой лаосского крестьянства, воспитанный вековыми традициями, — отсутствие заинтересованности в наращивании товарного производства, слабая тяга к потреблению промышленных товаров. Такая ситуация во многом связана со специфическими условиями страны: низкая плотность населения, неразвитость транспортных инфраструктур, торговых связей, ненадежность финансово-кредитного механизма на селе.

Наиболее подготовлены условия к восприятию крестьянами новой аграрной политики в относительно развитых равнинных сельских районах вблизи городов, границы с Таиландом. Крестьяне этих районов быстрее осваивают новые сорта, агротехнические приемы. Товарность производства риса там достигает 15—17%. Наряду с ростом производства и доходов крестьян в лаосской деревне возникает и новое явление — имущественная дифференциация, появляются трения из-за земельных вопросов. Приобретение к рыночной экономике ведет к тому, что часть крестьян предпочитает земледелию занятие торговлей. Очевидно, на селе по мере его втягивания в товарно-денежные отношения потребуют своего решения вопросы эксплуатации, купли-продажи земли и т. д., а следовательно, повышения регулирующей роли государства в этих процессах.

Экономическая реформа развернулась и в сфере промышленного производства, которое в Лаосе находится в зачаточном состоянии: так, на его долю приходится всего 10% производимого национального дохода. На современном этапе взят курс на всемерное поощрение многоукладности в промышленном производстве.

Промышленное производство главным образом концентрируется в столичном округе Вьентьяна. Здесь насчитывается 26 государственных промышленных предприятий. В среднем на предприятии занято 70—80 рабочих. С 1988 года вся государственная промышленность переведена на хозрасчет. Вопросы планирования, снабжения, реализации готовой продукции, финансирования решаются предприятием самостоятельно. Существовавшие ранее отраслевые объединения распущены, и предприятия подчиняются непосредственно министерству. Для государственных промышленных предприятий устанавливается единственный директивный показатель — отчисления от прибыли.

Приведем пример конкретной деятельности государственного пивоваренного предприятия во Вьентьяне. До 1975 г. завод принадлежал французской фирме. С 1986 г. предприятие работает на условиях хозрасчета и самофинансирования. 70% сырья завод импортирует из Франции, ЧССР, Таиланда, Японии, Австралии по прямым связям. Валюту для импорта предприятие приобретает у Госбанка по курсу, который приближается к рыночному. Для финансирования внутренних расходов завод прибегает к кредиту в коммерческом банке под 13% годовых. 85% прибыли отчисляются в госбюджет. Несмотря на высокую рентабельность, руководство предприятия считает, что имеются существенные возможности для повышения эффективности работы, прежде всего за счет повышения производительности труда. Для сравнения приводится следую-

щий факт. При неизменных объемах производства при французских хозяевах на предприятии было занято 80 человек, в настоящее время — 200 человек. Озабоченность дирекции вызывает низкая квалификация рабочих, их производственная пассивность.

У предприятия имеются планы дальнейшего расширения производства. На эти цели получен кредит у Всемирного банка в размере 5 млн. долл. сроком на 5 лет под 4 % годовых. В качестве подрядчика выступит одна из 6 иностранных фирм, которые подали заявки на участие в конкурсе. Также рассматриваются возможности создания совместного предприятия, предложения на этот счет поступили от фирм Франции, Чехословакии, Финляндии и Таиланда.

Далеко не все государственные предприятия выдержали переход на хозрасчет. По данным плановой комиссии административного комитета Вьентьяна, 20 % госпредприятий убыточны. Часть из них будет реорганизована в рамках госсектора, другие будут либо превращены в акционерные, либо переданы кооперативам, частникам.

Промышленные кооперативы развития в Лаосе пока не получили. Одним из немногих в этой сфере является кооператив им. Второго декабря (Вьентьян), созданный в конце 1986 г. Организаторами кооператива выступили 12 семей. Ныне членами кооператива являются 52 семьи, а количество работающих увеличилось с 25 до 218 человек, в т. ч. 20 человек представляют управленческий аппарат. Высшим органом кооператива является выборное правление из 5 человек, возглавляемое председателем. Кооператив представляет собой многопрофильную организацию. Помимо промышленного производства (зубочистки и начиная с 1989 г. паркет), кооператив занимается выращиванием кофе, ремонтом оборудования и торговлей своей продукцией.

В 1988 г. доходы кооператива составили 247 млн. кип, в т. ч. чистая прибыль — 28 млн. кип. 65 % прибыли распределяются по паям членам кооператива, а также идут на выплату владельцам акций из расчета 7 % от стоимости акций в квартал. 15 % прибыли отчисляются в фонд социального обеспечения, 15 — направляются на развитие производства и 5 % составляют премиальный фонд. Средняя зарплата работников кооператива — 15 тыс. кип в месяц, что несколько меньше, чем на государственных предприятиях. Однако, учитывая тот факт, что практически все занятые в кооперативе являются его членами, их доходы значительно выше, чем у государственных рабочих. 6 % от доходов кооператив выплачивает государству в качестве налога. Кооператив пользуется услугами государственных банков, в т. ч. для получения валютных кредитов. Кооператив имеет право выхода на внешний рынок, он поддерживает торговые связи с ФРГ, Японией, Таиландом, Сингапуром. Внешнеэкономическими связями занимается специальное подразделение из 3 специалистов. Один из них — таиландец, который представляет интересы кооператива в Бангкоке.

В последнее время увеличилось число частных предприятий, во Вьентьяне их количество в промышленности и транспорте достигло 470. Численность наемных рабочих на этих предприятиях не ограничивается, но в настоящее время количество наемных рабочих на этих предприятиях, как правило, не превышает 20—30 человек. Более активно частный сектор развивается в сфере торговли, общественного питания, услуг, где только во Вьентьяне насчитывается около 4500 частных предприятий.

Наиболее характерной чертой экономических реформ в Лаосе является, на наш взгляд, стремление избавиться от прямого государственного вмешательства в хозяйственные процессы, от несвойственных государству функций непосредственного предпринимательства. Подтверждением этому может служить сознательное постепенное сокращение государственной розничной торговли, расширение кооперативного, смешанного и частного секторов в оптовой торговле. До минимума сведена роль централизованного ценообразования. Органом административного управления запрещено оказывать давление на ценообразование. Правительство республики устанавливает цены только на электроэнергию, почтовые и транспортные услуги. Все остальные цены определяются рынком или по договоренности.

В условиях перехода на рыночные методы хозяйствования, формирования многоукладной экономики роль государства, как считают в Лаосе, должна возрастать, но не как производителя или торговца, а как системы, выявляющей и согласующей интересы различных слоев населения, вырабатывающей генеральные направления развития народного хозяйства и его цели, обеспечивающей достижение этих целей на основе правовых

и экономических мер. Среди этих мер важное место уделяется созданию эффективного кредитно-банковского механизма.

В марте 1988 г. Советом Министров ЛНДР было принято постановление о переводе банковской деятельности на рельсы социалистического предпринимательства. В среде лаосских специалистов этот процесс чаще называют восстановлением банковской системы, что, пожалуй, более точно отражает его содержание. Дело в том, что существовавший ранее единственный Государственный банк по своей сути представлял собой лишь придаток административно-бюрократического механизма управления.

В настоящее время в республике формируется двухуровневая система государственных банков. Помимо центрального Государственного банка, за которым сохраняются функции денежной эмиссии, общего руководства денежным обращением, проведения единой политики в области кредитования и т. д., на местах на основе прежних отделений Госбанка образуются коммерческие банки.

Отношения между Госбанком и коммерческими банками строятся по вертикали. Директор Госбанка утверждает структуру и начальный капитал коммерческого банка. Госбанк представляет коммерческим банкам кредиты. До 20 % первоначального капитала и до 30 % накоплений коммерческие банки обязаны хранить в центральном Госбанке, что должно создавать материальную базу для регулирования деятельности коммерческих банков. На современном этапе кредитные ставки в стране определяются Госбанком, в дальнейшем предполагается, что коммерческие банки будут самостоятельно определять эти ставки.

Коммерческие банки предоставляют кредиты всем хозяйственным субъектам, независимо от их принадлежности к тому или иному экономическому укладу. Величина процента зависит от сферы приложения кредита. Так, в сельском хозяйстве ставка краткосрочного кредита (до 1 года) составляет 10 %, в промышленности — 12, в торговле, обслуживании, общественном питании — 15 %. Коммерческим банкам предоставлено право приобретать акции других хозяйственных и производственных организаций, выпускать собственные акции, непосредственно вкладывать капитал в развитие производственно-хозяйственной деятельности, а также покупать и продавать иностранную валюту. В Лаосе отсутствует жесткая система закрепления предприятий и хозяйственных организаций за тем или иным банком, здесь им предоставлена свобода выбора.

Следует отметить, что перестройка банковской системы пока ограничивается рамками государственной сферы, допускается лишь создание акционерных банков, еще не решен вопрос о допущении частного и кооперативных организаций в область кредитно-банковской деятельности. Более активно идет создание совместных банков с частными банками из капиталистических стран; уже подписаны первые соглашения с банками Таиланда и Брунея. Оживляются деловые связи Лаоса с международными финансовыми организациями. Международный валютный фонд, Азиатский банк развития, Всемирный банк оказывают методологическую и техническую помощь в перестройке банковской системы в Лаосе, направляют своих советников, принимают лаосских специалистов на практику и стажировку.

Перестройка и активизация работы банковской системы становятся все более актуальными задачами в связи с практической реализацией политики открытости внешнему миру, привлечением иностранного капитала не только в традиционных формах безвозмездной помощи и кредитов, но и в виде производительных инвестиций. В 1988—1989 гг. были разработаны основные принципы функционирования иностранного капитала на территории Лаоса в трех основных формах — деловое сотрудничество (объединение средств сторон для совместной предпринимательской деятельности без создания совместного предприятия как юридического лица), совместное предприятие (где доля иностранного инвестора не должна быть ниже 30 %), предприятие, полностью являющееся собственностью иностранного инвестора¹⁰. Иностранные инвестиции разрешаются практически во всех отраслях, за исключением проектов, наносящих ущерб охране окружающей среды, суверенитету и правопорядку Лаоса, а также тех сфер деятельности, где используется в основном привозное сырье или производятся товары, реализуемые на внутреннем рынке, но не замещающие импортную продукцию. Не приветствуются соглашения, в которых участвует неплатежеспособный инвестор, а также используется отсталая техника и технология. Правительство ЛНДР поощряет иностранные инвестиции, предусматривающие создание и развитие экспорториентированных производств, объектов инфраструктуры, предприятий, оснащенных высоко-

эффективной технологией и выпускающих нетрудоемкие виды продукции, использующих отечественное сырье.

За порядок осуществления капиталовложений в Лаосе отвечает Комитет по руководству иностранными инвестициями, возглавляемый председателем Совета Министров ЛНДР. Комитет обладает широким кругом полномочий: он обсуждает инвестиционные проекты и дает разрешение на их осуществление, утверждает уставы предприятий, контролирует их деятельность, решает вопросы снижения налоговых ставок и освобождения от налогообложения. Предприятия с участием иностранных инвесторов действуют на принципах полной хозяйственной и финансовой самостоятельности, государство не устанавливает для них каких-либо директивных показателей. Трудовые отношения регулируются трудовыми договорами между нанимателем и работником, при этом соблюдаются принципы минимальной оплаты труда — выше, чем у работников государственных предприятий, имеющих сходные условия производства и месторасположения. Работники предприятий с участием иностранного капитала, не имеющие постоянного местожительства в Лаосе, выплачивают подоходный налог в 5 % с месячной суммы до 100 долл. и в 10 % — свыше 100 долл.

Следует отметить, что в целом уровень налогообложения прибыли предприятий достаточно высок: в зависимости от отрасли он составляет от 20 до 50 % чистой прибыли (в аналогичном законодательстве СРВ, например, уровень налогов определен в 21—25 %, в льготных случаях — 15—20 %). Правда, оговорена возможность снижения налогов по решению Комитета по руководству инвестициями в каждом отдельном случае¹¹. Предусматривается и возможность освобождения от налогов части чистой прибыли при условии ее реинвестирования в течение трех лет. Лаосские нормативные акты исходят из требований валютной самокупаемости предприятий (кроме объектов инфраструктуры и производства товаров, заменяющих ныне импортируемые), они гарантируют иностранным инвесторам и занятым на предприятиях иностранным рабочим право перевода принадлежащей им валюты в свою или любую третью страну.

Таковы общие условия инвестиций. Уже из их анализа видно, что они довольно жесткие и практически во всем зависят от решения высших органов власти Лаоса (в лице Комитета по руководству инвестициями). В принципе такая жесткость вполне объяснима, так как Лаос — страна небольшая (население — около 4 млн. человек) по сравнению, например, с соседним Таиландом (54 млн. человек), где народ лао составляет четверть всего населения, и проблемы национального суверенитета для страны актуальны. Как видно из приведенных правовых норм, в них вопрос контроля над иностранным предпринимательством не ставится в узком смысле — как ограничение доли иностранных инвестиций 49 % в капитале совместных предприятий (СП) и т. п. Однако довольно детальный перечень вопросов, освещение которых необходимо при подаче заявлений на инвестиции, широкие полномочия Комитета по руководству инвестициями призваны создать гарантии государственного контроля. Кроме того, в Лаосе считают, что развитие ряда ключевых сфер (строительство имеющих стратегическое значение мостов, аэродромов, линий связи) возможно лишь с участием дружественных стран. Высокий же уровень налогообложения иностранных инвестиций указывает на желание лаосского руководства сделать их существенным фактором пополнения госбюджета¹².

Относительно жесткий характер утверждения инвестиций и контроля над ними в совокупности с недостаточной развитостью внутренних условий для капиталовложений (с точки зрения связи, транспорта, наличия предприимчивых партнеров и др.) являются сдерживающими факторами для иностранных инвесторов. Пока же объем инвестиций не очень велик, их структура традиционна.

В период с августа 1988 г. по начало мая 1989 г. были поданы заявки на 93 проекта. Из 72 проектов, формы которых были определены, 30 предлагались на условиях совместных предприятий, 3 — договорных соглашений, 31 — полностью иностранными предприятиями. Из 93 проектов 67 — с участием Таиланда, 5 — с лаосскими эмигрантами в США, 4 — с участием Франции, по 3 — с участием Гонконга и Швеции, 2 — с Австралией и по одному — с СССР, Брунеем, Китаем, Тайванем, Канадой, Венгрией, Вьетнамом. Большая часть проектов предусматривает деятельность в сфере лесопереработки, горнодобывающей промышленности (в основном драгоценные камни), пошива одежды на экспорт, торговли (в том числе внешней), сфере обслуживания и туризма. К маю 1989 г. были выданы разрешения на реализацию 34 программ с общим объемом инвестиций в 41,9 млн. долл., из которых около 31 млн. составили иностранные капиталовложения,

а около 11 млн. — внутренние, причем если взять только совместные проекты (договорные и на условиях СП), то доля иностранных инвестиций здесь не превышает 50 %. Это свидетельствует о пока осторожном отношении вкладчиков к инвестициям в лаосскую экономику совместно с лаосской стороной.

Процесс инвестиций в настоящее время продолжается, но, по-видимому, нет оснований ожидать в ближайшее время бума в этой области. Конкуренция за инвестиции в районе Юго-Восточной Азии велика, в этот процесс включились теперь уже все страны Индокитая — и Вьетнам, и Камбоджа. Лаос не располагает некоторыми преимуществами — такими, например, как выход к морю, — но существуют благоприятные обстоятельства другого порядка — близость к Таиланду, стабильность политического строя. Многое будет зависеть от линии самого Лаоса в поиске своего места в международных экономических и политических связях, а также от того, сумеет ли ЛНДР в процессе развития экономики сохранить ряд положительных моментов, действующих ныне, в частности относительную стабильность денежной единицы.

В вопросе поддержания стабильности экономики как в фокусе отражаются насущные проблемы современного этапа лаосской реформы. Первый принципиальный шаг сделан — заложены основы для изменения отношений собственности, функционирования самостоятельных хозяйствующих субъектов. Теперь разворачивается следующий этап — на основе нового механизма, и все острее обозначаются болевые точки развития. С конца 1988 г. наметилось повышение темпов роста цен, в основном на промышленные товары, ускоряется инфляция. Специалисты приводят разные данные: некоторые определяют рост инфляции в 1988 г. в 8—10 % (данные Министерства торговли и внешнеэкономических связей ЛНДР на основе рыночного курса кипа к доллару), другие — в 27 % (такой вывод сделали специалисты Госбанка ЛНДР на основе расчета индекса розничных цен на основные товары). Во всяком случае, по общей оценке, в 1989 г. инфляция возросла, что связано с рядом факторов. Один из них — следствие перестройки государственного сектора экономики. С апреля 1989 г. государственные рабочие и служащие полностью переведены на денежную оплату труда, тогда как ранее они получали в денежной форме только 10 % зарплаты, остальную часть же отоваривали в безналичной форме в специальных государственных магазинах-распределителях по низким ценам. Рост цен обусловлен и тем, что в 1988 г. ликвидирована система двух цен: государственного сектора и свободного рынка, госсектор перешел на рыночные цены.

Развитие производственной и финансовой самостоятельности предприятий при одновременном сохранении слабо увязанного с их эффективностью бюджетного финансирования дает возможность повышать цены, оберегает предприятия от конкурентного давления. В то же время обостряется бюджетный дефицит, дефицит наличных денег. В 1988 г. расходы государственного бюджета превысили внутренние доходы на 24,3 млрд. кип, при этом основная часть бюджетного дефицита была покрыта за счет иностранной помощи и кредитов (16,3 млрд. кип).

Дестабилизирующее влияние на рынок, денежную систему оказывают и валютные проблемы. Здесь следует обратить внимание на следующий факт. Лаос раньше, чем соседний Вьетнам, да и другие социалистические страны, перешел на официальный валютный курс, приближенный к рыночному. С легкой руки некоторых советских журналистов Лаос стал причисляться к странам со свободно конвертируемой национальной валютой. По сути же, эта мера означала лишь первый шаг на пути формирования официального внутреннего валютного рынка. Понижение курса национальной валюты — известный в мировой практике инструмент денежной политики в целях создания основы для сопоставимости внутренних и внешних издержек, поощрения экспорта, пресечения излишней расточительности импорта.

Вместе с тем наиболее сложной задачей является поддержание относительно стабильного курса, что в условиях Лаоса крайне трудно осуществить. В связи с политикой внешней открытости, расширением свободы участия различных хозяйственных субъектов во внешнеэкономических связях в стране значительно возрос спрос на иностранную валюту, а государство не имеет соответствующих ресурсов для поддержания стабильного курса лаосского кипа, в результате разрыв между официальным и рыночным курсами стал увеличиваться, а в целом курс кипа к доллару падает и цены на лаосском рынке растут¹³. Государственный банк оказался не в состоянии обеспечивать спрос

на доллары в обмен на кипы. Таким образом, есть основания предполагать в дальнейшем обострение финансовых проблем в Лаосе.

* * *

По-видимому, при рассмотрении лаосской реформы не следует пребывать в эйфории и говорить о «лаосском чуде», «лаосском феномене». Феномен лаосского варианта обновления, пожалуй, лишь в той радикальности, с которой в стране решились на введение рыночных механизмов, в то время как в других странах, отказывающихся от старой административной системы, этот процесс шел и, добавим, идет дольше и мучительнее. Но теперь страна стоит перед новыми серьезными проблемами, решение которых будет, очевидно, делом небыстрым и непростым.

В данной статье мы специально не затрагивали социально-политические аспекты лаосского обновления, однако хотим подчеркнуть: попытки проведения экономического курса, выходящего за рамки привычных представлений о социалистическом пути развития, сопровождаются усилением противоречий между сторонниками этого курса и ревнителями «чистоты марксизма-ленинизма». Вместе с тем становится все более очевидным, что логика реформ, поиска путей решения возникающих в их ходе проблем социального и экономического порядка, все настоятельнее требуют обновления в сфере идеологии и политики.

¹ IV съезд Народно-революционной партии Лаоса. Вьентьян, 13—15 ноября 1986 г.— М., 1987.— С. 18.

² Там же.— С. 33.

³ Там же.— С. 30.

⁴ Там же.— С. 22.

⁵ Там же.— С. 33.

⁶ Там же.

⁷ Так, по данным лаосской статистики, доля частной торговли в розничном товарообороте составила в 1986 г. 40 %, а по плану 1989 г. ее удельный вес должен вырасти до 60 %. При этом основную часть оптовой торговли государство намерено держать в своих руках.

⁸ 2 января 1989 г. директивой канцелярии Совета Министров ЛНДР упразднена централизованная организация продовольственного снабжения, а 11 января другой директивой было разрешено Министерству торговли и внешнеэкономических связей ЛНДР выдавать разрешения государственно-частным и частным компаниям на закупку риса в стране и за рубежом.

⁹ Речь идет о постановлениях, принятых 12 марта 1988 г.: «О налоговой политике государства», «О новых направлениях планирования», «О переводе банковской деятельности на рельсы социалистического предпринимательства», «О мерах по расширению товарно-денежного обращения», «О монополии государства на внешнюю торговлю», «О государственной политике цен», «О переводе торговли на хозрасчет как в центре, так и на местах», «О политике в отношении частного сектора в экономике, частных лиц, занимающихся производством в сельском, лесном хозяйстве, промышленности, строительстве, транспорте, сфере услуг и кустарных промыслах», «О политике в отношении государственно-частных предприятий», «О монополии государства в области экспорта товаров стратегического значения», «О праве на хозяйственную самостоятельность государственных предприятий на местах».

¹⁰ В лаосском законодательстве определено, что совместные предприятия создаются сроком до 20 лет, а полностью иностранные — до 15 лет. В ряде случаев период деятельности может быть продлен (если предприятия крупные, медленно окупаются, если они важны для народного хозяйства и др.) или же, напротив, сокращен (по решению участников или по распоряжению Комитета по руководству инвестициями).

¹¹ Например, налоги могут быть снижены на 2—5 %, если предприятие отвечает как минимум трем из следующих условий: а) доля экспортной продукции — более 70 % производимых предприятием товаров; б) доля использованного лаосского сырья — более 70 %; в) используется ресурсосберегающая прогрессивная технология; г) предприятие создается в неблагоприятных природно-климатических, социально-экономических условиях; д) имеет низкую рентабельность, но важное народнохозяйственное значение; е) создается до 1995 г.

¹² Ради полноты картины следует отметить, что в Лаосе вообще установлены высокие ставки налога в производственной сфере, прежде всего в промышленности. Так, промышленные предприятия облагаются налогом в зависимости от отрасли в 20—85 % прибыли. В то же время в ремесленном и кустарном производстве, сфере торговли и обслуживания уровень налогообложения составляет 1—15 %.

¹³ Для сравнения: в декабре 1988 г. Госбанк ЛНДР менял 1 доллар на 420 кип, в мае 1989 г.— на 350, а в конце августа 1989 г.— на 670 кип (рыночный курс доллара во Вьентьяне в мае составлял 600 кип, в конце августа 720 кип).

За совместное предпринимательство

М. КУРЯЧЕВ

Советско-японские отношения обладают большими потенциальными возможностями нормального развития. С учетом роли и значения СССР и Японии в современном мире оно может стать одним из решающих факторов для стабилизации и потепления политического климата в азиатско-тихоокеанском регионе, оказать позитивное влияние на всю мировую обстановку.

Деловое сотрудничество — важнейшая составляющая двусторонних отношений. В этом плане советско-японские экономические связи явно отстают по ряду важнейших параметров от аналогичных связей наших стран с другими государствами как капиталистического, так и некапиталистического мира. Вместе с тем, и это неоднократно отмечалось на самом высоком уровне в обеих странах, несмотря на имеющиеся недостатки, существует реальная экономическая заинтересованность в развитии связей между СССР и Японией, большем разнообразии этих связей и форм их осуществления.

Говорилось об этом и на очередном, XII совместном совещании Советско-японского и Японо-советского комитета по экономическому сотрудничеству, проходившем в Москве 23—25 августа 1989 г. Советскую делегацию возглавил председатель Советско-японского комитета, председатель президиума ТПП СССР В. Л. Малькевич. Японскую — заместитель председателя Японо-советского комитета, председатель совета директоров фирмы «Комацу» Р. Каваи.

Более 500 представителей советских внешнеэкономических организаций, предприятий и ассоциаций, крупнейших торговых и промышленных фирм Японии провели широкий и конструктивный обмен мнениями по различным вопросам делового сотрудничества. Большинство выступавших сошлись в том, что в двусторонних отношениях назрела насущная потребность в переходе на новую модель торгово-экономического сотрудничества, которая соответствовала бы прогрессивным изменениям в экономической структуре обеих стран, требованиям научно-технического прогресса, новейшим направлениям международного разделения труда. Глава советской делегации рассказал японским коллегам об особенностях нового подхода в СССР к развитию внешнеэкономических связей. Было подчеркнуто, что перемены призваны сделать советскую экономику более открытой, создать современный экспортный потенциал, дать советским производителям выход на внешний рынок, привлечь иностранные фирмы к участию в проектах, осуществляемых в СССР. На международную экономическую арену нас влечет хозяйственная необходимость, императивы экономической эффективности.

Реформа организационной структуры внешнеэкономических связей СССР продолжается, приобретая все более глубокий характер. Основное ее содержание можно свести к трем моментам: децентрализация; развитие экономических методов управления и стимулирования экспорта; диверсификация форм экономического сотрудничества.

Суть этих преобразований состоит в переносе центра тяжести во внешнеэкономической сфере с ограниченного числа внешнеторговых объединений системы бывших Минвнешторга и ГКЭС, осуществляющих функции комиссионеров, непосредственно на основную структурную единицу экономики — предприятие. На практике это означает передачу большей части внешнеторговых операций, в первую очередь по экспорту товаров и услуг, самим производителям.

Японские участники высоко оценили перемены, происходящие в СССР. Как заявил

Курячев Михаил Васильевич, ответственный секретарь Советско-японского комитета по экономическому сотрудничеству.

Р. Кавани, «значительные перемены и созидательная мощь перестройки впечатляют, ее поступь привлекает внимание не только в Японии, но и во всем мире. Являющиеся частью перестройки экономическое раскрепощение и дипломатия сотрудничества с Западом оказывают позитивное воздействие на политическую ситуацию в мире».

В целом, по мнению участников совещания, реформа внешнеэкономических связей СССР создает благоприятные условия для формирования новой интенсивной модели советско-японского экономического сотрудничества.

В то же время отмечалось, что торгово-экономические отношения с Японией в последние годы развиваются в сложной и противоречивой обстановке: только в 1988 г. удалось преодолеть неблагоприятную тенденцию к снижению объема двусторонней торговли и добиться восстановления уровня товарооборота до 3,1 млрд. руб. Причем впервые советский экспорт в Японию превысил отметку в 1 млрд. руб. В то же время благоприятный товарооборот 1988 г. во многом объясняется ростом курса иены и падением курса доллара; к сожалению, не произошло кардинальных изменений в структуре торговли. В этих условиях представители обеих стран не могут только удовлетворяться внешне благоприятными результатами развития японо-советской торговли, но должны искать пути кардинального расширения торгово-экономических отношений на здоровой и взаимовыгодной основе.

Однако в структурном отношении существенных сдвигов в советско-японской торговле пока не отмечается: увеличение советского экспорта происходит за счет роста цен и некоторого расширения физического объема поставок традиционных товаров (лес, уголь, нефтепродукты, цветные и редкие металлы); мало меняется структура импорта Японии, совершенно не отвечающая ни прогрессивным сдвигам в ее экономике, ни товарному наполнению японского экспорта в другие страны. Не происходит заметных подвижек в области прибрежной торговли. Весьма скромны результаты по развитию новых форм сотрудничества с японскими фирмами.

Сейчас экономический обмен между СССР и Японией находится как бы на перепутье. События прошедшего полуторалетия свидетельствуют об известном оживлении усилий сторон по активизации взаимных связей. И тем не менее обе стороны вряд ли могут быть удовлетворены современным состоянием деловых связей, которые ни по масштабам, ни по структуре далеко не соответствуют потенциалу двух крупных экономических держав.

В Советском Союзе отдают себе отчет в том, что во многом трудности и проблемы советско-японских экономических отношений сопряжены с общим состоянием народного хозяйства СССР, и особенно отставанием экспортной базы, в том числе на Дальнем Востоке; с узостью номенклатуры советского экспорта. В то же время правомерно ставить вопрос и о дефиците позитива в подходе японской стороны в решении ряда организационно-правовых проблем. Так, остаются без внимания советские инициативы по заключению межправительственного долгосрочного соглашения о принципах экономического и промышленного сотрудничества, о прибрежной торговле, о взаимной защите инвестиций. По-прежнему не встречают поддержки японских властей предложения советской стороны об открытии в Японии представительств ТПП СССР, ряда внешнеэкономических организаций, Внешэкономбанка.

Выход из создавшегося положения лежит прежде всего в развертывании новых форм сотрудничества. Особенно интенсивно обсуждались вопросы создания совместных предприятий. В последнее время этот процесс значительно активизировался в Дальневосточном экономическом районе не только с партнерами из числа стран азиатско-тихоокеанского региона, но и с Бразилией, Англией, Италией и ФРГ. Новым фактором стало развитие делового сотрудничества советских предприятий с фирмами Южной Кореи. Достижения японских компаний в данном процессе пока весьма скромны: всего 19 совместных предприятий на территории СССР, несмотря на то что в ближайшем к Японии дальневосточном регионе созданы наиболее льготные условия для функционирования подобных предприятий. Создавая у себя советско-японские совместные предприятия, СССР рассчитывает и на содействие японских официальных и деловых кругов в организации подобных СП на территории Японии. На первом этапе ими могли бы стать акционерные фирмы по сбыту в Японии и на рынках третьих стран таких советских товаров и услуг, как лес, пиломатериалы, станки, бриллианты, морепродукты, лицензии и т. д.

Японская делегация, положительно оценивая сам факт развертывания совместного предпринимательства между двумя странами, упор сделала на трудностях в этой области. Как заявил Р. Каваи, «результаты создания совместных японо-советских предприятий не соответствуют ожиданиям советской стороны».

Отмечая, что создано крайне мало совместных японо-советских предприятий в сравнении с США и европейскими странами, Р. Каваи подчеркнул, что «преимущественным регионом сотрудничества между Японией и Советским Союзом является Сибирь и Дальний Восток, инфраструктура в которых неразвита по сравнению с европейской частью страны, являющейся основным регионом сотрудничества с европейскими странами и США. Инвестиционный климат в Сибири и на Дальнем Востоке, отделенных географически от Японии Японским морем, хуже, чем в европейской части, которая сушей соединена с западными странами. Нам хотелось бы достичь понимания советской стороной, что, если не будет обеспечена инфраструктура, японские фирмы не смогут принять участия в создании совместных предприятий».

Новые формы и направления сотрудничества рассматривались в каждом из 11 подкомитетов совещания.

В рамках подкомитетов по торговле стороны обсудили вопросы, связанные с состоянием и перспективами взаимных торгово-экономических отношений, включая проблемы создания совместных предприятий, финансовые связи, условия пребывания в СССР представителей японских фирм, развитие экономического сотрудничества с предприятиями и организациями РСФСР.

Подкомитеты по углю обсудили выполнение действующего Генерального соглашения по разработке Южно-Якутского угольного месторождения, а также возможности налаживания сотрудничества по энергетическим углям. Было отмечено нормальное в целом положение в этой области. В результате оживления конъюнктуры в сталелитейной промышленности Япония увеличивает закупки советского угля: в 1987 фин. г. — 4,9 млн. т, в 1988 фин. г. — 5,25 млн. т. На 1989 фин. г. заключен контракт на поставку 5,5 млн. т. Тем не менее, как отметила советская сторона, с 1985 г. накопилось 5,7 млн. т недопоставленного угля в результате того, что японские компании не в полном объеме выполняют свои обязательства.

На заседании подкомитетов по лесу рассматривалось состояние лесной торговли и развитие сотрудничества в комплексном использовании лесных ресурсов Дальнего Востока и Сибири, был обсужден ход переговоров по заключению 4-го Генерального соглашения о разработке лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Подкомитеты по технологической щепе обсудили выполнение 2-го Генерального соглашения. В 1989 г. положение с поставками технологической щепы и балансового долготья в Японию улучшилось, хотя некоторое отставание от намеченных объемов не преодолено. Японская сторона обратила внимание на то, что поставки щепы составляют 60 % контрактного количества и имеются проблемы, связанные с ее засоренностью.

Подкомитеты по целлюлозно-бумажной промышленности сконцентрировались на вопросах сотрудничества, связанного с реконструкцией целлюлозно-бумажного комбината на острове Сахалин и улучшением экологической обстановки на Амурском ЦКК на Дальнем Востоке. Стороны договорились о создании рабочей группы для рассмотрения вопросов по этим проектам.

В подкомитетах по Сахалинскому проекту стороны подтвердили наличие запасов нефти и газа в двух открытых месторождениях Чайво и Одопу. Констатировалось, что условия разработки здесь являются суровыми. Была достигнута договоренность о продолжении поиска взаимоприемлемых вариантов реализации проекта.

На заседании подкомитетов по химии состоялось обсуждение перспектив научно-технического и экономического сотрудничества в области химической промышленности, в том числе в форме организации совместных предприятий. Стороны констатировали, что в завершающей фазе находятся переговоры по ряду крупных проектов, разработано технико-экономическое обоснование по созданию совместных предприятий в Западной Сибири, подписан контракт на поставку оборудования для реконструкции производства нитей «спандекс» на компенсационной основе. Реализацию планов сотрудничества тормозит плохое состояние портового хозяйства Дальнего Востока и отсутствие там мощностей по хранению и перевалке наливных химпродуктов, а также удобрений.

Эта проблема рассматривалась и подкомитетами по портам и транспорту, где состоялся обмен мнениями о состоянии и перспективах совместного сотрудничества в области

развития порта Восточный и других портов Дальнего Востока. Было, в частности, отмечено, что в 1988 г. закуплено оборудование второй очереди угольного комплекса порта Восточный. Продолжают оставаться на повестке дня вопросы строительства комплексов по погрузке калийных солей, а также фруктов и овощей во Владивостоке. В целом была отмечена заинтересованность сторон продолжить сотрудничество в этой сфере.

При обсуждении деятельности подкомитетов по научно-техническому сотрудничеству советская сторона высказалась за активизацию в этой сфере. В настоящее время в рамках программ научно-технического сотрудничества на межправительственном уровне предусмотрены работы по семи темам: термоядерному синтезу, волновым зубчатым системам, радиационной медицине, созданию искусственного сердца, сельскому хозяйству и др. Действуют 18 соглашений о научно-техническом сотрудничестве с крупнейшими торговыми и промышленными фирмами Японии. Было решено продолжить обсуждение вопросов, связанных с возможным проведением в Японии в 1991 г. выставки советских научно-технических достижений и организации в Москве советско-японского «круглого стола» по вопросам совершенствования и расширения научно-технических связей между двумя странами.

Происходящие коренные изменения во внешнеэкономическом курсе Советского Союза вызвали к жизни новое направление делового сотрудничества, связанное с конверсией ряда отраслей оборонной промышленности и их переходом к производству товаров, в которых сейчас наиболее остро нуждается народное хозяйство СССР. Глава советской делегации В. Л. Малькевич передал руководителю японской стороны Р. Кавай перечень передовых технологий, новых материалов и оборудования, созданных в СССР, которые могли бы поработать в мирных целях. Предложения советской делегации по развитию сотрудничества в этой области вызвали большой интерес у японских участников совещания и в подкомитетах. Стороны подтвердили обоюдное намерение идти вперед в этом направлении, в том числе на основе совместного использования и освоения передовых советских технологий и разработок.

На XII совместном совещании впервые начали свою деятельность два новых подкомитета — по Дальнему Востоку и по туризму. Целью работы первого подкомитета стало определение конкретных объектов сотрудничества в регионе, в том числе на основе создания совместных предприятий и зон свободного предпринимательства (ЗСП).

Советская сторона изложила свою концепцию ЗСП. Под ними понимаются специально выделенные участки хозяйственной территории с особо благоприятными условиями для развития совместного предпринимательства. Стимулами инвестиций призваны служить льготы в области налогообложения, валютно-финансового, социального, таможенного регулирования, благоприятные природные условия, выгодное географическое расположение. Эти преимущества и льготы будут распространяться как на зарубежных инвесторов, так и на советские предприятия. В рамках зон особую активность будут проявлять межотраслевые объединения, консорциумы, акционерные общества с участием как советского, так и иностранного капитала. Зоны остаются частью территории страны. В них продолжает действовать советское национальное законодательство.

На более зрелых этапах своего развития зоны могут сформироваться как автономные хозрасчетные территориальные единицы, централизованно рассчитывающиеся с бюджетом за расположенные в них предприятия и в идеале имеющие автономный платежный баланс. Хозяйственная администрация зоны должна иметь достаточную свободу по определению в ней ставок налогов и иных условий для иностранных инвесторов. В качестве одного из вариантов механизма ЗСП возможна форма консорциумов, то есть в зоне могут находиться и чисто советские и совместные предприятия и предприятия со 100-процентным иностранным капиталом.

Благоприятные условия для совместного предпринимательства созданы в Дальневосточном экономическом регионе, который намечено превратить в обширную зону ускоренного экономического и научно-технического развития, располагающую дополнительными по сравнению с другими территориями льготами. Имеется в виду тот факт, что совместные предприятия здесь платят не 30-, а 10-процентный налог на прибыль и только по истечении трех лет с момента ее получения, а не двух лет, как это предусмотрено в других районах страны.

В ходе дискуссий затрагивалась проблема конвертируемости рубля, которую, как заявил Р. Кавай, «нельзя игнорировать». Было высказано предложение на начальном этапе

вести конвертируемость рубля в порядке эксперимента в предполагаемых специальных экономических зонах.

Японская сторона подробно информировала о впечатлениях, которые вынесла делегация ее экспертов, посетивших советские предприятия в октябре 1988 г. Эксперты, в частности, выделили проблему качества продукции на советских предприятиях, в результате чего компенсационная или бартерная формы торговли трудно осуществимы. В целях установлено много устаревшего оборудования, поэтому необходима его полная, а не частичная модернизация.

Кроме того, делегация японских специалистов в июле 1989 г. посетила Хабаровск, Находку, Владивосток и провела обмен мнениями с представителями местных исполкомов и организаций. В целом японские и советские специалисты пришли к единому мнению о том, что развитие Дальнего Востока является одним из путей к дальнейшему расширению двусторонних торгово-экономических отношений. Важно продолжение взаимного диалога, начало которому было положено на первом заседании нового подкомитета по Дальнему Востоку в рамках Советско-японского и Японо-советского комитета по экономическому сотрудничеству.

Как свидетельство заметных сдвигов в двусторонних торгово-экономических отношениях была воспринята информация и предложение В. Л. Малькевича о реализации программы технического перевооружения легкой промышленности, в которой принимают участие многие японские фирмы. Они поставляют в СССР красильно-отделочное и швейное оборудование, оборудование для отделки смесовых тканей, кокономотальное оборудование и др. У японских фирм могли бы вызвать интерес предложения по сотрудничеству в легкой промышленности СССР, в частности на основе создания совместных предприятий или реконструкции на компенсационной основе Ореховского хлопчатобумажного комбината, Куровского меланжевого объединения, шелкоткацкой фабрики в городе Павловский Посад, Московского производственного объединения технологических тканей и ряда других.

Впервые в рамках совещания состоялся так называемый директорский день, организованный при содействии Ассоциации советских экспортеров, на котором представители более 50 советских предприятий и организаций обсудили актуальные проблемы прямых хозяйственных связей с японскими фирмами.

В целом насыщенная повестка дня, работа и результаты совещания показали, что у обеих сторон имеются немалые возможности для дальнейшего развития взаимовыгодного делового сотрудничества, выработки его интенсивной модели, которая соответствовала бы прогрессивным изменениям в экономической структуре обеих стран, требованиям научно-технического прогресса, новейшим направлениям международного разделения труда. Это отвечало бы интересам народов СССР и Японии, способствовало улучшению обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе.

Опыт промышленного сотрудничества

А. ТОКАРЕВ

Переломным моментом для развития внешнеэкономических связей КНР явился 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), на котором была провозглашена так называемая открытая внешнеэкономическая политика, предусматривающая ускоренный рост хозяйственных связей с зарубежными странами.

Результатом такой политики стал беспрецедентный рост объема и диверсификация форм внешнеэкономических связей. Одним из наиболее динамичных направлений международного сотрудничества КНР за прошедшие годы явилось развитие американо-китайских экономических и научно-технических связей. Этому способствовало установление в 1979 г. дипломатических отношений между двумя странами, создание договорно-правовой инфраструктуры сотрудничества. За десятилетие объем американо-китайской торговли увеличился почти в 9 раз (с 990 млн. долл. в 1978 г. до 7 млрд. 875 млн. долл. в 1987 г.)¹. В настоящий момент США являются четвертым по величине оборота торговым партнером КНР после Сянган, Японии и Общего рынка. Китай занимает 13-е место среди торговых партнеров Соединенных Штатов².

Не менее значительны сдвиги в промышленном сотрудничестве. На начало 1989 г. имелось около 500 американо-китайских смешанных предприятий³, а суммарный объем американских инвестиций достиг 3,17 млрд. долл. США лидируют в списке стран, имеющих подобные предприятия в КНР, уступая в данном направлении сотрудничества лишь Сянгану. Создание американо-китайских смешанных промышленных предприятий уже перешагнуло национальные рамки КНР, и процесс образования таких предприятий непосредственно на территории Соединенных Штатов постепенно набирает силу. Один из последних примеров тому — приобретение китайским производственным объединением по выпуску изделий черной металлургии 70 % акций известной американской фирмы — разработчика и производителя металлургического оборудования «Местар инжиниринг корп.». Это дает китайскому партнеру возможность доступа к 850 комплектам технической документации фирмы, 41 патенту и приблизительно 50 пакетам прикладных программ и, таким образом, позволит наладить в КНР производство современных прокатных станков и литейных машин⁴.

Вместе с тем, несмотря на достигнутые результаты, объем промышленного сотрудничества все еще не соответствует потенциальным возможностям обеих стран. При этом все еще не устранены помехи сотрудничества, сказывается различие изначальных установок.

В свете изложенного хотелось бы остановиться на развитии американо-китайских связей в области наукоемкой техники, поскольку электроника, ЭВМ, лазерная техника, средства связи и т. д. рассматриваются в Китае как основа для модернизации всего народного хозяйства и именно в этих областях достигается наибольший эффект международного сотрудничества, а с другой стороны, проявляется стремление империалистических кругов использовать хозяйственные контакты для оказания политического нажима.

Необходимость международного промышленного сотрудничества обусловлена воздействием научно-технической революции, ростом стоимости НИОКР при одновременном сокращении сроков морального старения продукции. Продажа лицензий в какой-то мере позволяет компенсировать продавцу лицензии часть затрат, связанных с проведением НИОКР, и повысить эффективность производства путем внедрения более совершенной технологии при экономии времени и других ресурсов покупателем лицензий. Более сложные формы промышленного сотрудничества, основанные на длительном взаимодействии парт-

---

¹Токарев Александр Иванович, аспирант Института США и Канады АН СССР.

неров, расширяют доступ предприятия-получателя к зарубежной технологии и вместе с тем позволяют значительно сократить сроки ее освоения.

Наглядным примером сказанному может служить подписанное в 1985 г. соглашение между Шанхайским авиационным производственным объединением и известной американской корпорацией «Макдонэл Дуглас» о сборке на китайском предприятии из произведенных в США компонентов 25 реактивных пассажирских (на 147 мест) самолетов МД-82 (одна из модификаций модели МД-80) на сумму 700 млн. долл.⁵ В ходе подготовки к налаживанию производства в КНР было переподготовлено 2 тыс. китайских рабочих и служащих и передано китайской стороне 86 млн. страниц технической документации. Подготовку китайских кадров осуществлялась как в США, так и в Китае, для чего в Шанхай прибыли вместе с семьями 90 американских специалистов. Кроме того, в разгар подготовительных работ им в помощь сроком на три месяца была командирована из США еще одна группа специалистов. В целом, по оценке руководства фирмы, на переподготовку китайских кадров было затрачено 107 тыс. человеко-часов⁶. Сотрудничество с американской фирмой также позволит китайскому предприятию в рамках существующего соглашения поставить американскому партнеру некоторые из относительно несложных компонентов на сумму 180 млн. долл.⁷ и таким образом сократить расходы иностранной валюты.

Осуществление проекта уже перешло начальную стадию. Летом 1987 г. первый самолет был передан Министерству гражданской авиации КНР (срок окончания работ 1991 г.). На тот период американская корпорация разместила в КНР заказы на производство самолетных узлов на сумму 21 млн. долл. Американская сторона по экономическим соображениям заинтересована в производстве некоторых компонентов в КНР. В частности, по заявлению президента компании «Макдонэл Дуглас Чайна», в 1987 г. у компании была реальная возможность более чем на 10—20 % снизить издержки по изготовлению ряда узлов посредством их производства в КНР⁸.

Печать КНР приводит данные о деятельности одного из первых совместных акционерных предприятий — «Шанхай — Фоксборо К^о». За три года в прошлом убыточное предприятие благодаря реорганизации управленческой деятельности и внедрению современной технологии увеличило объем производства более чем в 13 раз. Если в течение первого года (1983—1984) совместной деятельности убытки предприятия составили 1,279 млн. юаней, то по окончании второго прибыль достигала 650 тыс. и третьего — 2,9 млн. юаней⁹. При этом в 1985 г., в целом неудачном для «Фоксборо», Шанхайское отделение было единственным производственным подразделением многонациональной корпорации, которое завершило год с прибылью. Штат «Шанхай — Фоксборо К^о», насчитывавший на конец 1986 г. около 300 чел., на 38 % состоял из инженерно-технических работников. Причем 97 сотрудников предприятия прошли переподготовку в США. За годы совместной деятельности значительно выросла профессиональная подготовка китайских рабочих. Отмечается высокое качество производимых совместным предприятием автоматизированных систем управления и контрольно-измерительной техники. В настоящий момент предприятие является одним из наиболее передовых в китайском приборостроении.

Последние годы отмечены значительным прогрессом в развитии китайской электроники. Одним из бесспорных достижений КНР в этой области является налаживание в 80-е годы массового производства микроЭВМ. Весьма характерно, что первоначально в КНР выпускались микрокомпьютер с использованием импортных блоков, плат с микросхемами, компонентов, нередко по контрактам с зарубежными, в том числе и американскими, компаниями. В настоящий момент в стране уже функционирует ряд смешанных акционерных предприятий по производству ЭВМ. Среди них американская сторона представлена такими известными корпорациями — производителями вычислительной техники, как «Хьюлет-Паккард» и «Ванг».

В седьмой пятилетке (1986—1990) одной из важных задач в научно-технической сфере является овладение в массовом масштабе компьютерной грамотой. На сегодняшний день в Китае имеется 300 тыс. специалистов в области ЭВМ¹⁰. Ставится задача подготовить к 1990 г. еще 1 млн. специалистов указанного профиля.

Определенную роль в распространении информационной технологии и подготовке китайских специалистов в области вычислительной техники должны сыграть фирменные центры обслуживания, создаваемые зарубежными компаниями, как правило совместно с китайской внешнеторговой корпорацией «Инстримпекс», а также центры по обработке информации. Один из первых таких центров открылся весной в Пекине в 1987 г. Это центр — акционерная компания «Бэйцзин информатикл процессинг К^о», — созданный Пекинским

комитетом по науке и технике и американской компанией «Электроник дейта системз» (филиал «Дженерал моторз корп.»). Это многонациональная сервисная компания, имеющая отделения в 24 странах, штат ее насчитывает 45 тыс. человек. Она занята предоставлением услуг по обработке информации. Совместный капитал вновь образованной компании составляет 10 млн. долл., 51 % акций принадлежит американской стороне¹¹.

В Китае в целом положительно оценивается опыт международного сотрудничества в области промышленной технологии. На проходившем весной 1987 г. международном семинаре, посвященном вопросам лицензионной торговли, было отмечено, что с конца 70-х годов страной было импортировано около 4 тыс. передовых научно-технических достижений¹². Благодаря этому значительно улучшились качественные показатели промышленной продукции.

Об эффективности использования для нужд экономического развития зарубежных капиталовложений можно судить на основании таких данных. Средняя норма прибыли 64 предприятий с участием иностранного капитала города Тяньцзиня составляет 19 %, причем у предприятий, занятых в промышленном производстве, этот показатель выше и составляет 24 %¹³. Суммарная прибыль предприятий с иностранным участием города Гуанчжоу¹⁴ (таких 70 % от общего числа — 378), подлежащих налогообложению, составила в 1986 г. 110 млн. юаней¹⁵.

В то же время зарубежные инвесторы отмечают трудности, связанные с обеспечением баланса доходов и расходов иностранной валюты совместного предприятия, а также репатриацией полученной прибыли. Тем не менее, как показал опрос 70 компаний США, имеющих капиталовложения в КНР, проведенный американской консультационной фирмой А. Т. Керни совместно с китайским Институтом по исследованиям мировой торговли, 94 % компаний достигли намеченных целей¹⁶.

Вопрос о негативных сторонах американо-китайского сотрудничества непосредственным образом связан с социально-экономическими последствиями. Вот почему, обращаясь к этим негативным сторонам, укажем на наличие сложной системы интересов, взаимодействующих в процессе сотрудничества сторон. Причем параметры этой системы в значительной степени определяются состоянием американо-китайских отношений.¹⁷

Если для КНР главным побудительным мотивом к сотрудничеству является стремление получить современную американскую технологию, а также недостающие ей финансовые средства, то США, развивая хозяйственные связи с КНР, исходят в первую очередь из политических установок, стремясь воспрепятствовать нормализации советско-китайских отношений. В этом контексте научно-технические, промышленные и военные связи являются всего лишь средствами, необходимыми для достижения заданной цели.

Не чем иным, как рецидивом прежней политики экономического шантажа можно назвать решение конгресса США о введении экономических санкций против КНР в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь¹⁷. И хотя до сих пор не совсем ясно, в каких масштабах предполагаемые санкции будут использованы против КНР, становится еще более очевидным нежелание Соединенных Штатов отказаться от практики бесцеремонного вмешательства во внутренние дела суверенной державы.

Недвусмысленно заявляя о намерении США использовать «технологический рычаг», помощник заместителя государственного секретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана М. Андерсон заявил на слушаниях в американском конгрессе, посвященных вопросам торговли телекоммуникационным оборудованием с КНР: «Мы дали ясно понять китайцам, что процесс либерализации (ослабления ограничений на экспорт технологии «двойного использования». — А. Т.) — эволюционный процесс, который может развиваться в противоположных направлениях в зависимости от состояния комплекса двусторонних отношений»¹⁸.

Подтверждая мысль о том, что у нынешней вашингтонской администрации слова не расходятся с делами, когда речь идет о приведении угроз в исполнение, США под надуманным предлогом о якобы имевших место китайских поставках оружия Ирану, на самом же деле выражая недовольство позицией Китая в отношении пребывания в Персидском заливе военно-морской армады Соединенных Штатов, пригрозили ограничить доступ КНР к передовой американской технологии¹⁹.

Инструментом, обеспечивающим реализацию поставленных целей в области регулирования экспорта, является система экспортного контроля США и КОКОМ.

Как известно, администрация Рейгана неоднократно шла на снятие ограничений на экспорт высокой технологии в КНР. В 1983 г. КНР была переведена в соответствии с Зако-

ном о регулировании экспорта 1979 г. в категорию «у». Это дало возможность повысить технический уровень разрешенных к экспорту в КНР товаров, сократить время рассмотрения государственными ведомствами США заявок на поставки в Китай для 7 категорий (из 215) списка контролируемых товаров (СКТ). Решение КОКОМ, принятое в сентябре 1985 г., позволяет национальным правительствам стран — участниц натовского комитета самостоятельно осуществлять лицензирование экспорта в КНР для 27 категорий списка товаров «двойного использования» (соответствующего СКТ США) при условии, если их технические характеристики не превышают разрешений к экспорту в КНР лимит. Указанные категории включают: оборудование для производства полупроводниковых приборов, цифровые ЭВМ, оборудование связи, электронные измерительные приборы, лазеры, микропроцессоры, интегральные схемы и т. д.²⁰ В конце 1976 г. число таких категорий было увеличено до 30, а весной 1987 г. правительство США санкционировало использование для торговли с КНР многократной индивидуальной лицензии типа «дистрибьюшн лайнсз», облегчающей экспортеру поставки по кооперации с китайскими предприятиями²¹.

Тем не менее проблема ограничений на экспорт в КНР высокой технологии не снята, что, бесспорно, сказывается на развитии двусторонних хозяйственных связей. Несмотря на непрерывный рост числа экспортных лицензий, в 1986 г. только 60 % заявок на экспорт технологии были одобрены американским правительством²². Весьма характерно, что, не чинив особых преград поставкам КНР вычислительной техники и микросхем, США препятствовали (в целях консервации импортной зависимости по электронным компонентам) передаче Китаю оборудования для производства полупроводниковых приборов. Занимая в этом вопросе более жесткую позицию, чем правительства других стран — членов КОКОМ, администрация США тем самым причиняла ущерб национальным производителям. Следует отметить, что до недавнего времени американские поставщики пессимистично оценивали перспективы продаж данного типа оборудования в КНР, так как принятые КОКОМ в конце 1985 г. правила не позволяли экспортировать в Китай современные типы установок для микролитографии, ионной имплантации и нанесения покрытий²³.

Несмотря на превалирование политических мотивов в подходе США к развитию двусторонних отношений с КНР, нельзя сбрасывать со счетов заинтересованность американских деловых кругов в перспективном китайском рынке. Оценивая потенциал китайского рынка микроЭВМ, журнал «Компьютер уорлд» приводит следующие данные: в настоящий момент половина мелкого предприятий США имеет ЭВМ и еще четверть намеревается приобрести в ближайшее время. Таким образом, если предположить, что число таких предприятий в КНР — 100 млн., а стоимость микрокомпьютера составляет 5 тыс. долл., то объем китайского рынка в перспективе может достигнуть 500 млрд. долл.²⁴

США в определенной мере готовы внести собственный вклад в развитие китайского рынка наукоемкой техники. На реализацию такой задачи направлены содействие в подготовке китайских специалистов, безвозмездная передача высшим учебным заведениям КНР вычислительной техники и конторского оборудования, создание совместных с китайскими организациями центров технического обслуживания и т. д. При этом уместно подчеркнуть, что такой вклад способствует в первую очередь реализации товаров американского производства.

Следует отметить, что приоритеты американских компаний, намеревающихся вступить в деловые отношения с китайскими партнерами, весьма разнятся. Однако, как показал вышеупомянутый опрос, 87 % американских компаний, имеющих совместные предприятия в КНР, желали в первую очередь закрепиться на китайском рынке²⁵. Не видя другой альтернативы, к такому выбору склонилась, в частности, известная американская фирма АТТ, участвовавшая в жесткой конкурентной борьбе за участие в проекте создания в КНР смешанного предприятия по производству электронных АТС²⁶.

Экспорт технологии в Китай в определенной мере позволяет американским корпорациям продлить жизненный цикл некоторых продуктов. В то время как американские компании двигаются к следующему поколению технологий, им предоставляется возможность получать доходы от теряющего новизну продуктов и технологий.

Мы видим, что характерной чертой политики американских корпораций в области передачи технологии является стремление законсервировать свое научно-техническое превосходство по отношению к партнерам — получателям технологии. И если, как справедливо отмечает журнал «Электроник бизнесс», американские компании и решили основать смешанные предприятия в КНР, то только потому, что «они не верят, что в обозримом будущем Китай догонит Запад. Не имеет значения, что китайцы думали первоначально, Запад ни-

сколько не сомневается, что они будут обращаться к нему за новой технологией»²⁷.

Определенный стимул в пользу создания смешанных предприятий в КНР — намерение снизить издержки производства за счет использования низкой заработной платы китайских рабочих. Указанный фактор оказался решающим при создании в провинции Гуандун смешанного (объем инвестиций 3 млн. долл.; капиталовложения — 50:50) предприятия по производству магнитных головок к периферийным устройствам (накопителям на магнитных дисках) ЭВМ. Его партнерами являются дочернее предприятие в городе Пяньи (провинция Гуандун) сянганской фирмы «Лейф холдинг лтд.» и известная американская электронная фирма «Контрол дейта корп.». Предполагается, что в недалеком будущем смешанное предприятие с числом занятых 2,5 тыс. будет производить от 6 до 8 млн. магнитных головок в год.

Налаживанию субподрядных производств по сборке микрокомпьютеров способствовало также решение правительства КНР о повышении пошлин на ввозимые в страну микроЭВМ. Здесь бесспорно также влияние низкой капиталоемкости таких производств, которые, по свидетельству журнала «Чайна бизнес ревью», дали не так уж много в плане стимулирования технического прогресса в Китае²⁸. Продолжая эту мысль, можно предположить, что производители сложной полупроводниковой техники (например, большие и сверхбольшие интегральные схемы), учитывая высокую стоимость технологического оборудования и повышенные требования к квалификации рабочей силы, мало заинтересованы в создании смешанных предприятий в КНР. В этом плане более вероятным выглядит налаживание субконтрактных производств с использованием импортируемых из-за рубежа чипов, подобно существующим в ряде стран Юго-Восточной Азии²⁹.

Таким образом, даже беглый анализ показывает несовпадение интересов партнеров. Если американская сторона заинтересована в расширении продаж на китайском рынке, сокращении издержек производства путем искусственного расчленения технологических процессов и перенесения наиболее трудоемких операций за рубеж, реализации теряющей новизну технологии, сохранении своего научно-технического превосходства, то китайская, напротив, — в расширении экспорта своей продукции, увеличении валютной выручки, освоении новейших технологий и ликвидации технологического разрыва. И даже образование совместного предприятия не устраняет эти различия, а лишь на короткое время сглаживает их. Создается ситуация, когда, по меткому выражению одного из бывших руководителей «Чайна-Отис элевейтор К^о», партнеры «спят вместе, но мечтают о разном»³⁰.

Следует отметить, что промышленное сотрудничество между США и КНР в области наукоемкой продукции происходит в условиях острого соперничества со стороны японских и западноевропейских конкурентов как на внешнем, так и на внутреннем рынках. Воздействие конкуренции способствует дальнейшему снятию ограничений на экспорт высокотехнической продукции в КНР, вынуждает американские корпорации идти на определенные уступки в отношениях с китайскими партнерами.

Однако на практике использовать в полной мере фактор конкуренции не представляется возможным, поскольку этому противодействуют политика США в области экспортного регулирования, интеграционные процессы в рамках капиталистической системы, наличие конкуренции между отдельными регионами мира и районами Китая в привлечении иностранных инвестиций и, наконец, соперничество китайских предприятий.

Надо сказать, что китайская сторона довольно трезво оценивает реальный эффект ослабления ограничений на экспорт наукоемкой продукции в КНР. Журнал «Бэйцзин ревью» на сей счет заявляет, что рост общего числа утвержденных лицензий не скрашивает, по сути, дискриминационную практику в отношении экспорта технологии в КНР. При этом налицо практика тесного взаимодействия между деловым миром и государственными ведомствами США. Китайский печатный орган приводит такие факты: выдача некоторых лицензий задерживалась до тех пор, пока не становилось известно, что аналогичный продукт или технология могут быть поставлены из других стран либо же китайская сторона в состоянии их воспроизвести самостоятельно. В других случаях процесс рассмотрения заявок на экспорт технологии затягивался до тех пор, пока более совершенный продукт не появился на рынке³¹.

Подводя итоги, укажем, что сотрудничество КНР с развитыми капиталистическими странами имеет как положительные моменты в использовании преимуществ международного разделения труда, так и свои отрицательные стороны, связанные с тем, что международные корпорации в силу своей принадлежности к капиталистической системе хозяйствования преследуют свои узкокорыстные интересы, которые превалируют над интересами

китайских партнеров. Вместе с тем рост научно-технического потенциала КНР, расширение всесторонних связей с социалистическими странами будут способствовать сокращению сроков освоения заимствованных в капиталистических странах научно-технических достижений и укреплению позиций Китая в сотрудничестве с развитыми капиталистическими странами.

-
- ¹ Beijing Review.— 1988.— June 20—26.— P. 14; Ibid.— 1989.— № 9.— P. 30.
² Ibid.— 1989.— February 27.— March.— P. 30.
³ Ibid.
⁴ The Journal of Commerce.— 1988.— July 13.— P. 44.
⁵ Business Week.— 1987.— August 17.— P. 30.
⁶ Ibid.
⁷ Ibid.
⁸ Ibid.
⁹ Beijing Review.— 1986.— November 17.— P. 17.
¹⁰ Computer Weekly.— 1987.— May 21.— P. 11.
¹¹ Asian Computer Monthly.— June 1987.— P. 17; Electronics Weekly.— 1987.— April 29; Computer Weekly.— 1987.— April 30.
¹² ИБАС.— 1987.— 18 мая.
¹³ In: Beijing Review.— 1987.— January 19.— P. 17.
¹⁴ Тяньцзинь и Гуанчжоу входят в число 14 приморских городов, наделенных широкими полномочиями в области ведения внешнеэкономических связей.
¹⁵ Beijing Review.— 1987.— № 17.— P. 20.
¹⁶ In: Computer Weekly.— 1987.— April 9.— P. 4.

¹⁷ См.: Известия.— 1989.— 5 июля.
¹⁸ Telecommunications Trade with China // Hearing before the Special Subcom. On US Trade with China of the Committee on Energy and Comm. House of Repr. 98 Congress Sec. Sess.— 1984.— August 8.— Wash. GPO.— 1985.— March 7.
¹⁹ См.: Правда.— 1987.— 21 октября.
²⁰ In: Electronic News.— 1986.— December 30.— P. 6.
²¹ In: Beijing Review.— 1987.— № 16.— P. 4.
²² Ibid.
²³ In: Electronic News.— 1986.— February 24.— P. 63.
²⁴ In: Computer World.— 1987.— September 28.— P. 67.
²⁵ Computer Weekly.— 1987.— April.— P. 14.
²⁶ Technology Transfer to China // Hearing before the Subcommittee on oversight and investigations of the Committee on Energy and Commerce House of Representatives.— Wash. GPO.— 1988.— P. 64.
²⁷ Electronic Business.— 1986.— March 15.— P. 108.
²⁸ Ibid.— 1988.— June 15.— P. 76.
²⁹ In: Asian Electricity.— June 1985.— P. 12—13; Semiconductor International.— April 1986.— P. 32—34.
³⁰ In: Computer World.— 1982.— September 28.— P. 72.
³¹ In: Beijing Review.— 1987.— № 16.— P. 4.
¹ Beijing Review.— 1988.— June 20—26.— P. 14; Ibid.— 1989.— n 9.— P. 30.

В. МИСЬКОВ

В далекое прошлое уходит история русского судоходства на Дальнем Востоке. Открывая и исследуя неизвестные дотопе моря и земли, русские землепроходцы и мореплаватели 350 лет назад вышли к берегам Тихого океана. История называет имя первого из них — Иван Москвитин. Постепенно на географических картах появляются новые названия: Охотск, Большерецк, Петропавловск. Наконец, в 1860 году — Владивосток.

Через 20 лет после основания первого русского поста в бухте Золотой Рог во Владивостоке было открыто агентство Добровольного флота, а 12 апреля 1880 года, день прихода во Владивосток из Одессы грузопассажирского парохода «Москва», стал днем рождения Дальневосточного морского пароходства, берущего свое начало от агентства Доброфлота. Уже в 1880 году было установлено морское сообщение с северным побережьем Приморья, с Сахалином, Камчаткой и Охотском — старейшим русским портом в дальневосточных морях. Первыми судами Добровольного флота на Тихом океане стали пароходы «Москва», «Владивосток» и «Россия». Установление морского судоходства на дальневосточных морях позволило улучшить на Дальнем Востоке торговлю, ускорить переселенческое движение в Приморскую область, снизить в 3—4 раза цены на наиболее необходимые товары в конкурентной борьбе с иностранным капиталом.

Ныне на тихоокеанском побережье нашей Родины действуют четыре морских пароходства: Приморское, Сахалинское, Камчатское и Дальневосточное. Последнее — крупнейшее транспортное предприятие советского Дальнего Востока и одно из крупнейших в регионе Тихого океана, известное за рубежом как ФЕСКО (Far Eastern Shipping Company).

ДВМП — это более 230 судов различного назначения: балкеры и пакетовозы, рефрижераторные и пассажирские суда, ледоколы, многоцелевые суда арктического класса отечественной и зарубежной постройки, способные самостоятельно передвигаться во льдах толщиной до 1 метра со скоростью 8 узлов.

Суда пароходства, общий дедвейт которых превышает 1,7 млн. т, ежегодно совершают рейсы более чем в 350 портов 60 стран мира. Одновременно флот ДВМП обеспечивает около 80 % перевозок народнохозяйственных грузов между портами Дальнего Востока. Самой ответственной для себя работой моряки пароходства считают Арктическо-Чукотскую навигацию, когда в короткие летние месяцы необходимо доставить в арктические и чукотские города и поселки все необходимое для жизни и труда людей. И хотя воздушные линии связали сегодня Чукотку и Север со страной, для многих северных поселков и городов, как и в конце прошлого века, морской транспорт остается единственным видом доставки как грузов, так и пассажиров.

Территориально деятельность ДВМП охватывает огромный регион. 7 тыс. км отделяют Посыет — самый южный из десяти портов Дальневосточного пароходства от самого северного, находящегося за полярным кругом, — порта Певек. В портах Эгвекинот, Беринговский, Анадырь и Провидения рабочий день в полном разгаре, когда во Владивостоке, Посыете и Находке люди только приходят на смену. Но не только расстояние создает сложности в руководстве портами, перерабатываемыми ежегодно более 22 млн. т народнохозяйственных и внешнеторговых грузов.

Каждый порт пароходства имеет свое лицо, свою собственную биографию.

Во Владивостоке, где расположено управление Дальневосточного пароходства, находит-

---

Миськов Виктор Михайлович — начальник Дальневосточного орденов Ленина и Октябрьской революции морского пароходства.

ся старейший Владивостокский морской торговый порт, ставший главной перевалочной базой грузов для фронта в годы Великой Отечественной войны. Отсюда, как и прежде, идет основной поток грузов к берегам Чукотки, Арктики, Охотоморского побережья. Кроме флота Дальневосточного пароходства, на рейд Владивостока приходят на короткую стоянку промысловые и транспортные суда рыбацких управлений, научные суда институтов Академии наук СССР. В годы последних пятилеток Владивостокский морской торговый порт пополнился новой техникой, вырос за счет появления современных погрузочных комплексов.

Находка — порт, родившийся накануне Великой Отечественной войны и получивший свое развитие в годы девятой и десятой пятилеток в связи с расширением торговых связей нашей страны со странами Тихого океана и Юго-Восточной Азии и соответственно организацией международных линий ФЕСКО. В течение некоторого времени Находка оставалась единственным торговым портом Приморья, куда совершали заходы суда под иностранными флагами.

В 1970 году в бухте Врангеля, недалеко от Находки, был заложен самый молодой дальневосточный порт — Восточный, а уже через три года первое судно — теплоход «Шадринск» — приняло на его причалах груз леса. Сегодня здесь успешно действуют контейнерный комплекс расчетной мощностью 60 тыс. контейнеров в год, лесной и шеповой причалы, угольный причал, который вышел на производительность 7 млн. т в год. С окончанием строительства второй очереди здесь будет ежегодно перерабатываться 12 млн. т угля. Порт продолжает строиться: по долгосрочной программе в Восточном будет сооружено около 60 специализированных причалов, а протяженность причальной линии составит порядка 20 км. Это будет самый крупный морской торговый порт на тихоокеанском берегу нашей страны.

Здесь начинается известный сегодня во многих странах мира «сухопутный мост» — Транссибирская контейнерная линия (ТСКЛ), позволяющая в кратчайшие сроки осуществить перевозку сотен тысяч тонн грузов от берегов Тихого океана к берегам Атлантического. Через Восточный порт в 1982 году был перевезен по ТСКЛ миллионный контейнер, а в целом работа Транссибирской контейнерной линии — наглядный пример экономической полезности добрососедских отношений.

Новые причалы, оснащенные современным перегрузочным оборудованием, появились в последнее время в портах Магадан, Певек, Эвекинот, Провиденция. Современный порт вырос на берегах реки Анадырь, продолжают расширяться и реконструироваться порты Посыет и Беринговский.

В прошлом нужды Доброфлота обеспечивали небольшие судомеханические мастерские, а сегодня четыре судоремонтных завода во Владивостоке, Находке, Советской Гавани и Славянке, имеющие ежегодную программу судоремонта и судостроения порядка 70 млн. руб., с напряжением справляются с поставленными перед ними задачами.

В портах Дальнего Востока, на Черном море, на Балтике и северных морях европейской части страны известны пассажирские суда прибрежного плавания типа «Находкинский рабочий», которые строятся на Находкинском судоремонтном заводе. Серьезную помощь в организации переработки народнохозяйственных грузов для населенных пунктов Дальнего Востока и Крайнего Севера оказывают самоходные баржи типа «Славянка» и «Восток», буксирные суда и буксиры-толкачи, которые сходят со стапелей наших судоремонтных заводов. Лихтеры, в которых доставляют грузы в районы Дальнего Востока и во Вьетнам лихтеровозы «Алексей Косыгин» и «Индира Ганди», построены на самом молодом Славянском судоремонтном заводе.

Дальневосточное пароходство — это огромное предприятие со своими снабженческими и лечебными организациями, собственными детскими комбинатами, школами, дворцами культуры и спортивными комплексами. Ему принадлежат жилые микрорайоны во Владивостоке, Находке, Славянке, Советской Гавани, городах и поселках Магаданской области, Чукотского национального округа. ДВМП — это более 55 тыс. человек, объединенных любовью к морю и морской профессии, играющих важную роль в освоении и развитии дальневосточного региона.

Особое место в деятельности ДВМП отводится работе с советскими внешнеэкономическими организациями, с иностранными грузоотправителями и грузополучателями — на перевозке экспортно-импортных грузов и грузов иностранных фрахтователей. Ежегодно в заграничии используется около 66 % общего бюджета рабочего времени тоннажа пароходства на трамповых (разовых) и около 10 % на линейных перевозках. Понятно, что это обстоятельство напрямую связано с объективным фактором повышения роли азиатско-тихоокеанско-

го региона в мировой экономике. Так, в середине 80-х годов на долю стран и территорий зоны Тихого океана приходилось около 80 % мирового промышленного и сельскохозяйственного производства. Особенностью хозяйственного развития неосоциалистических стран в зоне Тихого океана является заметное усиление миграции капиталов между ними. На этот регион приходится почти две трети капиталовложений Австралии, до 35 % зарубежных капиталовложений США. Несомненно, динамичное развитие АТР, а также экономических связей нашей страны с регионом создает благоприятные предпосылки для деятельности паромства.

Наиболее интенсивным направлением в деятельности ДВМП является перевозка экспортно-импортных грузов на японском направлении, где наши суда ежегодно совершают порядка 2150 судозаходов, перевозя свыше 4 млн. т грузов советско-японской торговли и транзитные грузы, следующие через ТСКЛ. Половина судозаходов приходится на 16 наиболее посещаемых флотом паромства портов. В их числе Иокогама, Нагоя, Кобе, Майдзуру, Ниигата, Осака, Тояма, Токио.

Номенклатура перевозимого в Японию груза достаточно велика: лес, щепа, уголь, пиломатериалы, оборудование, цветные металлы, металлолом, удобрения, товары прибрежной торговли. Из Японии доставляются товары широкого потребления, трубы различного диаметра, техника, оборудование, металл различного профиля, химикаты, кокс, транзитный груз в контейнерах.

В настоящее время ДВМП участвует в двух совместных с японскими судовладельцами судоходных предприятиях. Первое — линия «Джапен Находка лайн», тридцатилетие основания которой было отмечено в июне 1988 года. Она связывает порт Находку с портами Японии. Линия создана для перевозки грузов двусторонней торговли.

Второе — ТСКЛ, кратчайший путь перевозки контейнеров между странами Западной Европы и Японией / Гонконгом. Контейнеризованный груз перевозится совместно 4 судами ДВМП и 4 судами японского флота, работающими по расписанию в рамках фрахтового пула. Координацию этих перевозок осуществляет координационный комитет с головной канторой в Токио и его отделением в Находке. В координационный комитет входят представители В/О Союзтранс, ДВМП и японских судовладельцев.

В Японии действует совместная советско-японская компания по агентированию всего советского флота, работающего на порты Японии, — «Юнайтед ориент шиппинг энд эйдженси» (Юниорент). ДВМП является акционером этой компании и ФЕСКО; традиционно один из трех советских директоров Юниорента — представитель ФЕСКО.

Кроме того, поскольку затронут вопрос совместных предприятий, следует указать успешно функционирующие совместные агентствующие компании по обслуживанию советского флота в других зарубежных странах: «Филсов» в Маниле, «Тассос» в Бангкоке, «Морлайнс» в Ванкувере, «Опал» в Сиднее. Организация в 70-х годах указанных компаний позволила повысить эффективность эксплуатации флота на перевозках грузов иностранных фрахтователей. В результате за последние 19 лет произошло почти трехкратное увеличение объема работы флота на постоянных международных линиях паромства, которые, к примеру, в 1987 году обеспечили 82,6 % фрахтовых поступлений паромства в американских долларах.

Старейшей линией ДВМП является «ФЕСКО-Индия лайн» (ФИЛ). Она была открыта в 1967 году рейсом теплохода «Ванино». За истекшие два десятилетия на линии перевезено более 6 млн. т грузов, получен фрахт в размере более 174 млн. инв. руб. Сейчас на ФИЛе продолжают работать 8 судов типа «Ленинская гвардия», рейсоборот которых составляет 90 суток. Порты заходов: Иокогама — Кобе — Бангкок — Сингапур — Мадрас — Кочин — Мангалор — Япония — Владивосток.

На контейнерной линии ФЕСКО — Австралия (ФАЛ) работает 6 судов-контейнеровозов: три типа «Художник Сарьян» и три — типа «Пула». Линия обслуживает порты Японии, Гонконга, Филиппин и Австралии. Транспортировка экспортно-импортных и транзитных грузов производится через Восточный порт. Линия работает уже 8 лет и зарекомендовала себя как надежный перевозчик. Достаточно сказать, что за эти годы на ней не было ни одного срыва расписания. Это позволило не только увеличить в 1987 году количество судов с 4 до 6 (контейнеропоток увеличился почти на 20 %), но и удерживать фрахтовые ставки на уровне, лишаящем конкурентов возможности выдвигать ДВМП традиционные обвинения в применении «демпинговых» ставок и некоммерческой практике. А организация на линии перевозок шерсти из Австралии в СССР в контейнерах была удостоена в 1987 году диплома ВДНХ (годовой экономический эффект этих перевозок составил более 5 млн. руб.).

В 1987 году была организована контейнерная линия «ФЕСКО — Новая Зеландия» (ФНЗЛ), связывающая Новую Зеландию с портами советского Дальнего Востока. На линии работают 4 судна-контейнеровоза, из них 3 типа «Симон Боливар». Порты заходов: Восточный — Иокогама — Кобе, Гонконг — Веллингтон — Окленд — Литтлтон — Чалмерс и обратно. Во втором квартале 1988 года суда на линии начали осуществлять прямые заходы в Шанхай.

С осени 1987 года начались экспериментальные рейсы судов типа «Варнемюнде» на направлении Западная Канада — Юго-Восточная Азия. Опыт первых рейсов показал, что суда ДВМП имеют хорошую загрузку из Канады, однако пароходству необходимо осуществить серьезные усилия по развитию грузовой базы перевозок из стран Юго-Восточной Азии, прежде чем ставить вопрос об открытии на этом направлении регулярной линии.

В качестве основных направлений трамповых перевозок, осуществляемых ДВМП, можно выделить зерновые и лесные. С 1979 года по настоящее время объемы перевозок зерна флотом ДВМП возросли более чем втрое (с 983 тыс. т до 3 млн. 51 тыс. т в год). Основные перевозки зерна осуществляются из Австралии и Канады.

Начиная с 1985 года Дальневосточное пароходство все более активно внедряется в перевозки грузов внешней торговли между СССР и КНР; за последние два года китайская кукуруза заняла в зерновых перевозках одно из основных мест — около трети от общего объема. Однако если перевозка зерна из Австралии и Канады не вызывает особой обеспокоенности в отношении организации обработки флота, то перевозка китайской кукурузы далека от совершенства. Это касается прежде всего условий учета стоянки в портах КНР, позволяющих китайским отправителям и В/О Экспортхлеб уходить от ответственности за простой наших судов в портах погрузки. К серьезным недостаткам в организации обработки судов относятся также явно заниженные нормы погрузки, зараженность китайской кукурузы хлебными вредителями, до недавнего времени приносившая нам потери до 6 млн. инв. руб. в год из-за простоев в советских портах под фумигацией.

Зерновые перевозки представляют предмет особой заботы как аппарата управления эксплуатации флота, так и экипажей судов. Любые сбои в погрузке зерна, вызванные заставками, скоплением судов третьих стран, нехваткой самого зерна, непогодой, задержки с выгрузкой в советских портах, основной причиной которых является недостаток подвижного железнодорожного состава, резко сказываются на общих показателях работы флота ДВМП.

Если раньше, до 1985 года, зерновые перевозки являли собой долгосрочную основу для работы трампового флота, то в настоящее время из-за сокращения закупок зерна за границей пароходство уже не может включать в свои планы на будущее стабильные объемы зерна и вынуждено искать альтернативную грузовую базу. Такой альтернативой могут быть перевозки угля из порта Восточный в Японию и США, в которых мы принимаем пока крайнее малое участие.

Перевозки леса и пиломатериалов по объему находятся на уровне зерновых и составляют более 3 млн. т в год, хотя прибыль, получаемая от них, занимает в общей сумме меньшую долю, чем от перевозок зерна. Наибольшие объемы леса перевозятся в Японию — около 1 млн. 300 тыс. т в год. Эти отгрузки производятся из базовых портов Восточный, Находка, Ванино, из пунктов Приморья, в летний период из Тикси. Сюда следует добавить около 400 тыс. т технологической щепы, перевозимой ежегодно в основном из Восточного судами-щеповозами «Гр. Алексеев» и «П. Рыбин».

Основной проблемой в организации нормальной работы флота на этом направлении является непредьявление к отгрузке плановых объемов леса, что сдерживает темпы погрузки судов либо приводит к необходимости аннулирования графиковых позиций, не обеспеченных грузом. Эта проблема свойственна и двум другим крупным направлениям перевозки грузов В/О Экспортлес, таким, как перевозки круглого леса в КНР и пиломатериалов на Кубу.

Китайское лесозаготовительное направление развивается с 1984 года. В плане совершенствования его работы в 1988 году между пароходством и администрацией порта Шанхай был заключен договор об использовании на перевозках леса имеющихся у ДВМП баржебуксирных составов (ББС). Реализация этого договора позволила поднять производительность работы вдвое против достигнутой ранее на японском направлении. К ближайшим задачам, решаемым на этом направлении, пароходство относит организацию работы судов типа «Влас Ничков» на регулярной основе и отработку вопросов круглогодичной работы ББС на порт Шанхай по договору.

Ряд качественных изменений, направленных на улучшение работы, произошел в самое последнее время на кубинском направлении. Так, для перевозки пиломатериалов впервые с высокой эффективностью были использованы суда типа «Черкассы». Со второго полугодия 1988 года пароходство на этих перевозках стало использовать собственные стальные многооборотные стропы, что должно облегчить погрузку пиломатериалов и выгрузку их в портах Кубы.

Принципиально новыми направлениями перевозки круглого леса являются опытные отгрузки на Индию и Австралию.

Дефицит лесовозного тоннажа — большая проблема, стоящая перед пароходством. В 1988 году из состава флота пароходства списано 10 судов-лесовозов, взамен которых получено только одно — теплоход «А. Расплетин». Вопрос пополнения лесовозного тоннажа решается крайне медленно. Все шире приходится привлекать к перевозкам леса Амурское речное пароходство. Более того, в 1988 году 13 рейсов с экспортным лесом на Японию совершили суда Востокрыбхолодфлота. В 1989 году из предложенных нам объемов леса и пиломатериалов пароходство смогло покрыть собственным флотом на китайском направлении лишь 48 % общего объема, а на кубинском — 70 %.

В составе флота ДВМП имеются 13 судов-рефрижераторов, 64 % провозной способности которых используется на перевозках плодоовощной продукции из портов СРВ в порты Дальнего Востока. Основным признаком, отличающим эти перевозки, является сезонность. Более половины всего годового объема перевозок плодоовощей приходится на первый квартал, а на период с мая по август — только десятая часть. Поэтому в зимний период весь рефрижераторный тоннаж пароходства, кроме двух судов-морозильщиков, задействован на перевозках из СРВ. Летом же, даже с учетом интенсивных перевозок продовольственных грузов в каботаже и вывода максимального количества рефрижераторных судов на ремонт, иногда приходится использовать оставшиеся суда на перевозках нерефрижераторных грузов, таких, как хлопок, шины и т. д. С развитием китайского рынка мы надеемся задействовать в летний период свободные рефрижераторы на перевозках мяса из КНР. Кроме перевозок плодоовощной продукции из СРВ, рефрижераторный флот пароходства используется на перевозках баранины и масла из Австралии и Новой Зеландии, жиров и масел из Одессы в СРВ, иногда — на перевозках грузов иностранных фрахтователей.

Следует отметить особую роль ДВМП в обеспечении деятельности «моста дружбы» между СРВ и СССР, начавшего работать еще в годы агрессии США во Вьетнаме. Сегодня для перевозок генгрузов (грузы, основные для данного направления) в СРВ задействованы два судна, работающие по расписанию, — это теплоходы «Тунгуска» и «Нижнеудинск». Основу их загрузки составляют в экспорте — картон, различные генгрузы, кроме того, цемент, шины, металлоконструкции, бочки, шифер, фанера из порта Раджин. Из СРВ эти суда перевозят различные консервы, товары народного потребления, соль. Для доставки массовых грузов в СРВ в навигационный период используются также суда типа «Пионер», «Повенец», «50-летие ВЛКСМ» и др. Основу обратной загрузки и СРВ для судов типа «Повенец» и «Пионер» составляет соль. Ежегодное списание на слом судов такого размера создает сложности в обеспечении перевозок соли. Частичную замену этому тоннажу пароходство нашло в использовании на вьетнамском направлении лихтеровоза «Алексей Косыгин». Кроме того, пароходством предпринимаются попытки передачи грузопотока соли из КНР на суда Востокрыбхолодфлота, что по нашему мнению, поможет решить вопрос своевременности вывоза всего предьявляемого к перевозке объема соли, а также беспробойной выгрузки судов на рыбоперерабатывающих предприятиях Дальнего Востока.

Сегодня мы вступили в новые, более современные отношения с нашими зарубежными партнерами. С целью повышения эффективности работы флота на международных линиях, где наше пароходство выполняет довольно значимую роль в расширении торговых отношений с зарубежными странами, проводится целенаправленная работа как в расширении сферы нашей деятельности, так и в установлении прямых производственных связей с зарубежными компаниями. И если первое направление, расширение сферы деятельности флота, — путь к повышению эффективности использования флота, то второе, установление прямых производственных связей, — путь к улучшению технического состояния флота, развитию береговых предприятий, решению социальных вопросов.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам внешнеторговой деятельности как бы влило в нашу работу живительную струю, хотя во многом приходится быть предельно осторожными и собранными. Что мы предприняли для повышения эффективности работы флота уже сегодня?

Приведем один пример. В сентябре 1988 года во Владивостоке находилась делегация Штата Аляска из США, в составе которой были Рон Шердон — президент компании «Грейтланд эксплорэйшн» и Ли Вархаам — президент компании «Алаком». Мы оговорили, хотя и вчерне, вопрос транспортного обеспечения перевозок руды из северного района Аляски (недалеко от Нома) в порты Японии флотом нашего пароходства с обеспечением специальными ледоколами. Чем привлекателен этот контракт? Во-первых, речь идет о соглашении на 50 лет, и это одна из важнейших его положительных сторон. Во-вторых, американцы уже построили специальную трассу от рудника до предполагаемого места погрузки судов, закупили тяжелые грузовые автотрейлеры, планируют постройку спецплатформ с перегрузочной техникой, которые должны обеспечить работу до окончания строительства здесь пирса. От нас требуется поставка крупнотоннажных балкеров (судов для сыпучих навалочных грузов), закрепление ледоколов на участке будущей грузовой трассы в акватории Берингова моря. Мы, исходя из своих экономических интересов, готовы приобрести такие специальные суда, возможно даже по бербоут-чартеру, то есть с оплатой в рассрочку за счет получаемой прибыли. В нашей готовности принять данное предложение нет ничего удивительного. Это не дань моде, не просто попытка расширения зон контактов между США и СССР, хотя, несомненно, и это важно. Особо для нас значимо то обстоятельство, что долготелый контракт — это путь к хорошо отлаженной работе, а следовательно, и развитию.

Интересными были состоявшиеся осенью 1988 г. во Владивостоке переговоры с президентом компании «Церес» Христосом Критикосом. Решение затронутых на переговорах вопросов должно способствовать значительному улучшению загрузки нашего флота в американских портах, его обслуживания, открывает путь для создания в США нашего агентства, а следовательно, установления новых деловых контактов, заключения новых соглашений.

В постоянном развитии находятся перевозки грузов между СССР и Японией. Ежегодный объем экспорта и импорта на этом направлении составляет около 2,6 млн. т в год, не считая лесных перевозок. В 1988 году грузооборот получил значительное развитие за счет увеличения экспорта угля, чугуна, нефтекоса, генгрузов, металлолома. Объемы импорта труб большого, среднего и малого диаметра, проката, техники, оборудования, различных грузов ежегодно колеблются в небольших пределах. С развитием прибрежной торговли увеличивается импорт из Японии автомашин, радиоэлектронного оборудования. С 1988 года из Японии начались пробные отправки транзитом легковых автомобилей в европейские страны судами типа РО—РО.

Проблемными и перспективными вопросами в сфере сотрудничества с японскими компаниями являются: увеличение объемов торговли и соответственно объемов перевозок; участие советского тоннажа в перевозках угля, купленного на условиях FOB и осуществляемого сегодня японским тоннажем; отфрахтование большого тоннажа пароходства для перевозки леса на условиях FOB из портов Ванино, Восточный, Де-Кастри, Низовья Амура, порт-пунктов Приморья. На последнем советско-японском совещании по лесозэкспорту в Хабаровске 13—18 мая 1989 г. японские участники единогласно высказались за уменьшение квоты перевозки леса на условиях FOB японскими судовладельцами из-за очень высоких ставок и переключение большей части перевозок на условия СИФ.

Однако в этих благоприятных условиях возможности ДВМП снижены из-за списания лесовозного флота. Вследствие этого единственный выход для пароходства состоит в приобретении или постройке на японских верфях серии лесовозов типа «Амур-3». В этой связи не исключается участие японских импортеров леса в организации строительства судов в качестве спонсора, выделении кредита для ДВМП на постройку судов.

В линейном бизнесе с торговой корпорацией «Мицубиси» ДВМП имеет контракт по схеме компенсационно-фрахтовой сделки по перевозкам гранита из Индии в Японию судами пароходства на линии ФЕСКО — Индия. Но, поскольку установленные с «Мицубиси» связи уже достаточно прочны, особый интерес представляет расширение отфрахтования этой фирме флота пароходства в осенне-зимний сезон с использованием заработанных денег на ремонт судов ДВМП на верфях «Мицубиси».

Наметились новые благоприятные сдвиги и в расширении прямых производственных связей с иностранными компаниями. Так, мы начали переговоры с КНДР по вопросу кооперации в судостроении. При этом предполагается, что на верфях КНДР будут строиться корпуса малых судов, катеров, буксиров, а укомплектовываться механизмами, они будут на наших судоремзаводах.

Начал свою деятельность «Вьетсовлихтер» — совместное с СРВ судоходное предприятие, деятельность которого положительно скажется на советско-вьетнамских торговых отношениях.

Из КНР получено интересное предложение по кооперации в вопросах обеспечения флота продовольствием и техснабжением. Китайская компания предлагает направлять в парокходство свежие овощи и фрукты, а также снабжать наши суда в портах Китая в обмен на товары и продовольствие с нашей стороны. В принципе кооперация может принять окончательную форму с созданием совместной шипчандлерской компании с отделениями как в наших портах, так и в портах КНР.

В перспективе, с окончанием строительства в Восточном порту завода по ремонту контейнеров, парокходство будет изучать проблему организации ремонта не только советских контейнеров, но и контейнеров, принадлежащих японским фирмам, которые перевозят транзитные грузы. С этой целью будет рассмотрен вопрос установления прямых производственных связей с одной из японских фирм. Предварительно ДВМП имеет информацию о заинтересованности фирмы «Контейнерчек К°» в совместном ремонте транзитных контейнеров и предоставлении определенных услуг этой компании.

Идет поиск и других форм и методов сотрудничества с зарубежными партнерами. Так, сегодня в стадии обсуждения с японской стороной находится вопрос создания совместного транспортно-экскурсионного комплекса во Владивостоке, что подразумевает строительство японской стороной современной гостиницы на 750 мест под ключ (место в принципе уже определено), специального пассажирского пирса, создание зоны отдыха. По предварительной проработке, 51 % акций должен быть у нас, а 49 — у японской стороны. Но здесь, как, к сожалению, и на других направлениях, главным тормозом для нас является сегодняшнее состояние флота, в особенности пассажирского.

Дальневосточное парокходство в течение ряда лет осуществляет отфрахтование пассажирского флота в туристические круизы в Юго-Восточной Азии, Австралии и Японии. Работая во фрахте у английской компании Си-ти-си, например пассажирский теплоход «Александр Пушкин» в 1987 году заработал 54 % выручки всего пассажирского флота парокходства.

Сегодня имеется перспективное, с нашей точки зрения, предложение австралийских и новозеландских бизнесменов по созданию совместной компании по организации круизного обслуживания иностранных туристов на пассажирских судах советского и зафрахтованного иностранного флота.

Развитие пассажирского круизного судоходства и совместной компании возможно осуществить на традиционных рынках — австралийском и новозеландском, в регионе Юго-Восточной Азии, в районах Японии, Вьетнама, Китая, а в дальнейшем, при условии улучшения уровня обслуживания, в Карибском бассейне и районе западного побережья США. Таким образом, благодаря высокому уровню сервиса и выучки наших экипажей наметилась тенденция к расширению пассажирского сервиса на международных линиях. Вместе с тем мы не получили в последние годы от Министерства морского флота СССР какой-либо серьезной помощи в пополнении пассажирского флота новыми судами, что грозит потерей завоеванных в пассажирском круизном бизнесе позиций.

В целом ДВМП постепенно расширяет взаимовыгодное деловое сотрудничество с партнерами из азиатско-тихоокеанских стран. При этом Дальневосточное морское парокходство стремится, во-первых, максимально расширить номенклатуру оказываемых услуг, и, во-вторых, повысить их качество. Руководство ДВМП видит в расширении региональных связей парокходства одно из важных направлений его деятельности.

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

Предпосылки и последствия политического кризиса

В. ЗОТОВ

Весной — летом 1989 г. Китай пережил тяжелый политический кризис, сопровождавшийся массовыми выступлениями протеста во многих городах страны и завершившийся применением военной силы. Согласно оценке китайского руководства, масштабы волнений оказались самыми крупными за всю историю КНР. В середине мая на улицах Пекина находилось более миллиона демонстрантов, среди которых наряду со студентами были представители практически всех слоев населения. Такого не наблюдалось даже в годы «культурной революции». По официальным данным, во время столкновений с воинскими подразделениями в столице погибло свыше 200 гражданских лиц и более 3 тыс. было ранено¹. Зарубежные средства массовой информации приводили сведения о значительно большем количестве жертв — от 7 до 30 тыс.

При выработке позиции по отношению к выступлениям населения в высшем руководстве страны возникли острые противоречия. После ожесточенной борьбы, продолжавшейся полтора месяца, одна из противоборствующих сторон одержала верх. На 4-м пленуме ЦК КПК (23—24 июня 1989 г.) Генеральный секретарь Чжао Цзяян был признан виновным в «поддержке беспорядков и расколе партии» и лишен всех занимаемых постов. Вместе с ним из состава Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК выведен Ху Цили, а Жуй Синьвань и Янь Минфу освобождены от обязанностей секретарей ЦК КПК. В результате высшие органы ЦК КПК обновились наполовину.

Коммюнике пленума содержит крайне жесткую оценку происшедших событий. «Ничтожное количество людей, — говорится в нем, — используя студенческие волнения, спровоцировали в Пекине и некоторых других районах планомерные, организованные и умышленные политические беспорядки, которые переросли в Пекине в контрреволюционный мятеж»². После подавления волнений руководители студенческого движения, большинству которых не больше 25 лет, были репрессированы. Военные трибуналы приговаривали их к смерти или длительным срокам заключения. Кроме студенческих лидеров, в оппозиции режиму оказались известные ученые, журналисты, политические деятели — бывший секретарь Чжао Цзяяна, член ЦК КПК Бао Тун, бывший директор Института политологии Янь Цзяци, бывший директор Института марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна Су Шаочжи, бывший президент Академии общественных наук провинции Фуцзянь Ли Хунлинь, директор Института литературы Лю Цайфу, историк Бао Цзуньсинь и др. Некоторые из них покинули страну и развернули деятельность по созданию антиправительственных организаций демократического характера³.

Подводя итоги трагическим событиям, Дэн Сяопин заявил: «Эта буря рано или поздно должна была произойти. Она была предопределена международной обстановкой и ситуацией в самом Китае. Ее наступление было неизбежно и не зависело от воли людей. Это был только вопрос времени и масштабов»⁴. Действительно, политический кризис в КНР стал выражением глубоких общественных противоречий, накап-

Зотов Владимир Евгеньевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института комплексных проблем ГНТ и АН СССР.

ливавшихся и обострявшихся в последние годы. Рассмотрим наиболее важные из них, насколько это позволяют рамки небольшой статьи.

Общей закономерностью для перестроечных процессов в социалистических странах является резкое усложнение общественной жизни, появление все новых и новых противоречий и конфликтов. Экономические реформы и политическая демократизация, даже когда они на определенных этапах терпят поражение, тем не менее способствуют подрыву социальной стабильности, основанной на директивном принуждении и авторитарной форме правления. Общественное развитие становится все более многовариантным, интересы — более разнообразными и разнонаправленными. Таким государством сложнее управлять, но и перспективы у него шире.

Один из важнейших выводов, прозвучавших на международной конференции в Будапеште (март 1988 г.), посвященной изучению опыта и проблем перестройки в странах социализма, состоит в том, что «быстрый экономический рост вызывает иногда более острое недовольство, чем находящаяся в состоянии застоя бедность. Вероятно, самым главным уроком мог бы служить вывод о невозможности одновременной максимализации общественной удовлетворенности и экономического развития»⁵. Опыт Китая подтверждает этот тезис.

За последнее десятилетие отношение масс к реформам претерпело существенные изменения — от пассивности и настороженности к энтузиазму и завышенным ожиданиям, а затем от неудовлетворенности темпами к неприятию дальнейшего углубления преобразований. Результаты исследований китайских социологов свидетельствуют о том, что в конце 70-х годов осуществление реформ в стране начиналось в условиях, когда у населения преобладали настроения отчуждения, апатия, недоверие к навязанным духовным ценностям. Так, проведенный в 1979 г. опрос студентов Фуцзяньского университета показал, что лишь 36 % из них интересовались политикой, тогда как остальные испытывали к ней «безразличие», «отвращение» и «страх». Только треть респондентов заявила, что «верят в коммунизм». Большинство же призналось, что у них нет идеала и что они верят в «судьбу», а 2 % придерживались религиозных воззрений и «преклонялись перед капитализмом». Свыше половины не были «преисполнены уверенности» в своем будущем и считали возможным приход в ближайшие десять лет политических лидеров типа Линь Бяо и «банды четырех»⁶.

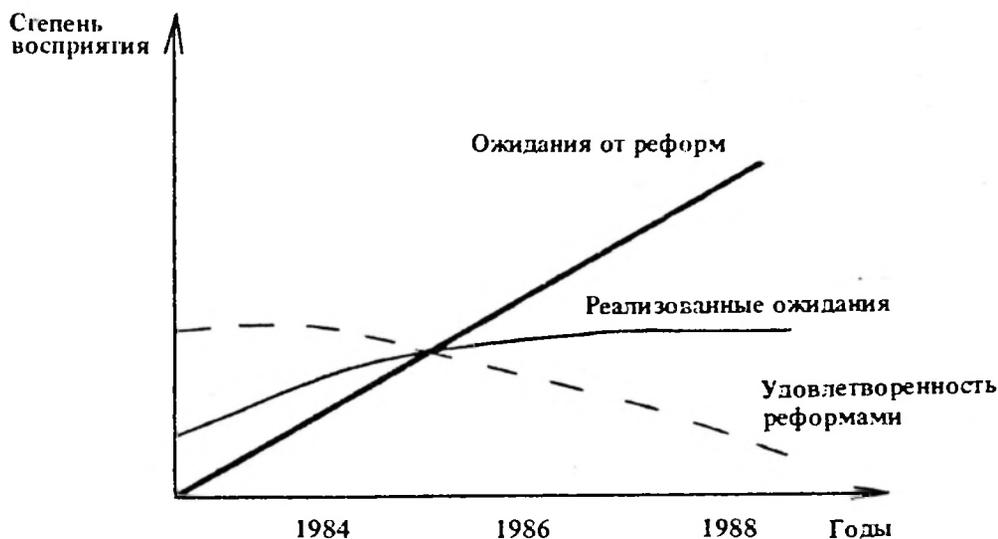
По мере развертывания реформ ситуация в обществе стала быстро меняться. Успехи семейного подряда на селе, позволившего решить проблему голода, ускоренное развитие легкой и пищевой промышленности, поощрение индивидуально-трудовой деятельности, элементарные меры по демократизации общества — все это вызвало бурную позитивную реакцию населения в первой половине 80-х годов. Происшедший скачок в уровне жизни нарушил социальную апатию. В обществе пробудились надежды на скорые перемены к лучшему во всех сферах.

Однако именно в тот момент, когда экономика Китая приобрела необычайный динамизм (в 1981—1985 гг. страна заняла второе место в мире по темпам прироста национального дохода и сельскохозяйственного производства, пятое — по промышленному росту, первое — по увеличению стоимости услуг), произошло обострение социальных антагонизмов, в полную меру проявили себя силы торможения. По данным Исследовательского института реформы экономической системы Госсовета КНР, переломным явился 1985 г., когда стал нарастать разрыв между ожиданиями населения от реформ, их реальным осуществлением и степенью социальной удовлетворенности (см. график).

Обострение социальных конфликтов имело экономические предпосылки (истощение материально-технической базы, нарастание диспропорций, прежде всего между спросом и предложением, инфляция и др.), часть которых рассмотрена в предыдущей статье⁷. Можно, наверное, говорить и об известных просчетах руководства КПК, допущенных при переходе после 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.) от частичных преобразований на селе к комплексной перестройке всей экономической системы. Но проблемы, с которыми столкнулся Китай, достаточно типичны для всех социалистических стран, в разных экономических условиях приступивших к реформам. Поэтому важным представляется поиск внутренних социально-политических противоречий, вызвавших кризис в стране.

Одна из основных причин связана с обострением коллизий между социальными силами,двигающими реформу вперед и противостоящими ей. Один из парадоксов китайской действительности состоит в том, что после прихода в конце 70-х

Изменение восприятия реформы населением КНР

Источник: Шицзе цзинци даобао.— 1988.— 29 августа.

годов к власти Дэн Сяопина и его сторонников в стране не оказалось ни одной социальной группы, которая не была бы заинтересована в обновлении страны. Но как только маховик реформ набрал обороты, обнаружилось, что на реальное осуществление преобразований способна лишь сравнительно узкая прослойка, тогда как большинство населения не приемлет те или иные стороны новых социально-экономических отношений.

Можно выделить три уровня, на которых по убывающей прослеживается противодействие реформам,— психологический, идеологический и социальный.

Бессознательное неприятие общественных преобразований в социалистических странах рассматривается советскими учеными как закономерное явление. «Спротивление необходимо понять,— пишет Л. Я. Гозман,— как нормальный процесс, как закономерную в психологическом плане реакцию на нововведения. Понимание того, что сопротивление не может быть объяснено только злым умыслом, несводимо к патологии или «несознательности», позволит отказаться от иллюзий его легкого «миллицейского» или «просветительского» преодоления...»⁹ В Китае сопротивление реформам основывается на таких психологических чертах, как ощущение бессилия перед административной системой и жизненными обстоятельствами, боязнь взять на себя ответственность, отказ от желаний и невосприимчивость к стимулированию активности. По утверждению научного сотрудника Исследовательского института реформы экономической системы Ян Гуаншаня, «больше всего реформе способна повредить привычка некоторых людей не высовываться и возлагать на государство решение всех своих проблем»⁹.

Преобладание в общественном сознании установки на пассивное ожидание привело к массовому распространению потребительского, иждивенческого отношения к реформам. Первые успехи преобразований, связанные с улучшением материального благосостояния, подогрели ожидания новых скачков в уровне жизни. В то же время чувство ответственности за судьбу реформ у большинства не только не усилилось, но еще более притушилось. Так, по результатам выборочных опросов среди рабочих и служащих, в 1986 и 1988 гг. доля тех, кто расценивал участие в осуществлении реформ как долг каждого человека, уменьшилась с 36,2 до 33,3 %, тогда как удельный

вес считавших, что решение общественных проблем — это дело верхов, а массы бессильны, достиг 41 %¹⁰.

Значительная часть трудящихся, настроившись на получение выгоды от реформ, не была готова к трудностям, неизбежно сопровождающим крупные преобразования. К тому же большинство оказалось неспособно удовлетворить требования, предъявляемые к личным и деловым качествам людей в новых условиях. Развитие рынка, появление элементов конкуренции потребовали массовых проявлений самостоятельности и инициативы, способности брать на себя ответственность, идти на риск. Исследования китайских социологов показали, что готовность общества отказаться от старых психологических установок низка. В ходе опроса городских жителей КНР в 1986 г. 41,2 % респондентов считали желательным для себя образ жизни с низким, но постоянным доходом и без риска потерять работу; 38,4 — решились на высокий, но нестабильный доход при сохранении гарантий занятости, и лишь 20,4 % изъявили готовность к высокой степени риска (опасность безработицы, потери дохода, но больше возможностей иметь высокий заработок)¹¹.

Неудивительно поэтому, что всеобщая эйфория, охватившая многие социальные группы, сменилась разочарованиями и сопротивлением после первых же попыток руководства КНР перейти от «полуреформ» к радикальным преобразованиям. Типичен пример отношения рабочих промышленных предприятий страны к реформе заработной платы. Как показали социологические опросы, перед началом осуществления этой реформы в 1986 г. большинство — 70,2 % — требовали разрешить свободный выбор места работы, не бояться «безработицы», решительно отказаться от старой системы фиксированной заработной платы. Но всего через год, ощутив на собственном опыте новые условия труда (интенсификация, конкуренция, опасность снижения заработка и даже увольнения), рабочие изменили свое мнение на диаметрально противоположное: примерно такая же доля опрошенных — 71,7 % — заявила, что из всех форм оплаты труда ее удовлетворяет прежняя уравнивательная система¹².

С переходом в середине 80-х годов к комплексному, радикальному преобразованию экономики резко усложнились задачи реформ, все неоднозначней стали их последствия. Именно в этот момент отчетливо проявилось противодействие перестроечным процессам на идеологическом уровне. Поначалу хозяйственные успехи, рост уровня жизни населения затмевали «сомнительные» с точки зрения обывательски-догматических представлений о социализме явления: развитие многообразных форм собственности, в том числе частной, становление рынков средств производства, появление фондовой биржи, акций, банкротства предприятий и т. д. Сказывались также результаты чрезвычайно активной идейно-политической работы руководства КПК, направленной на разрушение ставших привычными за годы «большого скачка» и «культурной революции» стереотипов мышления (имеющих к тому же глубокие традиционные корни), в соответствии с которыми понятие социальной справедливости ассоциируется с огосударствлением собственности, уравниловкой и натуральным обменом. В стране широко пропагандировались лозунги, понятные даже неграмотным: «во-первых, накормить народ, во-вторых, осуществлять строительство», «бедность — это не социализм», «пусть часть людей станет зажиточней других», «все, что способствует развитию производительных сил, служит строительству социализма» и др.

Однако идеалы «большого котла» и «железной плоскости» остались незабываемыми в сознании многих китайцев. Отмечая это, журнал «Ляован» привел типичное высказывание одного ганьбу, руководителя предприятия: «В Китае всегда, от Хун Сю (цзюаня) до Сунь Ятсена, выступали за равенство. Коммунизм тоже выступает за то, чтобы всеобща стали зажиточными. Еда в большом котле всегда лучше, чем ее отсутствие». Опросы рабочих в 1986 г. показали, что каждый третий из них сомневается в соответствии реформ принципам марксизма-ленинизма: 3 % считают, что все реформы «смахивают на капитализм»; 14 — уверены, что развитие индивидуально-трудовой деятельности ведет к капитализму; 38 % считают, что политика, позволяющая одним становиться зажиточнее других, «зажигает зеленый свет для дельцов, занимающихся незаконными операциями, и может привести к делению общества на бедных и богатых»¹³.

Сопротивление реформам на социальном уровне обусловлено ростом множественности общественных интересов, большей открытостью их проявлений. Развитие разных форм собственности, расширение самостоятельности основных производителей послужили базой роста самосознания социальных групп, формирования их способности вы-

ражать свои чаяния. По мере того как результаты реформ становились все ощутимей, выяснилось, что, выступая единым фронтом за изменение общественных отношений, различные социальные группы нацелены на несовпадающие, порой противоположные результаты.

Проведенные в 1986—1987 гг. социологические исследования выявили широкий спектр представлений населения о том, каковы же должны быть итоги реформы. Рабочих, например, прежде всего волновало повышение заработной платы, тогда как хозяйственные руководители опасались, что «некоторые люди предъявляют слишком высокие требования к росту доходов». Большинство социальных групп ожидали пресечения протекционизма и использования служебного положения в личных целях, а руководители не придавали большого значения этой проблеме. Работники торговли, сферы обслуживания, индивидуальных и частных предприятий связывали с реформой надежды на расширение свободы выбора, равные условия конкурентной борьбы, увеличение социальной мобильности, в то время как подавляющая часть окружающих осуждала их и чинила препятствия их деятельности, видя в ней «обогащение нечестным путем».

Закономерным стало то, что вокруг каждого направления реформы возникли столкновения интересов. При этом один и тот же социальный слой в зависимости от обстоятельств может выступать как активный сторонник одних преобразований и как противник других. Как видно из таблицы 1, у всех основных социально-классовых образований китайского общества восприимчивость к экономической реформе в целом имеет знак «плюс». Вместе с тем в рамках общего позитивного отношения видны и существенные различия, позволяющие определить некоторые характерные черты социальной обстановки в стране.

Наиболее консервативную роль играет рабочий класс. Из десяти самых «чувствительных» для классовых интересов направлений реформы к четырем рабочие государственного сектора относятся со скрытым недовольством, к двум — нейтрально. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что свыше 80 % из них обеспокоены снижением своего социального статуса и сравнительно медленным, по их мнению, чем у других слоев, ростом доходов. Этот класс тяготеет к старой хозяйственной системе с ее пожизненной занятостью и уравниловкой. Так, если среди руководителей и интеллигенции 75 % опрошиваемых рассматривают «большой котел» как одну из серьезнейших проблем китайского общества, то среди рабочих — только половина¹⁴.

Современному рабочему классу КНР менее всего присущи тяга к новому и стремление к совершенствованию. В ходе опроса 1986 г. только 42 % респондентов заявили о своем желании пройти дополнительную подготовку для повышения профессионального уровня¹⁵. Примером реакций на изменения, которые несет с собой реформа, служат высказывания рабочих девяти убыточных промышленных предприятий города Цинхуандао, продававшихся с аукциона в 1988 г. В репортаже агентства Синьхуа приводятся слова одного из них: «Я простой рабочий и, может быть, не столь дальновиден. Но я не хочу, чтобы мою фабрику продавали с аукциона». Вот ответ женщины — ветерана труда: «Я не хочу, чтобы фабрику продавали с аукциона, потому что я тружусь на ней с 1956 г., хотя она и бедная». Серьезные опасения у многих вызывала возможность приобретения предприятий зарубежными предпринимателями, допущенными к аукциону: «Иностранцы такие несговорчивые, они контролируют тебя, даже если ты пошел в туалет», «перестаешь себя уважать, когда тобой командует иностранец», «мне не нужны большие деньги, мне бы только жить повольготнее».

Таблица 1 отражает расстановку социальных сил в КНР лишь в первом приближении. Происшедшие в КНР за последнее десятилетие изменения со всей отчетливостью обнаружили несовершенство привычного деления социалистического общества на два класса — рабочих и крестьян, — прослойку интеллигенции и (иногда) маргинальные группы. Благодаря экономической реформе проступили объемные социальные структуры, не вмещающиеся в общепринятые рамки определения классов.

Для понимания всей глубины противоречий китайской действительности недостаточно рассматривать одну только сферу классовых отношений. Важнейшей социологической характеристикой «сталинской» модели социализма, к которой принадлежал и от которой в последнее время пытался отойти Китай, является деиндивидуализация, господство психологии толпы. По определению З. Фрейда, человек в толпе регрессирует, легко поддается внушению и подчиняется авторитету, а поступками масс

Таблица 1
 Отношение к реформам разных социальных групп
 (по материалам опросов общественного мнения 1986—1988 годов)

Направления реформы	Ра- бочие	Ганьбу	Интели- генция	Крестья- не	Новые слои*
1. Развитие разнообразных форм собственности (кооперативной, индивидуальной, частной, смешанной)	2	3	4	5	5
2. Преобразование государственной собственности (аренда, лизинг, акционерные предприятия)	2	4	5	4	5
3. Сокращение сферы директивного планирования	3	5	4	5	4
4. Расширение самостоятельности предприятий, реорганизация системы «народных коммун»	5	5	4	5	5
5. Реформа налоговой и кредитной системы	3	4	5	5	5
6. Реформа цен	2	2	3	3	3
7. Создание системы ответственности на предприятиях, переход деревни на семейный подряд	4	3	5	5	5
8. Увязка оплаты труда с его конечными результатами, меры по созданию рынка рабочей силы	2	3	3	5	5
9. Реорганизация органов хозяйственного управления, сокращение аппарата	5	2	4	4	4
10. Политика «открытых дверей»	4	5	5	3	5
Коэффициент восприимчивости к реформе ($K_{\dots}$)**	+0,1	+0,4	+0,6	+0,7	+0,8

* К новым слоям относятся социальные группы, сформировавшиеся благодаря реформе: зажиточные крестьяне («специализированные дворы»), частники, рабочие смешанных предприятий и др.

** Определяется по формулам $K_+ = \frac{\sum_+ - 30}{20}$, $K_- = \frac{30 - \sum_-}{20}$, где K_+ — коэффициент позитивного отношения к реформе, K_- — коэффициент негативного отношения к реформе $\sum_{\dots}$ — сумма цифровых значений по каждой социальной группе. Значения каждого коэффициента колеблются от -1 до +1.

Условные цифровые обозначения: 5 — активная поддержка
 4 — сочувственное отношение
 3 — нейтральное отношение
 2 — скрытое недовольство
 1 — активное противодействие

«почти исключительно руководит бессознательное»¹⁶. В соответствии с этим антагонизмы при социализме, в отличие от капиталистического общества, следует искать прежде всего в этнической и конфессиональной сферах, где главная роль принадлежит бессознательному.

Такой подход объясняет, почему в Китае, как и в некоторых других социалистических государствах, сразу после начала реформы в самой острой форме выразились межнациональные противоречия. В течение 80-х годов кровавые столкновения происходили в Тибете, Синьцзяне и еще ряде районов КНР. И всякий раз стороны, участвовавшие в конфликте, демонстрировали свою непримиримость, нежелание идти на компромиссы. Нередко их действия были аналогичными, не соответствующими обстановке и объяснимыми исключительно «психологией массы».

Именно в тот период, когда центр и тибетские власти стали стремиться к учету местных национально-религиозных особенностей и удовлетворению разумных требований населения Тибета, резко участились акты гражданского неповиновения. Так, в январе 1988 г. впервые за многие годы на расширенном заседании парткома автономного района было признано, что «практически каждый в Тибете — верующий. Историческое развитие тибетцев связано с религией. Поэтому национальный и религиозный вопросы в Тибете являются долговременными и сложными»¹⁷. Однако на это же время — 1988—1989 гг. — приходится пик выступлений протеста, когда эмоциональные призывы к «независимости Тибета» провоцировали массы на хулиганские действия.

С учетом наметившихся изменений в национальной политике от официальных властей можно было ожидать разумного диалога с представителями национального движения. Тем более, что стал накапливаться определенный опыт, позволивший, например, за счет профилактической работы предотвратить волнения в Лхасе в октябре 1988 г. Но воспитанное предубеждение по отношению к тибетцам не позволило местной администрации вступить на путь мирного разрешения конфликта. За месяц до трагических событий в Пекине, в марте 1989 г., демонстрация, состоявшая из 13 монахов, в конце концов вылилась в крупное столкновение с полицией, в результате которого 11 человек погибли и более ста получили ранения¹⁸.

Конфликты на конфессиональной почве, возникшие на культурно-психологической основе, имеют в Китае разнообразные формы. Глубоко укоренившаяся непримиримость разделяет общество по таким, например, признакам, как место жительства и возраст. Вследствие резко различающихся уровня жизни, традиций, менталитета непроходимая пропасть лежит между жителями прибрежных и внутренних районов страны, Юга и Севера. При изучении феномена «культурной революции» советскими китаеведами был сделан вывод о том, что одной из важнейших предпосылок социальных потрясений 60-х годов стали противоречия поколений. В этом отразилась общая закономерность, характерная для определенного типа изолированных культур, где, по замечанию американского этнографа М. Мид, «от каждого молодого поколения ждут мятежа — презрения к пожеланиям старших и захвата власти у людей старших, чем они сами»¹⁹. Такой конфликт может иметь разные последствия. Если во время «культурной революции» действительно произошел и был умело использован в своих целях «левый» крылом руководства КПК «мятеж» молодежи, то политический кризис 1989 г. стал своего рода реваншем старшего поколения.

В последнее десятилетие этноконфессиональные антагонизмы служили важнейшим источником обострения социальной напряженности и при всей своей неоднозначности оказали на реформу сильное негативное влияние. Национальные движения, справедливо выступая против ущемления прав меньшинства, в то же время послужили еще одним тормозом многих хозяйственных преобразований. Находясь по сравнению с ханьцами на более низком социально-экономическом и культурном уровне, жители национальных окраин продемонстрировали сильную тягу к натуральному обмену и уравнительному распределению, что вошло в прямое противоречие с целями реформы. Точно так же среди этнического большинства представители остальных районов оказались консервативнее остальных. Опрос общественного мнения в 1988 году показал, что 74 % населения одного из самых развитых и «открытых» для иностранцев городов — Гуанчжоу твердо верят в необходимость осуществления реформы цен и готовы мириться с сопровождающими ее трудностями. Если бы их точку зрения разделяло большинство китайцев, реформа, несомненно, встретила бы меньше препятствий. Однако более типичной явилась позиция жителей города Далянь, которые единодушно согласились на замораживание зарплаты, лишь бы цены оставались стабильными²⁰.

Сильное неприятие реформ продемонстрировало старшее поколение китайцев вне зависимости от принадлежности к тому или иному социальному слою. Как выяснили социологи Исследовательского института реформы экономической системы, рубежным является сорокалетний возраст. Среди тех, кто перешел его, восприимчивость к риску встречается в 1,6 раза реже, чем у остальных; независимость поведения и оценок — в 1,5 раза. Доля тех, кто испытывает необходимость в свободном выборе работы, среди первой группы составляет 36,9 %, среди второй — 56,4 %; тех, кто готов принять угрозу остаться безработным ради существенного увеличения заработка, — соответственно 19,5 и 33 %²¹.

Что касается социально-классовых конфликтов, то здесь главная линия раздела пролегла между слоями, служившими опорой старому, дореформенному режиму, и теми, кто принял активное участие в реформах и получил от них прямую выгоду. Среди слоев, традиционно считающихся основными для социалистических стран, только рабочий класс — да и то не весь, а лишь рабочие государственного сектора, охваченные системой пожизненной занятости и наследования рабочих мест, — проявил относительно однородность интересов. В то же время различия внутри крестьянства, руководителей и интеллигенции оказались более глубокими, чем между ними.

Если до начала реформы китайское крестьянство делилось главным образом по имущественному признаку (на сытых и голодных), то теперь различия стали более глубокими и затронули отношения собственности. Так, по данным одного из обследований 1981 г., крестьянские дворы еще ранжировались по четырем признакам: обеспеченность пищей, одеждой, жильем и деньгами. Обследования середины 80-х годов продемонстрировали уже иную картину. Сельское население раскололось на две неравные группы: зажиточные крестьяне, имеющие «в относительном достатке средства производства» и способные вести товарное хозяйство, и остальное население деревни, принадлежащее к натуральному мелкокредьянскому хозяйству и делящееся в свою очередь на категории «сытых и одетых» и «бедных»²².

Конфликтные ситуации в деревне заметно участились именно среди этих двух слоев. Основная масса крестьянства, принадлежащая до сих пор к традиционному восточному типу, негативно восприняла появление «нуворишей», являющихся, по определению журнала «Баньюэтань», «наиболее активными элементами на селе», «культурными людьми, обладающими техническими навыками, деловой хваткой, отдающими всю душу своему делу, стремящимися к знаниям, желающими вкладывать деньги в производство»²³. На протяжении 80-х годов китайская пресса постоянно сообщает о многочисленных случаях притеснений, запугиваний зажиточных крестьян, физических расправ с ними, воровства и погромов.

Отношение к реформе руководителей и интеллигенции неоднородно, а порой и полярно. В этих слоях находятся самые активные инициаторы и проводники общественных преобразований. В то же время их представители наиболее последовательно выражают свое недовольство или неудовлетворенность новыми процессами. По данным одного из опросов 1989 г., 12 % из выборки руководителей и интеллигенции назвали итоги десятилетних реформ неудачными и указали на «необходимость пересмотреть» избранный курс²⁴.

Нарастание общественных противоречий привело к усилению недовольства населения положением в стране. Как свидетельствуют материалы наиболее представительных опросов общественного мнения, доля негативно настроенных людей в целом по стране увеличилась с примерно 10 % в 1987 г. до 62 % в 1989 г. (см. табл. 2). Состав недовольных оказался очень неоднородным: для одних была неприемлема реформа цен и зарплаты, другие проявили нетерпимость к «выскачкам» из новых социальных слоев, третьих не устроило замедление темпов радикальных преобразований. Наиболее «взрывоопасное» положение сложилось в тех социальных группах, которые были преисполнены высоких ожиданий от реформы. К ним в первую очередь относятся студенчество, а также некоторая часть интеллигенции и руководителей, то есть все те, кто имеет лучшие навыки организованности.

Материалы социологических исследований наглядно свидетельствуют о том, что к 1989 г. кризис в стране назрел и предпосылки его имели чисто внутренний характер. Быстро нарастало количество выступлений протеста и актов гражданского неповиновения. Если в 1987 г. в КНР, судя по официальным сообщениям, состоялась 18 забастовок, то в первой половине следующего года — уже 49. Тогда же, в первом полугодии 1988 г., резко увеличилось число заявок на проведение уличных демонстраций. Административными органами было зарегистрировано свыше тысячи таких документов, причем преимущественно составленных студентами. Наконец, за весь прошлый год Госсовет КНР получил 180 групповых петиций с различными требованиями и протестами²⁵.

При всем разнообразии мотивов недовольных объединило одно — представление о том, что во всех трудностях виновато руководство страны. В этом отразилось главное противоречие всех реформ, проводимых «сверху». В течение десяти лет население продолжало оставаться либо сторонним наблюдателем, либо всего лишь потребителем результатов преобразований. Изменить такое положение можно было бы с помощью

реформы политической системы, последовательной демократизации общества, которая бы обеспечила коллективную ответственность всех социальных слоев за происходящее в стране.

Таблица 2

Рост недовольства населения КНР положением в стране (по материалам опросов общественного мнения; в процентах)

Социальные группы	1987 г.	1988 г.	1989 г.*
	Доля пессимистично оценивающих перспективы политического развития страны (N 4244)	Доля негативно относящихся к углублению экономической реформы (N 9939)	Доля негативно оценивающих современное политическое положение в стране
Население в целом	около 10	более 40	62
Рабочие	13	32	50
Крестьяне	(1)**	—	59
Интеллигенция	11—12	33—43	70
Студенчество	24	—	—
Ганьбу	10	41	69

* Опрос проведен до начала студенческих волнений.

** Результат опроса крестьян в 1987 году несопоставим с данными по остальным социальным группам. Он взят из другого обследования и показывает долю неудовлетворенных происшедшими в деревне изменениями. Тем не менее этот показатель позволяет увидеть динамику настроений крестьянства в 1987—1989 годах.

Источники: Ляован.— 1987.— № 33.— С. 21; 1988.— № 18.— С. 14; Жэньминь жибао.— 1988.— 12 апреля; Чжэньминь.— 1989.— № 5.— С. 50.

Понимая необходимость политической перестройки, руководство КНР с начала 80-х годов взяло курс на ослабление сверхцентрализации управления и развитие элементов самоуправления. В этих целях была проделана сложная работа по реорганизации управленческого аппарата.

Однако эффективность этих преобразований оказалась весьма низкой, а некоторые из них закончились полной неудачей. Безуспешны были попытки сократить численность партийно-государственного аппарата, а также расходы на его содержание. За последние 10 лет количество руководителей в стране увеличилось с 18 до 27 млн. человек, а бюджетные расходы на административные нужды выросли в 2,5 раза.

Отсутствие крупных прорывов в осуществлении реформы политической системы вызвало нарастающее неудовлетворение определенной части китайского общества, прежде всего в среде интеллигенции и студенчества. Всекитайский опрос молодежи (возраст до 35 лет) в 1987 г. установил, что почти 80 % ее представителей считают необходимым добиваться демократизации общества, но более половины при этом не доверяют правительству. Во время волнений в мае 1989 г. китайские руководители вынуждены были признать, что многие из намечавшихся политических реформ не были претворены в жизнь. Так, Янь Минфу на одной из встреч с демонстрантами признал: «Хотя решение XIII съезда партии предусматривало установление диалога с различными слоями населения — разумеется, включая и диалог со студентами,— мы не приняли мер, которые должны были принять. Это наша вина»²⁶.

Однако трудности политической реформы нельзя объяснять только ошибками тех или иных руководителей. Существуют серьезные социальные предпосылки, обуславливающие столь медленный, с частыми отступлениями и срывами процесс демократизации в КНР. Прежде всего, реальностью остается низкая политическая культура населения стра-

ны, большая часть которого не испытывает потребности участвовать в управлении государством, своим предприятием, иметь гарантии прав человека. Исследования социологов показывают, что жители большинства социалистических стран невысоко ставят такую, например, ценность, как личная свобода. Даже в Венгрии, имеющей сравнительно богатый опыт демократизации, лишь 25 % населения в ходе одного опроса назвали свободу в числе первых четырех из 18 предложенных первоочередных жизненных ценностей. В среднем же венгры ответили свободе 8-е место, тогда как американцы — 3-е²⁷.

Неудивительно, что, по результатам китайских социологических опросов, у политической реформы оказалось больше противников, чем тех, кто высказывается за радикальную и комплексную перестройку (соответственно 18,4 и 17,2 %). Что же касается основной массы населения, то она хотя в целом поддерживает идею демократизации, но это одобрение носит пассивный характер. Даже среди молодежи лишь 20 % считают, что «демократические свободы — это то, в чем в настоящее время больше всего нуждается Китай». По мнению же свыше 10 %, в них вообще нет необходимости²⁸.

Первостепенным фактором, сдерживающим политическую реформу, стало положение в КПК. Китай не стал исключением среди стран социализма, в которых правящие партии хотя и выступили инициаторами обновления общества, но оказались вскоре в арьергарде перестройки. Поскольку экономические преобразования неизбежно выдвинули на историческую авансцену новые социальные группы, то естественно, что изменения в политической системе, рано или поздно выходящие на вопрос о власти, вызвали крайне болезненный отклик в рядах КПК, выражающей позицию консервативных социальных слоев, служивших опорой режиму в годы «большого скачка» и «культурной революции» (рабочие государственных предприятий, беднейшие слои крестьянства, часть руководителей).

Хотя в высшем руководстве партии нашлись силы, способные развернуть реформы, подавляющая часть членов КПК осталась главным оплотом авторитаризма и догматизма в стране. Даже через десять лет после начала перестройки лидеры КНР вынуждены были констатировать, что «некоторые члены партии не уяснили до конца того, что реформы и расширение внешних связей необходимы» и что «ради реформ надо идти на определенные жертвы»²⁹.

Вплоть до настоящего времени КПК насчитывает многочисленный отряд выдвинутых «культурной революции» (около 16 млн. человек), для которых общественные преобразования всегда будут «скорее смахивать на капитализм, чем на социализм». Установки высшего руководства заставляют их врасплох, вызывают панику и бездеятельность. Проверки на местах то и дело выявляют случаи развала организационной работы. Журнал «Цюши» в мае 1989 г. привел пример одного, неназванного, уезда, где за последние два года 80 % парторганизаций не провели ни одного собрания, а 42 % — за десять лет не приняли ни одного нового члена³⁰.

В общенациональную проблему превратилось разложение партийных рядов, ставшее одной из главных тем выступлений протеста населения во время политического кризиса. В 1987—1989 гг. около 30 % всех хозяйственных преступлений, прежде всего хищений и взяток, пришлось на членов КПК. В 1982—1986 гг. свыше 67,6 тыс. партийцев получили взыскания за различные хозяйственные нарушения, а с 1987 г. ежегодно наказывалось до 100 тыс. человек³¹.

За время, прошедшее после событий весны 1989 г., в общественной жизни страны намечились новые процессы, позволяющие дать предварительную оценку того, какое влияние оказал политический кризис на судьбу реформы. Высшие руководители КНР настойчиво подчеркивают неизменность избранного курса, призывают к дальнейшему углублению преобразований. Прямо противоположную точку зрения высказывают представители демократической оппозиции. В одном из интервью Су Шаочжи заявил: «С реформами покончено. Конечно, они будут говорить, что хотят продолжать экономические преобразования, но это — для ушей иностранцев, чтобы продолжали поступать капиталовложения»³².

Конкретные меры китайского руководства свидетельствуют о стремлении как можно скорее оздоровить обстановку в стране. Ведется энергичная борьба с чрезмерным ростом совокупного общественного спроса, с инфляцией. Приняты чрезвычайно жесткие решения, направленные на фактическое удовлетворение наихудших требований, выдвигаемых студентами во время волнений. Совместным постановлением ЦК КПК и Госсовета КНР отменены многие привилегии для руководящих работников (закрыты спец-

распределители, ограничены права пользования персональным транспортом, сокращены заграничные командировки, введен запрет для родственников заниматься коммерческой деятельностью и др.). Китайская пресса регулярно сообщает об усилении судебного преследования руководителей за хозяйственные преступления. В течение первого полугодия 1989 г. в 3,5 раза увеличилось количество дел по хищениям и взяткам на сумму, превышающую 10 тыс. юаней, на 58 % выросло число вынесенных смертных приговоров³³.

Вместе с тем уже сами методы разрешения кризиса предопределили существенную социальную переориентацию политики руководства КПК. Начинает отчетливо проследиваться стремление опереться на неактивную пока часть общества и ограничить формирование новых слоев. Симптоматичным является возрождение призывов типа «распространять опыт Дацина», которые не могут не вызывать у масс ассоциаций с периодом 70-х годов.

Одновременно в целях «не допустить размыва государственной собственности» запрещено создание новых акционерных предприятий. В июле 1989 г. была объявлена всекитайская ревизия и чистка индивидуальных и частных предприятий. Началось стремительное снижение их числа. Количество занятых в этом секторе с начала года упало на 3,6 млн. человек, или на 15,7 %³⁴. Все это указывает на вступление страны в какой-то новый этап, и трудно предсказать, в каком соотношении окажутся чрезвычайные меры и реформы.

¹ Жэньминь жибао.— 1989.— 7 июля.

² Там же.— 1989.— 25 июня.

³ Так, в США по инициативе бежавших через Гонконг Янь Цзяци, Су Шаочжи, студенческого лидера Уэркайси, писателя Лю Биньяня (исключен из КПК в 1987 г. после студенческих демонстраций в Шанхае) и бывшего «образцового» предпринимателя Ван Жуньяня создан так называемый Фронт демократического Китая.

⁴ Жэньминь жибао.— 1989.— 28 июня.

⁵ ЭКО.— 1989.— № 3.— С. 22.

⁶ См.: Чжунго даду.— 1987.— Т. 20.— № 6.— С. 64—65.

⁷ См.: Проблемы Дальнего Востока.— 1989.— № 3.

⁸ Вопросы психологии.— 1988.— № 6.— С. 7.

⁹ Жэньминь жибао.— 1986.— 23 августа.

¹⁰ Ляован.— 1986.— № 50.— С. 10; 1989.— № 2.— С. 10.

¹¹ Цзинцзи яньцзю.— 1987.— № 12.— С. 59.

¹² Ляован.— 1988.— № 31.— С. 9.

¹³ Там же.— 1986.— № 50.— С. 9—10.

¹⁴ См. там же.— 1988.— № 21.— С. 27—28; China Reconstructs.— 1987.— January.— P. 57.

¹⁵ См.: Ляован.— 1986.— № 37.— С. 19.

¹⁶ См.: З. Фрейд. Избранное.— Лондон, 1969.— Т. 1.— С. 85—86.

¹⁷ Lhasa, Tibet Regional Service in Standard Chinese.— 1988.— 10 January // BBC Summary of World Broadcasts.— 1988.— January.— EE/0047, B2/1.

¹⁸ In: Beijing Review.— 1989.— March 18—19.— P. 7—8; 1989.— March 27, April 2.— P. 27—30.

¹⁹ М. Мид. Культура и мир детства // Избранные произведения.— М., 1988.— С. 334.

²⁰ См.: Ляован.— 1988.— № 31.— С. 9.

²¹ Реформа: вызов и выбор, стоящие перед нами.— Пекин, 1986.— С. 250—251 (на кит. яз.).

²² См.: Цзинцзи яньцзю.— 1982.— № 6.— С. 54; Жэньминь жибао.— 1985.— 17 августа.

²³ Ваньюэтань.— 1984.— № 24.

²⁴ China Daily.— 1989.— April 8.

²⁵ См.: Минбао.— 1988.— 28 октября.

²⁶ Peking television.— 1989.— May 14 // BBC Summary of World Broadcasts.— FE/0459, B2/2.

²⁷ См.: Я. Корнати. Личная свобода и реформа социалистической экономики // Экономика и математические методы.— 1989.— Т. XXV.— Вып. 4.— С. 593—594.

²⁸ См.: Шинце цзинцзи даобао.— 1987.— 26 октября; Inside China Mainland.— 1989.— April.— P. 8.

²⁹ См.: Жэньминь жибао.— 1989.— 17 марта.

³⁰ См.: Цюши.— 1989.— № 9.— С. 27.

³¹ Жэньминь жибао.— 1989.— 31 июля; Far Eastern Economic Review.— 1988.— June 16.— P. 22; China Daily.— 1988.— August 16.

³² Newsweek.— 1989.— August 14.— P. 52.

³³ Жэньминь жибао.— 1989.— 27 июля; 8, 12 августа.

³⁴ Там же.— 6; 12; 20 августа; 30 июля.

Можно ли преодолеть инфляцию!

М. СОЛНЦЕВА

В течение последних полутора лет обсуждение проблем инфляции не сходит со страниц китайской печати. Это не удивительно. В 1987—1988 гг. рост цен приобрел такие масштабы, что его негативные последствия коснулись каждой семьи и стали предметом бурных дискуссий.

До недавнего времени в китайской экономической науке, так же как и в советской политической экономии социализма, отсутствовало само понятие инфляции применительно к социалистической экономике. Считалось, что явление переполнения каналов денежного обращения свойственно лишь капиталистическому хозяйству, а в рамках социалистической экономики, обеспечивающей плановое регулирование всех хозяйственных процессов, кратковременная инфляция может стать или результатом ошибочной экономической политики, или явлением, привнесенным извне. В настоящее время, когда быстрое развитие инфляционных процессов в китайской экономике невозможно стало игнорировать, китайские экономисты получили наконец возможность перейти от ритуальных заклинаний об отсутствии корней инфляции при социализме к взвешенному анализу ее сущности, причин ее возникновения и тенденций этих процессов в конкретной экономической ситуации.

Объективной основой долговременного замалчивания этих проблем политэкономией социализма являлось не отсутствие инфляции в экономической реальности, а скрытый, подавленный характер, присущий этому явлению в рамках административной системы хозяйствования. В условиях, когда отношения прямого распределения продукта господствовали над рыночными, цены фактически утратили свою природу формы стоимости, связь с уровнем общественно-необходимых затрат и колебаниями спроса и предложения. В течение десятилетий цены играли лишь счетные функции и устанавливались произвольно. Стабильность цен провозглашалась при этом преимуществом социализма, и свойственная им подвижность была потеряна. За период 1952—1978 гг. прирост общего уровня розничных цен составил всего 21,6 %¹. Следовательно, по признаку темпов роста цен, который считается определяющим для установления уровня инфляции, ее словно не существовало. Однако под давлением жесткой ценовой политики инфляционные процессы, не имеющие возможности вырваться наружу в виде роста цен, накапливаются в глубине, проявляясь в форме не количественного, а качественного обесценивания денег, то есть в хроническом, растущем дефиците товаров. Практика развития бюрократической модели социализма как в Китае, так и в других странах показывает, что качественной характеристикой этой модели является дефицитность экономики.

Однако, начиная с 1984 г., инфляция все более и более начинает проявляться в своей явной форме — как прямое, нарастающее виток за витком повышение цен, охватывающее всю товарную массу. В период 1985—1987 гг. среднегодовой прирост общего уровня розничных цен составлял 7,3 %, а в 1988 г. увеличился до 18,5 %².

Среди китайских экономистов и общественности широкое распространение получила точка зрения, согласно которой причиной резкого повышения цен стало проведение экономической реформы. Хотя за десять лет ее осуществления не проводилась единовременная крупномасштабная реформа цен, но за это время система ценообразования и цен была в значительной мере изменена. Эти преобразования шли по пути ослабления степени централизации ценообразования, снятия жесткого административного контроля, постепенного вытеснения единых плановых цен плавающими и рыночными ценами (промежуточной ступенькой стала система «двойных цен»). В результате реформ цене была

Солнцева Марина Георгиевна, научный сотрудник ИДВ АН СССР.

возвращена утраченная гибкость, и она получила возможность в процессе формирования рынка играть свойственную ей роль зеркала, отражающего состояние экономического организма и болезни его развития, свойственные данному этапу. Кроме того, меры по регулированию цен в рамках реформы были призваны восстановить рациональные пропорции в системе цен и объективно привели к некоторому увеличению цен на продукцию отдельных отраслей (сельского хозяйства, сырьевых отраслей и т. д.). Однако основную составляющую — около двух третей — современного роста цен дает не плановое их повышение в рамках реформы, а действие механизма закона стоимости в реальных условиях китайской экономики. Скачкообразный рост цен произошел именно в тот период времени, когда темпы дальнейшей реформы ценовой сферы были сознательно замедлены, чтобы смягчить недовольство населения по поводу ощутимого повышения общего уровня цен в 1985—1986 гг.

Таким образом, неправильно было бы обвинять экономическую реформу в обострении инфляции в то время как перестройка экономического механизма лишь заменила скрытую форму ее проявления (дефицит) на явную (рост общего уровня цен).

На начальной стадии развития инфляционных процессов среди экономистов возникли разногласия по вопросу о роли инфляции в процессе ускоренного развития экономики. Часть ученых предлагала использовать инфляцию в качестве стимулятора экономического роста. Такая точка зрения вызвала бурные возражения. Авторитетные китайские экономисты обоснованно доказали, что в соответствии с теорией экономического роста инфляционная стратегия, хотя и позволяет на короткое время добиться очень высоких темпов роста ВВП, но с точки зрения длительной перспективы в условиях дефицита ресурсов и чрезмерного эффективного спроса проведение инфляционной политики может лишь вызвать затяжную стагфляцию³. Кроме того, они доказывали наличие обратной связи между ростом ВВП и темпом увеличения денежной массы в обращении, особенно на длительном временном отрезке⁴. Таким образом, преобладающим в китайской экономической науке в настоящее время является взгляд на инфляцию как на безусловно негативное экономическое явление.

В складывающейся напряженной ситуации одним из центральных становится вопрос о коренных причинах резкого обострения проблемы инфляции в последние 4—5 лет. От правильности его разрешения, как от верной постановки диагноза, зависит принятие оптимальных решений о дальнейших путях сознательного регулирования инфляционного процесса. Китайские экономисты предлагают рассматривать инфляцию как результат действия целого комплекса дестабилизирующих факторов как монетарного, так и общеэкономического характера. Происходит чрезмерно быстрый экономический рост в условиях расстройств системы денежного обращения. Действительно, анализ ряда факторов свидетельствует об имеющей место тенденции к углублению дисбаланса между массой денег в обращении и физическим объемом производимых товаров и услуг.

В качестве важной (и наиболее явной) причины инфляции рассматривается нарушение законов денежного обращения, потеря контроля за темпами роста денежной эмиссии. По подсчетам китайских специалистов, с учетом необходимости поддерживать годовые темпы экономического роста на уровне 8 % для КНР среднегодовой прирост денежной массы должен удерживаться в пределах 11—15 %⁵. На практике в период 1984—1987 гг. общее количество денег в обращении (включающее наличные деньги и банковские кредиты) возрастало гораздо более высокими темпами, чем валовый национальный продукт и доходы на душу населения: в 1985 г. темп роста денежной массы составил 24,7 %, в 1986 — 23,4 %, в 1987 — 19,4, в 1988 — 46,6 % при росте ВВП соответственно на 12,3, 7,8, 9,4 и 11,2 %⁶. Статистические данные (см. таблицу) свидетельствуют о финансировании экономики с помощью печатного станка и об уменьшении товарной обеспеченности денежной единицы.

«Перегрев» экономики и находит свое выражение в чрезмерно быстром разрастании совокупного спроса, как потребительского, так и производственного. Увеличение вложений в основные фонды является постоянно действующей тенденцией и значительно опережает по темпам рост материального обеспечения инвестиций. Так в течение 1984—1988 гг. среднегодовой темп прироста капитальных вложений составлял 23,7 %, а производство стального проката за это же время возрастало со скоростью всего 8,9 % в год, производство древесины — 3,8 %, цемента — 13,4 %⁷. Ослабление административного контроля и переход промышленности на систему подрядной ответственности вызвало не только большой количественный рост инвестиций, но и изменение их структуры. Значитель-

Таблица

Годы	1978	1984	1985	1986	1987	1988
Соотношение между денежной массой в обращении и объемом розничного товарооборота	1:8,05	1:5,86	1:5,24	1:5,01	1:4,70	1:4,40
Соотношение между денежной массой в обращении и товарными запасами розничной торговли	1:4,54	1:2,54	1:2,31	1:2,16	1:2,00	1:1,60
Соотношение между избыточной покупательной способностью населения и товарными запасами розничной торговли	1:2,00	1:1,02	1:0,91	1:0,82	1:0,69	1:0,60

Источник: Beijing Review.— 1989.— № 36.— P. 22.

ное расширение источников капиталовложений за счет внебюджетных средств и банковских кредитов в сочетании с ростом самостоятельности местных хозяйственных органов и производственных единиц привело к тому, что среднегодовое увеличение внебюджетных вложений в основные фонды (30 % за рассматриваемый период) значительно превышает прирост инвестиций из государственного бюджета (3,5 %). Среди предприятий государственной собственности наиболее быстрыми темпами расширяются фонды мелких предприятий. В условиях ослабления административного контроля и слабой отлаженности механизма банковского кредитного регулирования рост объема капиталовложений чрезмерен, их структура нерациональна, а возможности целенаправленного воздействия на них крайне ограничены (особенно это касается внебюджетных вложений в основные фонды предприятий государственной собственности, а также предприятий коллективного и индивидуального секторов экономики).

Параллельно с нарастанием производственного спроса происходит и несоразмерное темпам экономического роста разбухание потребительского спроса. Значительно увеличиваются денежные доходы населения, причем не только за счет доходов по труду. Существующая система оплаты труда и премирования работников не может обеспечить прямой зависимости доходов от результатов труда, и темпы роста денежных доходов превышают темпы увеличения производительности труда. В течение последних лет объем выплаченной заработной платы (вместе с премиями) быстро увеличивался: в 1984 г. его прирост составил 22,3 %, в 1985 — 26,2, в 1986 — 20,8 %, в 1987 г. — 16,4 %⁸. Повышение покупательной способности населения не обеспечивается соответствующим приростом производства товаров и услуг. Низкий уровень процентных ставок по банковским вкладам в сочетании с высоким индексом роста цен не способствует увеличению сбережений населения. В такой ситуации, напротив, люди стремятся извлечь свои сбережения из банков и как можно скорее превратить деньги в материальные ценности. В момент обострения обстановки в августе—сентябре 1988 г. волна таких изъятий и массовых закупок (особенно товаров длительного пользования) прокатилась по всей стране, оказывая дестабилизирующее воздействие на рынок, усиливая дефицит товаров народного потребления и нагнетая панические настроения.

Особое внимание следует обратить на увеличение потребления коллективов предприятий, учреждений и организаций. За период 1978—1988 гг. его объем возрос в 4,7 раза. Кроме необходимых расходов, связанных с выполнением коллективами своих функций, сюда также входят и расходы на дорогие автомобили, организацию банкетов и увеселительных поездок, роскошное оформление офисов и т. п. Доля этих расходов в общем фонде потребления не опускается ниже 13 %, а по темпам роста они обгоняют национальный доход⁹. В ходе регулирования уровня совокупного спроса в сторону пони-

жения именно эта составная часть потребительского спроса должна быть сокращена в первую очередь.

Складывающаяся в результате действия рассмотренных дестабилизирующих факторов сложная экономическая ситуация, для которой характерна общая несбалансированность финансовых и материальных ресурсов, хроническое превышение совокупного спроса над предложением, усугубляется неотлаженностью таких традиционных регуляторов рынка, как финансовая, налоговая и кредитная системы.

Нетрудно заметить, что дестабилизирующие экономику процессы в сферах денежного обращения, оплаты труда, финансирования, так же как и процесс ценообразования, являются элементами функционирования хозяйственного механизма как системы движения экономики. Представляется, что эти процессы не связаны с инфляцией прямой причинно-следственной связью, а, будучи явлениями одного порядка, стоят с ней в одном ряду и имеют общие, более глубокие истоки. Для того чтобы уяснить коренные причины быстрого разворачивания инфляционной спирали, нужно, не ограничиваясь хозяйственным механизмом, рассматривать экономическую систему в целом на нынешней ступени ее развития.

Главной особенностью современного этапа развития народного хозяйства КНР является его переходный характер. Для периода, лежащего между ломкой старой экономической системы и становлением плановой товарной экономики, свойственны разбалансированность экономического развития и возникновение хаотических явлений. К настоящему времени хозяйственная реформа уже прошла определенный путь, сняв или ослабив ограничители, внутренне присущие традиционной административной экономике. Жесткий централизованный контроль был ослаблен, местные правительства и производственные единицы получили права самостоятельной хозяйственной деятельности. В то же время реформа почти не затронула пока систему производственных отношений в целом, в основе которой лежат отношения собственности (особенно это касается крупных предприятий общенародной собственности). Не являясь собственником (включая право собственности на продукцию), коллектив работников не может ощущать себя хозяином, несущим полную ответственность за результаты хозяйственной деятельности предприятия как в ближайшем будущем, так и в отдаленной перспективе. Коллектив предприятия и каждый работник, не отвечающие собственным имуществом и не связанные извне ничем, кроме нежестких бюджетных ограничений (система налоговых, банковских и иных ограничителей пока не действует), лишены мотивации к повышению эффективности производства, внедрению технических новшеств, к постановке и достижению долговременных целей развития производства. В условиях, когда конкурентный рынок еще не сформирован, предприятия стремятся использовать предоставленные им реформой права (на самофинансирование, ценообразование и т. д.), исходя из сиюминутных интересов коллектива работников. Отсюда и распыление капиталовложений по мельчайшим объектам с низкой эффективностью хозяйствования, и использование большой доли остающейся в распоряжении предприятий прибыли на выплату премий работникам, и произвольное повышение цен на продукцию.

Таким образом, частично перестроив лишь механизм хозяйствования, экономическая реформа не могла еще обеспечить формирование нового механизма установления и поддержания пропорций. Напротив, в этот переходный период функционирование элементов старой системы в новых внешних условиях усиливает дестабилизирующие тенденции в развитии и без того не равновесной экономики. В китайской экономической литературе существует точка зрения, согласно которой тенденция к росту цен является особенностью начального этапа развития социализма¹⁰. Опыт других социалистических стран, активно перестраивающих бюрократическую модель социализма, убедительно показывает, что обострение инфляции в ее явной форме (или в сочетании со скрытой) характерно для определенного этапа проведения экономических реформ.

В 1987—1988 гг. инфляционные процессы в Китае приобрели галопирующий характер, и все более очевидными становятся их негативные последствия. К экономическим последствиям, затрагивающим все народное хозяйство, вице-президент АОН Китая Лю Гоуан относит расстройство денежного обращения, позволяющее скрыть низкую эффективность хозяйствования, способствующее растратам дефицитных материальных ресурсов и приводящее к несправедливому перераспределению благ¹¹. Существующая система «двойных цен» на средства производства, помимо действия дру-

гих факторов, подталкивает спекулятивное повышение цен на средства производства, которое перекаладывается на потребителя конечной продукции.

Быстрое повышение общего уровня розничных цен не могло не оказывать негативного воздействия на реальный уровень жизни китайского народа. По данным ГСУ КНР, в 1987 г. рост цен вызвал увеличение расходов китайских рабочих и служащих на 129,6 юаней в год, или на 10,8 юаня в месяц. По итогам обследования, проведенного на уровне провинций и трех городов центрального подчинения, в результате повышения уровня цен реальные доходы снизились у 21 % общего числа обследованных семей¹². Уменьшение реальных доходов, понижение уровня жизни начинается с людей, живущих честным трудом, но относящихся к социально уязвимым категориям населения (служащие, студенты, пенсионеры и т. п.), происходит обесценение сбережений, накопленных за долгие годы. Естественно, что наряду с экономической нестабильностью возникают и социальные неурядицы. Появляются настроения недоверия к курсу реформ, обстановка социальной напряженности (особенно в городах) становится опасным фоном для дальнейшего развития всесторонних реформ. Большинство китайских ученых призывает к проведению дальнейших преобразований с учетом способности большинства людей воспринять и «переварить» сопровождающий реформу рост цен.

В обстановке серьезного обострения проблемы инфляции в 1987—1988 гг. в центре дискуссий ученых-экономистов стоял вопрос о перспективах дальнейшего проведения экономических реформ в условиях инфляции. Обобщая обсуждение этого вопроса на страницах китайской печати, можно выделить три основных стратегических подхода¹³:

1. Инфляция создала крайне неблагоприятную обстановку для проведения экономической реформы, в том числе реформы цен. Вызывая поочередное повышение цен на различные группы товаров, она сводит на нет уже достигнутые результаты урегулирования цен, восстанавливает их деформированную структуру. Являясь фактором социальной нестабильности, инфляция возбуждает недоверие населения, ставит под вопрос поддержку народом курса реформы. У людей формируется ожидание дальнейшего нарастания инфляции, которое ведет к занятиям спекулятивной деятельностью, произвольному повышению цен предприятиями и другим подобным явлениям, усугубляющим хаос на рынке. Образование в результате инфляции отрицательной ставки банковского процента (ставка процента оказывается ниже годового индекса цен) нарушает нормальное развитие экономики, приводит к потере контроля над кредитом, росту «слепых» капиталовложений, разбазариванию дефицитных ресурсов и возникновению порочного круга поочередного роста заработной платы и цен. Сторонники рассматриваемого подхода полагают, что нереально в этих условиях рассчитывать на успешное проведение дальнейшей реформы, особенно реформы цен¹⁴. Предлагается ее отложить и осуществлять политику сдерживания методами строгого административного контроля, ожидая того, как по мере формирования здоровой экономической среды станет возможным возобновление реформ. После этого предполагается провести реформу цен в комплексе с перестройкой финансовой, налоговой и денежной систем и одновременно с реформой предприятий государственной собственности.

Аргументы против такого подхода состоят в том, что настойчивое осуществление политики сдерживания может привести к застою в экономике. Кроме того, трудно ожидать, что применение данной стратегии может способствовать формированию свободной экономической среды¹⁵. Опыт антиинфляционного регулирования в европейских социалистических странах позволяет сделать вывод о том, что всеохватывающей административное вмешательство в процесс образования и движения цен и доходов может принести кратковременный успех, но цена за него оказывается неприемлемо высокой, исчезает всякая рациональная связь между производством и потреблением, во-вторых, начинает бурно развиваться теневая экономика, и в-третьих (что, очевидно, самое главное), приостанавливается процесс реализации экономических реформ¹⁶.

2. Сторонники второго подхода оценивают общеэкономическую ситуацию гораздо более оптимистично, полагая, что высокие темпы роста доказывают динамичность развития экономики, а с дестабилизирующим фактором — ростом цен — можно справиться путем выплаты дотаций населению. Взамен политики сдерживания предлагается, напротив, расширительная политика, то есть подстегивание темпов экономического роста посредством поддержания инфляции на определенном умеренном уровне. А для стабилизации экономики, как считают приверженцы этой точки зрения, необходимо углубление реформ. В первые два—три года акцент должен быть сделан на реформу предприятия

(развитие подрядной системы ответственности), финансов, налогообложения, материально-технического снабжения. С увеличением по мере проведения этих преобразований совокупного предложения предполагается осуществлять постепенную либерализацию цен. Проведение такой стратегии рассчитано примерно на 8-летний период.

Рассматриваемая точка зрения опирается на утверждение, что основную трудность представляет не разбухание совокупного общественного спроса, а недостаточность предложения, которую и нужно преодолевать путем ускоренного роста, подогреваемого инфляцией. Этот взгляд получил широкое распространение, но у него есть много оппонентов и критиков. Последние считают, что основным объектом регулирования в условиях дефицитной экономики должен быть совокупный спрос, а не предложение, так как расширение предложения в подобной ситуации равнозначно «перегреву» экономики. Такими методами решить проблему инфляции невозможно¹⁷.

3. Сторонники третьего подхода, придавая серьезное значение негативным последствиям инфляции, предлагают все же продолжать реализацию реформ, но проводить их осмотрительно, на основе предварительной стабилизации и устойчивого, взвешенного экономического роста. В ближайшие два—три года нужно сконцентрировать усилия на оздоровлении экономической среды, нейтрализации дестабилизирующих факторов и снижении уровня инфляции до 3—4 % в 1990 г. Этим будет обеспечено «пространство» для вероятного роста цен в ходе их реформы. Для стабилизации экономической обстановки предполагается с помощью денежной, налоговой, кредитной политики сдерживать спрос и стимулировать накопление; увязать повышение заработной платы с индексом цен с целью смягчения влияния инфляции на уровень жизни народа; при этом выборочно проводить те мероприятия реформы, которые способствуют повышению экономической эффективности, улучшают структуру предложения, изымают избыточные деньги из обращения. В сфере реформы цен следует использовать метод сочетания урегулирования цен и их либерализации. Если за ближайшие три года удастся нейтрализовать действие дестабилизирующих факторов, то на втором этапе — 1991—1995 гг. — можно будет приступить к ускоренному осуществлению реформы хозяйственного механизма, ядром которой станет реформа цен. Вместе с переходом к акционерной системе, нацеленным на прояснение отношений собственности, будет заложена основа становления социалистической плановой товарной экономики, в которой «государство регулирует рынок, а рынок ориентирует предприятия».

Третья точка зрения, наиболее взвешенная, учитывающая особенности экономической реальности Китая, а в то же время динамичная, и легла в основу курса на оздоровление экономической ситуации и наведение экономического порядка, принятого 3-м пленумом ЦК КПК 13-го созыва в сентябре 1988 г. и направленного на комплексное осуществление реформ.

Правительством КНР был предложен ряд конкретных антиинфляционных мер:

- строгий контроль за денежной эмиссией и кредитом;
- сокращение капиталовложений (особенно внебюджетных) и контроль за покупательной способностью населения и коллективов работников;
- проведение политики гибкого банковского процента;
- распродажа в личную собственность общественного жилого фонда;
- укрепление подрядной системы на предприятиях, стимулирование повышения экономической эффективности и качества продукции.

Что касается мер по оздоровлению экономической ситуации в собственно ценовой сфере, то они определяются решением Госсовета КНР «Об усилении управления ценами и введении жесткого контроля за ростом цен» и имеют чрезвычайный характер.

С целью стабилизации цен на основные товары народного потребления жестко зафиксированы цены на продукты питания, подлежащие нормированному распределению — зерно, свинину, растительное масло. На мэров городов возложена ответственность за налаживание стабильного производства овощей в достаточном ассортименте. Овощи и промышленные товары повседневного массового спроса изъяты из сферы свободного ценообразования. Государственные органы управления ценами осуществляют постоянный контроль за уровнями цен на эти товары и своевременно информируют о них население через средства массовой информации.

Пристальное внимание уделяется контролю за ценами на средства производства. Для основных сельскохозяйственных средств производства (удобрения, пестициды и т. п.) вве-

дена особая форма управления ценами для пресечения массовой спекуляции. Для основной массы средств производства, реализуемых в рамках плана, применяются новые методы ценового контроля, а для внеплановой продукции установлены верхние пределы цен.

Что касается потребительских товаров, обращение которых осуществляется на свободном рынке, то для важнейших из них (телевизоры, холодильники, велосипеды и т. д.) введена система заявок на повышение цен. Государственные органы управления ценами имеют право отклонить или отсрочить требование предприятия-производителя о повышении цены на его продукцию.

Важным направлением работы по упорядочению цен является ужесточение их дисциплины и строгий контроль за процессом ценообразования на всех его уровнях и во всех его формах. Случаи серьезного нарушения ценового законодательства и дисциплины предаются гласности. В китайской печати подчеркивается, что ценовой контроль должен быть не «дуновением ветерка», а постоянным, системным и массовым.

Проведение в жизнь этих решений означает временную задержку на пути к формированию рыночной системы цен как целевой модели ценообразования. Этот комплекс мер имеет целью стабилизировать безудержно растущие цены посредством значительного усиления административного вмешательства в процесс образования цен. При этом в Китае прекрасно понимают, что упорядочение цен само по себе не может покончить с инфляцией и привести к оздоровлению экономики (об этом свидетельствует и десятилетний опыт реформы цен). Добиться стабильного и динамичного развития можно лишь путем обдуманного продолжения экономических преобразований, затрагивающих все более глубокие слои производственных отношений. А курс на установление экономического порядка призван создать приемлемые условия для углубления реформ.

В настоящее время можно подвести первые итоги проведения этого курса в жизнь. Как свидетельствуют данные ГСУ КНР, народное хозяйство Китая в первой половине 1989 г. развивалось достаточно стабильно, действие неблагоприятных тенденций было поставлено под контроль. За счет устойчивого роста промышленного и сельскохозяйственного производства удалось увеличить предложение как товаров народного потребления, так и средств производства.

Для упорядочения сферы денежного обращения приняты меры по регулированию выпуска и использования наличных денег. Четко определена сфера использования наличности, на банки возлагается контроль за осуществлением предприятиями и организациями расчетных операций и за соблюдением лимитов наличных денег. Система кредитования совершенствовалась таким образом, чтобы повысить стимулирующую и контрольную роль банковских кредитов и способствовать росту сбережений. Были подняты процентные ставки, узаконена корректировка ставок процента по срочным вкладам с учетом индекса цен. Это способствовало притоку сбережений населения на банковские счета, который составил в первом полугодии 1989 г. 64,4 млрд. юаней, что позволяет снизить давление потребительского спроса на рынок. За этот же период из обращения изъято 5,3 млрд. юаней наличных денег, в то время как в первом полугодии прошлого года денежная масса увеличилась на 8,8 млрд. юаней¹⁸.

Поставлена под контроль тенденция к ускорению роста потребления коллективов предприятий, учреждений и организаций. Усилен государственный и общественный контроль за деятельностью этой категории потребителей по закупкам более 40 видов потребительских товаров. В результате эта часть совокупного спроса увеличилась за первые шесть месяцев 1989 г. на 12,1 %, тогда как за тот же период прошлого года она возросла на 18,6 %¹⁹.

Ужесточение бюджетной дисциплины и применение политики дифференцированного предоставления кредитов позволили добиться успеха в относительном сокращении фронта капитальных вложений. С января по июнь 1989 г. в основные фонды предприятий государственной собственности было вложено 71 млрд. юаней, то есть на 5,5 % меньше по сравнению с тем же периодом прошлого года²⁰. Этот прогресс, однако, весьма относителен, так как за весь год планировалось сократить объем капиталовложений на 26,6 %. Причем сокращение затрагивает объекты центрального подчинения в значительно большей степени, чем местные, а инвестиции в коллективный и индивидуальный секторы экономики продолжают расти. Госплан КНР в настоящее время реально не распоряжается и одной третью вкладываемых в основные фонды средств²¹, а методы кредитного и налогового регулирования еще не совершенны.

Что касается динамики цен за последние полгода, то ГСУ КНР характеризует их рост как умеренный. К середине 1989 г. по сравнению с тем же периодом 1988 г. прирост общего уровня цен составил 25,5 %, из которых собственно на первую половину этого года приходится только 7 %. Сюда включается 3,7 % прироста за счет урегулирования цен, проводимого местными и центральными органами, а произвольное неконтролируемое повышение цен дало остальные 3,3 % прироста²². Цены на основные товары народного потребления оставались в целом стабильными.

В целом можно сказать, что применение жестких методов административного контроля в сочетании с активизацией экономических рычагов регулирования позволило за истекший период добиться определенной стабилизации обстановки, хотя ситуация продолжает оставаться напряженной. Предостерегая от ожидания быстрого эффекта от реализации курса на наведение порядка в экономике, китайские экономисты полагают, что первых результатов можно добиться в первые два года, а комплексное оздоровление обстановки, включающее снижение уровня инфляции до разумных величин, скорее всего потребует 3—5 лет напряженной работы.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что инфляция со всеми ее негативными последствиями является обязательным спутником экономических реформ в социалистических странах. На современном этапе проведения хозяйственной реформы в КНР она стала фактом экономической жизни и в Китае. Ее природа состоит в переходе в открытую форму всех пороков, свойственных экономической модели бюрократического социализма, а также в отражении на поверхности экономической жизни той нестабильности, которая характерна для периода, когда старая экономическая система уже утратила свою силу, а новая еще находится в стадии формирования.

В этих условиях чрезвычайно важно выбрать такой путь дальнейшего движения вперед, который обеспечил бы оптимальное сочетание углубления реформы с усилиями по стабилизации развития. Необходимо осуществить комплекс мер административного и экономического характера для обуздания галопирующей инфляции, создавая наряду с усилением государственного контроля экономической механизм, автоматически компенсирующий инфляционный рост цен. Государство возьмет на себя функции по социальной защите наиболее уязвимых слоев населения. В то же время деятельность государства не должна тормозить развертывание здоровых рыночных процессов (конкуренции и т. п.), перестройку экономических структур. В этих условиях очень важно не дать процессу экономических преобразований пойти вспять.

В настоящее время Китай находится в самом начале этого пути, но курс движения вперед определен: на основе устойчивого поступательного развития экономики углублять реформу экономической системы.

¹ Рассчитано по: Чжунго тунци чайяо.— Пекин, 1986.— С. 100 (на кит. яз.).
² Цзинци жибао.— 1988.— 7 апреля; Beijing Review.— 1989.— № 24—25.— Р. 21.
³ См.: Цзинци жибао.— 1988.— 18 марта; Цзинцисюэ вэньчжай.— 1988.— № 4.— С. 6;
 Цзинци кэсюэ.— 1988.— № 2.— С. 51—52.
⁴ См.: Цзинци жибао.— 1988.— 5 апреля; Цзинцисюэ вэньчжай.— 1988.— № 4.— С. 7.
⁵ Цзинцисюэ вэньчжай.— 1988.— № 4.— С. 7.
⁶ Beijing Review.— 1989.— № 36.— Р. 22; Цзинци жибао.— 1989.— 6 апреля.
⁷ Beijing Review.— 1989.— № 36.— Р. 21.
⁸ Ibid.— 1988.— № 41.— Р. 16.
⁹ Ibid.— 1989.— № 36.— Р. 20.
¹⁰ См.: Цянгэ лилунь юй шицзянь.— 1988.— № 7.— С. 9.
¹¹ См.: Цзинци жибао.— 1988.— 5 апреля.
¹² См.: Там же.— 1988.— 7 апреля.
¹³ См.: Цюши.— 1988.— № 6.— С. 42—44.
¹⁴ См.: Цянгэ лилунь юй шицзянь.— 1988.— № 7.— С. 6—7.
¹⁵ In: Beijing Review.— 1989.— № 1.— Р. 23.
¹⁶ См.: Вопросы экономики.— 1989.— № 9.— С. 76.
¹⁷ См.: Цзинци жибао.— 1989.— 28 февраля.
¹⁸ Beijing Review.— 1989.— № 36.— Р. 16.
¹⁹ Цзинци жибао.— 1989.— 22 июля.
²⁰ Там же.
²¹ См.: Гуанмин жибао.— 1989.— 18 февраля.
²² Цзинци жибао.— 1989.— 22 июля.

Реформа, труд, зарплата

ЮАНЬ ЛУНЬЦЮИ,
А. ОСТРОВСКИЙ

Уже более 10 лет в КНР проводится реформа экономической системы. Одной из главных задач реформы является повышение жизненного уровня населения, более полное удовлетворение его основных потребностей. Достижение этих целей возможно только на путях быстрого развития научно-технического прогресса, повышения производительности труда, развития товарно-денежных отношений, перехода от административных к экономическим методам управления народным хозяйством. Важным условием реализации поставленных задач и магистральным путем проведения реформы экономической системы становится изменение системы производственных отношений в обществе таким образом, чтобы наиболее полно сочетались интересы государства, коллектива и отдельного работника через развитие системы товарно-денежных отношений и расширение хозяйственной самостоятельности отдельных товаропроизводителей.

В этих условиях реформа в области труда и заработной платы является важной составной частью всей экономической реформы в КНР. Проводившийся с конца 50-х годов в социально-экономической сфере курс «опоры на собственные силы», конкретизированный в лозунгах «В промышленности — учиться у Дацина», «В сельском хозяйстве — учиться у Дачжая», привел к развитию слабо связанных между собой и управляемых непосредственно из центра хозяйственных единиц. Сведение до минимума (или полное отсутствие) прямых хозяйственных связей между предприятиями привело к росту социальных барьеров в обществе и сдерживанию социальной мобильности. В результате рабочая сила в Китае оказалась закреплена за своими производственными ячейками (предприятиями, учреждениями, народными коммунами и т. д.) и была лишена возможности принимать самостоятельные экономические решения о смене места жительства, работы, покупке товаров сверх нормированного распределения и т. д.). Наряду с этим стала постепенно внедряться система наследования рабочих мест, при которой молодые рабочие или служащие могли быть трудоустроены на предприятия только при условии, если работающие там их родственники уходили на пенсию. К этому также следует добавить, что с 1957 по 1978 г. жизненный уровень трудящихся даже снизился. По данным ГСУ КНР, средняя заработная плата рабочих и служащих снизилась с 637 юаней в 1957 г. до 602 юаней в 1977 г., уменьшилось нормированное потребление основных продуктов питания: зерна — с 203 кг на человека в 1957 г. до 195,5 кг в 1978 г., растительного масла — соответственно с 2,4 до 1,6 кг¹. Все это в значительной степени сдерживало трудовую активность масс, которые не были заинтересованы в повышении производительности своего труда. В сложившейся системе производственных отношений отсутствовало сочетание интересов государства, коллектива и отдельного работника, что в немалой

Юань Луньцюй — доцент Пекинского экономического института, возглавляет кафедру экономики труда в этом институте. С сентября 1988 по март 1989 г. находился в Советском Союзе для ознакомления и повышения квалификации в Московском институте народного хозяйства. Главные работы: «Очерки по экономике труда», «История экономики труда нового Китая», «Современная наука об организации труда» и др. Юань Луньцюй является членом редколлегии и ответственным редактором книги «Зарплата, благосостояние и социальное страхование в Китае в наше время». Кроме того, он перевел на китайский язык такие работы, как изданные в СССР «Экономика труда» и в ГДР — «Социология труда».

Островский Андрей Владимирович — кандидат экономических наук Института Дальнего Востока АН СССР. Занимается изучением проблем рабочего класса КНР. Автор многих статей по этой тематике в журнале «ПДВ».

степени способствовало обострению кризисной ситуации в экономике КНР к концу 70-х годов.

Практика осуществления реформы экономической системы показала, что многие мероприятия реформы, направленные на развитие товарно-денежных отношений в обществе, расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, переход от административных к экономическим методам управления, не могут быть реализованы без всеобъемлющей реформы в области труда и заработной платы. Только отход от существовавшей в 60—70-е годы системы «большого котла» и «железной чашки риса» может обеспечить необходимые материальные и моральные стимулы предприятиям и каждому отдельному трудящемуся для повышения материально-технического уровня производства, роста уровня образования и профессиональной квалификации, повышения качества продукции и производительности труда на каждом рабочем месте, на предприятиях и в масштабах всего общества. В этом случае реформа в области труда и заработной платы, пробуждая интерес каждого отдельного работника к труду, позволит в полной мере реализовать основные задачи реформы экономической системы.

Реформа в области труда и заработной платы приобретает особую актуальность для КНР, которая занимает первое место в мире по численности населения, что делает ее самой богатой в мире по источникам рабочей силы. К концу 1986 г. в Китае насчитывалось 510 млн. человек экономически активного населения; из них рабочая сила городов и поселков составляла 130 млн. человек (или 25,5 %). Среди рабочей силы городов и поселков рабочих и служащих предприятий общенародной собственности насчитывалось 93,33 млн. человек (72,9 %), предприятий коллективной собственности — 34,21 млн. (26,1), предприятий прочих форм собственности — 550 тыс. человек (0,4 %). В период седьмого пятилетнего плана (1986—1990 гг.) прирост рабочей силы города и деревни должен составить около 100 млн. человек, из них в городах и поселках — 30 млн. человек, то есть в среднем необходимо трудоустроить по 6 млн. человек в год. По мере углубления реформы экономической системы в городах, повышения эффективности производства на предприятиях будет образовываться излишек рабочей силы. Согласно проведенным обследованиям, доля избыточных рабочих и служащих на предприятиях составляет примерно 15—20 % всех рабочих и служащих, и надо дополнительно изыскать рабочие места примерно 15 млн. человек. Кроме того, в ходе развития системы подворного подряда в деревне там тоже образовалось большое количество рабочей силы, которую необходимо переместить в несельскохозяйственную сферу. По данным выборочных обследований, избыточная рабочая сила в деревне составляет более $\frac{1}{3}$ (или более 100 млн. человек). Трудоустройство такой массы рабочей силы и ее рациональное использование являются важной задачей реформы в области труда.

Реформа системы управления рабочей силой

Реформа системы управления рабочей силой в КНР началась после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). Она включает реформу системы трудоустройства, использования рабочей силы на предприятиях, планирования труда и создание компаний трудовых услуг.

В течение долгого времени в соответствии с высокоцентрализованной системой управления экономикой в КНР непосредственно осуществлялась система трудоустройства «единого набора и распределения» («тунбао тунпэй»). Выпускники университетов, средних специальных учебных заведений, профессионально-технических училищ и демобилизованные солдаты и офицеры НОАК из городов и поселков распределялись государством на предприятия общенародной собственности; прочая рабочая сила городов и поселков распределялась местными управлениями труда на предприятия общенародной или коллективной собственности; родственники уходящих на пенсию рабочих государственных предприятий «наследовали» их рабочие места.

Эта система трудоустройства сыграла в истории свою активную роль, однако со временем становились все более очевидными ее недостатки, такие, как: 1) избыток людей на многих предприятиях и снижение трудовой эффективности, 2) невозможность обеспечить широкие возможности для трудоустройства, 3) подрыв морального духа людей, 4) побуждение некоторых кадровых работников идти на обман.

Коренные причины этих недостатков были заложены в чрезмерной концентрации власти в руках государства, централизации системы управления. Это конкретно проявля-

лось в том, что численность рабочих и служащих во всех районах и отраслях определялась государством, контролировалась абсолютными показателями. Районы, отрасли и предприятия не имели здесь никаких самостоятельных прав, управление опиралось только на административные приказы, отсутствовали методы экономического регулирования. В результате происходил разрыв между плановыми показателями и производственной реальностью, экономической эффективностью, никто не был заинтересован в уменьшении используемого количества людей.

Чтобы соответствовать требованиям оживления экономики внутри страны, проведения «открытой политики», в Китае была проведена реформа системы управления рабочей силой. Ее основным направлением стал переход от формирования плана по труду через численность занятых к формированию плана по труду через фонд заработной платы.

В 1980 г. ЦК КПК созвал в Пекине Всекитайское совещание по вопросам трудоустройства, в 1981 г. ЦК КПК и Госсовет КНР выработали «Некоторые решения об открытии широких возможностей для трудоустройства, оживлении экономики, трудоустройстве в городах и поселках», наметили политику в области реформы системы трудоустройства, а именно сочетание многообразных форм развития экономики, осуществление курса «сочетания трех» («сань цзехэ») в сфере трудоустройства (то есть в рамках государственного распределения и по рекомендациям местных управлений труда, самостоятельные поиски места трудоустройства и самостоятельное создание рабочего места)².

Особенностью курса «сочетание трех» в сфере трудоустройства явилось то, что это был переход от курса опоры на предприятия государственного сектора как единственного канала трудоустройства к множественности каналов трудоустройства в государственном, коллективном и индивидуальном секторах, так что возможности для трудоустройства значительно расширились. В рамках этого курса работа в сфере трудоустройства в городах и поселках получила значительное развитие. С 1979 по 1987 г. в городах и поселках было трудоустроено около 70 млн. человек и 98 % ожидающих работу получили рабочие места. Претерпела большие изменения структура занятых, постоянно увеличивалась доля занятых в коллективном и индивидуальном секторах. Например, в 1987 г. из всех трудоустроенных на предприятиях городов и поселков в КНР доля трудоустроенных в государственном секторе составила 32,7 %, в коллективном — 45, в индивидуальном — 9, на временных работах — 13,3 %.

Курс «сочетание трех» означал прорыв в традиционной теории и политике в области труда в КНР, стал важной вехой в истории трудоустройства. С внедрением этого курса работа в сфере трудоустройства активизировалась.

Долгое время на предприятиях КНР использовалась система «постоянных» рабочих. Если трудящегося вносили в списки предприятия, то он там работал всю жизнь; только в исключительных случаях рабочий мог уволиться, предприятие не могло уволить рабочего. В результате рачья сила становилась собственностью предприятия или ведомства, и предприятие не могло отбирать себе рабочих в соответствии с требованиями производства, рабочие и служащие также не могли выбирать предприятие в соответствии со своей подготовкой и желанием, что влияло на проявление активности трудящихся и предприятий.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, чтобы преодолеть эти недостатки, был проведен ряд преобразований в системе использования рабочей силы на предприятиях. В системе найма отказались от системы замещения родственников («цзыньюу динти»), «повернулись лицом» к обществу, объявили открытый набор, всестороннюю экзаменовку и отбор лучших. Новая форма найма повысила уровень квалификации отобранных рабочих, способствовала преодолению «неправильного стиля» при найме рабочей силы, позволила продвигать молодежь.

В последнее время при найме рабочих начали проводить в жизнь систему трудовых контрактов, что заставило осуществить реформу системы «постоянных» рабочих. Система трудовых контрактов в условиях общественной собственности на средства производства на основе равноправного договора между предприятием и трудящимся в форме подписания трудового контракта, четких прав и обязанностей обеих сторон регулирует новый тип системы использования рабочей силы в трудовых отношениях. Ее основными особенностями являются: подписание трудового договора на добровольной и равноправной основе с обеих сторон, необходимое его соблюдение сторонами после подписания договора; равноправное политическое и экономическое положение контрактных и постоянных рабочих; создание системы социального страхования для контрактных рабо-

чих, чтобы гарантировать их уровень жизни; расторжение контракта или его продление по окончании срока по договоренности сторон; в период временного ожидания работы контрактным рабочим после его ухода с предприятия ответственность за него возлагается на компанию трудовых услуг.

Практика показала, что внедряющаяся ныне система трудовых контрактов является крупной реформой использования рабочей силы на предприятиях. Благодаря ей удается преодолеть недостатки системы постоянных рабочих, учитываются интересы взаимного выбора обеих сторон — предприятия и трудящегося. Она способствует более тесному соединению рабочей силы со средствами производства, повышает экономическую эффективность предприятия. В апреле 1988 г. в КНР насчитывалось 7,51 млн. человек контрактных рабочих на предприятиях государственного сектора (или 7,8 % всех рабочих и служащих).

Помимо существующей системы контрактного труда, в последнее время проводилась соответствующая реформа и в отношении действующей на многих предприятиях системы постоянных рабочих. С 1984 г. некоторые предприятия наряду с осуществлением ответственности за подряд стали применять такую форму, как создание бригад с улучшенной организацией труда («юхуа лаодун цзухэ») для реформы системы постоянных рабочих. Такие бригады с улучшенной организацией труда (при наличии административного управления предприятием) создаются самими рабочими и служащими на добровольной основе. В рамках штатного расписания рабочие выбирают начальников бригад и звеньев, начальники бригад и звеньев отбирают рабочих. При такой организации труда на разных уровнях подписываются трудовые договоры — между заводом и цехами, между цехами и бригадами и звеньями, между бригадами и звеньями и отдельными людьми. Трудовой контракт четко определяет права и обязанности обеих сторон, срок контракта, ставки зарплаты, а также наказание за нарушение контракта и т. д. По окончании срока контракта хорошо проявившие себя могут продлить контракт. С теми, кто не проявил себя, контракт расторгается или предлагается другая работа с более низкими ставками заработной платы и премиями. Если в период прекращения контракта в него вносятся изменения, то он продлевается вновь.

В ходе осуществления системы бригад с улучшенной организацией труда обращают на себя внимание два момента: при распределении работы учитывается состояние здоровья и возраст персонала; избыточная рабочая сила бригады перераспределяется через предприятия, например на предприятии открывается новое производство, сфера услуг, создается новое хозяйственное подразделение на полном хозрасчете, самостоятельно несущее ответственность за прибыли и убытки. На предприятии также организуется сеть курсов повышения профессиональной квалификации и переподготовки, предприятие создает новые рабочие места и т. п.

К концу августа 1988 г. в КНР насчитывалось 26 тыс. предприятий государственного сектора, на которых 9,6 млн. постоянных рабочих перешли в бригады с улучшенной организацией труда (или 12 % постоянных рабочих и служащих). Реформа системы постоянных рабочих и служащих дала первые результаты. Усилилась трудовая дисциплина на предприятиях, повысилась активность рабочих и служащих, сократился избыточный персонал, повысилась экономическая эффективность на этих предприятиях.

Важной формой трудоустройства избыточной рабочей силы стали компании трудовых услуг. Они отвечают за организацию, подготовку, перемещение, регулирование функций экономически активного населения и являются так называемым резервуаром рабочей силы общества. Компании трудовых услуг довольно быстро развивались в 80-е годы, и благодаря их работе во многих городах удалось смягчить проблему трудоустройства избыточной рабочей силы, большую часть которой составляли выпускники средней школы. В ходе экономической реформы эти компании выполняли следующие функции: выдавали рекомендации для устройства безработных; направляли на временную работу на различные предприятия в данной местности, создавали собственные предприятия в сфере производства, услуг и распределяли на них не имеющих работы. Компании трудовых услуг стали важной составной частью реформы системы управления рабочей силой в КНР, которая позволяет решить проблемы трудоустройства населения и обеспечить наиболее эффективное использование рабочей силы в соответствии с ее профессиональной квалификацией.

Большое значение в реформе системы управления рабочей силой имела реформа системы кадров, основной целью которой стали поиски способных, талантливых специали-

стов и руководителей различных звеньев и их наиболее рациональное использование.

Основным аспектом реформы системы кадров стало создание и внедрение системы государственных служащих. Система государственных служащих — это целостная научная система управления кадрами, которая включает в себя категории должностей, экзаменационный отбор, систему премий и штрафов по итогам проверок, повышение и понижение по должности, систему подготовки и повышения квалификации, заработной платы и льгот по социальному страхованию, ухода на пенсию и увольнения со службы, гарантию прав, исполнительской дисциплины и другие системы управления. Отличиями системы государственных служащих стали равноправие, конкуренция, отбор лучших. Все государственные служащие должны сдать открытые конкурсные экзамены. Каждый имеет равные возможности для участия в конкурсных экзаменах, а государство по итогам экзаменов отбирает лучших. Важной особенностью стало также использование системы поощрений за успехи, которые являются главным критерием оценки работы государственных служащих. Будут проводиться строгие проверки, чтобы оценить работу служащих, и от этого будет зависеть их продвижение по службе, ставки заработной платы, премии и штрафы.

Еще одним значительным моментом стало правовое регулирование вопросов найма и использования труда служащих. Система отбора кадров, их повышение по службе, установление ставок заработной платы, уход на пенсию и другие формы управления государственным служащими должны вестись в рамках закона, и никто не вправе нарушать имеющиеся законы и постановления. В ходе реформы были предъявлены строгие требования к государственным служащим по выполнению ими своих служебных обязанностей, соблюдению дисциплины и т. д.

Основной задачей реформы системы государственных служащих стало создание в течение 5 лет каркаса этой системы, чтобы заложить базу для его всестороннего внедрения. основополагающим документом явились «Положение о государственных служащих» и соответствующая система постановлений, которые в ходе экспериментов стали постепенно реализовываться в центральных административных органах и на уровне провинций и городов. В ходе экзаменов и проверок в КНР стали переводить в государственные служащие соответствующих условиям работников административного аппарата, создавать государственные и местные административные школы, постепенно развивать сеть подготовки государственных служащих.

В настоящее время в КНР обсуждается «Временное положение о государственных служащих» и еще целая серия постановлений, активно ведется подготовка специалистов, проводятся эксперименты в некоторых провинциях, городах и отдельных ведомствах.

Предполагается, что система управления кадров на предприятиях должна включать механизм конкуренции и отбор по конкурсу; для управленческого персонала в учреждениях культуры, науки, просвещения, здравоохранения также постепенно стал создаваться механизм конкуренции. Например, там, где используется или может быть использована система управления для предприятий, надо принять эти формы управления кадрами, где их нельзя использовать — систему приглашения по конкурсу. При направлении служащих на работу в международные организации надо на основе принципов гласности, равенства, конкуренции вести отбор за рамками ведомства, проводить единый набор и экзамены.

При формировании отряда специалистов с высшим и средним специальным образованием полностью должна проявляться роль интеллигенции. Реформа системы отбора на специальные технические должности осуществляется на основе системы приглашения по конкурсу. Постепенное совершенствование оплаты труда интеллигенции в соответствии с особенностями науки, просвещения, здравоохранения создает относительно независимую систему заработной платы. Одновременно изучается вопрос создания системы заработной платы для государственных служащих. В КНР постепенно внедряется «двойной выбор»: организации — специалистом и специалистами — организациями; таким образом происходит отбор лучших специалистов, они быстрее продвигаются по службе, повышается их уровень заработной платы и выплаты по социальному страхованию.

Система заработной платы и ее реформа

После образования КНР была уничтожена старая система заработной платы, унаследованная от старого Китая. Уже к 1956 г. была создана новая система заработной платы, на базе которой образовалась единая общегосударственная система заработной

платы для рабочих и служащих КНР. Ее основной особенностью явилась единая сетка заработной платы, единая форма заработной платы, единые критерии заработной платы, установленные государством для рабочих и служащих государственных предприятий, работников государственных учреждений, работников учреждений науки, просвещения, здравоохранения, культуры, а также была введена система поэтапного повышения заработной платы. К 1985 г. до начала реформы в области заработной платы в масштабах всей страны эта система просуществовала около 30 лет. Начиная с 1985 г. для приведения в соответствие со всей реформой экономической системы и потребностями развития производства в КНР стали постепенно осуществлять реформу системы заработной платы.

До реформы зарплаты в 1985 г. на большинстве государственных предприятий существовала 8-разрядная тарифная сетка, на меньшей части предприятий — 7-разрядная (например, в капитальном строительстве) и 6-разрядная (в некоторых отраслях легкой промышленности), в текстильной промышленности — система заработной платы за рабочее место. Для служащих и ИТР на предприятиях действует система заработной платы за исполняемую должность. На предприятиях основными формами заработной платы является повременная заработная плата и система премий, на меньшей части предприятий — сдельная заработная плата. Для рабочих и служащих, работающих в особых условиях, используются специальные надбавки к зарплате, например для шахтеров, геологов, строителей. Рабочие и служащие в отдаленных районах (например, в СУАР или Тибете) получают надбавку за отдаленность и на бытовые нужды.

Однако существовавшая система заработной платы не соответствовала требованиям проводимой реформы экономической системы. Главный ее недостаток состоял в том, что предприятия пользовались из «большого котла государства», а рабочие и служащие — из «большого котла предприятия». Особенно серьезным выглядел первый недостаток. Отсутствовала связь фонда заработной платы рабочих и служащих и результатов работы предприятия, все рабочие и служащие одного и того же разряда независимо от эффективности работы предприятия получали одинаковую зарплату. Все это вело к уравниловке, каждое повышение заработной платы проводилось в соответствии с нормативами и разрядами, которые давались предприятиям для повышения разряда рабочим и служащим. Это вело к большим убыткам предприятия, зато зарплата рабочих и служащих все время оставалась стабильной на одном уровне.

Таким образом, предприятие при распределении зарплаты почти полностью теряло свою самостоятельность, и ему не хватало внутренних и внешних побудительных стимулов как товаропроизводителю, отсюда серьезно подрывалась активность как рабочих и служащих, так и предприятий.

Чтобы преодолеть пороки уравниловки, укрепить экономическую мощь предприятий, в КНР решили с 1985 г. начать постепенную планомерную реформу системы заработной платы. В настоящее время происходит этап обсуждений и экспериментов.

Большая часть предприятий использует форму «плавающего» премиального фонда, где премия зависит от эффективности управления предприятием, материальные интересы рабочих и служащих сочетаются с управлением производством на предприятии. Произошли изменения существовавшей системы единого государственного распределения премиального фонда без учета эффективности управления предприятием. В то же время если при установлении премиального фонда будет превышен определенный предел, то предприятие должно платить налог с премиального фонда. В настоящее время в КНР этот предел установлен в размере четырех месячных окладов в среднем на человека, в этом случае не взимается налог. В свою очередь с той части премиального фонда, которая превышает сумму четырех месячных окладов, взимается прогрессивный налог в зависимости от превышения установленного предела.

На более чем 3300 крупных и средних предприятиях среди 14 млн. рабочих и служащих (которые составляют 26 % общей численности предприятий в системе промышленности, капитального строительства, транспорта и 38 % рабочих и служащих) действует такая форма заработной платы, при которой фонд заработной платы предприятия зависит от эффективности их работы:

Одной из основных форм заработной платы является установление фонда заработной платы в зависимости от объема производства продукции, например на угольных шахтах централизованного распределения выделяется фонд заработной платы на тонну произведенного угля. Другой формой является установление фонда заработной платы в зависимости от стоимости продукции, например на объектах капитального строительства

выделяется фонд заработной платы на каждые 100 юаней произведенной продукции. Кроме того, фонд заработной платы устанавливается в зависимости от прибыли, налогов и т. д. Чтобы обеспечить эффективный контроль государства за фондом потребления, пресечь чрезмерно большую разницу в фонде заработной платы между отдельными предприятиями, с тех предприятий, у которых фонд заработной платы растет слишком быстро, взимается регулирующий налог. От налога освобождаются только те предприятия, чей рост фонда заработной платы не превышает 7 % в год. В случае превышения этого показателя с превышающей части фонда заработной платы взимается регулирующий налог, и затем для последующих частей фонда заработной платы взимается по ставкам прогрессивного налога.

Осуществляется упрощение системы ставок заработной платы для рабочих и служащих предприятия. Для рабочих государственных предприятий установлены единые регулирующие ставки заработной платы. Ранее существовавшие более чем 300 видов ставок заработной платы на предприятиях были заменены на 11 видов; в каждом районе действует только 5 видов ставок заработной платы. По новым ставкам заработной платы соответственно были повышены ставки I разряда, соотношение ставок рабочего I разряда и рабочего VIII разряда составляет 1:3.

Для служащих предприятий используется система тарифных ставок в зависимости от должности, каждая должность подразделяется на несколько категорий. Всего в КНР 9 видов нормативов заработной платы, в каждом районе — только 3 вида. Низшие ставки рабочих и служащих одинаковы. Самая высокая зарплата руководителей предприятий превышает самые высокие ставки рабочих в 2 раза, на крупных предприятиях — в 1,9, на средних предприятиях — в 1,7 раза. Рабочим и служащим повышаются разряды и категории в соответствии с новыми ставками заработной платы. Ставки заработной платы на мелких государственных предприятиях и предприятиях коллективной собственности устанавливаются по районам в зависимости от реальной ситуации.

Расширилось право предприятий в распределении заработной платы и премий внутри предприятия. После того как на предприятиях стали использовать такую форму образования заработной платы или премиального фонда в зависимости от экономической эффективности работы предприятия, предприятие получило самостоятельность при использовании фонда заработной платы и премиального фонда. Например, предприятие получило возможность само решать вопросы использования премиального фонда, устанавливать сдельную заработную плату, повышать разряды рабочим и т. д.

Система заработной платы для персонала государственных организаций и в сфере науки, просвещения, здравоохранения изменяется впервые после 1956 г. Вплоть до 1985 г. в течение 30 лет существовала система должностных окладов: для административного персонала государственных организаций — 28 категорий, в высших учебных заведениях — 18, в системе здравоохранения — 21 категория и т. д. В то же время использовалась система премий.

С 1985 г. в КНР началась реформа системы заработной платы в государственных организациях и учреждениях, стала использоваться система структурной заработной платы, где в основу была положена заработная плата за занимаемую должность (то есть заработная плата по своей структуре стала состоять из четырех частей: основная заработная плата, за занимаемую должность, за стаж работы, премии).

Основная заработная плата обеспечивает прожиточный минимум персоналу от руководящих кадровых работников до технического персонала. Эти ставки одинаковы для всех. Это не существовавшая с конца 50-х годов так называемая рационально низкая заработная плата, так как последняя включает в себя основную заработную плату и заработную плату за занимаемую должность.

Заработная плата за должность — это основная часть структурной заработной платы и воплощает в себе принцип оплаты по труду. Заработная плата за должность устанавливается в соответствии с должностными обязанностями персонала, степенью ответственности, сложностью работы. Служащим в соответствии с выполняемыми должностными обязанностями устанавливается заработная плата за должность, а также ее изменения в соответствии с изменением должности. Каждая должность подразделяется на несколько категорий, чтобы продвигать работников в соответствии с его трудовыми успехами.

Надбавки за стаж работы увеличиваются каждый год в соответствии со стажем работы каждого отдельного служащего. Учителям начальных и средних школ, средних специальных учебных заведений и технических училищ, воспитателям и няням в дет-

ских садах и яслях, помимо надбавки за стаж в зависимости от непрерывного стажа работы в одной должности, выплачиваются надбавки за педагогический стаж и надбавка за эту работу.

Премии выплачиваются персоналу за определенный вклад в работу, не рекомендуется выплачивать премии всем поровну. Среднегодовые премии, как правило, составляют полугодовой ставку основной заработной платы.

Структурная заработная плата, основу которой составляет заработная плата за должность, является большим шагом вперед в отношении прежней системы заработной платы. Ее преимущества состоят в следующем. Во-первых, поскольку она состоит из четырех частей, воплощающих разные функции заработной платы, постольку каждая ее часть играет различную роль. При необходимости во время происходящих перемен допускается уменьшение или увеличение какой-либо части структурной заработной платы. Во-вторых, она подчеркивает связь заработной платы с занимаемой должностью, а также должностными категориями, определяющими ставки заработной платы; поэтому прослеживается единство заработной платы персонала с выполняемыми должностными обязанностями и их вкладом в работу, что позволяет лучше воплощать принцип оплаты по труду. В-третьих, была учреждена система надбавок за рабочий стаж, педагогический стаж и медицинскую деятельность, а также постоянная система повышения категорий, отчего заработная плата служащих стала постепенно повышаться.

Реформа заработной платы в государственных организациях и учреждениях пока еще находится на начальном этапе, и она, по-видимому, не может решить все вопросы заработной платы, которые должны постепенно решаться в ходе развития экономики Китая.

Некоторые социальные аспекты реформы системы труда и заработной платы

В ходе реформы системы труда и заработной платы пока еще не произошло коренных изменений в социальной структуре рабочих и служащих КНР. По-прежнему большую часть рабочего класса Китая составляют «постоянные» рабочие, а большую часть служащих — кадровые работники государственных учреждений и предприятий, и их доходы в значительной степени зависят от количества и качества их труда. В уезде Пингу в пригороде Пекина на 172 предприятиях государственного сектора покончили с системой 8-разрядной тарифной сетки и оплата занятых на этих предприятиях стала производиться в соответствии с их трудовым вкладом, например в торговле, строительстве зарплата зависит от выручки и освоения производства. В тех отраслях, где нет конкретных критериев, — в науке, конструкторских бюро и т. п. — в зависимости от рабочего места. В сфере услуг, в снабженческо-сбытовой кооперации, на предприятиях питания для старых кадровых рабочих и ИТР была установлена структурная зарплата (в зависимости от многих факторов). Таким образом, в Китае в ходе реформы зарплат начался переход от жесткой системы повременных тарифных ставок к конкретному учету по количеству и качеству труда отдельного работника¹. Реформа системы труда и заработной платы, начавшаяся в конце 70-х годов, не могла не оказать влияния на социальную структуру китайского общества, и прежде всего на социальную структуру рабочего класса Китая.

В рабочем классе Китая с конца 50-х годов до сих пор сохранились различные системы найма рабочей силы — «постоянные» рабочие (гудингун), «временные» рабочие (лишигун), «контрактные» рабочие (хэтунгун), «рабочие вне плана» (цзихуавай юнгун), «сезонные» рабочие (цзицзегун), «и рабочие и крестьяне» (и гун и нун). Пока еще ни система контрактного труда, ни создание «бригад улучшенного труда» и «рынков трудовых услуг» внутри предприятия не смогли коренным образом изменить сложившуюся за три десятилетия социальную структуру рабочего класса Китая. В середине 80-х годов среди рабочих и служащих Китая еще преобладали «постоянные» рабочие, при этом доля «временных» рабочих была достаточно велика, а доля «контрактных» рабочих оставалась мала. В 1985 году из 86,6 млн. рабочих и служащих государственного сектора 73,3 млн. человек (или 84,6 %) были «постоянными» рабочими и служащими, 2,0 млн. (2,4) — «контрактными» рабочими, 2,3 млн. (2,6) — «временными» рабочими, 9,0 млн. человек (10,4 %) — «рабочими вне плана»¹.

Однако реформа в области труда и заработной платы позволила сделать важные шаги в сторону преодоления сложившихся в 60—70-е годы социальных барьеров между

различными группами и слоями в рабочем классе страны, а также между различными отрядами служащих и между рабочими и служащими. Внедрение на предприятиях, в организациях и учреждениях новых форм найма рабочей силы, ее использования и новых форм заработной платы в зависимости от результатов работы предприятия и отдельного работника вызвало трудовую активность рабочих и служащих, связанную с внедрением в экономическую систему механизма конкуренции среди рабочих и служащих как за сохранение места на предприятии, так за поступление на предприятие. Вместе с тем во многих районах Китая, особенно в приморских, где более высокий уровень механизации и автоматизации производства, более высокая фондовооруженность на одно рабочее место, в частности в Гуанчжоу, обострились проблемы трудоустройства. В настоящее время в Гуанчжоу насчитывается свыше 100 тыс. ожидающих работу. Основные причины: 1) создание бригад образцового труда, в результате чего часть рабочих оказалась без работы; 2) естественный рост рабочей силы в текущем году на 80 тыс. человек; 3) рост безработицы в связи с изменениями структуры производства (переориентация в сторону преобладания больших капиталовложений на одно рабочее место); 4) рост системы контрактного труда. С каждым годом вследствие этого увеличивается количество увольняемых рабочих, а также тех рабочих, у которых истекает срок контракта; 5) вступил в силу закон о банкротстве предприятий⁵.

В целом рост социальной мобильности в обществе, достигнутый во многом за счет реформы системы труда и заработной платы, призван обеспечить в дальнейшем заметный рост социальной активности рабочего класса и повышение производительности труда на предприятиях, что в конечном счете будет являться важной предпосылкой для решения основных задач реформы экономической системы в КНР.

¹ См.: Чжунго тунци няньцзянь.— 1981.— Китайский статистический ежегодник.— 1981.— Пекин, 1981.— С. 426; Чжунго шэцзуй тунци цзяляо — Китайские статистические материалы по социальным вопросам.— Пекин, 1985.— С. 76.

² Трудоустройство по рекомендации управления труда — это наем на работу на государственные и крупные коллективные предприятия и в учреждения по нормативам государственного плана; самостоятельные поиски места трудоустройства — это трудоустройство людей на все виды создаваемых ими коллективных предприятий; самостоятельное создание рабочего места — занятость в индивидуальной сфере.

³ См.: Жэньминь жибао.— 1989.— 5 марта.

⁴ См.: Тунци.— 1985.— № 9.— С. 47.

⁵ См.: Жэньминь жибао.— 1989.— 2 апреля.

СИС: социум, информация, статистика

Демографический взрыв в национальных районах

По данным Государственного статистического управления КНР, из года в год продолжает увеличиваться разрыв в уровне экономического развития между национальными районами и остальной территорией страны. Если в среднем по Китаю стоимость производства сельскохозяйственной и промышленной продукции на душу населения составляет 1867 юаней, то в районах проживания национальных меньшинств этот показатель почти втрое ниже. Главной причиной, препятствующей повышению жизненного уровня в национальных районах, специалисты считают резкий приток численности населения. Проводимая в Китае политика жесткого ограничения рождаемости распространяется лишь на ханьцев, составляющих большинство населения Китая, в то время как 95 млн. представителей национальных меньшинств имеют большие льготы в планировании семьи, вследствие чего в ряде провинций, например в Юньнани и Гуйчжоу, наблюдается настоящий демографический взрыв. Заметным негативным последствием этого является и рост неграмотных и малограмотных, составляющих почти 25 % от числа жителей упомянутых провинций. По мнению китайских демографов, политика планирования семьи должна в равной мере распространяться на все группы населения.

Рынок техники — новое явление

С. ДЕМЕНТЬЕВ

Реформа экономической системы в КНР поставила на повестку дня вопрос о необходимости развития рынка техники. Рынок становится важным фактором интеграции науки и техники с производством, ускорения НТП.

Начало формирования рынка техники относится к августу 1981 г., когда были проведены первые ярмарки техники в Ухани и Шэньяне. Первый постоянно действующий рынок открылся в Тяньцзине в мае 1984 г. В 1985 г. по стране зарегистрировано 3 тыс., в 1986 г. — 14 тыс. рынков техники¹, которые динамично развиваются:

	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.
1. Объем продаж на рынке техники, млрд. ю.	0,72	2,3	2,06	3,35	7,0
Прирост, %	1340,0	219,4	-10,4	62,6	109,0
2. Объем розничной торговли, млрд. ю.	337,64	430,5	495,0	582,0	744,0
3. Бюджетные ассигнования на НИОКР, млрд. ю.	9,472	10,259	—	11,28	—

Рассчитано по: Кэцзи жибао. — 1988. — 23 февраля; Цзинцзи жибао. — 1989. — 1 марта; Чжунго туцзи няньцзянь — 1988. — Пекин. — 1988. — С. 684, 760; Цзинцзи цанькао. — 1988. — 12 декабря.

Бурный подъем рынка техники отмечен во II полугодии 1988 г., когда объем продаж возрос с 2,21 до 7,00 млрд. юаней, или на 216,7 %².

Через рынок техники осуществляется коммерческое обращение результатов НИОКР, реализация новых видов продукции, организация обслуживания техники после ее продажи, проведение конкурсов на решение отдельных научно-технических проблем, ротация кадров, обучение и подготовка персонала.

Для развития рынка техники в Китае характерно многообразие форм. Это и постоянно действующие рынки и магазины техники, например образованные в Сямэни в июне 1988 г., и торговые центры науки и техники, создаваемые отдельными отраслями, государственными, коллективными и частными организациями в целях опытной реализации и внедрения новых видов продукции, продажи патентов, обслуживания научно-технической аппаратуры, как действующий с 1985 г. в Сиани, а также одноразовые (ежегодные) ярмарки и аукционы техники: I Всекитайская ярмарка удостоенных премий научно-технических разработок, Всекитайская ярмарка научно-технических разработок в рамках программы «Искра», прошедшие по инициативе ГКНТ КНР в Ухани и Сиани 23—27 октября 1988 г., и другие.

В первой ярмарке приняли участие 38 коллективов министерского и провинциального уровня, которые представили 1500 разработок, удостоенных государственных, отраслевых, провинциальных, городских премий в 30 областях (электроника, химическое машиностроение, металлургические силовые установки, технология переработки пищевых масел и т. п.). Во второй — 6 министерств, 23 провинции, автономных района и города центрального подчинения, 7 городов, которые представили 3 тыс. разработок и 400 новых

видов продукции 10 отраслей (машиностроение, электронная, химическая, легкая промышленность и др.); 10 % из них имели патенты.

На ярмарке, прошедшей по инициативе Пекинского исследовательского центра научно-технической информации при АН КНР в окрестностях китайской столицы 25 февраля 1989 г., экспонировалось 500 разработок, включавших продукцию машиностроения, пластмассовые и резиновые изделия, одежду³. Ее организаторы ориентировались на привлечение поселковых предприятий, установление связей между изобретателями, рационализаторами и производителями.

Проводятся одноразовые ярмарки патентной техники, организуемые в целях реализации изобретений, новых конструкторских и дизайнерских решений: Пекинская международная ярмарка изобретений (октябрь 1988 г.) представила 600 разработок, по которым заключены контракты на сумму 100 млн. юаней; 492 разработки китайских и зарубежных изобретателей отмечены призами⁴.

Устанавливаются и прямые связи между разработчиками и пользователями техникой. В провинции Гуандун 63 научно-исследовательские организации и вуза сформировали сеть рынка техники, охватывающую 236 НПО, 363 организации технических консультаций, 300 отделов по информационному обслуживанию. Они заключили с предприятиями 854 контракта по трансферу техники на сумму 34,151 млн. юаней⁵.

Кроме того, рынки и ярмарки техники подразделяются на региональные и специализированные. К первой группе относится, например, ярмарка в провинции Фуцзянь (декабрь, 1988 г.) с участием 5 городов — Фучжоу, Путянь, Саньмин, Цзяньян, Ниндэ. Из 350 образцов научной продукции 220 представляли собой разработки и патентную технику⁶. Ко второй — ежегодные ярмарки, организуемые Сианьским центром технического обмена.

Крупнейшими рынками техники являются пекинский (годовой объем продаж — 2,21 млрд. юаней), шанхайский (580 млн. юаней), шэньянский (79,8 млн. юаней). В Пекине функционируют 28 специализированных рынков, которым предоставлено право регистрации научно-технических контрактов, а также до 1 тыс. посреднических организаций⁷.

До 1988 г. главными субъектами на рынке техники как в качестве покупателей, так и в качестве продавцов выступали волостные и поселковые предприятия. В 1985 г. по ряду отраслей на крупные и средние предприятия пришлось менее половины продаж техники. Так, в системе Госуправления стройматериалов — 47 % их объема. К 1 полугодю 1988 г. положение изменилось: крупные и средние предприятия по стране составили 67 %⁸, в Пекине — 72—75 %. Подобный поворот обусловлен тем, что 53 % данных предприятий не имеют собственного механизма освоения техники, освоением техники на них заняты лишь 6,4 % всего научно-технического персонала. Поэтому они нуждаются в рынке техники, откуда черпают передовые нововведения.

В последнее время происходит выдвигание на передний план «народных» (негосударственных хозрасчетных) предприятий, которых насчитывается до 10 тыс. с численностью персонала 200 тыс. человек. В коммерческую деятельность на рынке вовлечены 5,7 тыс. государственных научно-исследовательских организаций. Активно выходят на рынок специализированные вузы, индивидуальные разработчики и пользователи техники. Почти все вузы создали органы по торговле техникой, изучающие рыночную конъюнктуру.

Рынки техники приобретают значительные масштабы. В 1988 г. на пекинском рынке заключено 18,7 тыс. контрактов, на шэньянском — 2,8 тыс.⁹ В Шэньяне на рынке действует 400 научно-исследовательских организаций и 1100 предприятий. Рынок развивается более 10 форм торговли техникой, имеет связи с 20 провинциями и городами. На ярмарке в Нинся-Хуэйском автономном районе, прошедшей в 1987 г., приняло участие 120 тыс. чел., заключено 275 контрактов¹⁰.

На рынке техники действуют несколько тысяч посреднических организаций, которые обращаются к двустороннему обслуживанию покупателей и продавцов, становятся их агентами, налаживают межрегиональные поставки техники, комплектующих узлов. Только в Шанхае насчитывается 600 посреднических фирм по консультационному обслуживанию в сфере инженерных разработок, приходящихся на 2020 НПО. В Сиани каждое предприятие, чей ассортимент продукции соответствует специализации рынка, может получить на нем место и необходимое оборудование либо через рынок организовать комиссионную торговлю. Изучением мнения потребителей, предоставлением технической информации занято 200 чел. специального персонала¹¹.

Посреднические организации по консультационному обслуживанию выполняют большой объем работ. Пекинская информационная корпорация осуществляет закупки, контрактацию, техническую кооперацию, предоставляет консультации. Ее годовой сбыт достигает 77 млн. юаней, чистый доход — 4,4 млн. юаней.

Корпорация научно-технического освоения провинции Шэньси, созданная совместно 25 вузами, открыла в 10 уездах информационные станции, которые подготовили 200 специалистов хозяйственного и технического профиля, заключили контракты на сумму 550 тыс. юаней. Станции оказывают уездам и отдельным предприятиям помощь в решении узловых научно-технических проблем, передают им разработки и технику, спроектированные вузами, заключают с городами, уездами и предприятиями соглашения об образовании баз комплексного освоения, командировании специалистов на места.

Постепенно происходит переход от трехзвенной системы «покупатель — посредник — продавец» к системе с подключением различных банков, инвестиционных компаний и финансовых организаций, к кредитному обслуживанию рыночных операций. Намечается взаимодействие рынков техники и финансов. Это вызвано тем, что в ходе реформы системы финансирования НИОКР неуклонно снижается удельный вес бюджетных ассигнований на науку и технику. Для стимулирования НТП у предприятий остаются два источника: самофинансирование НИОКР и использование банковских научно-технических кредитов. Последние составляют 10 % ассигнований на науку и технику. Для осуществления кредитования необходимо проведение экспертизы его объектов и анализа направлений инвестиций, развитие маркетинга. Из всех специализированных банков научно-техническое кредитование пока ведется только Промторгбанком. В его системе создано 15 консультационных компаний экономической информации и 1,2 тыс. агентов¹², часть из которых занимается размещением кредитов.

Возникают новые посреднические организации, практикующие венчурные инвестиции, в интересах других финансовых организаций регулирующие структуру инвестиций, избирающие их направления, стимулирующие НТП. Организация г. Ханчжоу, образованная 29 сентября 1987 г. по инициативе посреднической инвестиционной компании при Стройбанке провинции Чжэцзян, провинциального патентного бюро и НИИ патентной техники уезда Цзиньхуа, помогает предприятиям изыскивать средства для выхода на рынок техники, приобретения и освоения научно-технических разработок.

В 1988 г. в соответствии с решением Госсовета КНР в Пекине открыта Китайская генеральная инвестиционная компания освоения новой техники. В ее задачи входит ведение научных исследований и освоение новой техники в стране и за рубежом, их сочетание с финансовой, инвестиционной и внешнеторговой деятельностью. Выступая юридическим лицом, данная государственная компания занимается контрактацией, размещением утвержденных Госсоветом иностранных инвестиций, импортными операциями.

Проводятся мероприятия по укреплению управления рынком техники. В городах Шэньян, Шицзячжуан, Тайшань и Хуаншань созданы базы по обучению и подготовке хозяйственно-управленческих кадров для работы на рынке. Отрабатывается законодательство. Пекинский городской комитет по науке и технике с сентября 1985 г. издал 49 постановлений, регулирующих научно-исследовательскую деятельность, что в 8 раз больше, чем за предыдущие 35 лет. Подобные нормативные акты приняты в 25 провинциях, автономных районах и городах.

Первоначально на рынке происходила реализация техники и технологии производства преимущественно мелких изделий и видов продукции. В настоящее время в первую очередь на рынок поступают ЭВМ и их программное обеспечение, электронная, ресурсосберегающая техника, биотехнология, высокомолекулярные материалы. Широко представлена и традиционная продукция машиностроения, химической, легкой промышленности. В совершенствовании ассортимента рынка техники, повышении его потребительских качеств важную роль сыграло решение ГКНТ о том, что научно-технические разработки могут проходить апробацию через рыночный механизм и им не обязательно проходить государственную аттестацию.

Нынешний этап развития рынка техники характеризуется следующими особенностями:

1. Через рынок техники реализуются 80 % результатов НИОКР, участвует 90 % научно-технического персонала.

2. Происходит значительный рост объема торговли техникой при сокращении в 1987—1989 гг. общего числа рынков.
3. Вовлекаются крупные и средние промышленные предприятия.
4. На рынок ориентируются научно-исследовательские организации.
5. Повышается хозяйственный уровень посреднических организаций.
6. Осуществляется переход от простого трансфера техники (65 % объема продаж в 1985 г.) к техническому освоению и обслуживанию (соответственно 23 и 60 % в 1988 г.)
7. Намечился переход от двустороннего к многостороннему внутриотраслевому, межрайонному долгосрочному технико-экономическому сотрудничеству.
8. Происходит переход от торговли внеплановой к торговле плановой продукцией, совершенствование ее технических характеристик.
9. Рынок способствует в освоении техники сочетанию отечественной техники и передовых аналогов ее, заимствованных за рубежом.
10. Усилилось правовое обеспечение функционирования рынка техники, принят Закон о технических контрактах, Закон о патентах.

Несмотря на известный прогресс, имеется целый ряд проблем, требующих своего решения. Низок удельный вес торговли техникой в объеме розничной торговли. В международной торговле он составляет 30 %, в КНР — менее 1 %. Крупные и средние предприятия очень часто проявляют пассивность в продвижении технических нововведений. Так, например, в заявлении одного ответственного работника ГКНТ в июле 1988 г.¹³ было подчеркнуто, что для рынка техники, равно как и для других рынков, требуются две стороны — покупатель и продавец. В настоящее время государственные промышленные предприятия в большинстве своем еще не вышли на рынок техники, испытывают нехватку средств. Несмотря на то что, согласно решению Минфина, со II полугодия 1988 г. находящиеся на подряде государственные предприятия получили право выделять 1 % прибыли от реализации в фонд технического освоения, директора многих из них не желают этого, потому что урезаются фонды коллективного благосостояния и материального стимулирования рабочих и служащих. Некоторые предприятия, формально образовав данный фонд, используют его не по назначению, сливают с оборотными средствами, в результате чего лишаются возможности в приобретении техники.

В 1985 г. в расходах на техническое перевооружение 6493 крупных и средних предприятий в системе Госуправления стройматериалов на приобретение научно-технических разработок приходилось менее 0,004 %¹⁴. Для сопоставления: в США и Японии за счет самофинансирования обеспечиваются соответственно 50 и 90 % НИОКР. В КНР в 1987 г. 34,7 % оставляемой предприятиям прибыли расходовалось на расширенное воспроизводство, а 65,3 % — на потребление. За 1984—1987 гг. фонд потребления составил 66,0 %¹⁵.

Низкая активность предприятий при приобретении техники объясняется и отсутствием конкретных показателей хозрасчетной эффективности НТП, а также предпринимательским риском, сопряженным с освоением новой техники. Во многом здесь проявляется старое экономическое мышление. Хотя средний эффект от внедрения научно-технической разработки в производство в течение трех лет составляет от 1 до 10 млн. юаней, зачастую весьма сложно продать промышленному предприятию даже небольшой проект стоимостью 100 тыс. юаней.¹⁶

Кредиты отличаются высокой степенью риска, ограниченными до одного года сроками действия, сложной процедурой размещения. Они направляются, как правило, на техническое перевооружение государственных крупных и средних промышленных предприятий. Мелкие коллективные предприятия, НПО, негосударственные научно-исследовательские организации почти не имеют возможности получения кредитов, что тормозит их НТП.

Имеет место спекулятивная деятельность отдельных посреднических организаций. Некоторые из них умышленно взвинчивают розничные цены на научно-технические разработки. Одна компания технического освоения к 35 %-ной плате за управление начисляла еще 6 % комиссионных. В другом случае выявлена корпорация, которая к цене производимых неким заводом холодильников начисляла «плату за консультации» и в результате фиктивного контракта присваивала ее как премию. Обычно посреднические компании выдают заказчику 80 % наличными, а 20 % оставляют себе в качестве платы за

управление¹⁷. Спекулятивные действия оказывают негативное влияние на рынок техники, государственные финансы и интересы потребителя. Наряду с этим выявлены случаи продажи непроверенной, некачественной техники, нарушение законодательства, регулирующего научно-технические коммерческие операции.

Формирование рынка находится еще на начальной стадии. Общенациональный рынок техники пока не сложился, региональные рынки носят анклавный характер. Однако в условиях экономической реформы рынок выступает необходимым звеном цикла «наука — техника — производство», через которое результаты НИОКР превращаются в товар, увязываются интересы автора научной идеи с ее материализацией в производительных силах. Рынок техники будет играть все большую роль в развитии хозрасчета, самоокупаемости и самофинансирования предприятий, реформе системы финансирования НИОКР, ротации научно-технических кадров и в перспективе станет мощным стимулом НТП.

¹ См.: Гуаньли шицзе.— 1988.— № 2.— С. 133; Цайцин яньцзю.— Шанхай. 1988.— № 12.— С. 56.

² См.: Сямэнь жибао.— 1988.— 17 декабря.

³ In: China Daily.— 1989.— February 28.

⁴ In: Beijing Ribao.— 1988.— October 14.

⁵ См.: Наньфан цзинци.— Гуйчжоу. 1988.— № 2.— С. 38.

⁶ См.: Фуцзянь жибао.— 1988.— 13 декабря.

⁷ In: Beijing Ribao.— 1989.— January 27.

⁸ См.: Сямэнь жибао.— 1988.— 17 декабря.

⁹ Жэньминь жибао (зарубежное издание).— 1989.— 17 февраля.

¹⁰ См.: Чжунго цзиньжун.— 1988.— № 3.— С. 59.

¹¹ См.: Цзинци жибао.— 1988.— 7 ноября.

¹² См.: Цайцин лилунь юй шицзянь.— Чанша. 1988.— № 5.— С. 36.

¹³ См.: Гайгэ чжи шэн.— Шэньян, 1988.— № 7.— С. 4—5.

¹⁴ См.: Гуаньли шицзе.— 1988.— № 3.— С. 187.

¹⁵ Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь.— 1988.— Пекин, 1988.— С. 60.

¹⁶ См.: Чжунго чэнши цзиньжун.— 1988.— № 1.— С. 48.

¹⁷ Цзинци жибао.— 1988.— 15 декабря.

СИС: социум, информация, статистика

Научно-технический обмен

В настоящее время, сообщает газета «Жэньминь жибао», Китай осуществляет научно-технический обмен через официальные, народные, двусторонние и многосторонние каналы со 108 странами и районами мира, а с 57 странами имеет межправительственные соглашения о научно-техническом, экономическом и торговом сотрудничестве.

Перечень тем научно-технического обмена в 1988 г. составил более 13 тыс., что в 11,6 раза больше, чем десятилетие назад. Количество специалистов, участвовавших в обмене, превысило 38 тыс., что в 5,8 раза больше, чем в 1978 г. Число китайских ученых, выезжавших за границу для участия в научных конференциях, за последнее десятилетие увеличилось в 9 раз.

Законодательство в КНР

За десятилетие начиная с 1979 г. Всекитайским собранием народных представителей и его Постоянным комитетом разработано 83 закона и принято 64 решения об изменениях и поправках к законам и по другим правовым вопросам. Это превышает общее количество законов, введенных в действие за предшествовавшее 30-летие. Госсоветом КНР разработано свыше тысячи нормативных актов, в том числе около 500 административных положений. Более 1,4 тыс. местных нормативных документов, из которых около 60 % посвящены экономическим проблемам, подготовлены в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения.

Театр на самоокупаемости

М. СОЛНЦЕВ

Предлагаемая статья не ставит задачу всестороннего рассмотрения реформ, осуществляемых в области культуры в Китае в последние годы. Ее цель — попытаться дать представление лишь о некоторых аспектах происходящих перемен. Наибольшее внимание будет уделено реформам, касающимся деятельности театральных и других исполнительских коллективов.

Проблема реформы в области культуры в настоящее время увязывается в Китае с общим курсом на проведение реформ в политической и экономической сферах общества.

По словам известного писателя, бывшего министра культуры КНР Ван Мэна, «споров по вопросам культуры очень много, отряды творческих работников все еще не являются форпостами единения и руководство еще далеко от эффективного. По сравнению с экономической реформой реформа системы культуры не только продвигается более медленными темпами, но и встречает большие трудности и не достигла своих целей». Ван Мэн отмечал, что требования реформ становятся все более и более настоятельными в связи с происходящими переменами в других областях.

Как явствует из выступлений ряда руководителей министерства культуры, деятелей науки, очень важным является обобщение опыта развития литературы и искусства КНР за годы после образования республики с тем, чтобы выработать критерии подлинно социалистического искусства с учетом национальных особенностей Китая, создания оптимальных условий для жизни и деятельности творческих работников. При этом совершенно неприемлемым, как писал вице-президент Академии общественных наук КНР Чжао Фусань, является то, что «некоторые уже готовы бездумно отрицать все старое, а другие бездумно заимствовать все из-за рубежа»².

Собственно говоря, вопрос о реформах в области культуры не нов. Еще в 1979 г. в период проведения IV съезда работников литературы и искусства Китая, а также в последовавшей за этим дискуссии в печати указывалось на необходимость перемен. Уже тогда публиковались статьи и письма, в которых говорилось, что в сфере литературы и искусства имеет место «руководство вслепую», что «руководство слишком централизовано», что «существует прямое грубое вмешательство», «имеются жесткие формы ограничений»³. По мнению авторов опубликованных тогда серии писем, если не исправить все это должным образом, то вышеназванные тенденции примут еще более серьезный характер. Вместе с тем уже в то время было очевидным, что начавшиеся в стране перемены в области политики и экономики неизбежно найдут отражение в сфере литературы и искусства. Показательным в этом отношении было выступление видного китайского драматурга и критика Ся Яня в ноябре 1979 г. Он, в частности, говорил, что «за последние три года в области литературного и художественного творчества мы добились некоторых результатов; это в особенности относится к короткому рассказу, театральным постановкам и песенному творчеству... Нужно признать, что эти произведения помогли раскрепостить мышление, сломать старые косные правила и многие из них были хорошо приняты читателями. Однако не следует закрывать глаза на то, что, несмотря на теплый прием, оказанный им читателями, в этих произведениях имеется много недостатков с точки зрения художественности и писательского мастерства»⁴.

Потребовался довольно значительный период времени для того, чтобы постепенно от констатации имеющихся проблем творческие круги КНР подошли к пониманию того, что «реформа в области культуры является комплексной работой, касающейся разных сторон общественной жизни»⁵. Встал вопрос о том, по каким критериям оценивать

Солнцев Михаил Вадимович, корреспондент Главной редакции информации ЦТ СССР.

обстановку в сфере культуры, как освободиться от «всякого рода предрассудков» и как в конечном счете достичь цели — создания культуры, соответствующей начальному этапу социализма в КНР.

Существующие ныне серьезные проблемы в сфере культуры, которые сейчас открыто признаются в выступлениях китайских руководителей, творческих работников, формировались и возникли на протяжении весьма длительного времени — в 60—70-е годы. Основной функцией культуры тогда считалась функция воспитания, культурная деятельность рассматривалась не как нечто самостоятельное, а лишь как придаток политики. Учреждения же культуры были лишь орудием пропаганды «линии», «курса» партии, средством идеологического воспитания. Здесь достаточно вспомнить печально знаменитые со времен «культурной революции» «образцовые революционные пьесы» или написанные по заранее заданному сценарию литературные произведения, примитивные по содержанию и убогие по форме.

Однобокое понимание роли культуры в широком смысле привело к тому, что в обществе возникло противоречие между читателями, зрителями и теми, кто был призван удовлетворять их интересы и запросы в культурной сфере. Учреждения же культуры, находившиеся целиком и полностью на гособеспечении, стали тяжким бременем для государства.

Погоня за быстрым успехом без четкого осознания целей культурного строительства дала весьма безрадостные результаты. Показательно в этом отношении положение, сложившееся в китайском театре. Погоня за количеством, за «валом», стремление не уступить другим в скорости и количестве вновь созданных коллективов привело к тому, что каждая провинция и чуть ли не каждый уезд стремились иметь как можно больше своих театральных коллективов. В итоге их число на сегодняшний день достигло трех тысяч. Результат же, констатирует печать, плачевен: «виды театрального искусства повторяются, а у коллективов отсутствуют свои индивидуальные черты»⁵. Представители театральных кругов с горечью говорят, что ныне театр как вид искусства переживает трудный, можно даже сказать, кризисный период. Некоторый рост популярности театра на рубеже 70—80-х годов, когда на сцене ставились «разоблачительные» пьесы, критиковавшие порядки времен «культурной революции», был непродолжительным. Острые по содержанию произведения, как правило, обладали незначительными художественными достоинствами и быстро сходили со сцены из-за падения к ним интереса публики. (Именно об этом предупреждал в свое время Ся Янь.) Конечно, нельзя утверждать, что на театральных подмостках страны не появляется новых, вызывающих зрительский интерес постановок. Но их, увы, мало. «Горькая действительность драматических театров Китая, пишет журнал «Сицзюй бао», это то, что представления нередко идут при почти пустых залах»⁶. (Заметим, что драматических театров сейчас в стране около двухсот.) Не все гладко и благополучно в традиционном театре. У него, безусловно, есть свой круг зрителей, преимущественно среди среднего и старшего поколений. Молодежь же зачастую не принимает традиционных форм театрального искусства. Для их восприятия и понимания нужна определенная подготовка, знание условных приемов традиционного театра. Но этого нет, и не в последнюю очередь из-за пробелов в образовании со времен «культурной революции». Положение театра осложняет и тот факт, что телевидение, быстро распространяясь и выпуская на экраны все больше кинофильмов, отвлекают зрителя, успешно конкурируя с театром.

Ситуация усугубляется и слабой финансово-экономической базой театров. Зарботная плата режиссеров и актеров низка. (К примеру, месячная зарплата театрального актера всего 70—80 юаней.) Это ведет к значительному оттоку театральных работников в кинематограф и на телевидение, где заработки в два-три раза выше. Сейчас в КНР прямо говорится о том, что театр «кормит» или, во всяком случае, до последнего времени «кормила» система государственного финансирования. При ней постановки спектаклей осуществлялись по принципу «централизации закупок и сбыта». При этом доходы режиссера и актера никак не связаны с успехом или неуспехом их творчества, весь же коллектив оказывается не заинтересованным в результатах своего труда. «Система государственного обеспечения развивает у работников культуры и искусства иждивенческие настроения и гасит их самостоятельную жизненную силу. При такой системе отсутствуют предпосылки к возникновению конкуренции, и тем самым подавляется творческая сила искусства»⁷.

Существенный импульс работе по созданию культуры, соответствующей начально-

му этапу строительства социализма, дал XIII съезд КПК. Ван Мэн подчеркивал в своих публичных выступлениях и в печати, что решения съезда должны стать практическим руководством для всех работников культуры. Для этого необходима тщательная организация изучения документов съезда, и работа эта должна быть на первом месте⁹. Всемирное развитие и углубление реформы в области культуры, удовлетворение духовных потребностей членов китайского общества — вот те задачи, которые стоят ныне перед деятелями культуры страны. На нынешнем этапе существует множество трудностей и проблем, «дурных привычек», непреодоленных противоречий. Необходимо, подчеркивал министр культуры, устранить существующее противоречие между культурой и дикостью, ликвидировать феодальные и буржуазные проявления¹⁰. Одной из первоочередных задач, стоящих перед работниками культуры, также называется преодоление двух неправильных тенденций — «догматизма» и «либерализации». Особо важно покончить с догматическими подходами в искусстве и литературе — печальным наследием времен «культурной революции»¹¹.

Одновременно ставится задача «по усилению сплоченности всех отрядов культуры» и преодолению тенденций к групповщине в кругах литературы и искусства. Вместе с тем подчеркивалось, что укрепление сплоченности вовсе не отрицает свободы творчества. Приводя в качестве примера труд литераторов, он говорил, что партийное руководство отнюдь не означает вмешательство в творческий процесс. Писатели должны сами решать, о чем и как писать. Различные мнения и точки зрения должны обсуждаться на основе равноправия. Неверное следует выправлять путем товарищеской критики¹². Сложившаяся в прошлом обстановка, при которой практического значения не имели ни одаренность актеров, ни количество их выступлений, ни качество постановок, стала тормозом для развития культуры, препятствием для выявления подлинных талантов. Задача партийного руководства состоит в том, чтобы в «условиях плановой экономики оживить искусство с учетом интересов и запросов общественности»¹³.

Вместе с этим, как отмечала печать, весьма важным является полное уважение труда творческих работников и уважение закономерностей развития литературы и искусства, понимание потребностей работников в этой области. Необходимо изыскивать новые методы работы, углублять познания и повышать художественный уровень путем свободной, демократической и непринудительной дискуссии¹⁴. Определенные практические шаги в этом направлении уже сделаны. Как неоднократно заявляли руководители Министерства культуры КНР, должностные лица, ведающие культурой, больше не будут подвергать цензуре спектакли. Исключение составляют лишь те постановки, в которых затрагиваются важнейшие события, связанные с историей, религией, дипломатической деятельностью и этническими проблемами. В этом случае необходимо обсуждение с участием автора, специалистов по проблеме, затронутой в пьесе, представителей Министерства культуры и творческих союзов.

Для того чтобы предоставить большую творческую самостоятельность театральным труппам и другим коллективам исполнителей, принят ряд стимулирующих новшеств. Начато создание советов управления творческих коллективов, проводятся выборы руководителей, и им предоставляется право самостоятельного составления репертуара, свобода в подборе и расстановке кадров. К примеру, в Шанхае в балетной труппе были проведены выборы режиссера. Им стал известный специалист в области балета Чун Линь. В начале 1988 г. это, пожалуй, был первый художественный коллектив, где режиссер получил много новых прав. Проводились также выборы в шанхайской труппе пекинской оперы. Вновь избранный руководитель коллектива наряду с правом решающего голоса в репертуарной и кадровой политике получил возможность распоряжаться средствами, полученными от спектаклей. Интересен опыт пекинского Народного театра — ведущего драматического театра страны. В порядке эксперимента там введены элементы самофинансирования. Кроме того, введена менеджерская система управления. На принципе самоокупаемости работает театральная труппа Эржэньчуань в провинции Цзилинь, ряд других коллективов страны.

Имеется в виду, что постепенно подобный порядок будет распространяться на большинство провинциальных коллективов. В ряде провинций уже осуществлены такие реформы. Например, в провинции Шэньси все художественные коллективы на уровне районов и уездов наделены правом коллективной собственности, введена система ответственности директоров этих коллективов. Интересный опыт накоплен в провинции Ляонин. Там имеется 11 творческих союзов — театальный, музыкальный, литератур-

ный и т. д. В период 1987—1988 гг. был осуществлен ряд мероприятий для создания системы самообеспечения ряда творческих коллективов или же финансирования их на основе спонсорства. К примеру, управление железнодорожного транспорта провинции оказывает финансовое содействие Союзу художников провинции, помогает в организации выставок. В свою очередь члены Союза художников ведут для железнодорожников курсы по традиционной живописи — гохуа, по каллиграфии. Как считают руководители провинциального отделения ВАРЛИ, выгода обоюдная. Разговорный эстрадный жанр — сяньшэн — пользуется в провинции покровительством Даляньского завода телеаппаратуры. Завод, финансируя конкурсы актеров, одновременно рекламирует свою продукцию.

В выступлениях руководителей Министерства культуры, в дискуссионных публикациях в прессе подчеркивается, что реформы проводятся в условиях значительного снижения государственных ассигнований на развитие культуры. Работа художественных коллективов в новых условиях — самостоятельное хозяйствование, свободная конкуренция, самокупаемость. Как отмечает печать, это может постепенно привести к тому, что государственные театральные труппы превратятся в коллективную и даже, возможно, частную собственность. Не исключается также создание новых коллективов на основе взносов отдельных людей и организаций¹⁵.

Безусловно, что процесс реформ непрост, и зачастую раздаются критические голоса. Высказывается, в частности, мнение, что экономические методы в области культуры не только не стимулируют ее развитие, но, наоборот, ведут к полной коммерциализации искусства, к резкому снижению уровня произведений. Ван Мэн, отвечая своим оппонентам на страницах партийного журнала «Цюйши», писал, что длительное время предполагается существование «двойной системы» коллективов — финансируемых государством и находящихся на условиях самокупаемости¹⁶. Наличие «двойной системы», подчеркивал он, вовсе не отрицает направляющего руководства партии в области культуры.

Видный китайский актер, заместитель министра культуры Ин Жочэн, высказываясь за проведение реформ в области культуры, отмечал, что «существенным недостатком в деятельности китайского кинематографа, театра является отсутствие связи с массами, игнорирование интереса зрителей. Для решения этой проблемы необходимо введение своеобразного «института» менеджеров и импресарио, которые бы и занимались судьбой творческих коллективов, став в определенной степени связующим звеном между ними и зрителями¹⁷. При этом, подчеркивал Ин Жочэн, государство не будет больше нести ответственность за их финансовые убытки, оно должно выделять фонды лишь некоторым оперным, танцевальным и симфоническим высокопрофессиональным труппам, а большая часть коллективов должна перейти на самофинансирование.

Наряду с реформами в области культуры в последние годы проведен ряд мероприятий, направленных на выявление новых имен, оживление культурной жизни. В сентябре 1987 г. в течение двадцати дней проходил Первый всекитайский фестиваль искусств. В нем приняли участие около 4 тыс. профессиональных исполнителей. Состоялось 149 представлений — концертов, традиционных опер, выступлений кукольных театров, театра теней, цирковых коллективов. Фестиваль вызвал большой интерес в стране и за рубежом. Вместе с тем отмечалось, что уровень исполнительского искусства нуждается в дальнейшем повышении, выявилось довольно значительное число произведений с низким художественным уровнем, а ряд органов культуры продемонстрировал безответственный подход к проблемам искусства¹⁸.

В целом успешное проведение Первого фестиваля побудило его организаторов поставить на постоянную основу организацию подобных крупных мероприятий. Проведение следующего, Второго всекитайского фестиваля намечено на осень 1989 г. и приурочено к 40-й годовщине образования КНР. В фестивале наряду с китайскими исполнителями будут принимать участие и их зарубежные коллеги. Предполагается, что в рамках фестиваля состоятся и гастроли советских артистов.

Событием театральной жизни КНР стал Первый всекитайский театральный фестиваль, проходивший в ноябре 1988 г. в Пекине. В нем приняли участие коллективы из шестнадцати городов, провинций и автономных районов страны. Видный китайский драматург, председатель Ассоциации театральных деятелей Китая Цао Юй отмечал, что разнообразие представленных жанров свидетельствует о сохраняющейся связи те-

атра с жизнью. «Свои животворные силы,— подчеркивал он,— театр черпает в народной среде»¹⁹.

* * *

В процессе дискуссий и поиска, ведущихся в театральном мире Китая, в последние годы происходит все более частое обращение к зарубежным произведениям. Вместе с этим, как отмечают театральные деятели, далеко не все, что появляется в западной драматургии, приемлемо для Китая по идеологическим причинам. Определенный интерес же к происходящему в сфере культуры в СССР и других социалистических странах объясняется сходством решаемых проблем, общностью идей социализма.

На проходившем в начале 1988 г. в Шанхае совещании о роли творческих союзов и проблемах реформ в области культуры участники с интересом отмечали позитивные результаты перестройки творческих союзов в СССР. При этом указывалось, что китайские творческие союзы увлекаются администрированием, упуская нередко из виду творческую работу. В то же время в советских творческих союзах прослеживается поворот именно к творческой работе, стремление активизировать творческий потенциал своих членов²⁰. Примечательна статья в «Жэньминь жибао» о реформах в области театра в СССР. Газета, подробно рассказав о сути происходящих перемен, дала им весьма позитивную оценку²¹. Немало публикаций, освещающих эти вопросы, и в других печатных органах. Об интересе в Китае к советской драматургии свидетельствуют и поставленные в последние годы ряд советских пьес на сценах китайских театров. В канун 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции на сцене Пекинского молодежного художественного театра режиссером М. Захаровым была поставлена пьеса М. Шатрова «Синие кони на красной траве». Постановка была с большим интересом встречена китайскими зрителями, была отмечена в передачах центрального телевидения КНР. Рецензии на постановку были помещены в «Жэньминь жибао», «Чжунго циннянь бао», «Вэньхой бао», «Бэйцзин жибао», «Бэйцзин ваньбао». Приведем наиболее характерные отзывы китайской печати. Отсутствие в образе В. И. Ленина застылости и монументальности, как считает шанхайская «Вэньхой бао»,— важное достижение драматургии М. Шатрова, успешно воплощенное на сцене китайским актером. Постановка позволила китайскому зрителю как бы своими глазами взглянуть на жизнь вождя революции в России. Страстный призыв вождя к молодежи «учиться, учиться и еще раз учиться», как подчеркивала «Жэньминь жибао», актуален и в сегодняшнем Китае. Впечатление от пьесы «Синие кони на красной траве» многостороннее, но главное, как считает «Бэйцзин жибао», заключается в том, что она показывает, «как революционер должен участвовать в революции», и нынешнему поколению молодежи надо не только выполнить поставленную Лениным задачу учиться, но и задачу, которую ставит перед нами современная эпоха,— «размышлять, размышлять и еще раз размышлять».

Об успехе постановки свидетельствовали искренность и энтузиазм, с которыми зрители реагировали на происходящее на сцене. Примечательно, что газета «Дяньин сицзюй бао» («Кино и театр»), подводя итоги 1987 года, среди десяти важнейших событий театральной жизни КНР назвала обмен режиссерами для постановки пьес в СССР* и КНР²².

С успехом прошла в Нанкине пьеса А. Гельмана «Наедине со всеми». Состоялось более тридцати представлений спектакля. Театральный журнал «Сицзюй бао» привел весьма любопытные оценки, данные зрителями этой постановки: «Партийные и административные работники говорят, что пьеса потрясает людские сердца. Рабочие промышленных предприятий говорят, что у СССР и Китая очень много сходных проблем»²³.

В последние годы ставились и другие пьесы советских драматургов, пользовавшиеся неизменным интересом зрителей.

Восстановление связей в области культуры между нашими странами, начавшийся обмен деятелями искусства и специалистами показывают, что у двух стран есть хорошие перспективы в сотрудничестве в области культуры.

* В СССР для постановки пьесы «Визит мертвого к живым» в Новосибирском театре выезжала режиссер Чжан Цихун.

- ¹ Ван Мэнь. О некоторых вопросах культурной работы на современном этапе / Доклад на первой сессии ВСНП 7-го созыва // Чжунго вэньхуа бао.— 1988.— 3 апреля.
- ² Шэхой кэсюэ бао.— 1988.— 1 июля.
- ³ См.: Жэньминь жибао.— 1979.— 17 сентября.
- ⁴ Там же.— 1979.— 17 ноября.
- ⁵ Чжунго вэньхуа бао.— 1988.— 9 марта.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Сицзюй бао.— 1988.— № 1.
- ⁸ Чжунго вэньхуа бао.— 1988.— 3 сентября.
- ⁹ См.: Гуанмин жибао.— 1988.— 1 января.
- ¹⁰ См.: Цюйши.— 1988.— № 1.
- ¹¹ Гуанмин жибао.— 1988.— 1 января.
- ¹² См.: Жэньминь жибао.— 1988.— 26 января.
- ¹³ Гуанмин жибао.— 1988.— 1 января.
- ¹⁴ См.: Жэньминь жибао.— 1988.— 10 ноября.
- ¹⁵ См.: Чжунго вэньхуа бао.— 1988.— 3 сентября.
- ¹⁶ См.: Цюйши.— 1989.— № 1.
- ¹⁷ См.: Жэньминь жибао.— 1988.— 1 мая.
- ¹⁸ См.: Гуанмин жибао.— 1988.— 1 января.
- ¹⁹ Чжунго вэньхуа бао.— 1988.— 27 ноября.
- ²⁰ См. там же.— 1988.— 20 января.
- ²¹ См.: Жэньминь жибао.— 1988.— 26 января.
- ²² См.: Дяньин сицзюй бао.— 1988.— № 1.
- ²³ Сицзюй бао.— 1988.— № 2.

СИС: социум, информация, статистика

Благотворительность по-китайски

По данным Министерства гражданской администрации КНР, в настоящее время в стране действуют более 39 тыс. благотворительных учреждений для престарелых, детей-инвалидов, сирот и слабоумных. В городах и деревнях создано около 40,5 тыс. производственных предприятий для инвалидов, на которых трудятся 650 тыс. слепых, глухонемых и инвалидов других категорий. Подобных предприятий в 50-х годах насчитывалось лишь 320. В 500 больницах страны работают массажистами более 700 слепых. Всего по стране на работу устроено более 70 % трудоспособных инвалидов. В городах открыто около 70 тыс. центров по обслуживанию престарелых, инвалидов, членов семей павших героев, нуждающихся семей и др. Ежегодные расходы на благотворительные цели составляют 1—2 % общих финансовых расходов страны.

Забота о престарелых в Китае

На состоявшемся в октябре 1989 г. в Пекине Всекитайском совещании по геронтологии было отмечено, что начиная с 2000 г. Китай вступит в демографический период старения общества: численность людей в возрасте 60 лет и старше составит 130 млн. человек. В настоящее время в Китае насчитывается 91 млн. человек старше 60 лет, что составляет 8,2 % общей численности населения страны.

Ныне в Китае в центре и на местах действуют комитеты по вопросам геронтологии, фонды благосостояния престарелых, физкультурные общества, выходят газеты и журналы для престарелых, центральное и местное теле- и радиовещание готовят для них специальные программы. Около 200 тыс. престарелых обучаются в вузах. Многие после выхода на пенсию продолжают заниматься технической консультацией, переводами с иностранных языков, медицинской практикой, преподаванием, бизнесом, работой в сфере услуг, порой бесплатно. Для защиты законных прав престарелых 16 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения разработали местные законоположения. Как подчеркивалось на совещании, уважение к престарелым — это проявление высокой нравственности китайского народа.

Р. Ш.— А. АЛИЕВ

ЗАВИСИМОСТЬ, ОБОРОНА И «АТАКА СЗАДИ», ИЛИ ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ЯПОНИИ

После захвата в 1942 году Сингапура, обороняемого англичанами, японский генерал Т. Ямасита заявил: «Белые происходят, по словам их собственного ученого Дарвина, от обезьян. Мы же, японцы, происходим от богов. Кто выиграет эту войну между обезьянами и богами, это совершенно ясно»¹. «Богам», как известно, не повезло: они проиграли войну. И на какое-то время были оккупированы белыми — американцами. Единственное, что должно было утешить «богов», так это то, что многие американцы не признают Дарвина, а значит, и происхождение от обезьян. Видимо, американцы тоже происходят от богов, только других. Скорее всего, от бога Тельца. В какой-то степени это позволяло руководителем послевоенной Японии с меньшими психологическими потерями выносить бремя зависимости от США, которое они безропотно несут вот уже более 40 лет. Но является ли такая зависимость «бременем»? Странный вопрос,— скажет любой. «Любой, но не японец»,— назидательно укажут знатоки человеческих душ, то есть этнопсихологи и культурологи. Разберемся.

Анатомия зависимости

Сразу оговоримся, что здесь речь пойдет не об анализе причин этой зависимости, связанных целым комплексом военно-политических и экономических условий, определивших характер американо-японских отношений после войны. Нам важно понять, как уживаются в мышлении японцев на первый взгляд несовместимые явления: покорное следование за стратегией Вашингтона и одновременно торгово-экономическая борьба на равных с американскими монополиями, чувство подчинения и превосходства, принимающее формы национализма преимущественно с антиамериканской направленностью. То, что иногда называют синдромом любви и ненависти.

Не только этнопсихологи, но и многие экономисты полагают, что объяснение этих «несовместимостей» лежит в области культуры Японии, точнее, во взаимодействии культуры и политики. Не вдаваясь в крайности, рассмотрим некоторые стороны этой взаимосвязи².

Большинство исследователей социально-психологического портрета японцев исходят из признания, что его истоками являются особенности структуры японского общества. На Западе, считают они, сложились «горизонтальные» общества: социальные группы в них объединены качественно однообразными по классовой и социальной принадлежности элементами. Япония же представляет собой общество с «вертикальной» структурой, и его ведущим организационным принципом является принцип места ба. Людей в «вертикальном» обществе объединяет в группы не их качественная однородность, а единство места действия, единство организационных рамок, или «дом» из. «Домом» может быть семья, община, компания, государство, нация.

Принцип «места» в каждом «доме» устанавливает иерархию старшинства, то есть внутрискрутурный порядок; принцип «дома» формирует дух единства всех его членов, принадлежность именно к тому или иному «дому». Отсюда корни такого словоупотребления: наша компания, наши соседи, наша страна, наша родина...

Алиев Рафик Шали-Акзамович, доктор исторических наук, и. о. директора Института экономических и международных проблем освоения океана ДВО АН СССР.

Причем из важнее ба, дух важнее порядка, точнее, сам дух как раз и обеспечивает порядок ба, поскольку суть первого определяется системой бесприкословного подчинения младшего старшему (система оябун). Из этого возникает вопрос: что обеспечивает гармонию в из?

По мнению этнопсихологов, эту гармонию порождает специфическое осознание японцами своего «я». В западных представлениях «я» выделяет индивидуум, автономизирует индивидуум, делает его целостным по отношению к социальной среде. Японское «я» дзibun не обладает таким самосознанием. Дословный перевод дзibun означает «моя доля», «моя часть», то есть включает в себя нечто большее, чем просто индивид, поскольку подразумевает более обширное пространство, частью которого является личная доля индивида. Такое осознание себя как дзibun предопределило острую потребность в ориентации на зависимость, передаваемую словом амаэ.

В приближенном переводе оно означает «благожелательное отношение к духу зависимости», «желание быть любимым». Психологическим прототипом амаэ является отношение ребенка к матери. В социальной среде амаэ означает, что сильный проявляет терпимость к слабому, признает свои обязательства перед ним, заботится и защищает его, не требуя взаимных обязательств. Именно чувством амаэ объясняют некоторые специалисты американско-японских отношений жесткую позицию лидеров текстильной промышленности Японии на переговорах с США в 1969—1971 годах. Они, по их мнению, исходили из необходимости заботиться об интересах небольших фирм, которые, в свою очередь, согласно концепции амаэ, не имели обратных обязательств перед крупными текстильными компаниями. Подобный тип отношений, считают специалисты, японцы распространяют и на свои связи с США: Соединенные Штаты подходят к роли старшего партнера, старшего брата, от которого можно много получить и многого ожидать³.

Некоторые ученые объясняют подчиненное положение Японии во взаимоотношениях с США традиционным японским «конформизмом, перешагнувшим границы»⁴. Однако конформизм предполагает идентификацию, соглашательство, растворение своего «я» в среде или в отношениях с более сильным партнером. Встав на эту точку зрения, невозможно тогда объяснить непрекращающиеся конфликты между Японией и США. Возникающие на основе экономических и политических противоречий, эти конфликты усугубляются антагонистическим взаимодействием конфуцианской морали и принципом амаэ, перенесенным на взаимоотношения с США. Поскольку последние являются лидером западного мира, постольку Япония находится и должна находиться в подчиненном положении перед Америкой, что соответствует логике конфуцианских канонов. В какой-то степени этим (конечно, с большой долей натяжки) можно объяснить столь послушное равнение Токио на Вашингтон, по крайней мере в сфере тех проблем, которые не затрагивают двусторонние отношения. Когда же США начинают оказывать давление на Японию в вопросах, касающихся непосредственно двусторонних связей, японцы воспринимают это как нарушение принципа амаэ, в соответствии с которым старший, более сильный, партнер должен с уважением относиться к интересам младшего. Но поскольку столь непрагматичный постулат постоянно нарушается Вашингтоном, возникают трения и конфликты, принимающие форму различных «автомобильных», «электронных» и прочих «войн». Другими словами, различия в культурных традициях, специфика мышления ведут к недопониманию, усугублению противоречий даже среди классовых союзников.

Харагэй, или Японская техника ведения переговоров

Источником подобного недопонимания со стороны Запада является также практика принятия решений в Японии, которая отличается от американско-европейских вариантов.

В основе процедуры принятия решений в Японии лежит традиционная система ринги (или хинги — приблизительный перевод: получение согласия на принятие решений путем опроса без созыва совещаний). Суть ее состоит в урегулировании различных мнений и избяжении противоречивых мнений. На предварительной стадии — нэмаваси («увязка корней» или заблаговременная подготовка решений) — идет фактическая подготовка условий для достижения согласия всех заинтересованных участников. В результате споры на официальном уровне становятся формальными, а дебаты, по

существованию, проходят на стадии *нэмаваси*. Таким образом, достигается не только консенсус, но и, что не менее важно, происходит приобщение каждого члена (или институционального блока) к процессу формирования решения, и тем самым эта система отражает природу признания и уважения социального статуса участников.

Система *ринги* и *нэмаваси* имеет свои плюсы и минусы. Как считает советский японовед А. Н. Курицын, «система *ринги* как групповой метод принятия решений основывается на достижении взаимного согласия всех членов групп, именно в этом проявляется ее основная особенность»⁵. *Ринги* выполняет функцию приобщения большого круга людей или звеньев бюрократического аппарата к политике, и тем самым создается имидж соблюдения буржуазной демократии по-японски.

К недостаткам этой системы относится затянута́сть, отсутствие быстрой реакции на те или иные критические ситуации. Но «к недостаткам» в понимании европейцев. С точки зрения японцев, подобная медлительность в реакции является достоинством, преимуществом. Такой тип поведения — это еще одна сторона их культуры, обозначаемая японским словом *авасэ* (согласие, приспособление). Так, в ходе массового опроса (в 1978 году) было выявлено: при возникновении какой-либо сложной проблемы установкой «ждать и смотреть» в политике придерживался 61 % опрошенных. Эта своеобразная черта японской психологии формировалась под воздействием принципа «у *вэй*» древнекитайского философа Лао Цзы: «ничего не делая, добьешься наивысшего добра» (*насадзару-о моттэ сайко-но дзэн-то насу*). Любопытно, что в японской внешней политике эта философия «ничего неделания» преломляется в принципе «*wait and see diplomasy*».

На систему *ринги* и *нэмаваси* очень похожа система *харагэй* (дословный перевод: игра животом), введенная в политический лексикон профессором Университета ООН в Японии К. Мусякодзи для выделения японского типа переговоров в отличие от американского, обозначаемого словом *эраби* (выбор)⁶. Коротко, суть различий в следующем: для модели *эраби* уже в начальной стадии переговоров определяется перечень проблем, четко выделяются главные проблемы, стороны определенно выражают свои позиции. Вырабатываются общие принципы, неукоснительное следование которым считается обязательным для каждой стороны. Вместе с тем в заключительном документе могут фиксироваться проблемы, по которым мнения сторон могут и не совпадать.

Система *харагэй* предусматривает урегулирование различных позиций с упором на те проблемы, по которым, скорее всего, будет достигнуто взаимопонимание.

Первая, коммуникативная стадия (*авасэ*) предполагает налаживание дружеских персональных отношений, проявление готовности понять позиции друг друга без предварительных условий и, самое главное, без обсуждения конкретных проблем.

Вторая стадия — постепенный переход к основной теме переговоров, который осуществляется намеками, инскаказаниями, без четкого объяснения позиций.

На третьей стадии обсуждаются сами проблемы без привязки их к каким-либо общим принципам. Для каждой проблемы оговариваются особые специальные обстоятельства, трудности их разрешения. Предполагается, что подписанный совместный документ будет составлен таким образом, чтобы дать возможность каждой стороне действовать самостоятельно, по своему усмотрению в зависимости от конкретных ситуаций, складывающихся уже после подписания документа. Считается, что эти действия будут отвечать интересам партнеров, то есть духу их дружеских взаимоотношений, достигнутому еще на первой стадии переговоров, а не букве совместного документа, которую всегда можно интерпретировать в интересах одной стороны.

Другими словами, *харагэй* — это японская техника ведения переговоров, которая не раз и не два доводила до белого каления американских бизнесменов и политиков. Американцы не выдерживали уже первой стадии — *авасэ*. Однако те бизнесмены из США и стран Западной Европы, которые хорошо изучили страну, считают, что соглашения, достигнутые на основе японской манеры ведения переговоров, оказывались более надежными, чем те, которые подписаны в стиле *эраби*.

Естественно, японцы высоко ценят свой тип ведения переговоров, исходя из того, что он ведет к установлению «дружеских отношений». Профессор М. Кунихиро пишет: «В *харагэй* проявляется чувство эмоциональной общности, то есть желания получить особое внимание со стороны партнера, который в свою очередь стремится получить ответное дружеское расположение, стать членом вашей группы»⁷. Особенно эффек-

тивно харагэй действует среди людей одной культуры. Игнорирование этой системы представителями «чужой культуры» ведет, по Кунихиро, к «неприятностям и недопониманию».

Для правящих кругов Японии система харагэй и в самом деле удобна. Она позволяет им довольно длительно вести переговоры, во время которых они полнее и лучше узнают намерения партнера. Одновременно появляется возможность выявить степень невыгодности или преимуществ с точки зрения собственных интересов посредством «прокручивания» нэмаваси уже в своей среде. Короче говоря, за время переговоров учитываются все вероятные компоненты предстоящего соглашения или дипломатического документа. И когда наконец достигается окончательное решение, все работы по его реализации могут быть выполнены очень быстро. Намного быстрее, чем у тех же американцев, поскольку то, что у японцев было сделано на предварительной стадии в процессе ведения переговоров, у компаний США начинается после их завершения.

Японский меч, или Атака сзади

Специфичным выглядит поведение японцев в случаях надвигающейся опасности. Его можно сравнить с той позицией, которую принимают кони, защищаясь от нападения. Как известно, они разворачиваются к нападающему спиной и защищаются задними копытами. «Оборонительная позиция» характерна и для японцев. Так, когда нужно защитить ребенка, японка склоняется над ним, повернувшись спиной к опасности, в то время как американка или европейка прячут ребенка за спину и встречают опасность лицом к лицу.

«Оборонительную позу» японец занимает во всех тех случаях, когда европеец встал бы в атакующую позицию. Подобное поведение нашло свое выражение и в лексиконе японцев, например в словосочетании сэ-но кими (ты, который за спиной). Чувство «спиной» привело к утверждению принципа хайгосюги, то есть осознание опасности, грозящей сзади, и стремление нападать сзади.

Японский меч устроен таким образом, что им легко обороняться от врага, находящегося сзади, в то время как европейский меч приспособлен для атаки вперед. Именно поэтому основной атакующий маневр у японцев еще в древности состоял в том, чтобы войти в задние ворота замка, подойти к противнику с тыла, причем внезапно. Именно этим в некоторой степени объясняется и присущая Японии манера нападать на противника без объявления войны. Таким образом Япония действовала в отношении России (1904), Китая (1937), США (1941).

Принцип «обороны тыла» и «атаки сзади» можно проследить и во внешнеэкономических связях с торговыми партнерами-противниками, особенно в отношении с США. Хорошо известно недовольство американцев по поводу закрытости рынка Японии. Причем формально — с точки зрения юридических норм — он более открыт, чем американский. Однако японские монополии путем введения различных усложненных процедур, так называемых нетарифных барьеров и т. д., создают невидимый частокл препятствий, который крайне затрудняет проникновение иностранных товаров на японский рынок. В последнее время, начиная с 1985 года, под давлением Вашингтона сделано немало для «открытия» японского рынка, что, правда, мало повлияло на состояние торговых отношений Японии с США. Раздосадованные такой ситуацией конгресс и правительство в Вашингтоне вынудили Токио в очередной раз принять «добровольно» обязательства по сокращению экспорта, ужесточили режим тарифной системы, понизили курс доллара по отношению к иене и т. д. Все это не обескуражило японских монополий. В ответ они обратились к своему излюбленному принципу «атаки сзади», то есть резко увеличили потоки прямых инвестиций в США, которые в марте 1987 года исчислялись суммой в 35,5 млрд. долл., причем на последние два года пришлось почти 20 млрд. долл.⁸ К середине 1987 года в США функционировало 435 предприятий только в обрабатывающей промышленности, которые полностью или частично принадлежат Японии⁹. К этому можно добавить скупку банков, недвижимости и внедрение японского капитала в финансовую систему США — все это в возрастающих масштабах. Таким образом, «атака сзади» дает не менее весомые результаты, как и «оборона тыла».

Любопытно также, как японский язык отражает характер соперничества монопо-

лий с собственным правительством, с другими монополиями внутри страны, с иностранными монополиями. В первом случае употребляется термин юко кёсо (эффективное соперничество), во втором — кётётэки кёсо (соперничество на основе сотрудничества), в третьем — като кёсо (жестокое или непримиримое соперничество).

«Оборонная» атака, приносящая японским монополиям победы в империалистическом соперничестве, казалось бы, должна была свести на нет «чувство зависимости» от США, привести американско-японские отношения в состояние равноправного партнерства. На деле же неравноправие сохраняется точно так же, как и зависимость Японии от внешнеполитической стратегии США. Реакцией на такое положение является и всплеск национализма, который наблюдается в настоящее время.

ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: СИНДРОМ ПРЕВОСХОДСТВА ИЛИ УЩЕРБНОСТИ?

«— Все японское стало подлинной религией Японии. Японцы — это боги!

— Японскую расу следует считать выдающейся, поскольку со времен богини Аматэрасу японцы чисты, как самое лучшее неразбавленное рисовое вино — сакэ.

— Иностранцы должны быть в состоянии цитировать Басё* так, как мы цитируем Рильке»¹⁰.

Угадajte, кому принадлежат эти высказывания? Довоенным философам-националистам К. Нисида, Н. Такаяма, С. Гондо, Т. Вацудзи? Или милитаристам Г. Танака, Х. Тодзио, К. Хиранума? Нет, не угадали. Оказывается, так говорят философы и политики современной Японии. Первое высказывание принадлежит профессору из Токио С. Ямамото, второе — бывшему премьер-министру Я. Накасонэ, третье — философу и драматургу Т. Умэхара.

Что это? Случайный всплеск национализма или мощная волна — предвестник бури? Ностальгия по прошлому или заявка на будущее? Попробуем разобраться.

Головокружение от успехов, или «Захват» Америки

«В XIX столетии Великобритания создала международный экономический порядок и возглавила его. В XX веке то же самое сделали американцы. Настало время Японии создать такую международную систему, которая отразила бы ее величие и стратегические интересы»¹¹.

Эту фразу приписывают многим в Японии. В данном случае газета «За рубежом» процитировала М. Исидзука, одного из деятелей националистической группировки «Кокумин кайги». Автор статьи из «Шпигеля» Т. Терцани, приводя почти дословно это высказывание, сослался на «стратега» из НИИ Номура. Приходилось эту мысль слышать из уст и других японских политиков и идеологов. А раз так, значит, она отражает настроение определенных слоев японского общества. И как считают эти слои, основания для таких настроений существуют.

Действительно, в 80-е годы страна не только укрепила свой экономический потенциал, но, что особенно важно, начала обходить своего влиятельного союзника — США по некоторым «технотронным» позициям. Речь идет не только о колоссальном положительном сальдо (около 50 млрд. долл.) в торговле с США, но и об опережении заокеанского партнера в автомобилестроении, робототехнике, в темпах компьютеризации общества и т. д. Средства массовой информации с удовлетворением отмечают очередные победы японцев над янки. С восторгом сообщается, как Япония помогает «больной» Америке оздоровить бюджетный дефицит, скупая облигации американского правительства. Во весь голос газеты протрубили о том, что Япония вышла на первое место в мире по заграничным нетто-активам, которые в 1986 году достигли 180,4 млрд. долл. С нескрываемым удовлетворением пишется также об успехах «атаки сзади», которую демонстрируют японские бизнесмены в самих Соединенных Штатах, где они скупают банки и недвижимость. «Завоевателем Америки» назван президент одной из компаний С. Кобаяси, закупивший 37 первоклассных небоскребов в Нью-Йорке и в других городах на сумму 2 млрд. долл.

Нарисованная средствами массовой информации картина «упадка Америки», конечно же, не отражает действительности, хотя в определенной степени и обнажает «больные места» в экономике США. До «упадка», безусловно, далеко, а до превосход-

* Мацуо Басё (1644—1694) — классик японской поэзии.

ства Японии над США — еще дальше. Достаточно сопоставить ВВП или расходы на НИОКР двух держав, чтобы понять, сколь необъективно оцениваются соотношения экономических сил партнеров-союзников. По первому показателю Япония отстает от США более чем в 2,5 раза, по второму — более чем в 2 раза¹².

Но упор в пропаганде делается, естественно, на победах Японии, при этом активно эксплуатируются в этих целях и заявления конгрессменов по поводу вторжения «японских самураев» на американский рынок.

Головокружение от успехов над янки в определенной степени и спровоцировало взрыв национализма в стране, который охватил часть «интеллектуальной» элиты, одновременно явившись стимулом для активизации националистических организаций типа «Нихон-о мамору кокумин кайги» (Национальный совет в защиту Японии), «Кокка Кихон мондай досикай» (Ассоциация по обсуждению фундаментальных проблем государства) и т. д.

Идеологами национализма вновь воскрешаются теории «Нихондзин рон» («Теория о японцах») или «Нихон бунка рон» («Теория о японской культуре»), служившие еще с домэйдзинских времен основой для пропаганды исключительности японской расы. Бум этих теорий в современной Японии — это уже не просто всплеск национализма, хотя еще и не волна, но это и прошлое, а возможно, и будущее. Как знать?

Синдром: «Япония — превыше всего»

Крайне любопытное, а может быть, и закономерное явление: успехи японской экономики и победы над «закатывающейся Америкой» идеологи национализма объясняют не экономическими причинами, а главным образом уникальностью японской расы. Слово «раса» употреблено не случайно. Дело в том, что в японском языке есть несколько слов, которые на первый взгляд синонимичны, — миндзоку (нация), минсю (народ), симин (граждане), кокумин (народ страны). Если слова минсю и кокумин обычно используют в официальных документах, то слово миндзоку любят употреблять националисты, в особенности из «киотоской школы», к которой причисляет себя и Накасонэ. Его любимое выражение Ниппон миндзоку (японская нация) и даже Ямато миндзоку (нация Ямато)*. Суть в том, что миндзоку идентичен нацистскому образу народа, — народа расовой чистоты и идейного единства. Представители «киотоской школы» как раз и называют себя «выразителями духа нации». В чем же преимущества «избранной нации Ямато»? Ответ на этот вопрос можно найти у Т. Умэхара, которому Я. Накасонэ в бытность свою премьер-министром доверил создание Института японологии, призванного утвердить и научно доказать национальную исключительность японцев.

Рассуждения философа на этот счет (а Умэхара долгие годы изучал западную, в основном немецкую, философию, в которой он, впрочем, затем разочаровался), прямо скажем, не тривиальны¹³. Они могут поразить любого неискушенного читателя. Главный его тезис заключается в том, что японская нация начала формироваться 12 тысяч лет назад, а это на 4 тысячи лет раньше, чем зарождение цивилизации в Месопотамии. Первое открытие, сделанное Умэхара. Через две тысячи лет, по его мнению, начала развиваться и японская культура, получившая название культуры Дзёмон. Японского философа при этом не смущает, что археологические данные относят развитие этой культуры к эпохе неолита, то есть к XVIII—III векам до н. э.¹⁴ Такие «мелочи» Умэхара не беспокоят. Главное, что уже 10 тысяч лет назад зародилась «духовная культура», которая жива в сознании японцев и по настоящее время. Философ дает самую высочайшую оценку этому периоду и считает, что «изучение культуры Дзёмон жизненно необходимо не только для Японии, но для всего мира, для всего человечества»¹⁵. Ни много ни мало.

Наверное, в этом резон есть. Если культура Дзёмон — это первый очаг цивилизации на земном шаре, тогда, конечно, изучать надо. Вот только первый ли? Но это уже детали.

Умэхара делает еще одно открытие, столь же неожиданное, как и первое. Оказывается, айну — это потомки людей эпохи Дзёмон, то есть айну — самая наичи-

* Ямато — древнее название Японии.

стейшая часть японской расы. При этом Умэхара в диалоге с Накасонэ не преминул польстить тогдашнему премьер-министру, что черты его лица явно несут следы происхождения от людей Дзёмон. На что премьер ответил: он действительно айну¹⁶. До чего только не доведут националистические изыскания философов и политиков? Парадокс в том, что именно айну являются наиболее притесняемой частью японской нации — всем известный факт, который, правда, сам Накасонэ отрицает. Ну коль скоро Умэхара сделал подобные «открытия», уже становятся неудивительными и более мелкие, наподобие того, что концепции «взаимного доверия», «равенства» и «справедливости» были сформулированы принцем Сётоку-тайси, то есть в конце VI — начале VII века н. э. Все это напоминает анекдот об Иване Грозном, который «насквозь» видел человека задолго до открытия Рентгеном своих лучей.

Идея «первичности» японской нации с ее «уникальными» культурными ценностями логично приводит последователей идеологии «японизма» к концепции «исключительности» расы Ямато. Отметим, что современные неонационалисты ничего оригинального в эту концепцию не привнесли. С аналогичными аргументами выступали в 20—30-е годы тогдашние идеологи национализма и фашизма¹⁷. Закономерно при этом то, что как довоенные, так и современные апологеты национализма черпали свои идеи из трудов таких немецких философов, как Ницше, Фихте и Хайдеггер. Главное достоинство этих философов, особенно двух последних, они усматривают в их мистическом трансцендентализме, торжестве духа над телом, иррациональности над рациональным. По мнению, например, философа С. Ватанабэ, именно такими качествами обладают японцы, именно в этом как раз и состоит «уникальность» японской нации.

Совершенно естественно, что в центре дискуссии о происхождении японцев фигурирует извечная тема места императора в обществе, его культа в синтоизме, отношения к милитаризму. Круг вопросов, которые еще до начала 80-х годов считались «запретными», ныне получает самое детальное освещение в средствах массовой информации. Причем, и это следует особенно подчеркнуть, население Японии в целом с пониманием и даже одобрением относится к обсуждению этих тем. Опросы общественного мнения показывают возрастающий интерес японцев к возврату «к традициям», к развитию «чувства уважения» к императору. При этом такой «интерес» наиболее проявляется у молодых японцев (16—19 лет) и меньше у лиц старше 65 лет¹⁸.

«Сегодня настало время вновь утвердить национальную самобытность»

Эти слова, принадлежащие Накасонэ¹⁹, находят отклик среди немалой части японского населения. Возникает вопрос: что стимулирует поддержку подобных лозунгов?

Чуть ли не все специалисты в один голос утверждают, что подъем национализма вызван экономическими успехами японцев. Так ли это?

Действительно, экономическое процветание в Японии формирует чувство законной гордости у японцев. Но может ли богатство служить базой для национализма? Не берусь однозначно утверждать, но полагаю, что не может. Почему? Вспомним историю. Господство Великобритании в XIX веке, как известно, не породило национализма в стране. Подобные настроения возникли после второй мировой войны, когда значение Англии в глобальной политике резко упало. Такая ситуация вызывала чувство неудовлетворенности, которое трансформировалось в всплеск национал-шовинизма после победы на Фольклендах. Чувство неудовлетворенности было частично удовлетворено. Французский национализм подогревался чувством зависти к Англии еще со времен 100-летней войны. Стремление поставить Англию «на колени» постоянно стимулировало французскую внешнюю политику и в определенной степени обусловило войны Наполеона. После 1870 года французский национализм питался чувством реванша против Германии. В самой Германии идеи об исключительности германской расы, немецкого духа, идеологически сформулированные у Фихте и Ницше, порождались чувством неудовлетворенности положением страны среди других великих европейских держав. Неудачная попытка взойти на пьедестал закончилась унижительной капитуляцией в 1918 году. Чувство унижения, вызвавшее одновременно чувство реванша, в свою очередь вновь возродили националистические теории о превосходстве «германского духа» в форме национал-фашизма, разработанные

М. Хайдеггером, Ю. Штрайхером, А. Розенбергером, К. Хаусхофером и другими идеологами и философами.

Мы бы погрешили против истории, если бы считали, что национализм представляет собой сугубо негативное явление. В моменты формирования наций он играет исторически прогрессивную роль. Достаточно вспомнить возрождение русского или китайского духа в ответ на татаро-монгольское и маньчжурское иго. В таком же ключе можно квалифицировать и американский национализм XVIII века, служивший идеологической основой в борьбе против английского господства. Другими словами, национализм прогрессивен в периоды формирования наций, ее защиты от внешних врагов, то есть когда он выполняет функцию сохранения и развития самобытности нации. Но национализм сразу же превращается в свою противоположность — в шовинизм, — как только он становится платформой теории национальной исключительности, превосходства одной нации над другой.

Национал-шовинизм в идеологии приобретает характер гегемонизма в политике, поскольку идея сверхисключительности нации не может не вести к идее господства над всем миром. Такая логика в свое время послужила обоснованием политики захватов фашистской Германии и Италии, а также милитаристской Японии. Следует отметить, что воспроизводящим фактором подобной «логики» выступает противоречие между осознанием исторической миссии «сверхнации» на международной арене и ее реальными возможностями.

Это явление в обнаженной форме проявляется и в современной Японии. Националистические круги этой страны объясняют экономические успехи своеобразием японской культуры, традиций, особым мышлением японцев. Не будем гадать, как развивалась бы Япония после войны, если бы не была осуществлена демократизация по западным образцам, если бы она не получила долларовые вливания в экономику и если бы не имела возможности использовать западные «мысли» в виде лицензий и т. д. Главное, несмотря на эту послевоенную «вестернизацию», Япония сохранила свою самобытность, и прежде всего благодаря ей, как утверждают националисты, японское общество добилось процветания. В западных же цивилизациях острые экономические кризисы сопровождаются такими негативными явлениями, как наркомания, проституция, рост преступности. Особенно это относится к США. Средства массовой информации, обнажая язвы американского общества и не жалея для этого черных красок, довольно умело стимулируют антиамериканские настроения у японского населения, вызывая чувство раздражения поведением «нахальных янки» в их стране. В 80-е годы подобные настроения ощущают на себе не только американцы, но и европейцы, не говоря уже о высокомерии, которое испытывают на себе представители азиатских народов из стран ЮВА. По данным опроса газеты «Асахи», проведенного в 1983—1984 годах, 80 % корреспондентов заявили, что «японский народ относится к высшим расам мира»²⁰. Казалось бы, что еще надо? Дело же в том, что синдром «высокомерия» одновременно сопровождается чувством «унижения», чувством «зависимости». На эту взаимосвязь уже обращали внимание ученые. Так, один из них, профессор истории и литератор С. Като, указывая на истоки современного национализма, пишет, что он питается «во-первых, экономическим динамизмом и широко разрабатываемым процветанием японского общества, во-вторых, пассивностью во внешней политике и ее привязанностью к линии США»²¹. Но дело, видимо, не только в США. Не так давно неонационалисты пришли в неопишущую ярость, когда Накасонэ дал задний ход после нот протеста КНР в связи с намерением Министерства просвещения пересмотреть японские учебники, в которых агрессия Японии против Китая квалифицировалась бы в виде обыкновенной военной операции.

Ниппон ё, кокка тарэ — Япония, стань государством!

Этим призывом в 1980 году прославился в Японии социолог И. Симидзу. Идея лозунга довольно проста: пока Япония не приобретет ядерного оружия, она останется игрушкой в руках сверхдержав. Только ядерный статус страны делает ее государством²². Справедливости ради необходимо отметить, что эта идея сразу же подверглась серьезной критике влиятельных кругов правящей элиты Японии, в частности со стороны известного ученого и политика М. Иноки²³. Гораздо большей популярностью пользуется

умеренный вариант «государствления» Японии, другими словами, превращения ее в политическую сверхдержаву.

Необходимо при этом помнить, что разрыв между экономическим потенциалом Японии и ее политической ролью в мире давно угнетает правящие круги страны. Еще в начале 70-х годов политики, в том числе тогдашний премьер-министр Э. Сато, выдвигали задачу усиления политического влияния на международной арене. Не получилось. В начале 80-х годов снова вернулись к этой теме, и вновь осечка. Националистические круги считают, что эта задача не будет выполнена до тех пор, пока Япония не освободится от зависимости США. Речь идет не только о военно-политической зависимости, определяемой характером американско-японского договора безопасности. Положение младшего партнера в рамках этого договора, вынуждающее Японию следовать по пятам американской стратегии, вызывает чувство униженности, ущемленности в рядах японских националистов. Это с одной стороны. С другой — даже в тех сферах, где на первый взгляд Япония обладает преимуществом над США, на самом деле не так все просто. Я имею в виду успехи Японии в конкурентной борьбе с американскими монополиями. Достаточно было этим монополиям искусственно взвинтить лихорадку на бирже, приведшую к взлету иены и падению доллара, как, будто по мановению палочки, японский экспорт в США удорожал чуть ли не вдвое. При этом надо иметь в виду, что почти 30 % японской экономики работает на экспорт. Следовательно, изменение курса валют ударило по японской экспортной промышленности, а фактически по всей экономике Страны восходящего солнца. В результате в 1986 году впервые за последние 11 лет прирост объема промышленной продукции был минимальным — 0,3 %. И хотя уже в следующем, 1987 году, темпы прироста промышленности резко подскочили вверх (на 10 %), однако в центре внимания японцев оказались атаки американских конгрессменов на компанию «Тосиба кикай», которая якобы нарушила запреты КОКОМ. В результате давления США часть руководителей компании ушла в отставку, другая была судима японским судом. Наконец, в 1988 году, Япония вынуждена была удовлетворить требования США по ликвидации таможенных ограничений на ввоз в страну американской сельскохозяйственной продукции, против чего в течение многих лет выступали японские крестьяне.

Националисты и правые в Японии вряд ли осознают столь высокую степень экономической зависимости от США, иначе они не выступили бы против доклада Маэва (апрель 1986 года), в котором предлагались меры по расширению внутреннего рынка в целях «гармонизации» отношений с внешней средой, прежде всего с США. Этот доклад был воспринят ими как капитуляция Токио перед Вашингтоном, как очередное унижение «великой расы Ямато» перед янки²⁴.

Итак, решению задачи превращения Японии в великую военно-политическую державу, по их убеждению, должно предшествовать освобождение от протектората США. В этом русле действуют различные националистические и правовые группировки, активизировавшиеся в 80-е годы. Оплодотворяет их деятельность идеология национализма, внешнеполитическая часть которой опирается опять-таки на превосходство японской культуры. Из диалога между Умэхара и Накасонэ выясняется, что «человеческая раса не сможет выжить, опираясь только на принцип европейской цивилизации»²⁵. Почему? Оказывается, потому, что в ее основу положен принцип «логоса», который стимулировал развитие культуры с упором на науку и технику, игнорируя человека и духовные ценности. А потому единственный шанс для выживания человечества дает восточная культура, ибо она обращена к природе и человеку. Естественно, вершиной этой цивилизации является японская, берущая начало с эпохи Дзёмон, которую и следует осваивать всему человечеству. Запад себя исчерпал, больше учиться у него нечему. Всем теперь надо учиться у Японии. Умэхара провозглашает: «На Японию сегодня возложена важная глобальная миссия — стать мостом между Востоком и Западом, Севером и Югом»²⁶.

Было бы ошибочным полагать, что японский национализм имеет только антиамериканскую или антиевропейскую заостренность. Его адресатом является весь мир. Возникает естественный вопрос: есть ли будущее у японского национализма? По-разному отвечают на него. Мы же последуем совету Умэхара иностранцам цитировать Басё. На ум пришло такое его трехстишие:

Слово скажу —
леденеют губы.

Осенний вихрь¹²⁷

Ставшая уже давно пословицей, эта хайку означает: осторожность иногда заставляет промолчать.

¹ Цит. по: Spiegel. 1987.— January 12.— P. 119.

² При анализе данной проблемы автор в значительной степени опирался на материалы социолога-японоведа М. Корнилова, обработавшего громадное количество японских и западных источников по данной теме. См., например, его статью «О типологии японской культуры» (японская культура в теориях «Нихондзин рон» и «Нихон бунка рон») в книге: Япония: культура и общество в эпоху НТР.— М., 1985.— С. 36—58.

³ See: Managing an Alliance: The Politics of U. S.— Japanese Relations.— Wash., 1976.— P. 109.

⁴ Y. Sakamoto. Japan in Global Perspective // Bulletin of Peace Proposals.— Oslo, 1982.— № 1.— P. 5.

⁵ А. Н. Курицын. Управление в Японии: организация и методы.— М., 1981.— С. 91. См. также: В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. Управление персоналом в Японии. Очерки.— М., 1989.— С. 163—166.

⁶ See: K. Mushakoji. The Cultural Premis of Japanese Diplomacy // Japan Interpreter.— 1972.— № 3—4.— P. 282—292.

⁷ U. S.— Japan Communication.— Discord in Pacific: Challenges to the Japanese — American alliance.— Wash., 1972.— P. 167.

⁸ Japan 1988. An International Comparison. Tokyo, 1987.— P. 56.

⁹ Japan Times.— 1987.— August 9.

¹⁰ Цит. по: Spiegel.— 1987.— January 12.— P. 116, 119, 122.

¹¹ За рубежом.— 1987.— № 26.— С. 8.

¹² В соответствии с международными сопоставлениями макроэкономических показателей в 1987 г. ВВП США был равен 3191,6, а Японии — 1220,4 млрд. «международных долларов» 1980 года // Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1988 и начало 1989 года (Приложение к журналу «МЭ и МО»). Что же касается расходов на НИОКР, то нередко приводимые в печати цифры не отражают реальности, поскольку не учитывают курс валют. Объективную картину дают японские источники. В соответствии с их данными в 1986 году расходы на НИОКР в США достигали 193,3 трлн. иен, в Японии — 84,2 трлн. иен, а в долларах, по курсу 1986 года, это означало 114,7 и 49,9 млрд. долл. // Кагаку гидзюцу ёран. Ежегодник статистики по науке и технике. 1987.— Токио, 1988 (май).— С. 30, 181.

¹³ Его рассуждения были сформулированы в диалоге с Я. Накасонэ, опубликованном в «Бунгэй сюндзю» в февральском номере 1986 года. Затем этот диалог был переведен на английский язык и опубликован в том же году // See: The Flow of World Civilization and Japan's Role in the 21-st Century. A dialogue between Prime Minister Yasuhiro Nakasone and Professor Takeshi Umehara.— Prime Ministers Office.— Japan, 1986. Наконец, они были изложены в журнале Far Eastern Economic Review (далее — FEER).— 1987.— 19 February.

¹⁴ См.: Ю. Д. Кузнецов, Г. Б. Навлицкая, И. М. Сырицын. История Японии.— М., 1988.— С. 9. Многие авторы, однако, ограничивают период Дзэмон V—I веками до н. э. // К. М. Попов. Япония.— М., 1964.— С. 36.

¹⁵ FEER.— 1987.— February 19.— P. 82.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Подр. см.: Тосака Дзюи. Японская идеология.— М., 1982; Кодзан Есисигэ. Современная философия. Заметки о «духе Ямато».— М., 1974.

¹⁸ Японское общество и культура.— Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН АН СССР, 1984. Выпуск 2. С. 19.

¹⁹ FEER.— 1987.— 19 February.— P. 82.

²⁰ Ibid.— P. 87.

²¹ Ch. Kato. GNP Nationalism on the Upswing // Japan Quarterly.— 1988.— № 1.— P. 3.

²² И. Симидзу. Нишюн ё,okka тарэ: каку-но сэнтаку — Япония, стань государством! Ядерный выбор // Сёкун.— 1980.— № 7.

²³ М. Ниоки. Кусотэки хэйваэсюги-кара кусотэки гункокусюги-мадэ — От утопического пацифизма к утопическому милитаризму // Тюо корон.— 1980.— № 9.

²⁴ FEER.— 1987.— 19 February.— P. 89.

²⁵ The Flow of World Civilization.— P. 11.

²⁶ Ibid.— P. 13.

²⁷ Японские трехстишия / Пер. с яп. Веры Марковой.— М., 1973.— С. 9.

Сообщение о предстоящем визите в 1991 г. в Японию главы Советского государства поставило в центр внимания общественности двух стран вопросы истории и перспектив развития советско-японских отношений. Несмотря на то что с момента окончания войны прошло 45 лет, между двумя странами все еще не заключен мирный договор. Это важнейшая задача для дипломатии обеих стран. Решить ее поможет критический анализ наших послевоенных дипломатических контактов. В этих целях редакция «ПДВ» публикует перевод интервью видного японского дипломата К. Ниидзэки о его участии в советско-японских переговорах, предисловие к интервью академика С. Л. Тихвинского, а также воспоминания участника советско-японских рыболовных переговоров 1956 года Н. Б. Адырхаева.

* * *

С. ТИХВИНСКИЙ

В ходе очередного, IX советско-японского симпозиума историков, проходившего в начале июня 1989 г. в Токио, один из организаторов симпозиума, профессор Х. Вада, обратил наше внимание на опубликованное в майском и июньском номерах за 1989 г. престижного японского внешнеполитического журнала «Гайко форум» («Дипломатический форум») интервью с известным японским дипломатом К. Ниидзэки, которое он дал видному японскому советологу, вице-президенту Международной ассоциации советологов, профессору Университета Хоккайдо Х. Кимура. К. Ниидзэки участвовал в составе японской делегации в переговорах с советской делегацией по вопросам восстановления японо-советских дипломатических отношений, проходивших в Лондоне в 1955—1956 гг.; был первым после восстановления в 1956 г. дипломатических отношений между обеими странами поверенным в делах Посольства Японии в СССР; возглавлял подразделение МИД Японии, ведавшее отношениями с Советским Союзом; в 1971—1974 гг. был послом Японии в Москве. В настоящее время он ушел с активной дипломатической работы и возглавляет исследовательский Институт международных отношений при МИД Японии. В интервью К. Ниидзэки останавливается главным образом на освещении хода послевоенной нормализации отношений между Японией и СССР и высказывает в этой связи ряд мыслей о будущем японо-советских отношений.

Видя проявленный мной интерес к содержанию интервью и зная о том, что в бытность советником Посольства СССР в Лондоне я был членом советской делегации на переговорах с японской стороной, профессор Х. Вада предложил организовать мою встречу с К. Ниидзэки.

7 июня 1989 г. К. Ниидзэки принял меня в своем институте. За те 33 года, которые прошли со времени наших встреч на переговорах в Лондоне, он мало изменился, разве что несколько пополнил. За чаем мы вспоминали участников лондонских переговоров: советского посла в Великобритании Я. Малика, возглавлявшего советскую делегацию, главу японской делегации С. Мацумото и членов делегаций.

К. Ниидзэки говорил о необходимости дальнейшего всестороннего развития отноше-

ний между Японией и Советским Союзом; он хотел бы, если позволит здоровье, вновь побывать в нашей стране. На прощание К. Ниидзэки подарил свою книгу «Последние дни Берлина; записки дипломата», в которой он описывает обстановку в Берлине в дни штурма города советскими войсками в конце апреля — начале мая 1945 г. (К. Ниидзэки в годы войны был секретарем японского посольства в Германии), а также передал мне только что полученный им оттиск второй, заключительной части его интервью, предназначенной к публикации в июньском номере «Гайко форум».

Прочитав полный текст интервью К. Ниидзэки, я убедился в целесообразности ознакомления с ним широких кругов советской общественности, поскольку как К. Ниидзэки, так и профессор Х. Кимура, задававший в ходе интервью различные вопросы, равно как и сам журнал «Гайко форум», выражают взгляды влиятельных слоев японского общества на историю японо-советских отношений послевоенного периода и на перспективы их развития в будущем.

Прежде чем представить читателю перевод текста интервью, хотелось бы предварить его несколькими краткими замечаниями.

Из текста интервью у читателя (японского и советского) может сложиться представление об односторонней заинтересованности Советского Союза в нормализации отношений со своим непосредственным соседом на Дальнем Востоке — Японией. Участники интервью-беседы не упоминают о том широком движении среди политических, общественных, деловых, торгово-промышленных кругов Японии за быстрейшую нормализацию отношений с Советским Союзом, которое развернулось в Японии в 50-е годы по инициативе социалистической и коммунистической партий, профсоюзов, части представителей буржуазных партий, прогрессивной общественности, научных и университетских кругов. Активно поддерживали скорейшую нормализацию отношений с СССР представители рыболовных и лесоперерабатывающих кругов Японии, жители Хоккайдо и портовых городов западного побережья Хонсю, деловые круги Осака и Токио. Инициативу и решимость в деле завершения процесса восстановления дипломатических отношений проявили лидер Либерально-демократической партии, премьер-министр И. Хатояма, и его ближайший соратник, министр земледелия и лесоводства И. Коно.

Не нашли достаточно полного освещения в интервью факты грубого вмешательства госдепартамента США и лично госсекретаря Джона Фостера Даллеса в ход японо-советских переговоров, проходивших в Лондоне и в Москве в 1955—1956 гг. Обстоятельные документальные данные на этот счет приведены в докладе английского историка из Кембриджского университета Джонатана Хэслэма «Москва разговаривает с Токио. 1955—1956», сделанного на конференции по американско-советским отношениям в октябре 1988 г., в американском Университете Огайо. Уходя по ходу интервью от показа постоянного грубого давления США на позицию японской стороны в ходе ее переговоров с Советским Союзом в 1955—1956 гг., участники беседы отвлекают внимание читателей малоубедительными, на наш взгляд, рассуждениями о спорах, якобы имевших место в советском руководстве по вопросу об условиях и сроках нормализации отношений с Японией. Столь же необоснованно и без аргументов в интервью проводится и тезис о том, что в основе стремления Советского Союза к сближению с Японией якобы лежало намерение помешать японо-китайскому сближению. Как известно, Советское правительство всегда искренне стремилось к нормализации как советско-японских, так и китайско-японских отношений. Одной из причин отказа СССР от подписания мирного договора с Японией на конференции в Сан-Франциско было отстранение КНР от подготовки этого договора, осуществленное под нажимом США. В Совместной декларации правительств Советского Союза и Китайской Народной Республики от 12 октября 1954 г. выражалось их обоюдное стремление к нормализации отношений с Японией.

Оценивая результаты переговоров 1955—1956 гг. К. Ниидзэки считает, что Япония в то время могла бы добиться для себя больших выгод. Как член советской делегации на лондонских переговорах, позволю себе высказать иную точку зрения. Предложение, сделанное послом Я. Маликом на встрече с послом С. Мацумото 5 августа 1955 г., о готовности советской стороны передать Японии острова Хабомаи и Шикотан одновременно с подписанием мирного договора являлось «запасной» позицией советской делегации. Оно было внесено преждевременно, и, видимо, можно было обойтись без этой уступки. Реакция японской стороны на это неожиданное предложение, о которой говорится в интервью, подтверждает мою точку зрения.

Можно высказать еще ряд соображений как по поводу данного интервью, так и относи-

тельно истории послевоенной нормализации советско-японских отношений*. Ограничусь только одним. Не могу согласиться с обобщенной оценкой К. Ниидзэки тактики советской дипломатии на дипломатических переговорах как «дипломатии с позиции силы» и одобрить в этой связи рекомендацию К. Ниидзэки «противопоставить Советскому Союзу нашу собственную мощь и уверенность в своих силах». К. Ниидзэки, как мне кажется, не учитывает тех огромных изменений, которые произошли во внешней политике Советского Союза за годы перестройки. Советская внешняя политика выступает за мир без войны, без гонки вооружений, за безъядерный и ненасильственный мир не только потому, что это нормальное условие для внутреннего развития. Это — объективная потребность всемирного масштаба, вытекающая из современных реальностей. Ядром нового мышления является признание приоритета общечеловеческих ценностей и, еще точнее, выживания человечества. Силовая политика и безрассудна, и безответственна, на смену политике баланса силы приходит в наши дни политика учета баланса интересов.

Политический диалог стал ныне играть небывало важную роль в международных отношениях. Советское правительство — сторонник широкого диалога, сопоставления точек зрения, споров, дискуссий.

Именно с этих позиций нового мышления я и рекомендую публикацию на русском языке текста интервью с К. Ниидзэки из журнала «Гайко форум».

(Ниже публикуется изложение вопросов Х. Кимура и перевод ответов К. Ниидзэки с незначительными сокращениями.)

Три волны в японо-советских отношениях

К. НИИДЗЭКИ

Профессор Х. Кимура попросил К. Ниидзэки рассказать об основных вехах в процессе восстановления японо-советских отношений и его участия в нем.

Ниидзэки:

— Я был первым японским карьерным дипломатом, который изучал русский язык. По рекомендации тогдашнего заведующего отделом кадров МИД Японии С. Мацумото (впоследствии посол Японии в Лондоне) я три года изучал русский язык в Риге. В 1955 г. в Лондоне начались японо-советские переговоры, и Мацумото взял меня с собой. В то время я был первым секретарем японского посольства в Швеции. Во время перерыва в лондонских переговорах советская сторона установила «линию Булганина», которая ограничивала японское рыболовство в северной части Тихого океана. Встал вопрос о вынужденной

поездке в Москву министра земледелия и рыболовства И. Коно для переговоров о рыболовстве, и я получил телеграфное предписание выехать в Москву, чтобы подготовить все необходимое для них с нашей стороны. Так я впервые после окончания войны приехал в Москву. Переговоры, которые вел И. Коно, были весьма трудными, но в конце концов была подписана Конвенция о рыболовстве. По этой Конвенции мы обязывались к концу июня 1956 г. возобновить переговоры о мирном договоре. Министру иностранных дел М. Сигэмицу предстояло вести эти переговоры в Москве, мне же было поручено помогать ему.

Когда в переговорах был объявлен перерыв, я должен был оставаться в Москве для связи. Я получил письмо премьер-министра И. Хатояма Булганину и должен был передать его адресату. Мацумото прибыл в Москву,

* Редакция «ПДВ» запросила и получила согласие академика С. Л. Тихвинского поделиться на страницах журнала в 1990 г. своими воспоминаниями о советско-японских переговорах 1955—1956 гг. и о периоде его работы в Японии в качестве главы Представительства СССР, а затем временного поверенного в делах Посольства СССР в Японии.

являя собой как бы авангард японской делегации. В Москве им был подготовлен проект обмена письмами между Мацумото и Громыко. Подготовка к визиту Хатояма была закончена, и тот прибыл в Москву в качестве полномочного представителя Японии. Однако из-за территориального вопроса мирный договор не был подписан, а была опубликована Совместная декларация о восстановлении дипломатических отношений, подписанная 19 октября 1956 г. Отношения между сторонами были восстановлены. Мы получили своих военнопленных и были приняты в ООН*.

После восстановления дипломатических отношений я начал работать в Посольстве Японии в Советском Союзе и получил указание: «Вам следует подготовить все для приезда посла». В течение 3 месяцев до приезда посла я был временным поверенным в делах Японии в Москве. Всего я проработал в Москве два года. После возвращения в Японию был назначен советником в Европейско-азиатском департаменте МИД, затем был генеральным консулом в Гонконге, заведующим департаментом информации и культуры МИД, послом в Австрии и далее — послом в Советском Союзе. Вновь работал в Москве с 1971 по 1974 г., т. е. в течение трех лет. В мою бытность послом в Москве премьер-министр Танака посетил Советский Союз, и японо-советские переговоры возобновились. Таким образом, я был все время причастен к японо-советским переговорам в самые ответственные моменты.

Далее профессор Х. Кимура попросил дать оценку целям, которые, по его мнению, преследовал Советский Союз при восстановлении отношений с Японией.

Ниндзэки:

— В период работы Союзного совета для Японии функции Советского посольства в Мамиана (район Токио, где расположено посольство СССР) выполняли представители СССР в Союзном совете. После подписания Сан-Францисского мирного договора Япония стала самостоятельным суверенным государством, и оккупация окончилась. Так как Советский Союз не подписал договора в Сан-Франциско, мы считали, что Советское представительство в Токио перестало функционировать. Для нас возникла сложная проблема — как нам впредь рассматривать Советское представительство. Япония начала проводить свою собственную внешнюю политику. В МИД Японии был создан Европейско-азиатский департамент, и я был назначен директором 5 отдела этого департамента — отдела СССР. Именно этот отдел решал вопрос об отношении к Советскому представительству, которое осталось в Мамиана. Мы сперва обратились в Штаб союзных оккупационных войск с предложением о высылке сотрудников Советского представи-

тельства из Японии. Однако нам ответили, что Штаб не располагает полномочиями на высылку советских представителей. Затем мы обратились к правительству Швеции с просьбой известить советскую сторону о нашем требовании. Швеция ответила отказом, мотивируя тем, что Советский Союз не уполномочивал ее представлять его интересы в Японии. Наконец, сразу после вступления в силу Сан-Францисского договора заведующий протокольным отделом МИД Японии посетил Советское представительство в Токио, где устно заявил, что с 28 апреля 1952 г. прекращается деятельность Советского представительства, что Япония отказывается признавать представительство и дипломатический статус его персонала и требует сократить его состав до 10 человек вместо 500, работавших там при открытии представительства.

В качестве причин, по которым советский участник конференции в Сан-Франциско отказался подписать договор, приводилось то, что был заключен американско-японский договор о взаимном обеспечении безопасности, согласно которому в Японии оставались американские военные базы, и то, что Китайская Народная Республика не была допущена к участию в конференции в Сан-Франциско.

В Советском Союзе сейчас раздаются голоса о том, что такая позиция Москвы была ошибочной и что Советскому Союзу следовало подписать Сан-Францисский договор.

После получения Японией независимости были заключены договоры об установлении дипломатических отношений со многими странами, но с СССР, юридически, состояние войны не было прекращено, и Советское представительство в Японии не могло функционировать. Это одна из многих причин, по которой Советский Союз стремился восстановить дипломатические отношения с Японией. Эти настроения проявились в 1954 г., после смерти Сталина. В это время правительство Японии возглавил И. Хатояма, который высказал мнение о необходимости восстановления отношений со странами коммунистического блока. Соглашаясь с этой линией, В. Молотов также выступил за нормализацию отношений с Японией.

Находившиеся без дела в зданиях на Мамиана сотрудники Советского представительства также активизировались. Хатояма было передано письмо, в котором содержалось предложение начать переговоры о нормализации отношений между двумя странами. Так было положено начало переговорам.

Кимура:

— Какое значение имела смена советского руководства и приход к власти после смерти И. Сталина Н. Хрущева?

Ниндзэки:

— Н. Хрущев коренным образом изменил политику, осуществлявшуюся И. Сталиным. Он стал проводить политику мирного сосуществования, и особенно стремился улучшить отношения с соседями. В качестве примеров

* Возвращение японских военнопленных из СССР в Японию началось в 1949 году и было завершено в 1956 году.— Прим. ред.

практических дел приведу ликвидацию военно-морских баз в Порт-Артуре и в Поркала-Удд (Финляндия) до истечения сроков аренды; мирный договор с Австрией, согласно которому из страны были выведены советские оккупационные войска; отказ от территориальных претензий к Турции. В свете всего этого следует также рассматривать и стремление к улучшению отношений с Японией.

Профессор Кимура попросил Ниидзэки рассказать о первом этапе японо-советских переговоров в Лондоне, и в частности прокомментировать сведения о том, что во время беседы за чаем в Лондоне советская сторона неожиданно предложила передать Японии две группы островов — Хабомаи и Шикотан. Кимура просит подробно осветить этот эпизод. Ниидзэки:

— Это было весьма впечатляющее событие, которое я хорошо помню по сей день. Оно имело место 5 августа 1955 г. Японо-советские переговоры начались 1 июня того же года. Переговоры велись поочередно то в японском, то в советском посольствах. Оба посольства находились на одной улице, недалеко одно от другого, и можно было дойти пешком. Я сопровождал посла С. Мацумото к послу Я. Малику в советское посольство, где состоялась договоренность о порядке переговоров. С этого начались лондонские переговоры.

Министром иностранных дел в то время был М. Сигэмицу. По мнению МИД Японии, заключить мирный договор с Советским Союзом можно было, решив территориальный и другие вопросы. Оставался еще вопрос о военнопленных. Для Японии это был самый важный вопрос в отличие от мирного договора, но советская сторона очень спешила с переговорами и сразу предложила проект мирного договора. В нем содержались территориальные претензии, о которых говорил А. Громыко в Сан-Франциско, военная статья, касавшаяся проливов, и требование неучастия Японии в военных союзах. В этом заключалось большое отличие от позиции японской стороны, и поэтому такие претензии не были приемлемы для Японии.

В июле 1955 г. открылся Пленум ЦК КПСС, и Я. Малик на время выехал из Лондона в Москву. Я полагаю, что тогда Я. Малик консультировался в Москве с руководством во главе с Н. Хрущевым. После возвращения Я. Малика в Лондон позиция советской стороны на переговорах изменилась. 5 августа в соответствии с установившейся очередностью встреча делегатов состоялась в японском посольстве. Стояла очень хорошая погода, и в перерыве заседания мы вышли в сад посольства. В саду С. Мацумото и Я. Малик сели на большую скамейку-качели, и посреди разговора на общие темы Малик неожиданно сказал: «Советская сторона готова передать острова Хабомаи и Шикотан, если мы договоримся по остальным пунктам». И продолжил: «До этого мы предлагали японской стороне не вступать в военные союзы, но теперь мы поняли, что

японо-американский договор по взаимному обеспечению безопасности носит лишь оборонительный характер, и поэтому это условие можно будет снять». В этих двух пунктах, таким образом, содержалась прямая уступка.

С. Мацумото удивился. Откровенно говоря, я тоже удивился. Мы сообщили об этом в МИД Японии и запросили дальнейших указаний.

Кимура:

— Дальнейшее известно. Для японской стороны требование о возврате всех 4 островов оставалось неизменным, и переговоры были прерваны. После этого начались рыболовные переговоры И. Коно с Н. Булганиным. Я слышал, что И. Коно сказал, чтобы Вы остались ждать за дверью, и поэтому Вы не могли участвовать в этих переговорах. Этот эпизод хорошо известен. У части наших людей создалось впечатление, что советская сторона воспользовалась переговорами о рыболовстве для продолжения переговоров о нормализации советско-японских отношений. Расскажите об этом. Ниидзэки:

— Я согласен с мнением о том, что они использовали переговоры о рыболовстве в качестве козырной карты. Во время лондонских переговоров у СССР были два козыря: военнопленные и допуск Японии в ООН. Япония стремилась к возврату военнопленных и вступлению в ООН. Советская сторона полностью использовала оба японских стремления и поэтому прервала переговоры, несмотря на то что до этого уже состоялись 23 встречи. На следующий день, 21 марта 1956 г., Советский Союз принял одностороннее решение об установлении так называемой «линии Булганина» в северной части Тихого океана и образовании зоны, в которой без разрешения советской стороны нельзя было ловить лососевые породы рыб. Это решение давало в руки советской стороны третий козырь в переговорах о восстановлении дипломатических отношений.

Во время переговоров в Лондоне была достигнута договоренность сразу же после заключения мирного договора приступить к переговорам о рыболовном соглашении. Несмотря на такую договоренность, неожиданно устанавливалась запретная зона на рыболовство. Запрещение японцам без разрешения СССР ловить рыбу было явным политическим нажимом на Японию. Советская сторона обусловила вступление в силу рыболовного соглашения нормализацией отношений или заключением мирного договора. К этому времени уже 20 рыболовных судов вышли в море и, несмотря на то, были готовы ловить лососевые породы рыб. В этой обстановке стало необходимо заключить с Советским Союзом временное соглашение, по которому Японии разрешалось выловить 65 тыс. т рыбы на предложенных советской стороной условиях. Одним из них было возобновление переговоров о нормализации отношений между странами до 31 июля. Такое решение было принято на встрече Н. Булганина с И. Коно. До этого, на пере-

говорах Коно с Ишковым, возник ряд мелких вопросов, и Коно думал, что для их разрешения необходимы переговоры на высшем уровне. Поэтому и состоялась его встреча с премьер-министром Булганиным, но Коно никому об этом предварительно не сказал. Он советовался только с президентами рыболовных компаний, а нам ничего не говорил. Неожиданно он заявил: «Сейчас мы поедем в Кремль для встречи с Булганиным. Г-н Ниидзэки поедет со мной». Это он сказал за 5 минут до отъезда в Кремль. Я даже не успел переодеться, сел в машину вместе с И. Коно, и мы поехали в Кремль. Из японских официальных лиц в послевоенные годы мы с Коно были первыми, кто посетил Кремль. Я захватил с собой карандаш и бумагу и был готов к переговорам, однако в приемной И. Коно сказал мне: «Ниидзэки, подождите здесь!» И. Коно добавил, что от МИД СССР будет переводчик Н. Адырхаев, который хорошо владеет японским языком. Несмотря на это, я хотел было зайти в кабинет Н. Булганина, чтобы вести запись беседы, но И. Коно остановил меня. И. Коно, наверное, думал, что переговоры с Н. Булганиным не продлятся долго, но они оказались продолжительными. Я семь раз слышал звон кремлевских курантов, которые отбивали каждую четверть часа. Беседа, таким образом, продлилась около двух часов. Выйдя из кабинета, И. Коно сказал: «Ниидзэки, при виде Вас я начинаю успокаиваться». Видимо, обладавшему завидным здоровьем И. Коно пришлось там выдержать атаку со стороны Н. Булганина и А. Ишкова и, наверное, заместителя министра иностранных дел Н. Федоренко. От японской стороны никто, кроме него самого, на этой встрече, продолжавшейся два часа, не присутствовал. В Японии это стало политической проблемой. Для меня лично это был весьма плохой эпизод (шутя). Я ничего не знал, о чем говорил И. Коно с Н. Булганиным. Прошел слух, что И. Коно дал какое-то секретное обещание по территориальному вопросу. Со слов И. Коно, он все время думал лишь о временном соглашении по рыболовству: разрешат или нет ловить рыбу в этом году. И. Коно определенно говорил, что речь шла о временном соглашении и что до 31 июля надо возобновить японо-советские переговоры. В его памятной записке упоминался только этот пункт. Если сложилось впечатление, что И. Коно выслушал советскую позицию по территориальному вопросу, то следует иметь в виду, что И. Коно специально поехал в Москву для переговоров о рыболовном соглашении и не имел полномочий вести мирные переговоры. И. Коно был влиятельной фигурой в кабинете И. Хатояма, и я считаю, что этот вопрос не так уж важен.

Кимура:

— У нас бытует мнение о том, что ввиду жесткости советской стороны М. Сигэмицу несколько изменил свою позицию. С. Мацумото даже заявил, что он ее полностью изменил. Ряд молодых японских ученых высказывает

противоположную точку зрения, и сегодня трудно прояснить этот вопрос. Каково Ваше мнение?

Ниидзэки:

— Как министр иностранных дел М. Сигэмицу определил свою позицию и принял участие в этих трудных переговорах в Москве. Тогда во главе советского Министерства иностранных дел стал редактор «Правды» Д. Шепилов. Предыдущий министр иностранных дел В. Молотов покинул этот пост. М. Сигэмицу на встречах упорно отстаивал свои позиции. Он подробно изложил территориальный вопрос с исторической и правовой точек зрения, однако Д. Шепилов отказал в уступке территории, кроме островов Хабомаи и Шикотан. М. Сигэмицу пришел к выводу, что надо встречаться с высшим руководством страны и имел встречу с Н. Булганиным. На этой встрече присутствовал Н. Хрушев. В ходе беседы с М. Сигэмицу два советских руководителя не изменили своих твердых как камень позиций. М. Сигэмицу, наверное, чувствовал, что он сделал все, что было в его силах, но потерпел неудачу. Хотя он изложил все, что должен был изложить, советская сторона не изменила своей позиции. М. Сигэмицу, который подписал на борту американского крейсера «Миссури» Акт о капитуляции Японии, хотел завершить все дела по капитуляции Японии. По слухам, при его возвращении в Японию на аэродроме Ханзэда в него намеревались бросить бомбу. Он твердо решил, что необходимо что-то сделать. В то время не только общественное мнение, но и члены кабинета выступали против его позиции. В такой обстановке М. Сигэмицу вылетел в Лондон для участия в международной конференции по Суэцкому каналу. Перед отлетом из Москвы он сказал мне: «Вам надо вылить масло в волны, чтобы успокоить советскую сторону и не создавать впечатления, что переговоры прерваны». Я один остался в Москве, но в гостинице «Советская» оставалась табличка — «Японская делегация». Там я провел два месяца до приезда И. Хатояма. Когда я получил послание от И. Хатояма, я не смог непосредственно вручить его Н. Булганину, а сделал это через заведующего Дальневосточным отделом МИД СССР И. Курдюкова. Кимура:

— В Лондоне М. Сигэмицу встречался с Д. Даллесом, который тогда ему заявил, что, в случае если Япония пойдет на уступку Советскому Союзу, страны, подписавшие Сан-Францисский договор, получат одинаковые с Советским Союзом права. Проще говоря: «США откажутся возвращать Японии Окинаву». Говорят, М. Сигэмицу был весьма шокирован такой сильной угрозой. Что Вы можете сказать по данному вопросу?

Ниидзэки:

— Я не сопровождал М. Сигэмицу в Лондон. Я считаю, что если советская сторона обещала бы передать острова Кунашир и Итуруп, то это вполне бы соответствовало статье 26-й Сан-Францисского договора. Дж. Даллес был юри-

стом. Впоследствии Д. Даллес говорил М. Сигамицу, что такую жесткую позицию США заняли с тем, чтобы укрепить позицию Японии на переговорах с Советским Союзом.

Кимура:

— В конце концов наступило время, когда сам премьер-министр И. Хатояма отправился в Москву. В то время на свет появилась такая формулировка: «Вести переговоры о мирном договоре, включая территориальный вопрос». Однако в последний момент советская сторона настойчиво потребовала снять эту формулировку. Япония тогда решила, что не имеет смысла настаивать на своей формулировке, и приняла советское требование. Почему так получилось?

Ниидзэки:

— В «Ответе Н. Булганина на письмо И. Хатояма от 13 сентября» были перечислены все пять японских условий, что было хорошим признаком, однако отсутствовало упоминание о согласии продолжать переговоры по территориальному вопросу. Было необходимо получить подтверждение Советским правительством этого пункта, и С. Мацумото прилетел в Москву. В переговорах по этому пункту с заместителем министра иностранных дел СССР Н. Федоренко между ними было достигнуто совпадение взглядов. С. Мацумото, заместитель заведующего договорным департаментом МИД Японии Такахаши и я втроем прибыли на переговоры к первому заместителю министра иностранных дел СССР А. Громыко. В комнате для переговоров были подписаны известные письма «Мацумото—Громыко». В них говорилось о продолжении переговоров о мирном договоре, включая территориальный вопрос. В то время И. Хатояма болел, и И. Коно принимал непосредственное участие в переговорах с Н. Хрущевым. Состоялись три встречи. Кажется, в конце второй встречи Н. Федоренко передал И. Коно вариант советской стороны, в котором говорилось: стороны согласились продолжать переговоры о мирном договоре, включая территориальный вопрос, и после заключения мирного договора передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. Однако в этом проекте было еще одно дополнительное условие — только в случае, если США возвратят Японии Окинаву. Советская сторона заявила, что если США не готовы при заключении мирного договора между СССР и Японией передать Японии Окинаву, то советская сторона готова заключить с Японией «джентльменское соглашение» — передать Хабомаи и Шикотан после ухода США с Окинавы. Для японской стороны упоминание об Окинаве было неприемлемым, и она настояла на том, чтобы его исключить. На третьей встрече Хрущев предложил снять упоминание о территориальном вопросе. Японская сторона выдвинула два альтернативных предложения: первое — присоединить к Совместной декларации текст писем «Мацумото — Громыко» и второе — использовать подготовленный на переговорах в Лондоне текст мирного договора, за исключением территориаль-

ной статьи и статьи о морских проливах. Советская сторона выразила намерение снять статью о проливах в случае решения территориального вопроса. Таким образом, если бы был решен территориальный вопрос — был бы готов мирный договор. Если бы стороны продолжили переговоры о мирном договоре, т. е. лондонские переговоры, их предметом был бы только вопрос о Кунашире и Итурупе. Мы поэтому полагали, что, даже если не будут упомянуты слова «территориальный вопрос», не оставалось сомнений в том, что продолжение переговоров о мирном договоре будет своим содержанием иметь вопрос о Кунашире и Итурупе.

В то время Н. Хрущев настоял на том, чтобы отложить на два дня подписание Совместной декларации. Он отправился в Польшу. **Кимура:**

— Затем позиция советской стороны стала более жесткой. Н. Хрущев столкнулся с неблагоприятной реакцией по польскому вопросу. Появилась антихрущевская и антипартийная группа В. Молотова, Н. Булганина, Г. Маленкова. Н. Хрущев, наверное, подвергся критике с их стороны. Когда позиции Н. Хрущева были прочными, он мог пойти на уступки Японии, но когда он подвергся критике, он ужесточил свое отношение к Японии. Я думаю, что если бы в Японии в то время не было фракционной борьбы и все группировки внутри страны объединились, то Япония смогла бы получить больше. Профессор Вашингтонского университета Дональд Хеллтман приходит к тому же выводу при анализе позиции Японии в ходе переговоров.

Ниидзэки:

— Я согласен с Вами. После смерти И. Сталина Н. Хрущев выступил с политикой мирного сосуществования и дал указание Я. Малику решить территориальный вопрос. Но Н. Хрущев ошибался, заявив, что Я. Малик и С. Мацумото только и делали, что все время пили чай. С ФРГ Советский Союз легко урегулировал государственные отношения, но японская позиция оказалась крепче, и переговоры затянулись на долгое время. Я думаю, что имело место столкновение мнений внутри советского партийного руководства. Они опасались, что политика десталинизации, как показал пример Польши, приведет к большим потрясениям. Позиция Н. Хрущева усложнилась, а силы оппозиции укрепились. Н. Хрущев пошел на столкновение с оппозицией и разом отсек ее. Это случилось в июле 1957 г. В период японо-советских переговоров обстановка еще была неясна. При устранивании В. Молотова ему вменялось в вину, кроме всего прочего, что он выступал против нормализации японо-советских отношений. Говорят, что В. Молотов критиковал предложения передать Японии острова Хабомаи и Шикотан при нормализации советско-японских отношений. Н. Хрущев также понимал, что переговоры Я. Малики не удались. Поэтому, когда в 1960 г. был возобновлен договор о взаимном обеспечении безопасности между США и Япо-

нией, Н. Хрушев выдвинул еще одно условие, по которому острова Хабоман и Шикотан не будут переданы Японии до тех пор, пока в Японии остаются иностранные военные базы. Выдвижением этого нового условия Н. Хрушев пытался скрыть свою неудачу. Таковы, по моему мнению, обстоятельства, при которых родилась нота Советского Союза от 27 января 1960 года.

Кимура:
— В международном праве нет принципа, по которому можно аннулировать какую-то часть подписанного соглашения по причине того, что она более не устраивает одного из партнеров.

Ниидзэки:
— Но советская сторона всегда так поступает. Она максимально пользуется принципом изменившихся обстоятельств. Так она поступила при аннулировании японо-советского пакта о нейтралитете. Они тогда заявили, что союзная Японии Германия вела войну с Советским Союзом, а союзник Советского Союза — США воюет с Японией. Поэтому пакт о нейтралитете перестает действовать. При аннулировании пакта о нейтралитете В. Молотов сказал: «Все изменится!» Одностороннее суждение! При удобном предлоге они коренным образом меняют свою позицию. Такова была манера Советского Союза, по крайней мере до появления М. Горбачева.

Кимура:

— Второй этап японо-советских переговоров проходил в период, когда в международной обстановке наметилось сближение между США и КНР. И Япония и СССР были ошеломлены тем, что США, которые до этого как представителя Китая рассматривали лишь Тайвань, не признавая КНР, за одну ночь сменили партнера. В январе 1972 г., отменив поездку на совещание стран Восточной Европы, А. Громыко прилетел в Токио, начав «дипломатию улыбок». Это дало Японии шансы на возвращение двух, а в лучшем случае четырех групп островов.

Ниидзэки:

— Когда я приехал в Москву в качестве посла, дуайен дипломатического корпуса посол ОАР сообщил мне, что у Н. Хрущева была привычка говорить, что в Японии ничего нет, кроме землетрясений и вулканов. Но в 1961 году в Японии побывал первый заместитель премьера А. Микоян, который был потрясен экономической мощью Японии. Я слышал, что после его отчета Н. Хрушев изменил свое мнение.

В отчетном докладе ЦК КПСС, прочитанном Л. Брежневым на XXIV съезде КПСС, который мне довелось услышать сразу после прибытия в Москву Японии упоминалась 6 раз. Поскольку в аналогичном докладе на XXIII съезде КПСС Япония упоминалась только 1 раз, у меня сложилось впечатление, что ей стали придавать важное значение.

Кроме того, хотя в памятной записке от 27 января 1960 г. говорилось, что «возникла ситуация, при которой возвращение островов Хабоман и Шикотан стало невозможным»,

в докладе на XXIV съезде это словосочетание было заменено на выражение «стало трудным». Это небольшое, но, на мой взгляд, все же некоторое изменение.

Что касается американо-китайских отношений, то в апреле того же года США и КНР начали «пинг-понговую дипломатию», в июле Г. Киссинджер посетил КНР, в феврале следующего года было объявлено о визите в Китай президента США. Это был так называемый «шок Никсона». Некоторые советские люди говорили: «Это был шок не только для Японии, но и для нас». Для них это было, словно ушат холодной воды на голову. Так говорили некоторые русские в порыве откровения. Мы полагали, что «баланс сил» в Азии оказался нарушенным. Заключение СССР договора о дружбе с Индией явилось одним из проявлений этих изменений.

Произошли заметные сдвиги и в отношениях СССР с Японией, так как он стремился сдержать ее сближение с КНР. Это явилось причиной визита А. Громыко в Японию, что было сделано по совету заведующего первым дальневосточным отделом МИД СССР М. Капицы.

Этот визит, видимо, был связан и с инцидентом с Линь Бяо. Я полагаю, что СССР втайне надеялся на изменения в китайском руководстве, но этот инцидент развеял его надежды. Поэтому Советский Союз решил предпринять попытку улучшить отношения с Японией. На регулярных советско-японских консультациях на уровне министров иностранных дел сложилась ситуация, при которой в течение 6 лет японская сторона ездила в Москву для их проведения, а советская — нет. Несмотря на это, тяжелый на подъем А. Громыко приехал в Японию, и тот факт, что его сопровождал М. Капица, ясно показывает, что он при этом не упускал из виду японо-китайские отношения. Осенью 1971 г. КНР вступила в ООН, и СССР, вероятно, стремился к тому, чтобы как-нибудь затормозить ее сближение с Японией.

Кимура:

— Мне представляется, что, если бы Япония искусно и умело воспользовалась «китайской картой», она, возможно, смогла бы добиться больших сдвигов в позиции Л. Брежнева. В этот период, в марте 1971 г., Вы, господин Ниидзэки, были направлены в СССР послом Японии. Вы, кажется, сопровождали А. Громыко во время его поездки в Японию. Ни тогда ли произошло некоторое изменение его «дипломатии отрицания» на «дипломатию улыбок»? По своему характеру он был угрюм, но, как писали газеты о его «дипломатии улыбок», во время пребывания в Японии он часто улыбался.

Ниидзэки:

— По своему характеру Громыко неулыбчивый человек, но в Японии он лучезарно улыбался, что расценивалось газетами как «дипломатия улыбок».

Но после этого был сформирован кабинет К. Танака и сразу провозглашен лозунг вос-

становления отношений с КНР. На него откликнулся Чжоу Эньлай, и вскоре было принято решение о нормализации японо-китайских отношений, что не могло обрадовать СССР. Китай его обгонял. То же произошло в отношениях СССР с США. А. Громыко вел переговоры с Р. Никсоном о советско-американской встрече на высшем уровне, а такая встреча между руководителями США и КНР состоялась раньше.

По этой причине Советский Союз заявлял, что даже если на него будет согласованный нажим и Японии и Китая, он не уступит этому давлению.

Кимура:

— Тогда в СССР совершил поездку Т. Фукуда?

Ниидзэки:

— Да, здесь связь есть. Он ездил в Москву в качестве главы делегации обеих палат японского парламента и после завершения визита попросил о личной встрече с Л. Брежневым для передачи ему послания премьера К. Танака. Из МИД СССР поступило уведомление, что Л. Брежнев готов встретиться с Т. Фукуда, и тот, весьма обрадованный, стал ждать встречи. Но приглашения на встречу с Л. Брежневым не последовало. На следующий день МИД Японии сообщил мне, что принято решение о поездке премьера К. Танака в КНР, и в 11 часов вечера я передал по поручению своего МИД это известие советской стороне. В конечном счете было решение, что с Т. Фукуда встретится не Л. Брежнев, а заведующий отделом ЦК КПСС Б. Пономарев. Разочарованный Т. Фукуда в течение трех дней напрасно ожидал встречи с Л. Брежневым.

Во время пребывания министра иностранных дел М. Охира в Советском Союзе А. Громыко, касаясь известного положения о гегемонии третьих стран в совместном японо-китайском заявлении, настойчиво интересовался: «Какая страна имеется в виду?» М. Охира при этом просил организовать его встречу с Л. Брежневым, но безуспешно. В конечном счете он встретился с А. Косыгиным, который интересовался, в частности, «не заключено ли между Японией и КНР какое-либо военное соглашение». Несомненно, СССР питал подозрение в отношении блокирования между Токио и Пекином. Из-за этого во временно улучшившихся японо-советских отношениях вновь наступило охлаждение.

Кимура:

— Не было ли это связано с тем, что К. Танака слишком поспешно форсировал нормализацию японо-китайских отношений? Не лучше ли было бы с точки зрения тактики добиться большего баланса между японо-китайскими и японо-советскими отношениями? Ниидзэки:

— Что касается отношений с СССР, то Вы, я думаю, правы. Р. Никсон совершил поездку в СССР, а перед ней приказал произвести минирирование вьетнамских портов, были поглуплены советские суда. В госдепартаменте США высказывались возражения, но Г. Киссинджер

настоял, и они не оказали никакого влияния. Чрезмерная сдержанность не оказывает воздействия на СССР. Поскольку СССР — это государство, которое под предлогом изменения обстановки хладнокровно заявляет прямо противоположное тому, что оно говорило ранее, то нет смысла проявлять в отношении него сдержанность. Советский Союз не столь сентиментален, как Япония, он не очень церемонится в отношениях с другими странами и поступает весьма прагматично.

Кимура:

— Я хотел бы спросить Вас о встречах с Л. Брежневым. Когда Вы передавали ему послание от К. Танаки, это была Ваша первая встреча?

Ниидзэки:

— Да, первая. Если не считать встречи с ним генсека КПЯ К. Миямото, я был первым японцем, который имел с ним беседу. До этого он еще не встречался наедине ни с одним из послов западных стран. К тому же сенсацию вызвал тот факт, что беседа, которая состоялась в вечернее время в Кремле, заняла два с половиной часа. Мне было сказано, что вслед за Китаем в «силовой игре» на международной арене все более активно начинает участвовать Япония. На страницах газеты «Нью-Йорк таймс» была помещена политическая карикатура с изображением Мао Цзэдуна, Р. Никсона, Л. Брежнева и К. Танака, взявшихся за руки в хороводе. Японская дипломатия наконец-то получила признание в качестве одного из звеньев многополярной мировой политики. Короче говоря, к биполярным отношениям добавились американо-китайские, американо-советские, германо-советские и еще японо-советские отношения как один из факторов этой политики.

В тот период Л. Брежнев вопросам отношений с США, Германией, Францией и Японией занимался сам. Это была так называемая «дипломатия Брежнева», благодаря которой Япония стала важным партнером СССР.

Кстати, в период первой волны улучшения японо-советских отношений Япония стояла перед лицом внутренних проблем, а в период второй волны улучшения этих отношений она развивала японо-советские отношения, уже включившись в широкий поток международных связей. Специфика второй волны заключалась в том, что она проходила в атмосфере разрядки международной напряженности.

Кимура:

— А каково было содержание послания премьера К. Танака? Существует мнение, что на переговорах в марте 1973 г. японская сторона придерживалась в отношении СССР «принципа разделения политики и экономики». На переговоры о мирном договоре в октябре 1973 г. премьер К. Танака сам вылетел в Москву. Что касается крупномасштабных проектов освоения природных ресурсов Сибири, то, как сообщали, он, независимо от исхода переговоров, дал заранее согласие на их осуществление. Не считаете ли Вы, что этот принцип не позволил использовать экономический потенциал

Японии как козырь для того, чтобы заключить мирный договор с СССР?

Ниидзэки:

— Конечно, об использовании в интересах этого экономического фактора писали. Это был курс промышленных кругов, но писали, что если бы были выработаны условия, то правительству готово было бы оказать соответствующее содействие в их претворении в жизнь. Тогда вопрос, в сущности, заключался в финансировании. Был выработан проект освоения нефтяных ресурсов Тюменского месторождения и прокладки нефтепровода до Находки с дальнейшей транспортировкой ее в Японию. Вначале речь шла о том, чтобы поставлять в Японию 50 млн. т нефти в год в течение 20 лет с представлением Японией займа в 1 млрд. долл. для строительства нефтепровода. Советский Союз, поняв намерения Японии, снизил предполагаемые поставки нефти до 25 млн. т, а сумму требуемого кредита поднял до 3 млрд. долл. При этом советская сторона запросила предоставления не обычного кредита частных компаний, а банковского кредита. Наша сторона не пошла на заключение соглашения, указав на то, что качество нефти ей неизвестно, а потому неизвестна и ее стоимость. До последнего момента на переговорах о банковском кредите не было принято определенного решения. Такой итог, как мне представляется, — следствие требований, выдвинутых советской стороной.

Кимура:

— Ну, а нашло ли это отражение в октябрьском Совместном заявлении?

Ниидзэки:

— Нет, вопрос о банковском кредите согласован не был, и тюменский проект в конце концов был похоронен.

Кимура:

— Наконец, в октябре 1973 г. премьер К. Танака прилетел в Москву. Первоначально предполагалось, что на банкете по случаю его прибытия в СССР с речью выступит Председатель Совета Министров А. Косыгин, но неожиданно ранг оратора был повышен и с речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев. Отношение к японской делегации быстро переменялось в лучшую сторону: если раньше ее предполагалось разместить в особняке для почетных гостей, то затем ее разместили в Кремле.

Ниидзэки:

— Первоначально мне говорили, что делегация будет размещена в доме на берегу Москвы-реки. Но за два дня до приезда К. Танака мне сообщил заведующий протоколом, что по указанию Л. Брежнева японскую делегацию решено разместить в особняке почетных гостей на территории Кремля. После революции в нем в течение некоторого времени жил И. Сталин, а затем он был превращен в дом для особенно важных государственных гостей. В нем останавливался Р. Никсон, шах Ирана и президент Франции Ж. Помпиду, и размещение здесь японского гостя

было знаком особого отношения. Во время банкета Л. Брежнев и К. Танака обменялись речами.

Но на следующий день на устроенный К. Танака ответный завтрак Л. И. Брежнев не пришел. Но японская сторона участие в таких мероприятиях не рассматривает как дань уважения или неуважения. Японцы смотрят на это не слишком строго.

Кимура:

— Речь К. Танака на этом завтраке, в которой говорилось о намерении заключить мирный договор на основе решения проблемы северных территорий, была точно воспроизведена в газете «Правда», не так ли? Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что имело место проявление гласности.

В результате визита в Советский Союз в Совместном заявлении были зафиксированы «вопросы, оставшиеся нерешенными». причем вначале японская сторона настаивала на выражении «вопрос, оставшийся нерешенным», и единственное число было изменено на множественное по просьбе советской стороны.

Ниидзэки:

— Это выражение было употреблено в речи Л. Брежнева на праздновании 50-летия образования СССР в 1972 г. Пользуясь высказанным в ней пожеланием начать в следующем году переговоры, наша сторона направила ему послание, сославшись на упомянутое высказывание. Если говорить абстрактно, здесь употреблено единственное число, а если говорить конкретно, то — множественное. Но особого смысла в этом споре нет.

Кимура:

— Что говорил Л. Брежнев по поводу того, входит ли вопрос о северных территориях в число «вопросов, оставшихся нерешенными»? Сказал ли он «да» после того, как К. Танака вторично спросил его об этом, — вот в чем проблема. Как обстояло дело в действительности?

Ниидзэки:

— Беседы Л. Брежнева с К. Танака проходили до и после полудня на следующий день после приезда премьер-министра Японии в Москву и в третий раз — на следующий день в узком составе. Сразу же после этого я как посол должен был организовать завтрак от его имени. Поэтому на третьей беседе меня не было. На ней присутствовали премьер-министр К. Танака, министр иностранных дел М. Охира, заведующий департаментом стран Азии и Океании Овала, заведующий отделом Аран, который вел запись беседы, и переводчик Нисида. В этой беседе была поставлена точка над «!» в территориальном вопросе, но я не смог при этом присутствовать. Аран сообщил мне по этому вопросу то, что известно и Вам.

Кимура:

— Сначала Л. И. Брежнев сказал: «Я знаю?»

Ниидзэки:

— Да. А второй раз на вопрос, включаются ли в это понятие четыре группы островов, он ответил: «Да».

Кимура:

— Л. И. Брежнев уже нет на этом свете, а К. Танака нездоров, и этот вопрос, видимо, останется своего рода загадкой истории.

Кстати, в заключительной части Совместного заявления упоминается, что японская сторона пригласила Генерального секретаря ЦК КПСС Л. Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорного и Председателя Совета Министров СССР А. Косыгина посетить с визитом Японию и что эти приглашения были приняты советской стороной. Но ни один из этих визитов в конце концов не состоялся. В чем причина этого? Ниидзэки:

— Перед своим отъездом из Москвы в январе 1974 г. я нанес прощальный визит Н. Подгорному и спросил его об этом. Он ответил, что до сих пор поездки всех трех советских руководителей за рубеж уже были заранее распланированы, но никто из них по распределению своих обязанностей не был направлен в Японию. Сам он собирался поехать в Осака на «ЭКСПО-70», но, к сожалению, не смог этого сделать по состоянию здоровья, и если он сможет, то хотел бы посетить Японию во второй половине 1974 г. Но этому визиту не суждено было осуществиться. Японские премьер-министры ездили в СССР дважды для переговоров, а также на церемонию похорон, в из СССР никто не приезжал рангом выше, чем заместитель Председателя Совета Министров.

Кимура:

— Недавно такое же приглашение было направлено М. Горбачеву, и оно было принято. Но, видимо, нельзя быть уверенным, что это приглашение будет реализовано на том основании, что это зафиксировано в Совместном заявлении и в Совместных коммюнике.

Ниидзэки:

— Да и ежегодные регулярные консультации министров иностранных дел Японии и СССР неоднократно срывались.

Кимура:

— Кстати говоря, почти одновременно с визитом К. Танака в СССР разразился ближневосточный кризис, вызвавший «нефтяной шок». Не решил ли Советский Союз, что Япония не сможет выжить без его нефтяных ресурсов и поэтому нет необходимости идти ей на уступки? А может быть, это было связано с внутриполитической обстановкой, осложнившейся в результате «дела Локхид»? Как бы то ни было, с 1975 г. в японо-советских отношениях наступило охлаждение.

Ниидзэки:

— То, что визит К. Танака в СССР совпал по времени с войной на Ближнем Востоке — случайность. Когда М. Сигэмицу ехал в Москву, Г. Насер выступил с сенсационной декларацией о национализации Суэцкого канала. Когда К. Танака направился в Москву, вспыхнула война на Ближнем Востоке. Начало переговоров внезапно задержалось. Скорее всего, это было связано с ближневосточным вопросом.

Мое предположение, что Япония окажется в трудном положении из-за повышения цен на арабскую нефть, а СССР благодаря своим богатым природным ресурсам — в выгодной ситуации, оправдалось.

Покидая Советский Союз, я, как об этом уже говорилось, рассчитывал на то, что японо-советские отношения в будущем улучшатся, но через несколько лет в этих отношениях действительно постепенно произошло охлаждение. Это было тесно связано с подписанием японо-китайского договора о мире и дружбе со статьей о гегемонии и с событиями в Афганистане. Отношения охладились до самой низкой точки, какая наблюдалась в мирное время. И такое положение сохранялось с 1975—1976 гг. до прихода к власти М. С. Горбачева. Ну, а в последнее время японо-советские отношения вновь стали развиваться по восходящей линии. Поэтому если проследить их историю за 30 лет, то можно сказать, что в этих отношениях было три больших приливных волны.

Кимура:

— Делая общий обзор этих отношений, я хотел бы остановиться на трех вопросах. Первый из них — это вопрос о северных территориях. В период улучшения отношений СССР соглашается вернуть две группы островов, а в период их ухудшения — не соглашается и на это, утверждая, что территориальный вопрос решен окончательно. Создается впечатление, что СССР колеблется между этими двумя позициями. А не было ли таких моментов, к которым Вы имели отношение, когда он колебался между позицией согласия на возвращение двух групп островов и позицией согласия на возвращение четырех групп островов?

Ниидзэки:

— За тридцать лет японо-советских переговоров острова Хабомаи и Шикотан то всплывали, то тонули, то вновь появлялись в водоворотах на приливных волнах отношений между двумя странами. Но это касалось только двух групп островов. Острова Кунашир и Итуруп все время находились в глубине этого водоворота. Если бы они всплыли на поверхность, то можно было бы сказать, что переговорам придан новый импульс. Но признаков этого, в том числе на проводившихся в последнее время консультациях министров иностранных дел Японии и СССР, до сих пор не наблюдалось.

Кимура:

— Второй вопрос: если подытожить факторы, определяющие «приливные волны» в японо-советских отношениях, то на какие из них следует обратить внимание?

Ниидзэки:

— Если исходить из опыта прошлого, то влияние на них оказывали два фактора — внутриполитический и состояние международных отношений. Первая волна была вызвана смертью И. Сталина и приходом к власти Н. Хрущева. Начало второй волны пришлось на

1971 год. Л. Брежнев стал генсеком КПСС в 1964 г. и в течение нескольких лет в отличие от стремившегося произвести фурор Н. Хрущева приближался к своей цели постепенно. Он укрепил свою власть на XXIV съезде КПСС, а до этого по его поручению внешней политикой занимался А. Косыгин. С 1971 г. на авансцену дипломатии Л. Брежнев выходит сам.

Важным является то обстоятельство, что теперь, когда наблюдается третья волна, на переднем плане внешней политики СССР стал действовать такой энергичный руководитель, как М. Горбачев. Благодаря его новому мышлению отношения между Востоком и Западом до известной степени продвинулись вперед. В последнее время значительно улучшились и китайско-советские отношения. Поэтому можно сказать, что состояние японо-советских отношений зависит от изменений внутреннего порядка, выражающихся в смене руководства, и от вызванных этим изменений в международной обстановке.

Кимура:

В заключение я хотел бы сказать, что, как мне представляется, Вы не только являетесь дипломатом, который специализировался на русском направлении, но и человеком, который посвятил свою жизнь изучению торговых отношений в широком смысле слова и затем делился своими советами с народом. Прежде всего я хотел бы спросить, имеется ли какая-либо специфика в способе действий у советской дипломатии. Мне кажется, что Япония не использует такие карты, как Китай или освоение Сибири. Хотелось бы узнать, нельзя ли извлечь какой-либо урок из Вашего опыта.

Нидззэки:

— Недостаток японцев состоит в их забывчивости. Поскольку советские люди являются в этом их противоположностью, то, когда мы имеем с ними дело, необходимо хорошо помнить о прошлом. Да и странно было бы затевать новое дело, забывая о предшествующем. Новое дело затягивает тебя, и ты действуешь по настроению. А этого-то и добивается твой партнер.

Сейчас поднимается третья волна в японо-советских отношениях. Но если хорошо вспом-

нить о первой и второй волнах, то дело ограничится воспоминаниями о том, что налицо были признаки изменений. А потом оказывалось, что никаких изменений не произошло. В особенности это необходимо помнить, когда имеешь дело с таким искусным лидером, как М. Горбачев. Я думаю, что самое важное — это не поддаваться настроениям и хладнокровно реагировать на происходящее.

Другими словами, придерживаться исторического подхода. Территориальный вопрос — это вопрос, который будет урегулирован не сегодня и не завтра. Я думаю, что нам надо вести переговоры по этому вопросу настойчиво и спокойно.

Еще один вопрос — это о тактике переговоров. Особенность поведения СССР состоит в том, что в соответствующий момент советская сторона изменяет все пункты своей позиции на прямо противоположные, выступая с необоснованными заявлениями. То, что это страна, действующая в такой манере, необходимо учитывать и после прихода к власти М. Горбачева.

Однако, что касается позиции Японии на переговорах, то ей не следует в такие моменты применять те же приемы. Твердо придерживаясь своей собственной точки зрения, Япония будет опираться на свою реальную силу. Поскольку Советский Союз — страна, которая уважает силу, я полагаю, что самое важное — это крепить свою мощь. Три десятилетия тому назад, когда начались японо-советские переговоры, со времени заключения многостороннего Сан-Францисского мирного договора с Японией прошло всего три года, и поэтому тогда господствовало настроение, что «плетью обуха не перешибешь». Япония только что начала восстанавливать свою экономику и не была членом ООН. Сейчас же ситуация коренным образом изменилась. Именно поэтому СССР оказывает давление на Японию. Я думаю, что нам нужно быть более уверенными в своих силах. Самое важное заключается в том, чтобы, скрупулезно обобщив мнения на этот счет внутри страны, противопоставить Советскому Союзу нашу собственную мощь и нашу уверенность в своих силах.

«Тайна» встречи И. Коно с Н. Булганиным

Н. АДЫРХАЕВ

Я с большим интересом ознакомился с беседой директора Института международных отношений при МИД Японии К. Ниидзэки с вице-президентом Международной ассоциации советологов, профессором Х. Кимура, опубликованной в журнале «Гайко форум», в которой были затронуты многие вопросы японо-советских отношений, в том числе и рыболовная проблема, в частности проблема так называемой «линии Булганина». Как и К. Ниидзэки, я был участником переговоров и о нормализации советско-японских отношений, и по рыболовству и лучше знаю позицию советской стороны. Поэтому, как мне кажется, имею право высказать свое мнение о ходе переговоров и в ряде случаев поспорить с утверждениями господина Ниидзэки. Его анализ и выводы представляются мне упрощенными и могут создать ошибочное представление о нормализации отношений, которые к тому времени были приостановлены.

Сразу же скажу, что введение «линии Булганина» с переговорами о нормализации отношений между нашими странами прямой связи не имело и было вызвано совсем другими причинами, а именно необходимостью обеспечить воспроизводство запасов рыбы, оказавшихся на грани полного истощения в результате хищнического лова японскими рыбаками. Учитывая остроту проблемы рыболовства и ее важное значение в системе советско-японских отношений, я хотел бы несколько подробнее остановиться на ней.

Прежде всего необходимо отметить, что в истории советско-японских отношений вопросы рыболовства всегда были одной из острейших проблем. А история эта такова.

В 1928 г. взамен позорной и кабальной для России рыболовной конвенции, навязанной ей Японией в 1907 г., была подписана советско-японская рыболовная конвенция. Новая конвенция не ущемила интересов японских рыбаков, она лишь оградила права и интересы советских рыбаков и упорядочила систему рыболовства. Японским рыбакам по-прежнему разрешалось ловить рыбу в наших территориальных водах в Охотском, Беринговом и Японском морях, но и это не снимало напряженности, связанной с рыболовством.

Чтобы лучше понять причину возникавших споров, следует хотя бы коротко коснуться биологической стороны рыболовства. Дальневосточные породы лососевых рыб проводят свою жизнь в океане, а на нерест приходят в реки на нашей территории. Вылупившиеся из икринок мальки скатываются по течению рек и уходят в море. Через 2—3 года уже взрослыми особями они возвращаются на нерест «домой», причем каждая рыба только в ту реку, из которой она вышла. В этот период рыба начинает собираться в косяки, и по мере приближения к берегам каждый косяк растет и уплотняется. Обнаружив косяк, японские рыбаки ставят на его пути свои сети, и если лов бесконтрольный, это ведет к резкому сокращению запасов рыбы вплоть до подрыва условий для ее воспроизводства, так как на нерест не попадает необходимого количества рыб.

Примеры таких печальных последствий уже были. В 1941—1945 гг., когда наша страна находилась в тяжелом положении и была не в состоянии осуществлять контроль за соблюдением рыболовной конвенции, Япония, в нарушение международного права, под прикрытием военных кораблей направляла свой рыболовный флот к нашим берегам и производила хищнический вылов рыбы. Последствия этого не заставили себя долго ждать, резко сократился проход рыбы к нерестилищам, упала добыча рыбы у наших

рыболовецких колхозов и совхозов, а обращения к официальным японским властям просто игнорировались.

Дело дошло до того, что зам. министра иностранных дел СССР С. Лозовский обратился к правительству с предложением принять меры и силой выдворить из наших территориальных вод японские военные корабли. Это предложение поддержки не получило, так как руководство нашей страны стремилось избегать любого обострения отношений с Японией и, уж во всяком случае, не доводить дело до вооруженных столкновений.

Именно противоречие между стремлением Советского Союза в интересах обеих стран не допустить опасного подрыва запасов рыбы и обеспечить их воспроизводство, с одной стороны, и погоней японских рыбопромышленников за максимальными барышами — с другой, всегда была главной причиной острых разногласий при решении рыболовных вопросов, а это серьезно отражалось и на общих отношениях между нашими странами.

В связи с поражением и капитуляцией Японии потеряли силу все подписанные ею международные договоры, в том числе и советско-японская рыболовная конвенция 1928 г. Но с подписанием Сан-Францисского мирного договора Япония получила дипломатическую независимость. Широко стало развиваться и ее рыболовство в открытом море, но в непосредственной близости от наших территориальных вод. Пользуясь тем, что рыболовство ничем не регулировалось и не ограничивалось, японский рыболовный флот вновь начал производить массовый вылов, что не только наносило огромный ущерб нашему рыболовству, которое традиционно ведется в прибрежных водах, но и вновь создало угрозу рыбным запасам.

Дело усугублялось еще и тем, что в погоне за максимальным уловом японские рыбаки стали применять сети из тонкой нейлоновой нити и с меньшим, чем положено, размером ячеи. В сети стало попадать много молодняка, масса раненой рыбы, получавшей порезы и другие повреждения от слишком тонкой нити сетей, погибала, не добравшись до нерестилищ. Такую рыбу и такие сети, отобранные в наших водах, сотрудники советского рыбнадзора не раз предъявляли представителям японских властей и просили принять соответствующие меры, но все оставалось без изменений.

Именно всеми этими обстоятельствами и была вызвана необходимость введения «линии Булганина», а не желание советской стороны оказать давление на Японию, чтобы заставить ее возобновить переговоры о нормализации отношений.

Господин Ниидзэки вспоминает о рыболовных переговорах в 1956 г. в Москве и о визите главы японской делегации И. Коно к Председателю Совета Министров СССР Н. Булганину. И. Коно не разрешил К. Ниидзэки присутствовать на этой встрече, заявив, что беседу будет переводить советский переводчик. Содержание беседы И. Коно с Н. Булганиным, как считают в Японии, до сих пор остается тайной.

На этой встрече я был тем самым «советским переводчиком» и готов открыть эту «тайну». В беседе принимали участие А. Ишков, министр рыбной промышленности СССР, глава нашей делегации на переговорах, и зам. министра иностранных дел Н. Федоренко. Беседа проходила в спокойной и откровенной атмосфере и началась с вопросов Н. Булганина, как устроилась японская делегация, как делегаты чувствуют себя в Москве и т. д. Подали чай, и тут И. Коно нечаянно опрокинул свой стакан на скатерть. Он смутился, извинялся. Но Булганин тут же стал успокаивать его, сказав, что по русским приметам это к счастью. Собеседники дружно подтвердили правильность сказанного, и разговор был переведен на деловые темы.

И. Коно пожаловался на то, что советские власти на Дальнем Востоке препятствуют свободному японскому рыболовству и что «линия Булганина» поставила японских рыбаков и их семьи в трудное положение, так как у них упали заработки. Несут большие убытки и рыбопромышленники, а все это вызывает большое недовольство в Японии.

На эти жалобы Н. Булганин ответил, что если говорить об убытках и заработках, то это в еще большей степени относится к советским рыболовецким колхозам и совхозам, и что японским представителям нельзя не учитывать этого при предъявлении претензий к советской стороне. Чтобы исправить положение, сказал Булганин, необходимо установить порядок, который позволял бы не только ловить рыбу, но и поддерживать ее воспроизводство на высоком уровне.

Беседа продолжалась, И. Коно отметил несговорчивость советской делегации на переговорах и просил оказать содействие. В ответ ему было сказано, что А. Ишкову даны указания и он поможет.

Теперь о той самой «тайне», которую так хотят узнать в Японии. В конце беседы с Н. Булганиным И. Коно неожиданно предложил, чтобы в рыболовном соглашении было записано, что оно может войти в силу только в том случае, если Япония возобновит переговоры о нормализации японо-советских отношений не позднее какой-то ближайшей даты. Своё предложение И. Коно мотивировал тем, что без такого требования советской стороны возобновить переговоры будет трудно, так как в Японии есть силы, которые выступают против нормализации отношений между нашими странами.

Такое «просоветское» предложение (в Японии его расценили бы только так) было для нас неожиданным тем более, что во всем, что касалось рыболовных вопросов, позиция И. Коно была наступательной и неуступчивой.

Отвечая на предложение И. Коно, Н. Булганин сказал, что Советский Союз ведет с Японией равноправные переговоры и не желает выдвигать никаких ультимативных условий. Все должно быть на взаимной основе.

И. Коно продолжал настаивать на своем, повторяя свои доводы. В результате обмена мнениями согласились, что в подписанных документах будет сказано о договоренности между сторонами о возобновлении переговоров о нормализации отношений не позднее 31 июля 1956 г. Эту дату также предложил сам И. Коно.

Это, видимо, и есть та самая «тайна», которая неизвестна в Японии. Очевидно, И. Коно не хотел, чтобы в Японии знали, что инициатором такого предложения является он, а не советская сторона. По этой же причине он не взял с собой К. Ниидзэки на встречу с Н. Булганиным. Действительно, в тот период в Японии были влиятельные силы, которые выступали против нормализации наших отношений, даже в самом правительстве, например министр иностранных дел М. Сигэмицу, который тоже приезжал в Москву для ведения переговоров о нормализации японо-советских отношений, но особого стремления к достижению положительных результатов не проявлял.

И еще хочу сказать, что в ходе беседы И. Коно с Н. Булганиным территориальная проблема не поднималась и слухи о том, что И. Коно «дал какое-то секретное обещание по территориальному вопросу», о чем упоминает К. Ниидзэки, совершенно беспочвенны.

На рыболовных переговорах в Москве, как и всегда, главной трудностью были квоты вылова. Здесь надо пояснить, что в рыболовстве бывают «урожайные» и «неурожайные» годы, то есть больший или меньший подход рыбы. Поэтому нужно было решить, сколько рыбы вылавливать в «урожайный» и «неурожайный» годы. После долгих споров наша делегация согласилась на 100 и 80 тыс. т соответственно. Это был предел, на который она имела полномочия. Нам казалось, что для японской делегации эта квота вполне приемлема, но неожиданно И. Коно заявил, что члены его делегации, рыбопромышленники, не согласны с такой квотой и требуют увеличить ее до 120 и 100 тыс. т. Я лично и сейчас не уверен, что это была инициатива рыбопромышленников, скорее всего, она была подсказана самим И. Коно. Дело усугубилось еще тем, что на помощь японской делегации в последние дни переговоров прибыл посол Японии в Канаде Мацудайра, который цеплялся за каждую мелочь и упорно настаивал на повышении квот вылова.

Переговоры зашли в тупик. Торжественный обед по случаю подписания соглашения, который уже был заказан на 6 часов вечера в ресторане «Прага», пришлось перенести на... 5 часов утра!

Было уже за полночь. Переговоры могли сорваться. Чтобы этого не допустить, мы с А. Ишковым по телефону стали разыскивать В. Молотова и пытаться получить у него согласие на повышение квот, но мы его не нашли. Тогда А. Ишков решил взять ответственность на себя и согласился удовлетворить условия японской делегации. Когда он сказал об этом И. Коно, тот сразу же вышел в коридор, где дремали уставшие пожилые рыбопромышленники, и сообщил им о согласии А. Ишкова поднять квоты. Мне тоже было важно знать, как отреагируют рыбопромышленники и сможем ли мы подписать соглашение. Один из них, Накабэ, спросил у И. Коно: «Если Ишков согласен, то о чем там спорит Мацудайра с Ишковым?» И. Коно сказал, что обсуждаются какие-то юридические формальности. Накабэ уточнил: «Мешает ли это ловить рыбу или нет?» Узнав, что это к рыбе отношения не имеет, рыбопромышленник недовольным тоном сказал: «Хватит заниматься бессмысленными делами, пора подписывать документы». После этого И. Коно вошел в комнату, бесцеремонно отстранил Мацудайра и крепко пожал руку А. Ишкову. Соглашение было подписано.

На следующий день мы с А. Ишковым пришли к В. Молотову, чтобы доложить о подписании соглашения и о том, что А. Ишков на свою ответственность дал согласие на повышение квот вылова. Он мотивировал это тем, что переговоры могли сорваться, а повышение квот не так уж велико — всего 20 тыс. т каждая.

В. Молотов стал упрекать А. Ишкова, что тот превысил данные ему полномочия и тем самым нарушил решение руководства. Я попытался защищать А. Ишкова и сказал, что, когда поздно ночью переговоры зашли в тупик, А. Ишков пытался по телефону связаться, но не смог. Переговоры могли сорваться, и это было бы значительно хуже. В. Молотов остановил меня, сказав: «Ишь какой защитник нашелся! Может быть, Ишков поступил правильно, но ему никто не давал права нарушать установки руководства». Он тут же позвонил А. Микояну, рассказал о случившемся и спросил: «Что будем делать с Ишковым?» Не знаю, что говорил А. Микоян, но в конце разговора В. Молотов сказал: «Да, я тоже так думаю, Ишкову надо объявить выговор».

Итак, японцы получили прибавку к квоте, а А. Ишков — выговор, что по тем временам было довольно серьезным предупреждением для министра.

С подписанием этого соглашения «линия Булганина» была упразднена. Она просуществовала практически только один рыболовный сезон, поэтому говорить о ее каком-то значении в нормализации японо-советских отношений нет оснований.

В соответствии с новым рыболовным соглашением перед началом нового рыболовного сезона было необходимо решить ряд практических вопросов, например определить «урожайным» или «неурожайным» является 1957 г., количество судов-маток (плавучий рыбозавод, или базовое судно), количество рыболовных судов для каждой матки, определить порядок контроля за ловом. Для решения этих вопросов в Токио состоялись переговоры на уровне специалистов и ученых. Переговоры были упорными и трудными. Наша делегация добивалась того, чтобы вылов рыбы был в разумных рациональных пределах и не создавал опасности для воспроизводства, а японская делегация больше заботилась о максимальных уловах, она настаивала на большом количестве базовых судов и судов-рыболовов для каждой базы. Первые же проверки показали, что японцы значительно превышают установленные нормы вылова. Японская сторона объясняла это тем, что рыбаки, стремясь больше заработать, забывают о самоконтроле, и, утверждая, что это случайные нарушения, обещала усилить контроль.

Это были отговорки, так как даже неспециалисту было ясно, что проконтролировать сотни рыболовных судов в океане практически невозможно, тем более что каждое такое судно, выловив какое-то количество рыбы, сразу же передавало ее на свою базу.

Положение было настолько очевидным, что в дальнейшем сами японские специалисты в доверительном порядке посоветовали нашей делегации потребовать сокращения судов-маток с 16 до 14. Смысл этого предложения состоял в том, что оно заметно ограничивало возможность переработки рыбы и автоматически приводило к уменьшению ее вылова.

Воспользовавшись этим советом, наша делегация внесла такое предложение и добилась его принятия. Определенное влияние на принятие такого решения японской стороной оказали японские ученые, понимавшие возможные негативные последствия перелома рыбы. Однако японская печать, освещая ход рыболовных переговоров, стремилась создавать впечатление, будто русские ущемляют интересы Японии, лишают японских рыбаков их заработков и т. д. Авторитетную и объективную оценку итогов переговоров дал президент Всеяпонской ассоциации рыбопромышленников Такасаки, который в интервью корреспонденту газеты «Асахи» заявил: «Нельзя сказать, что мы полностью удовлетворены, но сказать, что мы недовольны, тоже нельзя».

Из этого небольшого рассказа видно, какое важное значение имеет рыболовная проблема в советско-японских отношениях и по каким причинам возникали и возникают острые споры на переговорах.

На весах столетий

М. ТАРТАКОВСКИЙ

При взгляде на карту невольно бросается в глаза поразительное совпадение: сердце древнего Китая, маленькое царство Лу, со столицей Цюйфу, родиной Конфуция, — на той же 38-й параллели, что и Атика с Афинами, только на другом краю земли. Сам Конфуций со своими реформами — современник афинянина Клизфена с его государственным переустройством, которое нанесло окончательный удар родовому строю и закрепило победу демократии над наследственной аристократией. Говорит ли это о том, что предшествующие скорости общественной эволюции были примерно равны? Вероятно, так оно и было, если учесть, что приблизительно в одно и то же время, на рубеже VIII и VII вв. до н. э., на одном и на другом краю Старого Света стали впервые чеканиться монеты, появляется денежное обращение. Возможность операций с деньгами, накопления их, включения в оборот, передачи наследникам и т. п. чрезвычайно повышает личную инициативу и предприимчивость. Трудовые усилия отныне не диктуются лишь прямой необходимостью, хлебом насущным. Существо, отождествляемое лишь с его физиологическими потребностями, в сущности, еще и не человек. Возникновение денег чем-то подобно изобретению письменности, позволившей фиксировать духовные ценности, тоже «пускать их в оборот»; материальные ценности как бы воплощаются в деньгах. Их, в общем, можно было уже накапливать примерно так же, как и идеи. Отныне имело смысл производить больше, чем требовалось для непосредственного потребления. Не похоже ли это, в известной степени, конечно, на труд мыслителя, который, не рассчитывая на прижизненное обнародование своих идей, тем не менее отделяет и накапливает их — для духовных потомков? Рождалось то, что Аристотель позднее назовет «хрематистикой» — искусством наживать состояние, занятием для него самого крайне неприятным. На то он и философ: его идеал — хозяйственная деятельность в тех «естественных пределах», которые диктуются разумным личным потреблением человека. Только в этом случае остаются и время и силы для размышлений, поисков истины, для творческого предназначения человека. Ибо творческий труд — сам по себе награда.

Ну, а производство материальных ценностей — не предназначение? Или оно не столь достойно человека?

Плодовитый писатель Ксенофонт, знавший Сократа, вспоминает о беседе философа с богатым афинянином Исхомахом. Последний, как и его отец, занимается делом, которое нашему веку, озабоченному экологией, вероятно, ближе, чем древнегреческим мудрецам: покупает истощенную, запущенную по небрежности владельцев землю, окультурирует ее, повышает плодородие, приводит в цветущий вид — и продает, чтобы приобрести очередной запущенный участок. Исхомах пытается растолковать Сократу увлечение, заключающееся в такой работе. Философа интересует, однако, другое: удачно ли сбываются окультуренные участки. Да, Исхомах получает за них больше, чем вкладывает, прибыль налицо. Сократ иронизирует: похоже, собеседник любит землю, как кушцы любят хлеб, стремясь купить его подешевле, а продать — подороже. Исхомах парирует (и к его аргументу стоит прислушаться): «А мне представляются строителями по душевному увлечению и те, кто увлеченно строит дома, чтобы выгодно их продать».

Возможно (у Ксенофонта этого нет), Исхомах добавил, что и прибыль кушца вовсе не незаконна, потому что и торговля — легкое дело, к тому же связанное с долгими отлучками из дому, да и рискованное.

Иначе говоря, творческий труд вовсе не противопоставлен выгоде («Не продается вдохновение, но можно рукопись продать»); напротив, только такому труду и должна сопутствовать выгода. И это важнейший принцип, который с достоинством исповедует

Продолжение. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», 1989, № 6.

истинно предприимчивый человек. Он готов продать свой труд, свои знания, талант. Кому? Тому, кто выше оценит, дороже заплатит, не посягая при этом на его совесть. Так, в Аттике с ее центром в Афинах утверждаются отношения купли-продажи с интенсификацией экономики и человеческих связей, не слишком обремененных идеологией. Рынок сам по себе подразумевает максимум общения, полную раскованность и свободу от догм, прежде всего религиозных. Человеку, скованному родовыми или сословными предрассудками, нечего делать там, где все равны.

Мелкий землевладелец (а они преобладали в Аттике), производя на участке все необходимое для минимального пропитания семьи, уже в силу этого был независим, как и всякий, способный прокормиться сам. На рынке же, куда он приходил со своими излишками (вином, смоквой, оливками), царил естественный демократизм толпы, не скованной никакими предрассудками. На рыночной площади обсуждались новости, возникали общественные дискуссии, порой серьезные, если учесть хотя бы, что ежеутренне в течение тридцати лет здесь появлялся Сократ. И спор его с Исхомахом, скорее всего, происходил именно здесь.

На рынке властвует индивидуум, его личный интерес (хотя этим вовсе не утверждается, что всякий здесь — личность); приоритет отдается инициативе, сметке, конкурентоспособности, проще говоря — дешевизне и качеству товаров и услуг. Рынок (разумеется, не просто лотки на площади, а понимаемый в соответствии с марксистской политэкономией как сфера товарного обмена) с его деловой активностью и творческими по своей сути отношениями становится подлинным «университетом» личности, то есть поначалу индивида, четко сознающего свои интересы и отстаивающего их в острой конкурентной борьбе.

Рынок рождает демократические отношения и требует для успешной предпринимательской деятельности демократического правления. Так вот народоправие в Аттике окончательно утвердило реформы Клизфена, современные проповедыванию Конфуция на другом конце Света. Аристотель выразит это положение позднее в строгой логической формуле: «Когда народ — хозяин выборов, он хозяин и правительства»; стратег Перикл — в ярко-эмоциональной: «Счастье — в свободе, свобода — в мужестве!» Иначе говоря, демократия только тогда остается таковой, когда она способна защитить себя.

Афинский гражданин знает себе цену. Он готов трудиться, ибо труд — «отец удовольствия», праздность же — «мать всяческих пороков». «У нас постыдна не бедность, — заявляет Перикл в Народном собрании. — Но пусть будет стыдно тем, кто ничего не делает, чтобы от нее избавиться». Аттический земледelec, афинский ремесленник, имеющий рабов, не полагается на них, а трудится вместе с ними, возлагая на себя не столько мускульные, сколько высоко профессиональные функции; раб выступает скорее в качестве подсобника, грубой физической силы. Рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени, и свободный труд в классической Греции был основой для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Парфенон, самое опозитизированное сооружение в истории человечества, строили и свободные, и рабы. Важно лишь было знать дело и относиться к нему с любовью. И те и другие получали при этом государственную плату. На этом настоял сам Перикл. Случай, что и говорить, исключительный. Античный раб был, за редким исключением, «говорящей машиной». Наличие таких относительно рентабельных машин и не позволило, надо думать, греческой науке продвинуться по пути технического прогресса, как позднее и римской. Двигатель был изобретен (Героном), но оказался не нужен. Однако рыночным отношениям рабство ничуть не мешало. «Машину» можно было, помимо обычной эксплуатации, сдать в аренду, арендовать самому, по дешевке купить, продать с выгодой — любые рыночные операции тут возможны. Более того, находились предприниматели, обучавшие рабов ремеслу и сбывавшие их затем втридорога, как Исхомах окультуренную им землю.

Тем не менее именно в Аттике бесправие рабов было относительно. Бытовала поговорка: «Лучше быть рабом в Афинах, чем воином у персов». Вот непосредственное свидетельство путника, посетившего Афины 25 веков назад: «Очень велика здесь распушенность рабов и метеков («непронисанных», как мы бы сказали, жителей города. — М. Т.); нельзя тут побить раба, и он перед тобой не посторонится. Если же позволялось бы свободному бить раба, метека или вольноотпущенника, часто били бы афинянина, потому что и по одежде, и по внешнему виду народ тут несколько не лучше, чем рабы и метеки».

А речь, между прочим, о времени Перикла, о расцвете Афин. И свободные метеки предпочитали жить здесь, хоть их и считали чужаками, а не на своей родине, и эмигранты составляли таким образом едва не треть общего населения города (тогда как другую треть составляли рабы).

Полицейские обязанности в Афинах предоставлялись исключительно рабам. Свободнорожденный не мог унизиться до этого. «Афиняне учредили, таким образом, одновременно со своим государством также и полицию, настоящую жандармерию из пеших и конных лучников... — писал Энгельс. — Но эта жандармерия формировалась из рабов (выделено Энгельсом. — М. Т.). Эта полицейская служба представлялась свободному афинянину столь унижительной, что он предпочитал давать себя арестовать вооруженному (палкой. — М. Т.) рабу, лишь бы самому не заниматься таким позорным делом»¹.

Рабы-полицейские (по традиции в этой должности подвизались скифы из Причерноморья) ощущали, надо думать, себя униженными, завидовали полноправным гражданам, засаженым ими за решетку, и размышляли (хотя бы некоторые из них) о кознях судьбы и относительности понятий.

* * *

Если бы тогда, ровно две тысячи пятьсот лет назад, мы последовали из классической Греции прямо на Восток, то наблюдали бы воочию грандиозные духовные сдвиги, определившие на последующие тысячелетия судьбы цивилизаций. В восточном Средиземноморье иудейские жрецы, только что вмешательством господ чудесно вызволенные из вавилонского пленения (так, во всяком случае, они полагали), свели воедино основные тексты Ветхого завета, осуществили редакцию общего свода.

Далее на Востоке, в Иране, проповедовал загадочный Заратуштра, по некоторым сведениям, из царского рода Ахеменидов, объяснявший происходящее в мире смертельной схваткой света и тьмы, добра и зла. Перед человеком, таким образом, возникает проблема выбора. Следовать добру и свету, олицетворяемому впоследствии солнечным богом Митрой, нелегко, но только этот путь ведет к счастью. Жизнь небезнадежна, если следовать путями праведными. Сознательным самоочищением можно превозмочь даже судьбу.

Эти представления, войдя в духовную жизнь древних персов, пять столетий спустя повлияли на формирование христианства. Был даже момент на рубеже эр, когда Митра, бог света, составил серьезную конкуренцию Христу и мог бы заменить его в последующей истории человечества.

В Индии в это же время, такое значительное в судьбах мира, проповедовал легендарный Будда, «просветленный». Принц из племени шакья, обитавшего в предгорьях Гималаев, не ведавший забот за стенами дворца, вдруг обнаруживает, что есть в мире и душевные муки, и болезни, и старость, и смерть. Просветленный этим своим открытием, он решает, что сама жизнь есть страдание. Отчего оно? От желаний, которым не дано осуществиться, от неумейной жажды бытия, от вечного стремления к бессмертию, тогда как рождение уже первый шаг к смерти. Отрешиться от земной суетности, очиститься от страстей, от этой скверны, подавить всякие желания — вот путь к искоренению страданий, к освобождению души — нирване.

Современником Будды и его соперником в борьбе за людские сердца был Вардхамана, основатель джайнизма, тоже счастливчик по рождению — сын раджи племени джиятриков, обитавшего к северу от Ганга, как раз там, где странствовал Будда с учениками. Но вряд ли он застал уже здесь Вардхаману, который сам примкнул к группе странствующих аскетов в поисках духовного спасения. И на него наконец нашло просветление. Он сформулировал суть джайнизма — принцип ненасилия, ахимсы, простирающийся столь далеко, что монахам-джайнам запрещается даже разжигать огонь (мирянину-джайну можно), поскольку он уничтожает жизнь. Но и тушить пламя тоже нельзя, ибо этим прерывается жизнь самого огня.

Если бы, следуя далее навстречу солнцу, мы перевалили через Гималаи, пересекли великие пустыни Центральной Азии и вышли к пограничным заставам древнего Китая, то встретили бы, может быть, в горном проходе Ханьгу (на современной фотографии голые лесовые кручи, стиснувшие русло мутной Хуанхэ) улыбающегося жидкобородого старца, путешествовавшего (по легенде) верхом на черном быке. Это почтеннейший Лао-цзы, к которому, когда он еще служил хранителем архива царства Чжоу, сам Конфуций приезжал набираться мудрости. Встреча, впрочем, завершилась столкновением двух

противоположных миропониманий. Лаоцзы будто бы сказал, что мудрец, погрязший в мирском торжище, в нем и утонет; Конфуций якобы парировал замечанием, что бегущий от людей — бежит к животным.

Теперь Лаоцзы удалялся через Ханьгу на Запад, в неведомое, оставив зрителю заставы краткое (пять тысяч иероглифов) изложение своего учения, даосизма, знаменитую ныне «Книгу о пути» («Дао дэ цзин»). Тысячелетиями правоверный китаец разумом был с Конфуцием, но сердцем — с Лаоцзы. Даосизм — «естественный путь» без какого бы то ни было божественного вмешательства. «Небо... предоставляет всем существам возможность жить собственной жизнью». Следовательно, и «совершенномудрый (правитель)... предоставляет народу возможность жить собственной жизнью».

Дао — естество всего сущего, непостижимое, как пустота в сосуде, без коей, однако, сосуд немислим; дао — первопричина и вместе с тем цель бытия; смысл жизни в слиянии с ее нетронутым естеством; слияние настолько полное, что это граничит уже с небытием: «Нравственный человек не оставляет после себя никаких следов». Главное — не нарушить невозмутимого течения бытия. «не действуя, добиваться успеха». Вот почему «лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует», и наоборот: «Когда правительство деятельно, народ становится несчастным».

Счастье в покое, в ненарушаемой человеческой сути; так что лучше и не выглядывать наружу, из глубины души. «Не выходя со двора, можно познать мир», тогда как «чем дальше идешь, тем меньше познаешь». Гармония мира — лишь отражение нашей внутренней гармонии; прислушайтесь к себе — разве ваша собственная сокровенная природа не подсказывает вам всякий раз верное решение? Но прислушаться непросто: мешают суетность, страсти. «Побеждающий самого себя могуществен», он приближается тем самым к своему дао, к естеству. Награда при этом велика, но в соответствии с реальным взглядом на вещи, пусть и наивно-поэтическим, отнюдь не бесконечна: «Кто не утрачивает свою природу, долговечен», но, надо заметить, не бессмертен.

Все последующие поиски даосами эликсиров долголетия (европейские алхимики им и в подметки не годятся) опирались на эту мысль Лаоцзы. Но владыкам Поднебесной недостаточно было долголетия; им требовалось бессмертие. Даосы принялись решать и эту задачу (попутно был изобретен порох), игнорируя недвусмысленное предупреждение своего учителя, что только «тот бессмертен, кто умер, но не забыт». Вот и получилось, что жидкобородого старичка, ссутулившегося в коровьем седле, мы помним, а императоров — нет...

Величайшие поэты Китая пытались выразить даосское слияние с природой:

Белая птица тихо летит над голубой рекой,

Горы синеют, горят цветы, мир погружен в покой...

В сравнении с Лаоцзы Конфуций — сама активность. Первый заключает свои размышления словами: «Знающий — не доказывает». Кажется, он сожалеет, что уступил просьбам благочестивого таможенника и написал свою книгу. В ней он всячески пытается не быть навязчиво-назидательным; неясно даже, беседует ли он сам с собой или обращается к кому-то. Можно сказать, что он не видит перед собой слушателя, да и не нуждается в нем. Как и всякий умествующий китаец, он не может не задаваться государственными вопросами, но идеалы его предельно скромны: «Пусть государство будет маленьким, а население — редким. Если имеются различные орудия, не надо их использовать... Даже если имеются войны, не надо их выставлять. Пусть народ снова начинает плести узелки и употреблять их вместо письма (вспомните инков! — М. Т.). Пусть его пища будет вкусной, одежда красивой, жилище удобным, а жизнь радостной. Пусть соседи государства смотрят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до самой старости и смерти не посещают друг друга».

В противоположность этому Конфуций насквозь государственник; он весь нацелен на державное благоустройство и не мыслит человека вне его общественных функций. Индивид — лишь элемент структуры; и лишь тогда, когда упорядочено целое, государство, человек, обретший назначенное ему природой место, покоен, как покойно в родной семье с ее естественной иерархией: отец — это отец, сын — это сын...

Сама по себе такая постановка вопроса не лишена логики. Человек вне общества, в конкретных исторических обстоятельствах — вне государства, немислим. Важно только, на что сделан акцент: государство — для человека или человек — для государства. По Иммануилу Канту, человек всегда должен рассматриваться как цель и никогда — как средство. Самому Конфуцию эта мысль, надо думать, была бы близка. Когда один из

его учеников, Цю, став министром, ввел новые налоги. Конфуций, увидевший в этом нарушение гуманности, заявил: «Он не мой ученик» — и призвал выступить против него.

Были ли отменены после этого дополнительные налоги? Надо думать, что нет. Обстоятельства решительно брали верх над пожеланиями. Но можно ли при этом винить только объективность? Учитель не искал истину, а назидал готовую, не очень-то применяясь к объективной реальности. «Пусть практика противоречит теории, тем хуже для нее. Такой была в известном смысле позиция Конфуция, когда он энергично взялся за разоблачение пороков и воспевание добродетелей, — пишет Л. Васильев. — И это как раз тот случай, когда овладевшая умами идея становится серьезнейшей материальной силой».

Как тут не вспомнить Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Классический грек, вероятно, не постиг бы этого. Слово всегда испытывалось им на смысл, смысл — на истинность. Слово как таковому доверия не было. Тогда как для старого Китая с его пристрастием ко всякому начертанному иероглифу это чрезвычайно характерно. Выписанное тушью изречение, даже просто каллиграфически выполненный иероглиф, служило украшением жилища. Жертвоприношения предкам сжигались не перед их изображениями, а перед их начертанными именами; порой это простой синодик с беглым перечислением имен. И все равно здесь, в бумажке, присутствует дух каждого — такова вера в «Слово, ставшее плотью», говоря цитатой Нового завета. Клочок бумаги приобретал магический смысл.

Цитатой древних мудрецов или самого Конфуция укреплялся всякий государственный указ. Человеческая мысль, самой природой предназначенная быть подвижной, живой, гибкой, закостеневаает, «ощипаченная», обретает силу закона. Подлинное содержание ее может быть даже давно утрачено — оставалась бы словесная оболочка. Слово отрывается от своего значения, приобретает самостоятельную эмоциональную окраску, подчас противоречащую первоначальному смыслу, уже не постигаемая разумом. Все это сближает конфуцианство с любым другим вероучением, в котором догмат превалирует над смыслом, слепая нерассуждающая вера — над подлинным знанием, сама истина признается лишь в той ее части, в какой она способна послужить религиозному догмату.

«Религия не может существовать без организации, ибо религия — это вера, вера — это догма, догма — это идеологическая дисциплина, идеологическая дисциплина — это организация, — пишут Л. Васильев и Д. Фурман в труде «История и культура Китая». — Что же это за особая форма организации? Конфуцианство — религия без бога и без церкви, если подходить к нему с нашими привычными, стандартными мерками. Но это не совсем так. В нем есть нераскрытые представления о трансцендентном и об «откровении». Небо — это блеклый и безличный бог-отец. Конфуций — нечто вроде Иисуса Христа, низведенного до уровня простого мудреца. Имело конфуцианство и церковь, только церковь весьма своеобразную».

Сама Поднебесная, как уже говорилось, была устроена на манер церковной организации, где от имени вероучения выступал государственный чиновник, шэньши, непременно сдававший экзамены на знание догматики и ритуалов конфуцианства (аналогично таинству рукоположения христианских священников). Империя стала бы воплощенным памятником Конфуцию.

Высшей задачей шэньши было не столько даже административное управление, сколько осуществление принципа «вэнь-хуа», формулируемого как «переработка человека на основе мудрого древнего слова и просвещения». Идеалом было бытие, руководимое «правильным сознанием». За «правильностью» мыслей следил специальный государственный цензорат, юй-ши, наделенный правом критиковать самих императоров. Его усилиями изымались из обращения исторические сочинения и даже географические сведения, трактующие о других народах и землях, подвергающие таким образом сомнению избранничество и «срединность» в непроглядном варварском окружении великой Поднебесной империи. Тщательно ограждаемый от всего мира, Китай предстал перед самим собой как «Пуп Вселенной», средоточие мудрости и благолетия, оберегаемого шэньши от всяческой скверны. Окрестные народы только и делают, что завидуют Китаю и зарятся на его богатства; потому-то и нужна полная изоляция и круговая оборона.

В теории принцип «вэнь-хуа» выглядел, разумеется, гораздо привлекательнее. Вот как излагает его академик В. Алексеев: «Углубляясь в изучение древних откровений, подражая идеальным людям древности, человек выпрямляет свою природу, уничтожает все отклонения в себе самом, потом в своей семье, становится пригодным к управлению

народом, руководит им и совершенствует государство. Получается прямая линия, ведущая к счастью на земле, исходной точкой которой является взън — литература — открытие — книга».

Этот путь ни перед кем не был закрыт. Напротив! Любой китайский гражданин, даже крестьянин, имел право и мог выучиться, сдать экзамены и подняться по социальной лестнице вплоть до должности министра, говорится в сборнике «Проблемы истории докапиталистических обществ». И это право было отнюдь не на бумаге. Напротив, им очень часто пользовались. (Обычный сюжет китайской средневековой повести: крестьяне всей деревней снаряжают в город учиться способного юношу; он наконец достигает государственных высот, но не забывает родной деревни, навек благодарен землякам.— М. Т.) Казалось бы, чего же больше? Дело в том, что все возможности предоставлялись индивидууму лишь при том непременном условии, что он будет покорно обитать в русле конформизма и ни в коем случае не вознамерится проявить свою индивидуальность.

Главное — управлять в духе сложившихся порядков (по Конфуцию — стремиться к «золотой середине»), охранять их и уметь обосновывать, когда возникала необходимость, пользуясь набором мудрых изречений, тем большим, чем грамотнее был шэньши. Конфуцианской грамотностью определялся и пост, который он занимал, его государственная зарплата. Таким образом, носителем высших истин оказывался не «наместник бога на земле», даже не жрец, облеченный святостью и тайной, а государственный чиновник, выдержавший последовательно экзамен за экзаменом, вооруженный готовой цитатой.

Он удостаивается даже религиозного поклонения. В награду за рвение шэньши мог быть объявлен после смерти святым покровителем города или района, где он правил, чэн-хуаном. По специальным указам государей чэн-хуанам воздвигались храмы или как минимум арки с назидательным изречением поверху, в которых умерший, скажем, сравнивался со столпом, без которого накренилось бы само небо. «Подобные храмы,— замечает академик В. Алексеев,— весьма характерны для государственного официального культа и очень интересны для историка как один из источников, питающих китайскую религию».

Религией без бога определялась и хозяйственная жизнь Поднебесной. Предписывалось искоренять из людских сердец дух наживы. Гражданственность (в конфуцианском понимании) должна была торжествовать над грубой материальностью бытия. Народ так воспринимался, что и пребывая нищим, он чувствовал высочайшую заботу об его нуждах. «Во имя народа и его блага...» — так начинались официальные указы. В них неперемнная ссылка на Конфуция: «Когда народ почитается как основание государства, оно пребывает в благополучии». Выходец из чиновничьей семьи, сам, насколько известно, никогда не занимавшийся физическим трудом, Конфуций возвел, однако, крестьянство в высочайший (теоретически) ранг: «Земледелие — благороднейшее из занятий». Это крестьянин производит изначальные материальные блага и кормит державу. Его всячески славил и порой символически награждали. Сам государь в теории обязан был пещься о земледельце, заполучая таким образом, «людские сердца» и оправдывая тем самым свой «мандат Неба». Когда крестьянина во время засухи косил голод, государь лично вымаливал у неба благодатный дождь. Крестьянин в свою очередь обязан был оправдывать высочайшую заботу. «Если налоги, которые следует уплатить, уплачены вовремя, это большое счастье,— учил мудрец Чжу Боу,— даже если в кошельке ни гроша не осталось».

Земледелие официально именовали «основным» и даже «благородным занятием», особенно выпячивая его достоинства в сравнении с торговлей, о ничтожестве которой неустанно напоминал сам Конфуций. Торговцы принципиально презирались: богатство их считалось постыдным, нажитым обманом, даже если известно было, что это не так. Почему? Да потому, что торговля по природе своей несла с собой дух личного предпринимательства, инициативы, нарушала государственную монополию на все стороны хозяйственной жизни, вплоть до третьестепенных. Во всяком хозяйственном общении двояк государство непременно хотело быть третьей стороной, а торговец мешал этому.

Даже плоды собственных рук должны были восприниматься как государственное жалованье, тогда как частное предпринимательство давало ощущение относительной независимости. И разрешение на него давалось крайне неохотно и ограничивалось огромными налогами. Практиковалась принудительная продажа товаров на рынке «по гуманным ценам»; а то, что данный товар больше не появлялся в открытой продаже,

преподносилось как коварство предпринимателей, «стремящихся извлечь двойную прибыль». Вот и читаем в конфуцианском экономическом трактате: «Если сосредоточить в одних руках право собственности на все, то людям, презиравшим земледелие, лентяям и тем, кто стремится извлечь двойную прибыль, нечем будет кормиться».

Противостояние империи и частного предпринимательства прослеживается во всей истории Китая. Порой запрещалось нанимать батраков, чтобы зависимость подданного от государства не нейтрализовалась в нем зависимостью от непосредственного нанимателя. Частник стремился высвободиться — его ограничивали законами, налогами, а то и репрессиями. Время от времени, в годы экономических бедствий, нажим центральной власти, частник возрождался, но при этом в глазах подданных блекло влияние государственного регулирования. Так что если проследить за урожаями риса в стране, покажется, будто не политические сдвиги происходили в стране, а климатические.

Вводилась «колодезная система» землепользования, когда земля нарезалась крестьянам на манер иероглифа, обозначающего колодец, вроде сетки из девяти клеточек при нашей игре в «крестики-нолики». Центральный надел — государственное поле, которое обрабатывают сообща в первую очередь владельцы окружающих его прочих восьми наделов. И дождь полагалось вымалывать прежде всего на это поле: «Общее поле сначала дождем ороши. После коснись ты и наших отдельных полей».

Из древней книги «Люй-ши чуньцю»: «Ныне те, кто обрабатывает землю, при совместной работе работают медленно, и имеет возможность неполной отдачи силы; если же работают на арендованных землях, то работы двигаются быстро и нет такой возможности, чтобы крестьяне не полностью отдавали силу или работали медленно». Однако все при обязательном артельном труде были связаны круговой порукой, обязаны были следить друг за другом, доносить на каждого и отвечать за всех. Человек ошущал себя лишь функциональной хозяйственной единицей, пассивность общества возрастала, производительность земледельческого труда падала, и страна хронически голодала независимо от погоды.

Старый Китай знал мощные крестьянские восстания, порой сметавшие правящие династии. Они, можно сказать, происходили с заведенной периодичностью, синхронно с годами полного обнищания и голода. Победоносный вождь восстания восарялся на троне. Он отнюдь не гнушался своим простым происхождением; напротив, порой гордился им, памятуя про высокий, согласно конфуцианской догме, статус земледельца, основания державы. Не сомневался он и в том, что история не знает случайностей, и его собственное восхождение вполне закономерно, ибо сам Конфуций, когда его спросили: «Можно ли знать, что будет десять поколений спустя?» — со всей определенностью ответил: «Династия Инь унаследовала ритуал династии Ся; то, что она отбросила, и то, что она добавила, — известно. Династия Чжоу унаследовала ритуал династии Инь; то, что она отбросила, и то, что она добавила, — известно. Поэтому можно знать, что будет при преемниках династии Чжоу, хотя и сменят друг друга сто поколений».

А раз так, воссевший на трон, кто бы он ни был, лишь реализует выданный ему «мандат неба». И в своих действиях мог опереться опять-таки на Конфуция: «Действия того, кто у власти, не должны обсуждаться теми, кто не у власти». Иначе говоря, власть тут же начинала служить самой себе, становилась самоцелью. Конфуцианство всякий раз оказывалось чрезвычайно удобным и ничуть не оспаривалось даже внешними завоевателями, которые до завоевания страны и не ведали об этом законоучении.

Народ плыл в естественном потоке времени, только как бы оборотился лицом назад. Признавая, что «вся мудрость мира уже познана и записана древними мудрецами», изменить что-либо было фактически невысказано, ибо тем самым нарушается вечный, а главное справедливый, ход вещей. Закон гласил: «Услышав о хорошем или плохом, надо тут же сообщить об этом местным властям, и то, что они сочтут правильным, все должны признать правильным, а то, что сочтут неправильным, все должны признать неправильным». Единomyслие было предметом особых забот Конфуция: «Люди с разными принципами не могут найти общего языка». «Общий язык» — основа незыблемости, стабильности.

Что остается человеку? Конфуцианство вплоть до Синьхайской революции 1911—1913 годов являлось официальной государственной идеологией. Тогда как в частной жизни можно было исповедовать даосизм и буддизм. Но это мало меняло дело. И та и другая религии проповедают отрешенность от земных дел, недеяние как жизнен-

ный идеал. Обе они служили по преимуществу усмирению страстей, что, собственно, и требовали власть имущие от народа.

Так как же быть личности, если в самом этом понятии уже заключены деяние, активность, преодоление, творчество? Правилам общественного поведения, преподанным Конфуцием, нельзя отказать в разумности. Но, став, чем-то вроде религии без бога, они омертвили самый дух народа, сковали его энергию, направив ее в заранее проложенные руслу. Быть личностью, мыслить самостоятельно нелегко и ответственно. А порой и опасно. И всегда так соблазнительно втиснуться в готовые рамки, подогнать себя под существующие каноны. Любое вероучение во все века подталкивало человека на путь конформизма. Незачем самому проходить трудный путь сомнений и ошибок, чтобы обрести собственные взгляды, сформироваться в личность — все уже продумано и решено без тебя. Четко определены отношения между родителями и детьми, господами и слугами, младшими и старшими, между друзьями, между человеком и государством; сами стремления запрограммированы. Выбиваясь наверх, делая карьеру, ты заранее знаешь ступени, которые придется пройти; чтобы властвовать над другими, вытравляешь в себе собственное «я». Иерархическая пирамида («пагода» в данном случае) определяет движение — в случае удачи строго вверх, но ни на шаг — в сторону; на каждом общественном «срезе» все аморфно и однородно, стремиться имеет смысл лишь на «этаж» выше. Человек функционирует лишь как элемент системы, «винтик».

Духовные потенции индивида не брались в расчет в старом Китае. Он обязан был лишь соответствовать своей социальной роли согласно формуле, в которой задействованы все пять пунктов морали: «Государство относится к подданным человеколюбиво (жэнь), тогда как их долг (и) служить ему с верностью (синь) и сыновней почтительностью (сяо), дабы во всем царила благопристойность (ли). Превалирует, как можно видеть, понятие долга, в то время как человеческая сущность отчуждена: каждый — должен, все — обязаны. Так обосновывалось всеобщее рабство, и даже в теории не ставился вопрос о различии между ним и свободой. «В Китае не может существовать большого различия между рабством и свободой, так как перед государем все равны, т. е. все одинаково бесправны», — говорил Гегель в «Философии истории». Это было именно «рабство по убеждению», о котором писал К. Маркс. Правоверный китаец гордился своей слиянностью со структурой. Такое состояние трудно даже назвать унижением; человек еще не возвысился до того, чтобы унизиться. «Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам»². У Гёте «верх рабства — считать себя свободным, не являясь таковым».

Но и крестьянские революции, как мы видели, как бы заново освящали существующий порядок, чрезвычайно удобный власть имущим, кто бы они ни были. Старый Китай не знал, в сущности, религиозных ересей и гонений. Все три его религии, внешне столь разные, обнаруживали удивительное единомыслие в вопросе о соотношении индивида и государства. «Управляя страной, совершенномудрый делает сердца подданных пустыми, а желудки — полными. Его управление ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющиеся знания не смели бы действовать», — учил Лаоцзы в полном соответствии с конфуцианской мудростью, гласившей: «Когда народ слаб — государство сильно, когда государство сильно — народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ».

Оно, государство, таким образом, и средство, и цель, и путь, и смысл. Народ, его нравственная сила, свобода, даже относительная независимость оказываются лишь помехой. Ослабить народ, превратить в послушную массу можно, лишив каждого индивида его самосознания, собственного «я». Таков «истинный путь», по Конфуцию.

Государству недосуг иметь дело с каждым в отдельности. Слишком оно грандиозно, величественно, несоизмеримо с индивидом. В старом Китае была введена традиционная система «баоцзи»: семьи объединяли в группы, где назначался представитель в качестве посредника между ними и властями. Такой уполномоченный нес ответственность за поддержание порядка в своей группе, и при малейшем разногласии следовало обращаться именно к нему. Он был ответствен за реализацию указаний

свыше, гордился своей общественной функцией и требовал почтения от остальных членов группы. И такая почитительность свидетельствовала прежде всего о том, что общественное мнение из века в век было воспитано не на уважении к личности, а в традициях полной духовной ортодоксальности, усугублявшейся в силу изолированности страны.

Это нашло своеобразное отражение в самом китайском языке. Отчего такие близкие, казалось бы, слова, как «человек» и «люди», разного корня? И это феномен не только русского языка. По-английски — «мэн» и «пипл», на латыни — «гомо» и «популис», на древнегреческом — «антропос» и «демос». Народ — не просто людское множество, «человеки»: это нечто качественно иное. Человек — люди, коллектив — общество — толпа, человек — индивид — личность — все это разнокорневые слова, отражающие вовсе не близкие по смыслу, а подчас и просто далекие понятия. Тогда как по-китайски «жэнь» — человек, «жэньмэнь» — люди, народ. Каждый лишь часть целого, и только.

«Индивидуум как гражданин, свободный и полноправный член общества, который действовал бы в качестве самостоятельной социальной и правовой единицы — наподобие, скажем, граждан древнегреческого полиса, — в древнем Китае фактически не был известен», — указывается в труде «Проблемы докапиталистических обществ». Естественное движение от особи к личности было существенно приостановлено, хотя, разумеется, не могло быть преграждено абсолютно. И это важнейший урок китайской истории.

* * *

Устройство общества часто причудливым образом отражается в его архитектуре. Абсолютная власть фараона как бы воплощена в геометрически строгой пирамиде. Это была не просто надежная усыпальница; ее можно было сделать, во всяком случае, пониже, усеченной. Вероятно, важен был момент, когда утреннее солнце, еще невидимое снизу, уже освещает самую вершину пирамиды, и лучи его постепенно стекают к подножию, благодетельствуя землю.

Ступенчатые башни-храмы Месопотамии и доколумбовой Америки так схожи между собой, словно их не разделяют ни тысячи километров, ни тысячи лет. Считается, что ступенчатость зиккуратов Двуречья связана с суровой строительной необходимостью: использованием глины в качестве строительного материала вместо камня. Но и в Мезоамерике и в Перу камня было сколько угодно. Подобие в архитектуре отражает сходную иерархичность власти в многонациональных державах с имперским народом и последовательным подчинением прочих. Безнадежность возведения Вавилонской башни, столь красочно подчеркнутая в Библии, — метафора неизбежного распада пестрой империи без связующей культуры, религии, идеи. В Библии разноязычие строителей, «смешение языков» не позволяет им договориться, достроить грандиозное сооружение.

В Китае единый язык, во всяком случае, единая письменность, нивелирующая особенности диалектов. Китайская пагода тоже многоярусна, но всякий ярус с избытком накрывает собой нижние. И это многокрышие невольно воспринимается как аллегория «отеческой опеки» (в теории, разумеется) на всех уровнях государственной иерархии — вплоть до отношений государя с подданными.

Из римско-византийского имперского монолита, тяжеловесной прочной романской архитектуры, устремляется ввысь, «непосредственно к обретенному богу», средневековая готика; «многокняжение» домонгольской Руси воплотилось в многоглавие ее соборов с непременной, однако, центральной — главной! — маковкой...

Стройные равные колонны греческого храма, поддерживающие перекрытие, как бы символизируют свободных граждан города-государства, такого маленького, что в годину войны или иного бедствия приходилось рассчитывать на каждого, и все здесь, как эти колонны, были на виду. Сама родина-полис была «на виду» у ее граждан; взойдя на городскую стену, они обзоредали сразу всю ее — от побережья до кромок невысоких гор, за которыми был уже другой полис, соседнее государство. Каждый был опорой родине, как колонна — архитраву и фризу храма. На фризе часто скульптурно изображались народные процессии во время государственных торжеств.

Разумеется, храм, окруженный колоннами (как и пирамиду, и многоглавый собор, и многокрышие пагоды), не следует представлять как заведомую аллегория, притчу

в камне. Нет, все выходило естественно, само собой. В Греции рабы обычно лишь грубо обрабатывали мраморные блоки в каменоломнях. Свободные эллины, а также наиболее мастеровитые из рабов, которым в этом случае (как уже говорилось) подчас выплачивалось жалование, как вольнонаемным, тщательно и любовно обтёсывали мрамор, наводили на нем продольные желобки-каннелюры и укладывали на место. Греческий храм был осмыслен и очеловечен уже в своих пропорциях. По свидетельству античного теоретика зодчества Витрувия, греки, создавая свой архитектурный стиль, задумались над соразмерностью толщины и высоты колонн. И вышли из затруднения по-эллинически: размер мужской ступни соотнесли с человеческим ростом и применили это соотношение к колонне. Человек — мера вещей! Вот поистине глубочайшее определение столь важного для нас здесь понятия «личность».

«Греческое зодчество — это светлое, радостное сознание, — писал Энгельс. — Греческая архитектура — это яркий солнечный день...»³. Едва ли не впервые в истории в общественном труде раскрылась индивидуальность человека. Строитель гордился своим трудом, знал каждый камень, уложенный его руками. Строил ли он храм, или стадион, или чашу театра под открытым небом — он строил для себя. Дворцовых сооружений классическая Эллада почти не знала. Граждане демократического полиса гордились своим равенством — пусть не имущественным, но гражданским. «Наш строй называется демократией потому, что он сообразуется не с меньшинством, а с интересами большинства», — сказал Перикл, афинский стратег. Такие слова прозвучали впервые в человеческой истории.

Не всякий греческий полис был, правда, демократическим, но в целом Эллада представляла собой удивительную социальную структуру, калейдоскоп крохотных государств со всеми мыслимыми формами правления. Одновременно тесно сосуществовали друг с другом и монархии, и аристократические республики, и автократии, и демократии с народоправием в виде свободных выборов, и даже уникальная республика Спарта с коллективной властью всех свободных над всеми рабами. Сосуществование отнюдь не всегда было мирным. Важнее другое — в десятках социальных реторт проводит история свой поразительный эксперимент, как бы примеряет для последующих веков различные структуры власти, отражает их в человеческом сознании.

Мозаичность общественных устройств и исторических судеб делала в глазах грека, где бы он ни жил, привычной разницу во взглядах и неизбежной борьбу мнений. Демократия же с ее общественными дискуссиями, с необходимостью доказывать свою правоту, послужила основанием эллинского мышления и самой философии. Человек видел себя как бы в разных зеркалах. Со свержением тиранов — при таком обилии государств это случалось то там, то здесь — рушилась вера в божественное происхождение власти. И это тоже было впервые в мировой истории.

При всей калейдоскопичности Эллады греки понимали свою культурную общность и этническое родство. Колонны Парфенона, всегреческого храма, воздвигнутого в честь победы эллинов над персами, олицетворяли не только равноправие граждан, но и равноправные полисы, отбросившие в годину опасности рознь и вставшие плечом к плечу против общего смертельного врага.

И все же это был лишь временный вынужденный союз демократических полисов с противоположными, отрицавшими самую идею народовластия общественными системами. Рознь между ними в конце концов оказалась сильнее общности языка и крови. Неизбежный антагонизм привел греческий мир к краху в результате братоубийственных Пелопоннесских войн. Население Греции, и без того небольшое, резко сократилось, общеэллинические установления были подорваны. Страна стала легкой добычей Македонии, а затем — римлян.

Главным антиподом демократических Афин выступала Спарта, чья самоубийственная победа в Пелопоннесских войнах и погубила Элладу. В Спарте, как и в древнем Китае, тоже культивировалась абсолютная государственность с оглядкой на прошлое, на первобытную общину, грубое уравнение и обезличивание. И здесь был свой законодатель — Ликург, лицо, правда, скорее всего мифическое, а не реальное, как Конфуций. Ликург, согласно преданию, заставил спартиатов поклясться, что законы не будут изменены в его отсутствие, после чего отбыл из страны, уморил себя голодом, велел ежечь свой труп, а пепел развезть. Он опасался, что спартиаты, вернув его останки на родину, сочтут себя свободными от опрометчиво данной ими клятвы. Огненные всякий гражданин Спарты, имевший предложить нечто новое, должен был являться на

площадь с веревкой на шее. Спасти его могло лишь всенародное одобрение выдвинутой им идеи. История не зафиксировала таких прецедентов.

Советские историки рассматривают спартанское общество как сознательную, логически выверенную социальную конструкцию, возникшую в результате целенаправленного вмешательства в исторический процесс. Это в известной мере воплощенная утопия реакционного толка, случай, не слишком редкий в истории. Так же, на рационально-моральной, но уже христианской основе сформировался, скажем, общественный строй Женевской республики XVI — XVIII веков, «Незунтского государства» в Парагвае XVII — XVIII веков.

В Женеве роль Ликурга сыграл фанатик Реформации Жан Кальвин. Этот молодой иностранец, прибывший в 1536 году из Нуайона, чуть ли не с берегов Ла-Манша, дал Женевской республике свои «Церковные установления», определившие вплоть до наполеоновского вторжения строй ее жизни. Кальвин проповедовал «мирской аскетизм». Искусство в городе было признано фривольным и запрещено. Картины и скульптуры были уничтожены, актеры изгнаны. Регламентировался даже вид одежды граждан, запрещались любые украшения, вплоть до изяшных пуговиц, «в целях общественной нравственности». Ограничивалось число блюд на званых обедах; блюстители новых «традиций» заглядывали даже в кастрюли горожан. И спустя два столетия после Кальвина Вольтер видел в Женеве город, «в котором никогда не смеются», ибо холодная тень законодателя все еще падала на каждый дом и его жителей. Регламентированное «свыше» общество надолго застывает в своем благочинии.

Примерно то же, но, конечно, с учетом куда более архаичной эпохи и языческого мировоззрения наблюдалось и в Спарте. Раскопки начала нашего века открыли на этом месте прекрасные образцы расписной керамики, терракотовых масок, изделий из слоновой кости, золота, даже янтаря, что заставляет предположить торговые связи (вероятно, не прямые) с балтийским побережьем. Но все это датируется доликурговой эпохой (нечто подобное характерно и для докальвиновской Женевы). Далее, судя по раскопкам, происходит стремительный духовный упадок и культурное вырождение. Торговля в Спарте стала считаться настолько позорным делом (как и в Китае), что свободным гражданам запрещено было заниматься ею. Чтобы воспрепятствовать частному обогащению, введены были знаменитые железные деньги, такие громоздкие и тяжелые, что накапливать их было невозможно. Тем более что за пределами Спарты их не принимали к обращению. Перевозить их пришлось бы на телеге. Уравнительные законы простирались вплоть до самых мелких предписаний, регламентировавших всю жизнь спартиата, вплоть до покроя одежды, обеденного меню (поощрялась предельная неприязнительность), даже формы бороды и усов. На совместных обязательных трапезах, сисситиях, практиковался строгий взаимоконтроль. Младшие выслушивали назидания старших, поощрялось общее хоровое пение. Личностное подавлялось с момента рождения спартиата всей системой воспитания, так что даже не возникал вопрос о смысле столь ущербного существования. Все были примитивно уравнены и собственностью, прежде всего земель и обрабатывавшими ее илотами, которыми владели тоже сообща.

Илота (как установила историческая наука) нельзя в полном смысле назвать рабом. Он имел семью, дом и, возделывая землю, обязан был государству только заранее обусловленной частью урожая. Правда, государство обладало полным правом на его жизнь. Илота, хоть в чем-то внушавшего опасения спартиатам, убивали без зазрения совести. Тогда как в критические для Спарты моменты их мобилизовывали даже для несения военной службы. Но после этого обычно также не оставляли в живых. Илот, проявивший себя в бою, пусть даже с внешним врагом, был особенно опасен.

Был и еще класс общества, занимавший промежуточное положение между спартиатами и илотами. — перизки, обычно строители, ткачи, горнорабочие, умелые ремесленники, без мастерства которых государство не могло бы вести свои бесконечные войны. Поощрялись в первую очередь оружейники, и единственным видом изделий Спарты, ценившихся на общегреческом рынке, было оружие. Однако владеть им перизку без особого на то разрешения было запрещено. Правом носить оружие обладали только спартиаты; но они в свою очередь были лишены другого права: когда-либо расставаться с ним. Они были пожизненно мобилизованы в своем казарменном государстве. А эпоха, представленная в других полисах Греции чудными статуями, философией, великой литературой, наконец, всем комплексом Афинского акрополя, на тер-

ритории Спарты открывается археологу лишь примитивной керамикой, подросту битыми горшками...

Но пример Спарты по контрасту с особой наглядностью высвечивает феномен «того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему в истории развития человечества место, на которое не может претендовать ни один другой народ»⁴. Небольшая, даже если брать в целом, территория, отнюдь не слишком плодородная, скорее напротив — пересыхающая летом, жаждущая земля; не столь уж многочисленное население, не древнейшая из культур... Перекресток трех материков, информационных потоков?.. Но здесь, на перекрестке, и египтяне с их многовековой уже к тому времени историей, и евреи с их Библией, и финикийцы — мореплаватели, открыватели земель, и бедуины — кочевники пустыни, огромной, как море... Почему же именно в Греции «детство человечества... развилось всего прекраснее»⁵? Все сказанное выше можно подытожить словами известного современного исследователя Андрэ Боннара: греки впервые «взглянули на мир глазами человека... Отправной точкой и объектом всей греческой цивилизации является человек».

Избранница судьбы — Греция: необычайно изрезанный морем, расчлененный невысокими горными цепями окраинный полуостров Европы в окаймлении сотен островов. Совершенно в этих же словах можно описать и территорию самой Европы, ее западной части — окраинного полуострова огромного материка Евразия с крайне мозаичным ландшафтом, причудливейшей береговой линией и множеством островов. Исследователи порой продолжают аналогию (учитывая, само собой, масштаб): сравнивают заморские колонии греческих полисов, постепенно от них отпочковывавшиеся, с недавними европейскими заокеанскими владениями, Пелопоннесские войны — с обеими мировыми и, скажем, античную Сицилию, отделившуюся от Эллады (но сохранившую язык) и вскоре опередившую ее в экономическом развитии, — с Соединенными Штатами.

Сравнение, как всегда, «хромает». Но греческий мир можно рассматривать как аналог последующего европейского устройства, имея в виду главным образом калейдоскопичность и взаимопроникновение общественных структур и исторических судеб. В отличие от Китая Западная Европа (а если иметь в виду домонгольскую Русь, то и весь континент) никогда не была единой. В такой раздробленности была уйма отрицательных моментов: бесконечные свары, распри, перевороты, войны, перекраивание границ с понятными тяготами для населения. Все это, в той или иной степени, было характерно и для античной Греции. Однако была и другая сторона. Невозможное соперничество в социальном устройстве, общественной жизни, идеологии, в культуре и науках, жестокая экономическая конкуренция — все это постоянно будоражило европейцев. Общеввропейская культура росла и формировалась в состязании национальных культур, как бы громоздившихся на плечи одна другой.

Карта классической Греции — это политическая карта Европы в миниатюре; ее нетрудно изобразить на плоскости. Когда же рисуешь карту именно феодальной Европы, стремясь подчеркнуть эту ее сторону, чувствуешь, что недостает еще какого-то измерения? Соподчиненность и взаимосвязь всех этих королевств, герцогств, княжеств, графств, маркграфств и прочего как бы требуют пространственного изображения. Но иерархичность феодального мира — это не простота, пусть и относительная, «пирамиды» или «пагоды», где совершенно ясно, кто кем повелевает, кто кому подчиняется, а чрезвычайная пестрота межличностных отношений и связей. Даже на самой низшей ступени социальной лестницы беспомощный бедняк мог стать членом влиятельного монашеского братства или, найдя владетельного патрона, вручить ему себя, полагаясь взамен на поддержку и защиту. Отныне этих людей связывали пусть и неравноправные отношения, но правовые, немисливаемые в Поднебесной, основанной не на праве, не на договоре, а на традиции.

В феодальной Европе свобода могла быть большей или меньшей в зависимости от того, какими правами обладал данный ее носитель. Один и тот же человек мог быть одновременно и свободным и несвободным: зависимым от своего сеньора и свободным по отношению ко всем другим людям, пишет А. Гуревич в труде «Категории средневековой культуры». Несвобода крестьянина по отношению к собственному господину в Западной Европе в средние века не равнозначна несправедливости... Показательно, что одной из наиболее распространенных и обычных форм сопротивления крестьян было правовое сопротивление: обращение в суды, требования расследовать и восстановить обычай, проверить документы — сопротивление, опирающееся на высшую общественную

ценность средневековья — право. Было бы исторически неверно приравнять западноевропейских феодально зависимых крестьян к восточноевропейским крепостным XVI—XIX веков. Бесправие, характеризующее положение крестьянства крепостнической России, близкое к рабству, существенно отличалось от положения зависимых крестьян Запада, обладавших определенным правовым статусом, благодаря чему открывалась возможность создания представительных учреждений — парламента, генеральных штатов и т. д.

Так что и здесь, как и в античной Греции при иной общественно-экономической формации, дело шло все к тому же формированию полноценной человеческой личности. Если и у крестьянина были кое-какие права, то уж феодал в своей родовой вотчине четко ощущал личную автономию. Его воинское мастерство также требовало незаурядных индивидуальных качеств. О том, в какой степени классический феодализм послужил в процессе европейской истории «школой личности», можно судить хотя бы по спародированному Сервантесом образу Дон-Кихота. В какой степени великий писатель, оглядываясь уже из иной эпохи на прошедшую, опирался на реальность, представляя нам личность героя-«рыцаря»? Исторична ли его человеческая неповторимость, осознаваемая прежде всего им самим, причем не только как собственное достоинство, но и как благо для окружающих? Не списал ли Сервантес эти качества лишь с собственной природы — гения, всегда несколько внеисторичного?

Ответом могут отчасти послужить девизы средневековых сеньоров, концентрированно и выпукло отражавшие их самоощущение. Девиз графов Немур Савойских: «Иду своей дорогой!»; Филиппа Доброго, герцога Бургундского — «Другим не стану!»; Филиппа де Кроу — «Я добьюсь!»; Шарля де Кроу — «Я выстою!..»

Мировая история — путь от стадной особи к личности. Само собой, нельзя напрямую сравнивать формирование личности в Элладе и в средневековой Европе. Античный мир погиб, и феодализм представляли преимущественно бывшие варвары, в массе своей не подозревавшие ни о Гомере, ни о Перикле, ни о подлинном, не искаженном христианством Аристотеле. Общим фактором была лишь чрезвычайная мозаичность социальных и общественных структур, невольно впитывавших влияние извне, экстравертность Европы, как и Эллады в прошлом. И там, и здесь человек был в многовариантном окружении, мог видеть себя как бы со стороны, был как бы в «в зеркалах»...

Окончание в следующем номере.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 21.— С. 118—119.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 16.— С. 40.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 41.— С. 113.

⁴ Там же.— Соч.— Т. 20.— С. 369.

⁵ Там же.— Т. 46.— Ч. 1.— С. 48.

Н. ФЕДОРЕНКО

Снова Пекин в моей жизни. «Северная столица» утопает в ярких солнечных лучах. Знойное лето 1958 г., а на сердце неизбывные предчувствия.

Государственный ритуал официальной встречи в аэропорту. Медью звучат национальные гимны. Чеканный шаг караула. Рапорт и громкое «служим...».

Сдержанно-приветливые лица министров во главе с Чжоу Энляем. Вежливые улыбки, обмен рукопожатиями и малозначащими словами. Без приветственных речей и лозунгов. Без многометровых транспарантов и кумачовых полотнищ с аршинными иероглифами о нерушимой дружбе и вечной благодарности.

И без медвежьих объятий, панибратских лобзаний. Без мужицких нежностей и целований — уста в уста, которые вообще чужды китайским обычаям. И все же «забыть так скоро»...

И без традиционных масс с развевающимися знаменами, бумажными флажками и иконостасом из портретов вождей, давно усопших и здравствующих. Нет и восторженно приветствовавших жителей города, которые обычно образовывали бесконечные шпалеры вдоль улиц, по которым мчались черные лимузины с гостями.

Вокруг ничем не возмутимое спокойствие и тишина. Не слышно популярной еще так недавно песни «Москва — Пекин», ее слов: «Русский с китайцем — братья навек». Забыто и обращение к нам — «старшие братья». Словно исчез сам пьедестал, который будто сотворили нам китайские «младшие братья». А ведь как это импонировало нашему самолюбию. Многие из нас успели привыкнуть не только к обращению, но даже к самому положению «старшего брата». Вошли в роль, научились вставать в позу собственного превосходства.

С грустью глядя на эти перемены, невозможно было не задумываться над тем, было ли недавнее прошлое реальностью. Соответствовало ли, к примеру сказать, само «звание» «старший брат» истинному значению этих слов? Насколько искренне это было, наконец? А может быть, здесь всего лишь проявление так называемой «китайской церемонии»? Учтивость обращения?

Пожалуй, нам с самого начала следовало прояснить способ словесного выражения и не обманываться насчет того, что имеет условный характер? Не торопиться, не хвататься за карандаши и машинки, чтобы немедленно увековечить себя на пьедестале почета.

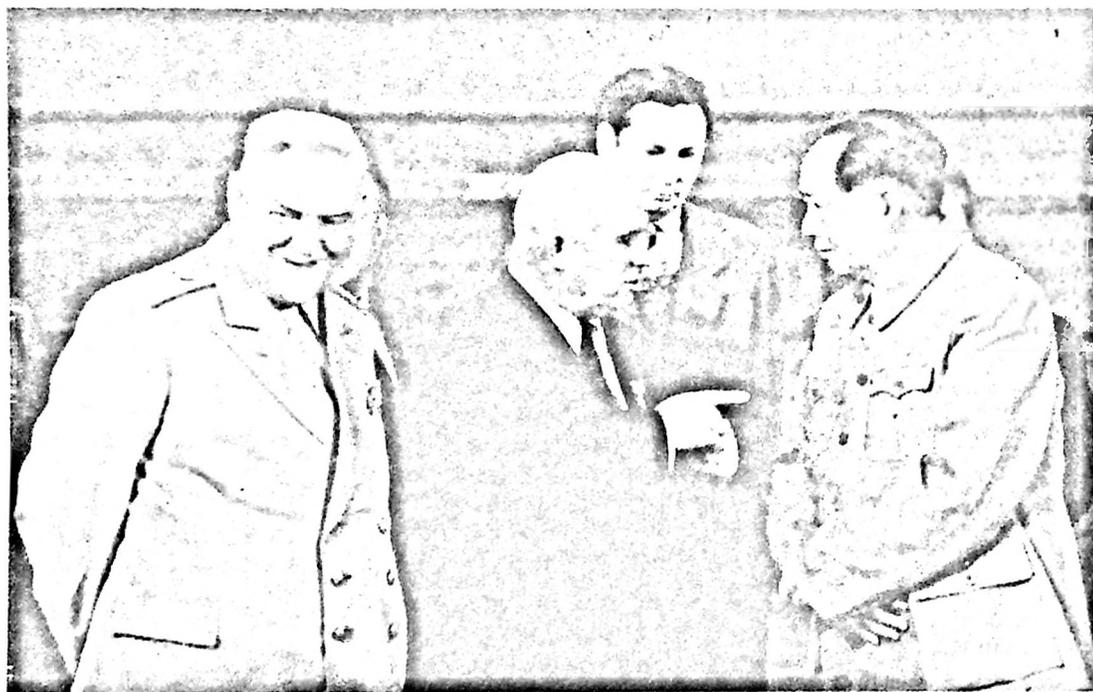
А между тем обращение китайцев друг к другу «дагэ» — «большой брат» или «старший брат» — весьма распространено и вовсе не однозначно. Часто обращаются к человеку и называют его «дагэ» по соображениям вежливости, почтительности. Люди в возрасте, пожилые и старые пользуются уважением уже только потому, что они старшие, значит, умудренные жизненным опытом. Часто же это уважительность к человеку вообще, даже если заведомо известно, что он моложе того, кто к нему обращается.

Принято в Китае и другое — называть самого себя не просто братом, но «младшим» — «сяоди», хотя на самом деле речь может идти о старшем. Уничуждение в отношении самого себя и уважение к другому — явление весьма обычное во взаимоотношениях китайцев. И заблуждений на этот счет быть не должно. У нас такой условности нет, а у китайцев — есть. И это надо знать. Было бы бестактностью, нарушением этики именовать себя «дагэ» после того, как вас назвали «старший брат» в духе китайской традиции.

В моей коллекции иероглифических свитков есть одна надпись, посвященная мне маститым каллиграфом Ю Южэнем, который подписался «сяоди» — «младший брат», хотя был он вдвое старше меня. Более того, в каллиграфической надписи на одном свитке он назвал меня «сяньшэн», что переводится как «учитель», «почтенный», «господин». Сяньшэн, учитель — обращение почтительное. Этимологически слово это состоит из двух иероглифов: «сянь» — «прежде», «раньше» и т. д. и «шэн» — «рождаться», «возникать» и т. д. Следовательно: вы — мой учитель уже потому, что родились раньше, то есть раньше меня. И в данном случае применена условность, вежливая форма обращения, ибо я родился вовсе не раньше каллиграфа, который, как уже сказано, был значительно старше меня. Было бы нелепо самого себя называть «сяньшэн».

...Кавалькада черных лимузинов стремительно проследовала в отстроенный недавно новый район в окрестностях китайской столицы, место расквартирования советской делегации.

На следующее утро — визит к Председателю Мао Цзэду в его резиденции в Чжуннаньхае.

Благостное чувство — свободно мыслить, пробуждая в памяти и перенося из прошлого на бумагу воспоминания о людях и событиях, которые приходилось наблюдать. Но время не возвращается, как не возвращаются чувства людей, если их не удалось сберечь. И потому каждый миг для нас должен быть по-своему бесценен, исполнен значения и неповторимости.

Неутешительным был этот наш визит в Пекин. Он как бы подтверждал: все не вечно на этом изменчивом свете, как неумолимо течение реки и течение времени. Быть может, надо чаще вспоминать и обращаться к опыту прошлого, особенно горькому прошлому, чтобы не повторять его ошибки впредь.

В просторной приемной Мао Цзэдуна, где участники встречи расположились в огромных европейского вида креслах, царила атмосфера сдержанности и взаимной настороженности. После обычной в таких случаях словесной разминки Хрущев с присущей ему прямоотой приступил к цели своего визита.

Подробное изложение переговоров не входит в задачу автора этих строк. Это предмет специального рассмотрения. Настоящие заметки — дань времени. Не игра с памятью о

прошлом, а надежда на то, что следует извлечь уроки из минувшего, из того, что происходило. Внимание здесь обращается не на весь комплекс проблем, а главным образом международных наших взаимоотношений, хотя известно, что они есть продолжение внутренней политики. И то, что имело место в наших отношениях с Китаем, в определенной мере отражало наши внутренние дела.

Хрущев как бы стремился к тому, чтобы доказать свое намерение выполнить в духе интернационализма общесоциалистические задачи, стоящие перед нашими странами. Говорил о важности единства нашего содружества, единстве целей построения социализма и коммунизма. О стремлении к дальнейшему развитию и укреплению всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Китаем, отвечающего коренным интересам наших народов.

При этом Хрущев отметил особую ответственность двух великих держав в ядерную эпоху, говорил об обеспечении справедливого и прочного мира и международной безопасности.

Выслушав довольно пространное высказывание Хрущева, который, как обычно, мало следил за подбором слов, был косноязычен, заполняя паузы словами-паразитами, Мао Цзэдун выразил понимание по поводу существующей опасности ядерного столкновения.

— Именно поэтому нам чрезвычайно важно иметь у себя ядерное оружие, но у нас его нет,— произнес Мао Цзэдун, бросив взгляд на собеседника.

— А зачем оно вам, когда мы его имеем и готовы защищать Китай, как самих себя, в соответствии с условиями Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР? — выпалил Никита Сергеевич.

— Благодарим, но Китай — великая и суверенная страна, и нам самим нужно обладать ядерными средствами, чтобы защитить себя в случае войны. Если не склонны поделиться с нами этим оружием, то помогите нам технологией создания ядерной бомбы,— продолжал хозяин.

— Но ведь производство атомной бомбы, знаете ли, чрезвычайно дорогостоящее дело. Помимо всего, оно отнимет у вас буквально всю электроэнергию, которую вы вырабатываете в стране,— не отступал гость.

— Ну что ж, справимся и своими силами с американским «бумажным тигром»,— не без самоуверенности сказал Мао Цзэдун.

— Но у этого «бумажного тигра», так сказать, ядерные зубы! — упреждающе произнес Хрущев.

Помнится, уже после встречи с Мао Цзэдуном Булганин, одобряя позицию Хрущева, бросил реплику: «А стрелять-то против «бумажного тигра», не дай бог, придется из пушки, а не из хлопушки».

Высказывания эти, пожалуй, не назовешь очень самоценными.

Время от времени собеседники касались как бы отвлеченных вопросов. Но и в этом случае говорили только Мао Цзэдун и Хрущев.

— Вы не курите сигарет и, кажется, не одобряете нашей заварки зеленого чая, тогда как я непрерывно затягиваюсь никотином и все время пью чай, а потом еще съедаю чайные листья,— сказал Мао Цзэдун и, беря пальцами зеленые лепестки из чаши, отправлял их в рот, пережевывая и проглатывая.

— Как говорят чукчи, у меня нет мелких пороков. Впервые вижу, однако, чтобы «закусывали» чайным листом.

— Европейцев, по моим впечатлениям, многое удивляет в Китае. Мы редко едим хлеб, хотя мучные блюда у нас не редкость. Питаемся рисом, без которого не можем обойтись, тогда как иностранцы употребляют рис редко и мало. Кстати, прошлый год в Китае был очень удачный, мы собрали весьма щедрый урожай зерновых. У нас образовались солидные излишки пшеницы, и мы теперь озадачены, что с ними делать. Не дадите ли полезного совета? — неожиданно спросил хозяин.

— Откровенно говоря, у нас никогда не было избытка зерна. Напротив, все время испытываем недостаток. Поэтому затрудняюсь предложить вам что-либо полезное,— ответил советский гость.

Мао Цзэдун, разумеется, прекрасно знал напряженное положение с зерном в Советском Союзе. И конечно же, не без умысла затеял этот разговор. Похоже, что он рассчитывал на другой ответ собеседника, но тот повел себя, как это принято в дипломатии, довольно уклончиво.

У Хрущева были свои соображения на этот счет. Ведь он, как известно, предсказывал

скорую победу коммунизма в Советском Союзе, а Мао Цзэдун стремился еще быстрее добиться этой цели в Китае.

Главной проблемой в переговорах Хрущева и Мао Цзэдуна был вопрос о культе Сталина.

— Решение съезда КПСС относительно культа личности Сталина, на наш взгляд, вряд ли было обосновано в полной мере,— как бы между прочим начал Мао Цзэдун.

— Решение это не вызывает сомнений ни в нашей партии, ни в народе,— отчеканил Хрущев.

— Вы, естественно, вправе сами решать внутренние ваши вопросы — партийные и государственные. Но Сталин... его выдающаяся роль как вождя мирового революционного движения, китайского в том числе,— такие проблемы, как нам представляется, следует решать не в одностороннем порядке, а с учетом международной взаимосвязи,— продолжал китайский лидер.

— Сталин и сталинизм — явление прежде всего национальное. Оно возникло и сложилось в Советском Союзе. Потому мы вправе выносить свое решение. И мы его вынесли,— стоял на своем советский гость.

— Решение вынесли, но одностороннее по существу и по самому подходу. Решали так, будто это — явление исключительно местного значения, дело одной партии, одной страны. Но ведь это не так, это слишком узкий взгляд.

— Культ личности Сталина — порождение национальное в том смысле, что он создавался в нашей стране и мы за это несем ответственность.

— Но правильно ли ограничивать сталинизм одной страной, Советским Союзом, когда он приобрел международное значение?

— Но именно мы, советские коммунисты, должны были дать культу Сталина правильную оценку.

— Не слишком ли поспешно и субъективно было принято решение об осуждении Сталина? Ведь ему принадлежит огромный вклад в коммунистическое движение во многих странах, в великое дело революции, в том числе в Китае. Разве допустимо все это отрицать или преуменьшать?

Наступила пауза. Мао Цзэдун взял стоявшую на столике чашу, не спеша отпил из нее чая, поставил на место и вновь посмотрел на собеседника.

— Вы говорите об огромном вкладе Сталина,— продолжал Хрущев,— но забываете, какой ценой наша партия, народ заплатили... Разве можно оправдать его произвол, расправы, массовые жертвы, миллионы загубленных жизней при коллективизации или в ходе Великой Отечественной войны?

— Не об этом речь. Никто не собирается оправдывать Сталина за проведение коллективизации в Советском Союзе. Это — внутреннее ваше дело. Кто в этом повинен — Сталин или не только он один,— вам лучше знать. Речь о другом. Имя Сталина глубоко почитаемо во многих странах мира, он служил высоким образцом убежденного революционера, мы верили в него, в его учение и опыт. И теперь все это перечеркивается. Мы рискуем потерять то, что накапливалось десятилетиями мужественной борьбы, потерять авторитет коммунистов, потерять веру...

— Веру? А разве это не было заблуждением, обманом? Об этом мы должны были сказать. Мы обязаны были обнажить ложь, раскрыть правду, как горько это ни было для нас.

— Мы хорошо знаем, что такое горечь. Вся история нашей борьбы — горький опыт. Мы давно постигли, что горькое лекарство — самое верное. Но вашим решением осуждаются не только промахи и ошибки — кто от них застрахован? Вы подвергли безоговорочному осуждению все, что связано с именем Сталина, не дав себе труда отделить большое от здорового, негативное от положительного, что должно быть объективно признано.

— Мы сказали правду!

— Решение XX съезда КПСС крайне осложняет обстановку. При таком положении дел невозможно рассчитывать на нормальные отношения между нашими партиями.

Столь крутой поворот серьезно охладил нашу возникшую было вначале надежду на примирение. Когда одна из сторон бескомпромиссно претендует на истину, может ли идти речь о примирении? Наше руководство заняло тогда твердую позицию. И это не могло не породить новых трудностей.

— Едва ли разумно спешить со столь далеко идущими выводами,— ответил Хрущев. Иногда мне казалось, что переговоры эти напоминали дискуссию людей, теряющих

временами способность отличать то, что говорится, от того, кто говорит и как говорит. У Никиты Сергеевича, по моим впечатлениям, от природы было в высшей степени развито политическое чутье, которое, однако, нуждалось в подкреплении научными знаниями и культурой, но их ему не удалось приобрести.

Вдумываясь в причины занятой китайским руководством непримиримой позиции в отношении решения XX съезда КПСС, я не мог и не могу отделаться от личного впечатления, что Мао Цзэдун усматривал в этом неотвратимую опасность подвергнуться обличительной критике в адрес его собственного культа личности. Он, мне думается, понимал, что после разоблачения культа Сталина грядет его черед. И тревога эта не была беспочвенной.

В ходе развернувшегося обмена мнениями между двумя лидерами в аргументации Хрущева невозможно было уловить даже намек на какую-либо возможную «цепную реакцию». И это тем более давало основание Мао Цзэдуну подозревать надвигающуюся опасность. Но одно дело разоблачать самодержца, когда он уже в гробу, и совсем другое — когда он на троне и во всевластии. Здесь должна бы преобладать прежде всего идея, а уж затем личность, ее выражающая. Но получилось иначе: на первый план вышли личности Мао Цзэдуна и Хрущева. И каждый из них, видимо, не очень задумывался над тем, что сам далеко не безупречен. С одной стороны, отождествление «истины и амбициозности», а с другой — догматическое сознание «старшего брата». Зачем же называть это борьбой за справедливость и истину? В результате — утрата подлинного смысла интернационализма, что не способствовало диалогу в целях поиска приемлемого решения. Спор и расхождения приняли крайний характер, ибо действительный предмет расхождений — само нынешнее наше бытие и возникающие проблемы? Не следует только забывать простую истину: прежде чем учить других ходить, сначала сам научись ползать.

Не мы ли провозглашали пламенные лозунги, славив беспремерные успехи развитого социализма, усиленно доказывали всему миру, что идем от победы к победе, призывая других следовать нашим путем как единственно верным. Не мы ли громко пели: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»? А годы шли, принося мало утешений и еще меньше свидетельств реальных успехов. Разве не звучит и теперь над нашей страной оптимистическая песня: «Мы делаем ракеты, перекрываем Енисей»? Или, быть может, это наше внутреннее пение, всего лишь камерное исполнение? Неужели у иностранцев слух уступает нашему? Или они не способны к психологическому анализу обстановки в другой стране? И зрение у них не хуже нашего, не говоря уже о чувстве воображения. Часто мы негодуем по поводу того, что западные аналитики прибегают к искажениям действительности. Так, известный обозреватель Дж. Уим утверждает, что политика Горбачева суть стремление «замаскировать танк сахарной глазурью», ибо политический курс Советского Союза — «вера в неизбежность финального конфликта между социалистическим и капиталистическим лагерями» («Литературная газета». — 1989. — 1 марта). Откуда все это происходит?

Нередко приходилось мне слышать настойчивое напоминание американских коллег в организации мирового сообщества на Ист-Ривер и во время встреч «за круглым столом» недвусмысленную угрозу «коммуниста номер один» Н. С. Хрущева в адрес загнивающего капиталистического Запада, провозгласившего, что «мы его скоро похороним...».

Не трудно себе представить самочувствие людей, которых собираются закопать в могилу с помощью ракет и ядерных бомб. И хотя сам «могильщик капитализма» давно уже ушел в мир иной, призрак смертельной расправы не покидает человеческое сознание. Все наши громогласные декларации о том, что мы «старый мир разрушим до основания», что «мировой пожар раздуем», чтобы победил коммунизм на всем земном шаре, глубоко засели в мозгах народов западных стран. И нам не следует забывать об этом. Трезвая оценка реальности требует от нас настойчивых и неустанных усилий, чтобы изменить это установившееся о нас суждение. Об этом именно — упреждение М. С. Горбачева на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Выстрадав, пропустив через свое сознание и души опыт и уроки прошлого», внести ясность в то, что и как творилось в наших внешнеполитических отношениях недавнего времени, чтобы извлечь уроки из горького прошлого на будущее.

Никто, пожалуй, не нанес нам большего морального ущерба, чем мы сами, чем недалековидная наша пропаганда, которая на протяжении стольких десятилетий упорно внушала западному миру, что дни его сочтены. А главное — наша собственная действительность. Вправе ли мы обвинять западные страны в том, что долгие мрачные годы были страной,

где жестоко попиралась свобода миллионов труженников, царила бесчеловечная расправа над ними — насильственная коллективизация, раскулачивание, концлагеря, террор, процветавшие в условиях режима неограниченной личной власти диктатора.

Избавление от этого тяжкого наследия — процесс сложный и длительный как внутри страны, так и в особенности во внешнеполитических взаимоотношениях. Слишком долго продолжалась зловещая эта ночь. И потому выработать доверие необходимо прежде всего в нашем обществе, между собой. Доверие, которое в годы сталинизма и мрачного застоя было подорвано, если не сказать разрушено. Повсюду насаждалась взаимная подозрительность, доносительство, скрытность, вражда. Необходимо вернуть веру в человека, в общество. Вернуть веру в самих себя.

Трудно переоценить предпринимаемые нашей страной энергичные инициативы смягчить остроту термоядерного противостояния, нормализовать международные отношения в области политики и экономики. Немалые успехи достигнуты в разоружении и развязывании конфликтных узлов. Ширятся экономические связи.

Однако глубокое к нам недоверие не просто «явление остаточное», оно приобретает порой новые формы, усиливается. Процесс сближения противостоящих сторон сопровождается активизацией сопротивления ему: замена устаревших ракет усовершенствованными, форсированное создание новых видов оружия массового уничтожения и т. д. По-прежнему на военные цели вырываются миллиарды из национального бюджета и на Западе, и на Востоке. И все это происходит на фоне бесконечных повторений, что гонку вооружений надо прекратить немедленно и что в ядерной войне не может быть победителей.

Тернист и многосложен путь избавления от нараставшего десятилетиями гнета милитаризации и военного соперничества.

И когда мы нашли в себе силы освободиться от самогипноза и самообмана, оказалось, что наша модель социально-общественной организации — не единственный способ достижения цели, не единственный путь, а лишь один из возможных путей.

Именно новое мышление, перестройка подвинули нас к тем рубежам, которые открывают перед нами не только внутренние перспективы, но и глобальные масштабы созидательной деятельности.

Прискорбно, что миссия Хрущева не привела к устранению образовавшейся в советско-китайских отношениях трещины. Напротив, с тех пор обозначились дальнейшее обострение и разногласия. Когда-то благоухающее поле дружбы и союза между двумя великими народами превратилось в лунный пейзаж. Двери Китая оказались плотно закрытыми для нас. На смену братству пришло отчуждение, а порой и враждебность. Между нашими странами, как на фронте, образовалась минная зона. Все это не могло не усиливать тревогу и боль.

Кто же, спросим, в этом повинен? Почему это случилось, интересуются желающие приобщиться к истине. До сих пор мало кто признает виновность обеих сторон. Виновность и ответственность тех, кому была вверена судьба добрососедских и братских отношений с нашим соседом, великим китайским народом.

И все выглядело так, будто виноват кто-то другой, а мы — правы во всем. Но так ли мы безгрешны и неуязвимы? Верно наблюдение: в России надо долго жить, чтобы кое-что понять. У китайской стороны было свое суждение, которое вряд ли можно было игнорировать. Она не только не была согласна с нами, но и с яростью обвиняла нас, возлагая ответственность на Советский Союз. Однако это тоже крайность, лишенная объективности и здравого смысла.

(Фото Б. К. Чижова)

Одно ясно: спор затянулся. Слишком затянулся. Создавшееся положение ни в какой степени не отвечало коренным интересам ни Китая, ни Советского Союза. И сама жизнь обнажает ошибки и промахи — китайские и наши. Неумолимый процесс перестройки, охватывающий и широкий международный спектр проблем, явится доказательством того, что было верно, а что нет. И у нас, и у них. К общему удовлетворению, в последнее время намечились позитивные сдвиги. Процесс восстановления наших отношений успешно развивается.

Критиковать следует то, что можно исправить. Но то, что минуло, изменить невозможно. В лучшем случае прошлое следует не столько критиковать, сколько попытаться понять подлинное его значение и сущность.

К минувшему можно относиться по-разному: потешаться над ним или плакать. Нельзя лишь забывать, что это — наша история, изменить которую нельзя. Правда истории остается правдой независимо от того, признается она или отвергается. По В. Далю: «Истина означает «противоположность лжи». И мы знаем, что путь к истине никогда не был простым. К истине люди прорываются ценой физических и духовных мук, жертв, а подчас и вынужденных компромиссов.

Расскажу об одном эпизоде пребывания Хрущева в КНР.

Дело происходило в традиционном китайском ресторане. Мао Цзэдун устроил банкет в честь советской делегации. Шло дружеское застолье. Бесконечные блюда, тосты, шутки. Но вот разговор зашел о былых сражениях китайских коммунистов в нелегкой их войне против гоминьдановцев.

— Скажите, товарищ Мао Цзэдун, — игриво обратился Никита Сергеевич к хозяину, — какова в конце концов ваша философия стратегии и тактики проводившейся в столь трудных условиях борьбы?

— О, это очень просто, — ответил Мао Цзэдун и, взяв куайцзы (костяные палочки для еды), ловко приподнял из стоявшего перед ним блюда скользкого морского трепанга. — Видите, это ускользающее чудо теперь в моих руках. И я с удовольствием отправляю его в свой рот, из которого, как вы догадываетесь, выход только один. Итак, трепанг у меня в зубах. Он неразделим с моим пищеварением.

— Может быть, окропим это живительными каплями маотая? — спросил Булганин. И все тотчас осушили по малой стопке напиток, от которого воспламеняется даже вода.

— Так вот, — продолжал Мао Цзэдун насчет философии тактики, — трепанга я пережевываю и проглатываю. Можете не сомневаться, что это именно так. Теперь облюбовываю второй экземпляр трепанга, покрупнее, столь привлекательно возлежащий на блюде. И беру его палочками — вот так. Но поместить его в свой рот, чтобы раскусить, пока что не тороплюсь. Предпочитаю подержать его, пусть повисит в воздухе, так сказать, для убедительности. А теперь сосредоточиваю внимание на третьем трепанге, который так возмутительно возбуждает мой аппетит...

— И что же происходит? — вырывается у А. И. Микояна, который до сих пор не подавал о себе знать.

— Вот об этом, третьем трепанге мы и должны поговорить... — закончил Мао Цзэдун свое повествование по предложенному сюжету.

— И за это нужно поднять бокалы, — снова конструктивно проявил себя Булганин. И, не дожидаясь других, опрокинул свою стопку.

Вскоре я заметил, что сорочка стала Булганину узка. Накрахмаленный воротничок, как тугой ошейник, оставлял все больший красный след на его лоснящейся шее.

Один тост сменял другой. Но не бесконечны шутки с маотаем, крепость которого между пятидесятью и семидесятью градусами, в зависимости от места производства. Тем более, если продукт изготовлен для специального назначения — для руководства не ниже партактива провинциального масштаба!

— Почему бы нам не отметить такой знаменательный факт, как посещение советскими друзьями вечного города — исторического поселения китайцев? — обратился к собравшимся Чжоу Эньлай, который был известен как непревзойденный тамада, обладавший способностью поглотить неизмеримый объем любого зелья. Да, есть природы, для которых будто не существует лимитов. Справедливости ради, однако, скажу, что никогда не приходилось мне видеть Чжоу Эньлая опьяневшим. На что уж наши командированные специалисты и отечественные знатоки, которых трудно чем-либо удивить и которые выдвигали всякие виды, и то признавали, что с Чжоу Эньлаем лучше не соперничать.

И что же? Отметим. Дружно осушили чарки. Без единого против, но при одном воз-

державшемся — Хрущеве. Не пил. Ни капли. Но поддерживал энтузиазм, особенно Булганина.

— Почему бы нам не подтвердить нашу преданность партии красных, партии коммунистов? — вызывающе продолжал Мао Цзэдун, указывая на горку красного перца у него слева. — Верный приверженец красного перца, я спрашиваю вас, товарищи, готовы ли вы присоединиться к моей партии красного перца? — произнес Мао Цзэдун, обращаясь к присутствующим.

По долгу переводчика, случайно оказавшегося трезвым из-за того, что исполнял обязанности, я обратился к советским участникам застолья, чтобы те отреагировали на призыв. Первым отозвался Булганин. Он попросил у Мао Цзэдуна пиалу с перцем и щедрой рукой засыпал его себе в рот, думая, что хозяин пользуется сладким перцем. Каково же было удивление всех, когда перец перехватил у него дыхание. Он закашлялся, слезы выступили на глазах, пытался что-то сказать, но не мог, буквально потерял дар речи.

— В нашем лице... — едва выговорил он. — Вы всегда получите в нашем лице...

— Красного перца? — воскликнул Хрущев. — Так это нам давно знакомое, такого перца задавали наши хлопцы запорожцы! — обратился он к застольной рати.

— И еще как зададим, — подхватил пришедший в себя Булганин и уже подвергшийся воздействию коварного зелья. Алкоголь весьма надежное средство, когда нужно кому-то поубавить рассудок.

И вот теперь спрашиваю я себя, какого перца мы собирались задать? Кому? Китайцам? Но они ведь и сами знают, как задавать перца другим. Нужно ли об этом говорить даже в состоянии «легкого» опьянения?

— Итак, считаю, что нам удалось создать партию стойких единомышленников, которые бесстрашно поглощают красный перец и даже остаются в живых, — произнес Мао Цзэдун, который будто бы вовсе и не прикасался к маотая, от которого после третьей рюмки отдает в пятках.

Кстати, о пятках и в целом о ногах. Мао Цзэдун вспомнил один действительный случай.

— Во время Великого похода Красной армии Китая с юга страны на север путь наш проходил через дикие местности. Было это по той причине, что мы там реже сталкивались с гоминьдановскими войсками и удавалось успешнее продвигаться. Однажды оказались где-то на границе провинции Сычуань. Измученные переходом, решили сделать привал. Вдруг наши вездесущие бойцы обнаружили зацементированный бассейн. Все мы рванулись к нему, чтобы смягчить в воде наши израненные в походе конечности.

Мао Цзэдун остановился, перевел дыхание и продолжил:

— Это было какое-то блаженство. Ссадины на ногах словно бы растворялись. Поначалу мы блаженствовали. Как вдруг выяснилось, что это бассейн для хранения маотая. Состояние у нас было просто шоковое. Но все обошлось благополучно. Бойцы отдали должное обнаруженному ими кладезю.

— Чем все это кончилось? — спросил я собеседника.

— Как говорится, все сошло с рук, то есть с ног. Удовольствие нужно позволять себе только после трудов, а не прежде них, — с улыбкой ответил Мао Цзэдун. — И мы быстро двинулись вперед. Ведь перед рассветом и зарею отступают все тени...

— Не совсем точно... — вмешался Чжоу Эньлай. — Мы наполнили маотаем все наши емкости, все обнаруженные сосуды и утром отправились в путь. Долго еще вспоминался нам этот целебный источник.

— Разные бывают истории, но меня интересуют только такие, которые удивляют. Так, может быть, сомкнемся?! — вновь прозвучал голос Булганина.

И дружно сомкнулись перед разлукой, которая драматически затянулась...

Визит Н. С. Хрущева в Пекин имел рубежное значение. Каждый лидер тем или иным образом своими деяниями увековечивает свою жизнь и деятельность, ее удаchi и промахи.

ЛИ ЖУЙ

Примечание китайской редакции. Настоящая статья является авторским предисловием к книге «Мао Цзэдун в последние годы жизни», выпущенной издательством «Чунъю чубаньшэ». В газете оно публикуется с некоторыми сокращениями.

Мао Цзэдун, несомненно, самая крупная фигура в истории Китая XX в. Многие десятилетия он влиял на судьбы Китая и даже был их вершителем. Все достояние Мао Цзэдуна — победы и поражения, полезный вклад и ошибки, теория и практика — важная составная часть истории Китая, истории коммунистической партии.

У нас было немало прижизненных изданий о Мао Цзэдуна, однако большинство из них едва ли можно отнести к научным исследованиям. Реальным прорывом в области изучения Мао Цзэдуна явилось принятое в 1981 г. 6-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва «Решение по некоторым вопросам истории Коммунистической партии Китая со времени образования Китайской Народной Республики». В этом документе подтверждено историческое место Мао Цзэдуна в китайской революции, обобщены его идеи, реалистично отмечены ошибки, допущенные им в последние годы жизни, проанализированы субъективный фактор и социальные причины, приведшие к этим ошибкам. Упомянутое Решение пленума ЦК КПК — не завершение, а лишь начало серьезного изучения наследия Мао Цзэдуна.

Освоение наследия Мао Цзэдуна намного продвинулось за истекшие 8 лет, но самым сложным, трудным и важным является изучение его деятельности и идей позднего периода (главным образом ошибочных, наименее изученных идей последних лет его жизни). Этой великой личностью, воплотившей в себе беды, надежды и силы китайского народа, в последние довольно долгие годы жизни действительно совершены очень крупные ошибки. Мао Цзэдун обрушил на собственную страну и народ тяжкие бедствия и уготовил самому себе трагическое место в истории.

Изучением Мао Цзэдуна, особенно его деятельности в последние годы жизни, занимаются многие зарубежные ученые (кстати, онч начали эту работу несколько раньше, чем мы). Конечно, примитивные обвинения и злопыхательские нападки со стороны тех, кто враждебно настроен к Коммунистической партии Китая и страдает предвзятостью, не могут восприниматься как какие-то научные исследования. Однако многие серьезные ученые, придерживаясь собственных позиций, взглядов и методов, опубликовали ряд работ, имеющих научную ценность. Примером могут служить нашедшие широкий отклик работы профессора С. Шрама, в частности, написанная им политическая биография «Мао Цзэдун» (она переведена и издается на китайском языке). Труды некоторых ученых о Мао Цзэдуна часто страдают определенной односторонностью, в них делается упор либо на его личную ответственность, либо на борьбу за власть в верхах, либо исследуются его личностные качества. В некоторых работах приводимый материал не подкрепляет оценки и выводы. Тем не менее все эти труды содержат нечто полезное, позволяющее расширить наш кругозор, выявить новые подходы и углубить

* Гуанмин жибао, 2 февраля 1989 г. Ли Жуй — член Центральной комиссии советников, член ЦК КПК 12-го созыва, его предыдущая книга — «Ранняя революционная деятельность Мао Цзэдуна».

собственные исследования. Сравнивая с ними свою работу, мы испытываем определенное чувство неловкости: как случилось, что в изучении такой великой личности мы оказались позади иностранцев? И все же можно порадоваться тому, что за последние годы и у нас наметились сдвиги в изучении деятельности и идей Мао Цзэдуна позднего периода.

В некоторых высших учебных заведениях введен соответствующий факультативный курс. Сектор истории партии при ЦК КПК создал специальную проблемную группу, провел научный семинар на тему «Идеи Мао Цзэдуна позднего периода». Опубликовано большое число статей не только в историко-партийных изданиях, но и в других журналах, изданы и некоторые монографии. Эта деятельность находится в тесной связи с углублением реформы и открытой политики, с развертыванием модернизации. Настоящее идет от прошлого и испытывает на себе его влияние. Крепнет понимание, что мы можем продвигаться вперед не обремененные прошлым только в том случае, если критически переосмыслим историю, заново разберемся в том, что было правильным и что ошибочным, где были успехи, а где поражения, если извлечем полезные уроки на будущее.

Позитивную роль в дальнейшем изучении наследия Мао Цзэдуна последних лет его жизни играют распространение новых научных дисциплин, новых знаний и взглядов, усиленное внимание к политологии, социологии, психологии, современной философии, интенсивное развитие сравнительного изучения китайской и западной культур. Благодаря этому выросла новая плеяда ученых среднего и младшего поколения, идущая на смену ученым старшего поколения в деле изучения Мао Цзэдуна. Новая смена составляет теперь главную силу в исследованиях на этом направлении.

В предлагаемом читателям сборнике, включающем двадцать с лишним статей, идеи Мао Цзэдуна позднего периода рассматриваются на таком широком фоне, как китайская традиционная культура, социальная среда Китая и международное коммунистическое движение. Это позволяет не только отыскать у Мао Цзэдуна ошибки среди истины, но и отделить истину от ошибок. Говоря о развертывании Мао Цзэдуном «культурной революции», историк Ли Шу в своем интервью отмечал, что Мао Цзэдун, судя по всему, был весьма обеспокоен тем, что произойдет после его смерти, ведь Мао Цзэдун говорил: «У нас под боком спят люди типа Хрущева»⁶. Идеологической опорой Мао Цзэдуна были, во-первых, догматизм и, во-вторых, культ личности. Этого было достаточно, чтобы толпы с неистовым фанатизмом «боролись с ревизионизмом», свержали тех, на кого указывал председатель Мао. «Борьба с ревизионизмом», развернувшаяся с начала 60-х гг. явилась кульминацией господства догматизма. Когда же началась «культурная революция», то буржуазия мерещилась уже буквально повсюду, не давая ни минуты покоя. «Марксизм» Мао Цзэдуна того времени представлял собой не что иное, как вконец окостеневшие сталинские догматы. Откуда рождался догматизм? От невежества, а невежество шло от бедности, нищеты, от крайне низкого уровня культуры и теории, незнания разнообразия огромного мира, от приверженности лишь к своему привычному узкому миру. Догматизм изо всех сил тянул только «влево», его лозунгом было «бороться с ревизионизмом, предотвращать ревизионизм». Соответственно, на экономику распространялись постулаты «бедность — это хорошо», «бедность побуждает к революции», а зажиточность, дескать, ведет к ревизионизму, к гибели. Утверждалось даже, что «чем больше читают книг, тем больше глупеют», то есть по сути дела это была линия на одурачивание народа. Так готовилась почва для культа личности, самовластного деспотизма. Здесь прослеживается связь с китайским мелкокрестьянским хозяйством: в обоих случаях была потребность в идолах, и было поклонение идолам. Культ личности как раз и произрастал из самовластного деспотизма и патриархальщины феодального общества. По мнению Ли Шу, феномен самовластного деспотизма и патриархальщины и поныне нельзя упускать из виду.

Философ Ли Цзэху в своей статье указывает, что первоначально присущие Мао Цзэдуну элементы материалистического миропонимания, наполненные конкретным историческим содержанием, постепенно трансформировались во вневременные морально-этические категории. Взгляды на мораль, ее нормы и долг с каждым днем приобретали политическую окраску, оторванную от времени. Отсюда явились миру постулаты типа «политика — командная сила», «ставить политику во главу угла», которые в свою очередь превратились в постулаты «мораль — командная сила», «ставить мораль во главу угла», «ставить превыше всего дух бескорыстного самопожертвования и без-

заветной борьбы». А ведь такого рода морализирование имеет под собой мощные корни, глубоко вросшие в бытие китайского общества и психологию китайцев. «Культурная революция», хотя и принаряженная в новые словесные одежды, выросла из феодальной политической системы и феодальной морали, которые уходили корнями в мелкое производство.

Сяо Яньчжун полагает, что стержнем политических идей Мао в последние годы жизни была теория надуманной классово-борьбы, приведшая к попыткам методами деспотии осуществить демократию. Мао Цзэдуну казалось, что хозяином социалистического общества по праву является народ, между тем «хозяином хозяина» стала бюрократическая прослойка («облеченные властью в партии и идущие по капиталистическому пути»), не желавшая «продолжать революцию». Ему представлялось, что изменить такое положение он сможет только лично возглавив широкие массы и бросив клич «бунт — дело правое», «вести революцию, убрав с пути парткомы». В поздние годы жизни Мао Цзэдун в своем мышлении попал в запутанный лабиринт, он преувеличивал свои субъективные возможности и свою роль вершителя судеб, относился к общественному развитию и экономическим законам как к обыденным отношениям между людьми и видел в них не более чем производное от политики («политическая работа — жизненная артерия всей экономической работы»). В сфере отношений между людьми он ставил на одну доску «господство» и «управление», а сложные, многообразные взаимодействия в обществе упростил до «классовой борьбы не на жизнь, а на смерть». Уверовав в свою роль «мессии», он вольно или невольно счел себя источником и средоточием силы всей нации. Его лозунг «доверять массам» по сути означал «доверять самому себе». Отсюда его ложный путь осуществления народной демократии через личную деспотию. Политические и философские взгляды Мао Цзэдуна в последние годы жизни обнаружили тесную связь с культурно-историческим фоном, социально-экономическим базисом и национальной психологией традиционного Китая, в противном случае было бы трудно объяснить, почему его импровизации и вдохновенные речи смогли оказать столь громадное воздействие на сотни миллионов. Воистину в Мао Цзэдуне органически сочетались «повелитель» нации с мелким хозяйчиком.

Я вполне согласен с выводом, сделанным на первом научном семинаре проблемной группы «Изучение идей Мао Цзэдуна позднего периода», которая создана сектором истории партии при ЦК КПК. Этот вывод гласит: «Участники семинара единодушно считают, что идеи Мао Цзэдуна позднего периода — это идеи и теоретические положения, выдвинутые и осуществлявшиеся на практике в процессе поиска пути строительства социализма в Китае, причем они сводились главным образом к тому, какой социализм строить и как его строить. Эти идеи и теоретические положения составили сравнительно целостную концепцию. Практика показала, что эта система взглядов в своей основе оторвана от реальностей Китая (следует добавить: а также находится в противоречии с основными положениями марксизма.— Ли Жуй), является в целом ошибочной, но в ней есть и некоторые правильные идеи, например, о том, что в развитии национальной экономики надо руководствоваться положением «сельское хозяйство — основа», а в международных отношениях проводить политику независимости и самостоятельности, выступать против гегемонизма. Под идеями Мао Цзэдуна позднего периода подразумеваются главным образом ошибочные идеи Мао Цзэдуна последних лет его жизни, поэтому следует отличать их от «идей Мао Цзэдуна» в целом. Нельзя также отождествлять идеи Мао Цзэдуна позднего периода с его ошибками в последние годы жизни».

Мне представляется, что изучение идей Мао Цзэдуна позднего периода в основном затрагивает следующие вопросы: теория и практика утопического социализма; развитие теории и практики классово-борьбы; оценка теории «продолжения револю-

* Мао Цзэдун в ряде своих выступлений 1956—1957 гг. заявил, что «XX съезд обрушился с разнузданными нападками на Сталина», что «подавляющее большинство кадровых работников нашей партии недовольно XX съездом КПСС и считает, что в отношении к Сталину допущен перегиб». Кроме того, Мао Цзэдун отметил, что «незначительное число людей проявило колебание... Когда поднялся тайфун XX съезда КПСС, в Китае тоже нашлись муравьи, и они выползли наружу... стали кричать «ура» и говорить, что Хрущев во всем прав». (Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 5, Пекин, 1977, с. 424—425).— Прим. перев.

ции при диктатуре пролетариата»; социальная база формирования и развития «культы личности»; сравнительное изучение идей Мао Цзэдуна разных периодов; отношение идей Мао Цзэдуна позднего периода к марксизму-ленинизму; связь идей Мао Цзэдуна позднего периода с китайской традиционной культурой и т. д. Многие ученые среднего и младшего поколения считают, что исследования должны вестись по всему спектру проблем с обеспечением целостного подхода, от исследований описательного характера следует перейти к анализу на более высоком уровне, необходимо заново изучить соответствующие теоретические положения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, организовать международный научный обмен мнениями.

Память о прошлом является учителем настоящего. Я полагаю, что изучение деятельности Мао Цзэдуна в последние годы жизни и его идей позднего периода имеет чрезвычайно актуальное значение. Эти исследования должны стать крупным направлением в разработке теории начального этапа социализма.

Ныне мы переживаем период смены старой системы новой, перемещения со старых рельсов на новые, в связи с чем возникает целый ряд проблем. Мы стоим перед новым мировым вызовом, ждем своего разрешения множество вопросов. Наш лозунг — стоять лицом к внешнему миру, к будущему, к модернизации, но ворошить старое, обращаться к прошлому — это не значит распылять силы и отвлекаться от сегодняшних дел. Некоторые также считают, что не следует подвергать испытанию обстановку стабильности и сплоченности. Между тем устранение отжившего и творчество нового — взаимосвязанный процесс, две стороны одного и того же дела. Когда мы говорим об открытости, о реформе, то возникает вопрос: что «открывать», что реформировать? С моей точки зрения, весьма важно «открыться», избавиться от замкнутости которая складывалась на протяжении многих лет под влиянием идей Мао Цзэдуна позднего периода. Не менее важно перестроить и некоторые утвердившиеся тогда же политические и экономические модели. Мы не можем уклониться от изучения идеи Мао Цзэдуна позднего периода прежде всего потому, что неразрывно связана с этими идеями наша нынешняя реформа. Мао Цзэдун теперь — историческое явление, следовательно, без изучения его идей любого периода — раннего, среднего или позднего — невозможно изучение китайского общества и истории Китая. Было бы странно не изучать Китай, в том числе современный, в котором мы осуществляем реформу. Не должно быть никаких запретных зон для научных исследований этого направления. Мы уверены, что изучение идей Мао Цзэдуна позднего периода внесет важный теоретический вклад в дело реформы и модернизации нашей страны.

Перевод с китайского языка А. Д. ДЕНИСОВА

СИС: социум, информация, статистика

Рост преступности в Китае

Газета «Жэньминь жибао» отмечает рост преступности в 1988 г. Общее число уголовных дел возросло за год на 45 %, составив 827 тыс. По данным Верховного народного суда КНР, за уголовные преступления были осуждены 368 790 человек. Около половины составили преступления, связанные с покушением на государственную собственность, число грабежей увеличилось на 42,5 %. Среди новых форм преступной деятельности — хищения с использованием компьютеров, привлечение наемных убийц, применение наркотиков при ограблениях. Отмечается рост преступности среди молодежи. Несовершеннолетние преступники в возрасте от 14 до 18 лет составили 8,9 % осужденных, что на 13,8 % больше, чем в 1987 г.

По данным Верховной народной прокуратуры, в 1988 г. разобрано около 3 тыс. дел о казнокрадстве и взяточничестве в крупных размерах, подвергнуто аресту около 9 тыс. человек. Органами прокуратуры также разобрано 4479 дел об уклонении от уплаты налогов, 430 — о незаконном использовании чужих торговых марок. Всего в 1988 г. расследовано 66 тыс. разного рода дел, связанных с экономическими преступлениями, из которых более 80 % составляли хищения и взяточничество.

Перестройка глазами японцев

А. ЧЕРКАСЕНКО

Перестройка и переоценка ценностей — понятия однородные. Мы пытаемся по-новому взглянуть на себя, на окружающий нас мир, на наше место в этом мире. Мы становимся мудрее, а значит, терпимее. Терпимее друг к другу, к отличному от нашего мнению. Особенно заметное влияние на формирование наших сегодняшних взглядов оказывает новая плюралистическая культура спора, предполагающая деюрокрагизацию знания, снятие с него идеологических шор, возможность и необходимость учиться по первоисточникам.

К таким первоисточникам относится и многочисленная западная литература о Советском Союзе, которая если и переводится на русский язык, то для рядового читателя все равно остается недоступной, так как найти ее и сейчас можно только в специальных хранилищах библиотек. Конечно, содержание большинства советологических произведений небесспорно. И тем не менее знакомство с этой литературой как самостоятельно, так и по конспектам профессиональных критиков может и должно вести к собственным убеждениям, без которых новое мышление просто невозможно. Одной из таких книг можно считать работу известного японского политолога профессора Сигэки Хакамада «Двадцать пять взглядов на неправильное представление о Советском Союзе»*. Согласитесь, название интригует. Впрочем, забегая вперед, следует оговориться, что содержание книги не позволяет определить точно, что подразумевается под «неправильным представлением». Идет ли речь о стереотипах японцев, о наших с вами догматических привязанностях или о заблуждениях самого С. Хакамады? Пожалуй, обо всем сразу. Что касается автора книги, то он предпочитает начать с последних:

«Прожив в СССР долгое время¹, я пришел к выводу, что, какие бы изменения ни происходили в руководстве или экономическом курсе этой страны, сущность ее останется неизменной» (с. 1). Мысль эта, высказанная автором во введении к книге, довольно тривиальна и во многом спорна. Но на справедливости своего вывода японский профессор и не настаивает, так как события, последовавшие за весной 1985 г., в предложенную схему уже не укладывались. Началась перестройка, возник огромный интерес к ней в Японии, и как результат — появилась рецензируемая книга.

Работа, помимо введения и отчета о состоявшейся в июне 1987 г. в Токио беседе автора книги с академиком А. Г. Аганбегяном, состоит из двадцати пяти небольших глав-размышлений. Полемичность этих размышлений, представляющих, как пишет С. Хакамада, его «личную точку зрения, у которой найдется немало оппонентов» (с. VII), видна уже из названия глав: «КПСС и антигуманная теория», «Мифы плановой экономики», «Жертвенное сознание господствующей нации», «Японцы — большие коммунисты, чем советские люди», «Мужичья хитрость и советская дипломатия», «Почему советские люди симпатизируют Японии», «Советская система на переломном этапе и влияние Японии» и др. Не претендуя на полноту изложения и абсолютную точность расставленных акцентов, остановимся на содержании лишь некоторых из них.

Проблема гуманизма и прав человека в социалистическом обществе, как мы знаем, до недавнего времени в Советском Союзе была либо под запре-

* Хакамада Сигэки. Сорэн — гокай-о току 25-но сикаку (25 взглядов на неправильное представление о Советском Союзе). Тюко Синсё, Токио, 1987, VII+200 с.

том, либо решалась в далеких от действительности тезисах контрпропаганды. Тем удивительнее путь, пройденный советской обществоведческой мыслью за короткое пятилетие гласности. Но теоретическое обоснование перехода от сталинизма в мир социалистической демократии вызывает непрекращающиеся споры не только в странах — участниках перестройки, но и среди ее зарубежных комментаторов. Дискуссия, развернувшаяся вокруг «дороги, ведущей к храму» прочь от барачков «развитого социализма», по-своему отражена в первой главе книги — «КПСС и антигуманная теория».

Партии, возглавляющие общественные движения, по словам Хакамады, неизменно основываются на тех или иных концепциях человека, которые в зависимости от выраженного в них отношения к человеку, понимания его сущности условно можно разделить на две группы. К первой группе относятся концепции, считающие человека «хорошим», ко второй — «плохим». В свою очередь социальная политика партий, теоретически вырастающая из подобных концепций, становится соответственно либо «гуманной», либо «антигуманной». Казалось бы, вопроса о характеристике деятельности КПСС и быть не должно, так как «гуманизм изначально присущ марксизму» (с. 3). Однако «в действительности, — подчеркивается в книге, — в основе политики КПСС до недавнего времени лежала классическая теория антигуманизма» (с. 5).

Причины столь странного и драматического для нашей страны парадокса истории японский советолог видит в том, что создание в России политической системы, с первых шагов предполагавшей участие высокосоциального индивидуума, изначально было обречено на провал, так как «партнером в этом деле должен был стать мужик, мало склонный к дисциплине и с несформировавшимся правосознанием» (с. 6). Сталин, как отмечает С. Хакамада, быстро осознал необходимость учета этого и создал свою концепцию человека-винтика, которую стал проводить в жизнь. При этом одним из союзников в осуществлении его взглядов на человека, как считает С. Хакамада, стал Макаренко, который в 30-х годах разработал теорию группового воспитания, «абсолютизирующую авторитет лидера и... военную дисциплину» (там же). Именно данная теория, «рожденная деятельностью по организации труда малолетних преступников и беспризорников», впоследствии была перенесена на все общество, делает вывод японский профессор.

Естественно, что появление подобных взглядов на человека возможно лишь при полном отсутствии веры в его личность, при ложно понятой природе его индивидуальности. Сталинизм же в силу имманентно присущего ему политического догматизма в любом проявлении индивидуализма видел призрак частнособственнических настроений — главного, как считалось, пережитка «проклятого прошлого». На такую особенность исторической практики сталинского человековедения указывает и японский советолог, подчеркивая, что «в конечном счете и ограниченность демократии, и запрет на частную собственность, делающий невозможным переход к рыночной экономике, и контроль за информацией, и, наконец, создание гигантской структуры командной экономики в Советском Союзе были предопределены этим самым «неверием в человека» (с. 8). Поэтому, останавливаясь далее на происходящем сегодня процессе демократизации советской действительности, непосредственным образом связанным с преодолением отрицающего личность исторического наследия, С. Хакамада в то же время заключает: «Если демократизация станет лишь средством активизации экономики и общества... то и «вера в человека» может оказаться лишь средством» (с. 9).

Анализируя в ряде глав сложившуюся в застойные годы командно-административную систему советской экономики, автор не без иронии пишет о некоторых особенностях функционирования нашего производства, знание которых, по его мнению, способно коренным образом изменить сложившееся у японцев представление о Советском Союзе. Так, в главе «Советский Союз — общество предпринимателей» развенчивается миф о том, что мы уступаем тем же японцам в инициативе и предпринимчивости. Это — «большое заблуждение», — отмечается в книге. Просто в Японии данные качества находят применение в работе, а у советских людей — в повседневной жизни. Последнее, конечно не означает, что предпринимчивость не свойственна плановой экономике. Напротив, места для нее достаточно. В подтверждение этому автор подробно рассказывает неискушенным японцам о том, что в СССР за пре-

вышенные нормы выработки полагаются премиальные. По этой причине как рабочим, так и инженерам выгодно по возможности дольше скрывать резервы производственного оборудования. Делают это по-разному и с выдумкой. Например, как свидетельствуют представители японских фирм, экспортирующих в Советский Союз технологические линии, «руководство сотрудничающих с ними советских предприятий просит в технических документах наполовину уменьшать мощность поставляемого оборудования» (с. 13).

К мифам относит автор и мнение о том, что социализм как «система, стремящаяся к социальному благу, должна больше думать об экологии, чем корыстный капитализм» (с. 22). В действительности загрязнение окружающей среды и для Советского Союза уже давно превратилось в серьезную проблему, а советское экологическое движение только набирает силу. Одну из причин этого японский профессор небезосновательно находит в многолетнем пристрастии отечественной журналистики спекулировать на проблемах капиталистического общества, не замечая своих собственных бед. «С тех пор, — упоминается в книге, — как в 1960 г. на Гиндзе (центральный район Токио. — А. Ч.) были поставлены кислородные автоматы, советская пресса не раз использовала этот факт для описания ужасной экологической обстановки в Японии» (с. 22). Конечно, о воздухе в Токио 60-х годов сегодня судить трудно, но те, кому совсем недавно довелось побывать в японской столице, видимо, согласятся с тем, что сейчас он выгодно отличается от московского.

Значительное место в книге отведено рассмотрению особенностей русского национального характера. Психологизм не только отличает эту работу, но и роднит со многими выходящими на Западе советологическими исследованиями, ищущими в таинствах и загадках «российской души» общий ответ на все простые и сложные вопросы советской истории и современности.

Так, к национально-психологическим особенностям советских людей японский социолог относит и стремление «с превышением удовлетворять потребности безопасности», которое связано с традиционной русской чертой «устранять беспокойство по поводу качества количеством». Разъясняя последнее положение, автор обращается к этимологии слова «показуха».

«Даже в сталинский период, — пишет С. Хакамада, — когда казалось, что в коммунистическую идеологию все верят безоговорочно, советские партийные руководители очень боялись, что иностранцы узнают действительное состояние дел в Советском Союзе. Они лучше, чем кто-либо, знали, что установки и действительность существенно отличаются друг от друга принципиально...» (с. 120). Конечно, забота о международной благопристойности страны явилась далеко не единственной причиной возрождения «потемкинских деревень». Дутыми, как оказалось, были и многие потрясающие итоги первых пятилеток, великим котлованам которых до сих пор посвящаются пышные оды. Но особенно виртуозно врать и выкручиваться научились наши руководители в годы застойные, когда практически повсеместно стало повседневной практикой принятие невыполнимых социалистических обязательств, приписки и раздувание успехов в отчетах. И хотя политика гласности направлена на искоренение этой вредной привычки, сделать здесь предстоит еще многое, так как «показуха» крепко связана с инстинктом самосохранения бюрократов.

Им-то и ставит в вину С. Хакамада стремление восполнить плохое качество количеством, причем не только в гражданском, но и в военном производстве. А именно: срок службы советской электрической лампочки в три раза меньше японской, следовательно, на «душу населения» их нужно выпустить в три раза больше. Однако данный факт еще не влечет за собой внешнеполитических последствий. Совсем другое дело, если, к примеру, вследствие малоэффективной структуры вооруженных сил или технологических просчетов возможности советских подводных лодок будут ограничены и этот недостаток по привычной схеме восполнят выпуском дополнительных субмарин. В этом случае ситуация чревата «завышенной оценкой советской военной мощи» Западом, его ответными действиями и, естественно, ответными мероприятиями на эти шаги со стороны Советского Союза. Подобная переоценка «намерений и мощи противника», незнание особенностей его «логики», говорится в книге, не раз «становилась причиной порочного круга» гонки вооружений (с. 122).

Конечно, нарисованная автором психологическая картинка длившегося десятилетия великого противостояния противоположных систем может служить лишь одним из

аспектов лежащих в его основе причин. Куда более важным является методологическая враждебность политических идеологий, которая до сих пор сохраняется, несмотря на все большее проникновение в сферу межгосударственных отношений принципов нового политического мышления. Разве последовал, например, за признанием права наций на «свободу выбора» и провозглашением необходимости сохранения межсистемного «статус-кво» пересмотр положений Новой редакции Программы КПСС, излишне оптимистически трактующих содержание основного противоречия современной эпохи, односторонне рассматривающих цели и задачи деятельности капиталистических государств? Или, с другой стороны, отказалось ли руководство западных стран от конфронтационных подходов при разработке своей внешнеполитической стратегии? Сам же С. Хакамада, делая совершенно справедливый вывод о том, что сегодня в международных отношениях как никогда нужны трезвый анализ и реалистические ответные действия, в то же время утверждает, что на практике, «исходя из сущности советской политики», необходим и «силовой ответ» (с. 122). Нечего и говорить, что при вышеупомянутом понимании «сущности» друг друга преодоление порочного круга взаимного недоверия станет реальностью еще очень и очень нескоро.

Посвящая несколько глав книги советско-японским отношениям, С. Хакамада старается уйти от традиционных точек зрения на взаимоотношения двух народов, создавая свою собственную концепцию.

Как неоднократно показывали проводившиеся в Японии опросы общественного мнения, Советский Союз далеко не самая популярная страна среди японцев. «Но известно ли вам,— спрашивает своих японских читателей автор книги,— что во всем мире советский народ можно считать одним из самых благосклонно относящихся к Японии и питающим к японцам огромное уважение?» (с. 144). Повсеместно в Советском Союзе знают каратэ, дзюдо, бонсай, икэбану, неизменным интересом пользуется классическая и современная японская литература, традиционный японский театр, японское кино. Не без сожаления называет японский профессор тот факт, что по научным силам, вовлеченным в область японистики, Советский Союз намного опередил советологию Японии, в которой, кроме небольшого Славянского центра при Университете Хоккайдо (г. Саппоро), нет другого учреждения, специально изучающего СССР. Однако такая ситуация сложилась не сразу. Эволюция интереса к японской культуре в послевоенные годы начиналась совершенно с иных чувств и настроений. «В то время,— поясняется в книге,— никто из советских людей и не предполагал, что скатившаяся до уровня третьеразрядной страны, потерявшая военную и экономическую мощь, территорию (видимо, имеются в виду «японские» Китай, Корея и страны Юго-Восточной Азии.— А. Ч.), ресурсы Япония в будущем опередит СССР в экономической и технологической областях» (с. 146). Тот факт, что в Московский институт дружбы народов имени П. Лумумбы, специально предназначенный для африканских и других развивающихся стран, до 60-х годов принимались и японские студенты, говорит сам за себя.

Это прямо противоположно «почитанию Советского Союза», распространившемуся в те годы в Японии. Причем «почитание» это, особенно заметное в среде левой интеллигенции и студенчества, связано было не только с неизменной любовью к «СССР — Родине социализма», но и со спутниковым шоком 1957 г., заставившим японских естествоиспытателей до середины 60-х годов ревностно изучать русский язык. Многие японцы старшего поколения, как отмечает Хакамада, и сегодня помнят слова помпезной песни «Наша матушка Россия», которая в то время считалась едва ли не самой популярной в очень распространенных в Японии песенных кафе.

Охлаждение интереса к Советскому Союзу началось на рубеже 60—70-х годов, «когда стало ясно, что советская система далека от идеала» (с. 147). Для Японии это время возрождения веры в собственную науку, время японского «экономического чуда», превращения маленькой капиталистической Японии в индустриальную державу, способную конкурировать с США. Более того, в книге высказывается мысль, что «японский успех», заставив советских сторонников реформ с уважением взглянуть на опыт дальневосточного соседа, при этом несколько «поубавил веру советского народа в преимущества социализма над капитализмом» (с. 148).

К сожалению, за прошедшие с тех пор около полутора десятков лет нам этот опыт перенять так и не удалось, а вот по части «веры в преимущества», по крайней мере

сегодня, японская тема в СССР переживает подлинный расцвет. Примечательно, что в последнее время к ней особенно охотно обращаются советские сатирики. Видимо, мы — накануне появления нового национального стереотипа Японии как яркого контраста нашей собственной нерадливости.

Так это или иначе, но в рецензируемой книге мысль об определенной роли Японии в происходящих ныне в Советском Союзе переменах, проходя через ряд повествовательных коллизий, завершается совершенно неожиданным образом: С. Хакамада приводит «признания» побывавших на Японских островах советских граждан в том, что «японцы — большие коммунисты, чем советские люди». В самом деле, чем поражает Страна восходящего солнца оказавшихся в ней граждан первого и самого большого социалистического государства? Конечно, прежде всего изобилием товаров. Сильное впечатление оказывает и то, что водитель такси дает сдачу до последней иены, продавец приветлив и не обманывает и такое поведение является естественной социальной нормой. Но пожалуй, больше всего поражает советских туристов в Японии профессионализм и добросовестное отношение к труду людей различных специальностей, будь то уборщица, стронтель или портье в отеле. Миню внимательно взгляда туристов не проходит незамеченным и «общинный дух» японцев в работе, их стремление помочь попавшему в трудное положение, внимательное и доброжелательное отношение к окружающим. Описанное в книге поведение среднестатистической советской официантки, которая «даже не посмотрит на посетителя, если он сядет не за ее столик» (с. 171), для Японии просто невымыслимо.

Однако сказанное выше, считает С. Хакамада, еще не повод для идеализации японцев, уровень общественного сознания которых «еще не очень высок» (с. 170). Да и «идеальная трудовая самоотверженность» японцев является таковой только в «советском измерении», так как сами японцы оценивают себя не так высоко и более склонны видеть в своей работе «определенные недостатки».

Возможно, что это и так. Но скромность автора лишь подчеркивает свойственное японскому народу трудолюбие. Секрет его, конечно, не «в первой жизненной необходимости», не в «трудоголизме» японцев, а в господствующих в обществе отношениях от материальных до психологических, которые, как мы знаем, и обуславливают качество и серьезность труда. И здесь, видимо, вполне реально говорить о японских приоритетах, которые в силу присущих им традиционных коллективистских форм в нашем обычном сознании, все еще не свободном от мифов «общего кризиса капитализма», рождают иллюзию «Японии — коммунистической страны».

Но критика иллюзий не есть их преодоление. В разговоре с академиком Аганбегином профессор Хакамада рассказал один японский анекдот. «Все в мире уравновешено, — говорится в нем, — японец работает в три раза больше, чем русский, зато русская работает в три раза больше, чем японка» (с. 190). Горькая шутка. Лет двадцать назад мы наверняка ответили бы на нее лозунгом: «Догоним и перегоним Японию!» Сегодня ставим задачу скромнее — стремиться работать на мировом уровне, то есть так же, как, например, и японцы. Иными словами, планка опущена, но возьмем ли мы ее с первой попытки?

Думается, что иллюзорности в прогнозах было бы меньше, а сдержанности больше, если бы мы от рабочего до министра чаще прислушивались к тому, что говорят о наших надеждах, экономике и образе жизни те, кто видит их другими глазами, глазами американца, француза и японца. Стоит ли при этом бояться еретического слова? Ведь они, как известно, исповедуют другую религию.

¹Сигэки Хакамада с 1968 по 1972 г. был аспирантом МГУ. Кроме этого, неоднократно приезжал в Советский Союз, где с 1945 г. постоянно проживает его отец.

М. БАНЬКОВСКАЯ

«Лучший способ обучения разговорному языку — это подражание. Тем, кто стыдится подражать, как обезьяна, научиться труднее, и результаты плохи (...) Надо, конечно, стремиться не к актерскому подражанию, а к точному. Не надо гнаться за красотой речи и переводить со своего языка, а пускать в ход самые простые, известные уже обороты. Неискусность не вызывает неуважения, а неуклюжая виртуозность смешна и, как всякое фальшивое самолюбие, сразу же ощущается собеседником».

Кроме имитационного дара, вступать в разговор с «простыми» людьми, входить в самую толщу населения, несомненно, помогало происхождение Алексева: он мог говорить с возчиками и крестьянами, не подстраиваясь, а на равных, с пониманием их дел и забот.

«Идем проселочной дорогой, встречаем мужичков. Шаванн спрашивает у одного, как называется река, через которую идет дорога. Мужичок отвечает нечто нечленораздельное. Шаванн педантично настаивает — мужичок мямлит. Шаванн выходит из себя. Мужичок испуганно бормочет: «Не понимаю, сяньшэн, вот что!» Я вмешиваюсь и стараюсь наладить беседу, что удастся не сразу, ибо он, видя чужестранца, сначала даже не хочет понимать, что ему говорят, но, когда обнаруживает, что речь моя ему понятна, становится словоохотливым. Начинает обо всем расспрашивать (...) «Ну, как там у вас в России? Такие же, как у нас, поля, гаолян? И дождя тоже мало? У нас — хоть ты пропади!» Слышал о пароходе и паровозе, спрашивает, как ехать в Россию и сколько езды. Прощаемся приветливо-приветливо. «Заходи когда, — говорит, — чайку попить, побеседовать!»

Поразительна находчивость, с которой Алексей подбирает темы бесед для разных «аудиторий»: ученым-ханьлинцам излагал геометрическую теорию «Ицзина», с умным стариком *чжисянем* обсуждал проблемы образования, лодочнику толковал о звездах, монахам в монастыре прочел за чаем лекцию... о телефоне. И конечно, для всех «аудиторий» — рассказы о далекой России. Алексей старался завести разговор всюду и со всеми — с уличными торговцами, гадалками, слугами, солдатами, кули, нищими и повсеместно со словоохотливыми старухами, но только старухами, т. к. все, даже относительно молодые, женщины стремительно убегали, ковыляя на изуродованных бинтованием ногах: разговаривать с мужчиной, да еще иностранцем, категорически запрещалось.

Разговоры были прямым контактом с жизнью страны и накоплением фольклорного материала: росли кипы листков с записями всевозможных поговорок, выражений, заклинаний, примет, прибауток, песен, речитативов и просто каламбуров, часто рождаемых невольно, в силу особенности китайского разговорного языка. Все это имело самое прямое отношение к надписям на лубочных картинах и амулетах.

На каждой стоянке можно было чем-нибудь да пополнить свои знания — и просто наблюдать, видеть жизнь. Вот в харчевне слепец с женой, тоже слепой, поют и играют на гусях, — их ритмические благопожелания оказались еще более многоречивыми, чем записанные Алексеевым в Пекине. Вот 90-летний старик — торговец узорчатыми рукавичками, исколесивший на осле весь Северный Китай, охотно показывает свой товар и приветливо отвечает на расспросы. То же и полунищие продавцы детских свистулек, бежавшие из Шаньдуна, потому что там — «хлеб не зреет».

Алексеев не устает записывать в дневнике свое восхищение поведением китайцев. «Любезный народ, гостеприимный, вежливый, услужливый!» И с таким же постоянством констатирует ничем не сдерживаемое любопытство к путешественникам-иностранцам, которому он подбирает такие эпитеты: паническое, бушующее, неистовое, стихийное...

Продолжение. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», 1989, № 6.

«Толпа встречает нас обычно криками: «Нет косы!» «Кожаные сапоги!» Последняя фраза есть общее восклицание всюду, где бы мы ни проезжали». «Идем пешком через весь город. Любопытство выгоняет все население на улицу. Наши обозы и следующая за ними толпа, все увеличивающаяся, принимают характер какого-то шествия, которое обрывается только у ворот харчевни». И даже в самых трудных случаях, когда глазающие, окружив тесным кольцом, мешали работе, даже тогда Алексеев не мог не признать: «На них сердиться, а кроме смеха — ничего. Наоборот, всегда вежливы и услужливы. На вопросы, если понимают, отвечают охотно и в точности. И это обезоруживает. Простота души, незлобивость и ребячья смешливость».

Эта жизнь в пути, в постоянном человеческом окружении пришлось Алексееву по сердцу. Он с удивлением записывает в дневник, что при всей физической усталости чувствует не утомление — напротив, постоянную приподнятость: «Вечер. Сажу и балагурю с нашими ребятами, сыновьями корчмаря. Любовно так, хорошо... Яркая луна. Кругом спят голые мальчишки, сидят соседи, беседуют. Мне нравится эта жизнь среди людей. Наблюдай, учи!»

Легко представить, каким диссонансом на всем этом фоне звучали рассказы многих встреченных во время путешествия европейцев о «трудных условиях работы, среди всеобщего недоверия, насмешек, руготни и издевательств. Просто не веришь ушам своим: а с нами-то почему не случается ничего подобного?» Этот вопрос возникает снова и снова при самых различных, но в чем-то глубоко и трагически одинаковых разговорах с европейцами о китайцах. Общий приговор, вынесенный Алексеевым: «истые европейские варвары», «трудно узнать Китай в этом кривом зеркале обывательского суждения о нем».

Шагая по обочинам бесконечных дорог, когда не было условий для беседы с Шаванном или у Шаванна не было настроения, Алексеев предавался своим постоянным мечтам на тему о будущей своей деятельности, обдумывал свою жизнь: «Как хорошо чувствовать себя свободным от повседневности, от эфемерных желаний удобств и богатства. Жажду одного: развивать и насыщать свой интеллект».

Он был счастлив — и сам сознавал это, когда успевал кратко заносить в дневник «саморящиеся» мысли. Немалый вклад в его счастливое сознание вносила природа. Вкрапленные в путевые заметки пейзажи говорят о способности к яркому словесному рисунку и к самому наслаждению красотой: «Хэнань, Страна Великого Лесса. Пейзаж дикий и красивый. Долина вся в обсосанных водой глыбах. Горы невысокие, но величественные. Тучи, косматые, клубящиеся всеми оттенками темных цветов, засасывают вершины. Красиво до безумия! Не хватает только звука. И кажется, что объятые мраком под нависшими космами ущелье угрюмо и сосредоточенно молчит, готовя звук».

Но вот и конец пути — Тайань. Теплое, дружеское прощание с возчиками, которые держались молодцом столько дней тяжелых дорожных мытарств. Прощаются и Шаванн, возвращающийся во Францию, с Алексеевым, едущим в Пекин продолжать свои занятия. Прощаются на том, чтобы через год продолжить путешествие — уже на юг Китая «дабы миссия не была односторонней». Планы южной поездки не раз обсуждались ими во время пути.

* * *

Сбыться этим проектам не удалось, однако в январе 1909 г. Алексеев отправился на юг один, используя 20 дней новогодних каникул в школе КВЖД, в которой он с января 1908 г. преподавал русский язык. Записи в дневнике во время этой поездки делались Алексеевым весьма скупко, но на их основе он через 30 лет прочел в Географическом обществе в Ленинграде лекцию (в цикле 10 публичных лекций) «Китаист-этнограф в Южном Китае в 1909 г. Китай на Янцзы и Шанхай». Наш краткий рассказ мы строим на цитатах из дневника 1909 г. и набросках лекции в 1939 г.

Министерством иностранных дел Китая Алексееву был выдан внушительный паспорт на большом листе, с приложением многих печатей, в котором вчинялось всем «властям тех мест, через которые он будет проезжать, сейчас же предоставлять ему дальнейший проезд и должным образом его охранять». Маршрут: «Ханькоу — Учан — Шанхай — Сучжоу — Ханчжоу. Научные задания оставались теми же, что и в первом путешествии, и сосредоточивались главным образом на этнографии показательной: культуры, эпиграфика, народные картины. Коллекции, собранные на Севере, надо было дополнить.

Первое же впечатление было одновременно и в высшей степени отрадным и горьким, сразу показав, что Южный Китай отличается от Северного: «По дороге в Ханькоу ночью в купе подсел какой-то китаец. Было темно. Мы случайно разговорились. Это был человек необыкновенно интересный — из тех, что берешь таким, каков он есть, не пытаясь даже разгадать его профессии и прочее. Разговор был общий, но редкий по своей насыщенности, искренности и готовности понять вещи без всяких вступлений и предварений. Однако по приезде в Ханькоу мы должны были расстаться: он не мог пригласить меня к себе (заплевали бы!), и я не мог с ним вместе остановиться (по тем же причинам). Европейец — янгуйцзы — дьявол, общение с ним — не далее официально необходимого! Я ощущал великую досаду». «В путешествии моем нет элемента радости. Все интересно — да, да, но... Совсем другое — путешествовать вдвоем!» — записывает Алексеев в дневнике. Отсутствии Шаванна сказывалось на каждом шагу: «Не было обмена мнениями, деловой презентации». От тягостного одиночества в чужой городской суматохе Алексеева спасала способность без усталости наблюдать: «Сколько нового для алчного и подготовленного глаза!»

«Ханькоу. Человеческий муравейник на берегах мощных рек <...> Город до пожара был и грязен и роскошен. Не забуду, как я стоял перед аптекой, которая была вся в золотой резьбе сцен из китайских мифов и феерий. Снять, однако, не мог: адская суматоха на улице, ни вершка, где можно было бы поместить фотоаппарат. Я толпою был бы смят!»

После древней столицы — Пекина, населенного чиновным чванным миром, Шанхай поразил Алексеева кипучестью настоящей столицы: «Шанхай. 6 января 1909 г. Снег, пурга, холод. Новый китайский год. На Шанхай не насмотришься <...> Шанхай делится на три полосы. Полоса Bund'a — капиталистическая аристократия Европы, Америки, Японии. Далее — китайская, такая же. И далее всего — беднота <...> На улице все это смешивается, люди разных миров и обществ, классов, состояний, рас, наций толпятся на одном промежутке. Вечером Шанхай особенно оживлен, на свет не скупятся. Улицы для китаиста во много раз интереснее пекинской. Одно чтение вывесок и объявлений — целый мир! <...> На набережной — общее смешение, действительно, Вавилонского типа. Я подолгу простаивал где-нибудь в уголке, чтобы наблюдать».

В дальнейшем Алексеев любил развивать мысль: «Для воспитания себя в критическом масштабе и направлении надо упражняться на повседневном окружении, ибо, если для нас слепа наша собственная толпа, то что сказать о китайской? — Шерлок Холмс был бы неплохим китаистом!» С каким-то особенным интересом наблюдал он в Шанхае «жизнь на воде, оживленную, сосредоточенную»:

«На Хуанпу. Мимо броненосцев и океанских пароходов потихоньку пробирается большая баржа,двигаемая кормовым веслом (особое искусство: лодку движет поворот лопастей одного лишь весла) — в руках... старухи на изуродованных ногах! Шла медленно, но плавно и уверенно».

В китайском городе Шанхая, записывает Алексеев в дневник, меня понимают все те, кто приезжие, то есть кому понятен пекинский диалект.

«Европейцев на улицах не видать — незачем! От европейского города китайский отделен... ужасной зловонной канавой, загруженной до отказа. Узкие торговые улицы, жилые тупики с названиями-цитатами. Это — уездный город, где есть все, что такому городу полагается: и ямынь, и храм Конфуция, и прочие храмы, и... тюрьма».

Как и в первом путешествии, Алексеев искал прямых контактов с населением, но на юге это было труднее — мешали диалекты. Хотя «пекинский диалект — капитал, с ним везде пройдешь», но сам он не понимал окружающих или понимал приблизительно — и «все смеялись» (в лучшем случае). Затруднения с диалектами стали особо ощутимы в Сучжоу.

«Сучжоу — Венеция, только без мрамора и камня <...> Древний город древнего Китая, вынесший на себе всю его сложную историю. Роскошная архитектура магазинов, храмов, богатых домов, домов-ладей — с одной стороны, и, с другой, — зловонные улицы с ужасающими нищими (прокаженных к 1909 г. насчитывалось в городе и округе не менее 25 тысяч!).

В Сучжоу я единственный европейец, гуляющий по здешним улицам. «Янгуйцзы» пускается все же в ход, но чаще — «янсяньшэн» (заморский учитель. — М. Б.) — это радует».

Алексеев считал себя в то время довольно уже зрелым китаистом: к 1909 г. за плечами было 10 лет студий, но понять окружающее было нелегко. По опыту северного путешествия он старался найти проводника-китайца, но — «никто не рисковал быть моим

ного интереса Алексеева. В продолжительных скитаниях по китайскому городу Шанхая он старался выяснить типы икон Цайшэня, бога богатства, и нашел много интересного. В Учане и Сучжоу в храмах Чэнхуана — «высшего судьи душ умерших, а потому и живых» (этот культ особо интересовал Шаванна), Алексей собрал целую коллекцию надписей и наблюдал, как они делаются тут же при храме «сих дел мастерами» по классическим трафаретам. Эти надписи большей частью «цитаты из древних классиков, но в контексте, из которого они вырваны, они историчны и логичны, а здесь — сплошной трафарет, ограниченный и повторяющийся. Тем не менее, поскольку этот трафарет отражает то, что есть, его надо изучать, не становясь в позу эстета».

Несмотря на то что снимать этнографические объекты в южных городах не всегда было безопасно — «толпа окружает и может быстро стать враждебной», Алексей сделал много снимков с целью «иллюстрировать ими будущие лекции — ценное пособие».

Весомым — и всеящим! — приобретением были купленные в этой поездке книги. Самым острым искушением подвергалось библиофильное сердце Алексеева в Шанхае, который в эти годы стал центром всей книжной жизни Китая благодаря издательству Commercial Press — самому крупному в мире, выпускавшему такую продукцию новых изданий и перепечаток старых, что Алексею, по его словам, было прямо не по себе: книги занимали все время, а при крайней ограниченности средств погружали в уныние: локоть был только близок... Тем не менее Алексей именно тут положил основание своей научной библиотеке и приобрел многие издания для нового преподавания. Прекрасные ксилограммы — издания классиков, историков, поэтов — обслуживали программы Алексеева от начала и до конца его преподавания, а ныне обслуживают курсы, которые читают его ученики. Однако тогда, в 1909 г., молодой ученый со страхом думал о том, куда деть свои книги в Петербурге: «Когда я явился из Китая с целой библиотекой, вопрос о постоянной квартире, т. е. квартире, оплачиваемой даже тогда, когда я уезжал, встал во весь рост, и я с этих пор на квартирное ярмо работал прежде всего прочего».

Итак, поездка на юг, это краткое 20-дневное турне, тоже обернулась делом серьезным, принесшим немалый научный улов. Однако в путешествии ученого шествие по пути — только видная всем внешняя сторона здания, фундамент которого — подготовка, образование, а само здание — исследование, и начинается его возведение с обработки собранного материала. Последняя запись перед возвращением в Пекин: «Мне наскучило шататься без дела. Был в здешних кинема и др.— дрянь, гадость! Компания глупых англичан... Довольно! Скорее до дому!» «До дому — до дела. Остаются последние месяцы пребывания в Китае, надо успеть массу».

В Пекине снова полным ходом пошли занятия с сяньшэнами: кроме очередных классиков, почти каждый день — обработка материалов обоих путешествий. Вся комната завалена пестрыми лубками, что для «порядливого глаза» Алексева было не так уж приятно. Надлежало, как записано в дневнике, «истолковать до конца привезенные хуары (лубки.— М. Б.), истолковать фотоснимки и записи». Задание сформулировано кратко, но за ним — уйма работы, и увлекательной, и очень трудной, ибо того, что мы теперь называем литературой предмета, в те годы, как уже говорилось, попросту не было. «Истолковать хуары», к тому же, как всегда у Алексева, «до конца», значило прежде всего определить их сюжеты. Но вот, например, театральные лубки — «картины серьезно, необычайно вдохновенно изображающие китайского актера, исполняющего исторические пьесы». В каждой такой картине изображен какой-то эпизод из какой-то пьесы, но какой? Кто эти персонажи? Что скрывается за их условной жестикულიацией и гримом, которые картина передает с большим мастерством и точностью? Никаких сборников либретто тогда не было и в помине. (Зато теперь изданы все, с полными индексами, и можно представить себе, как загорелись бы глаза Алексева при виде таких справочников, о которых он и мечтать не мог...) До всего надо было докапываться самому.

Не проще было и «истолковать записи» — Алексей собирался дать в своей диссертации «некоторый кодекс бытовой эпиграфики — уличных надписей, лавочных вывесок, ребусных пожеланий». Эти надписи, исполненные с большим или меньшим, но обязательным каллиграфическим искусством, могли быть самостоятельным предметом изучения как феномена жизни неграмотного Китая — культ иероглифики, пристрастие к надписям, которые неграмотный прочесть не может, но содержание чаще всего знает: «Малограмотные и совершенно неграмотные любители литературных цитат имеют к ним вкус. Культурная толща Китая здесь особенно видна». Но эти же надписи встречались и на народных картинах, так что, имея в руках тот ли другой материал, вкупе с оставленными на полпути

змутами, Алексеев мог считать свой диссертационный труд «готовым к детальной разработке, если бы по предшествовавшему опыту не знал, с каким трудом добываются нужные объяснения к таким вещам» — как он вынужден был признать в своем отчете.

Помогали, но только в определенных случаях, те популярные издания моральных проповедей, призванных воздействовать на общественную нравственность, целую подборку которых Алексеев приобрел во время поездок, особенно в Сучжоу и Ханчжоу. Многое в этих изданиях, предназначенных для мало-мальски грамотных, перекликалось и с эпиграфикой, и с картинами — теми, которые иллюстрируют моральные максимы и «импонируют китайцу, чтящему религию совести». Кроме этой, скорее дополняющей, чем разъясняющей литературы, у Алексеева были кое-какие справочники, но помощь их была невелика из-за скудности содержания и отсутствия, на старый манер, указателей, так что ради какой-нибудь цитаты — одной из тех, что встречались чуть не в каждой надписи. — приходилось ворошить «стога сена в поисках иголки». Алексеев и занимался таким ворошением, не жалея сил, но тоскуя о справочниках.

Отсутствие литературы по всем интересующим его предметам Алексеев старался восполнить свидетельствами «живой традиции». Прежде всего, это были те объяснения, которые он выпрашивал и записывал, как уже говорилось, постоянно. Живой традицией были и сяньшэнские объяснения и показания «консультантов» — всех, кто мог дать толковые ответы на вопросы особой этнографической анкеты, которую специально разработал Алексеев, чтобы упорядочить систему опросов. Результатом всех, в общей сумме многомесячных занятий явились сотни покрытых четкими сяньшэнскими иероглифами листов с уникальными сведениями о содержании народной картины: пересказы мифов и легенд, театральных, литературных и исторических сюжетов, морализующих поучений, правил поведения, поговорок и примет, а также объяснения символов и словесных ребусов, без понимания которых нет подступа к исследованию китайской лубочной картины. Особую картотеку составили прокомментированные записи бытовой и храмовой эпиграфики. И т. д. и т. п.

Вот что — конечно, лишь в самых общих и приблизительных чертах, — стояло за алексеевским «истолковать» и чем он занимался изо дня в день от начала и до конца пребывания в Китае, особенно в последние месяцы. В дневнике за 1909 г. то и дело мелькают такие записи: «Материалы по фольклору, привезенные из Ханькоу, были на редкость хорошо истолкованы Тянь Цзыжу», «Отличные объяснения Тяня — умные, сухие, деловитые». И все же многое, как честно признался Алексеев в отчете, оставалось — и осталось — непонятным. В дальнейшем он корил себя за то, что, считая перевод на русский язык второстепенным, оставил все добытые знания в китайском виде. Он расценивал их как полевой материал, требующий кропотливого исследования, и всегда — это очень важно подчеркнуть — стоял на том, что «этнографы, записывающие информацию от первого попавшегося, делают непростительную ошибку», если относятся к ней без критической научной осторожности.

Что значила такая осторожность на деле, видно по такой, например, сцене из южного путешествия. После длительной, выдержанной в правилах классической китайской воспитанности беседы с настоятелем монастыря под Шанхаем Алексеев добивается своего: «И вот мы уселись читать тяжелое, насыщенное образами славословие — канон Владычицы Лазурной Зари — Бися Юаньцзюнь, владычицы Тайшаня. От этого упражнения понимание текста ничего не выиграло, однако, ибо все непонятное для меня было мне лишь перефразируемо, но не истолковываемо. Явление это мне давно известное. Я никогда и не рассчитываю найти в китайском монахе наставника в изучении текста. Я только сажусь рядом с ним и стараюсь дораста до его прямого понимания текста и культовых идей. Дальше этого претензии идти не могут, ибо теория может быть создана только путем самостоятельного сплошного изучения текста без всяких наставников».

Собранные Алексеевым фольклорные материалы вместе с такими вот живыми наблюдениями над живыми носителями традиции, — все это явилось «мощным коррективом к книжной начитанности» Алексеева. Во всех его исследованиях всегда будет ощущаться этот корректив, ибо следствием его был сложившийся в Китае совершенно новый подход к изучению китайской культуры в единстве и взаимопроникновении составляющих ее, но разделенных стеной иероглифики культур: большой, высшей культуры, наиболее полно отраженной в классической литературе, и «малой» — культурой в неграмотной и полуграмотной трансформации в фольклоре, театре, эпиграфике, религиозном синкретизме.

Заслуга Алексеева, что он не пренебрег «малой» формой культуры, своим подходом к ней опережая время по крайней мере лет на тридцать.

Этот новый подход был главным достижением Алексеева и в его воспитании себя — воспитании в себе ученого, самым, может быть, глубоким следствием его «мучительного перерождения в Китае». Конечно, это воспитание-перерождение определялось самим Китаем, обрушившим на Алексеева лавину новых, далеких от «книжности» впечатлений. И все-таки есть какой-то секрет в непреодолимости влечения Алексеева к «жизни самого народа, жизни города, деревни, улицы». Объяснить это только как продолжение поиска разгадок к загадкам монет-амулетов из музейных коллекций было бы, нам кажется, слишком формальным: скорее наоборот, интерес к амулетам был предвозвестником общего и широкого интереса к культуре народа — фольклору.

Всегда интересно попытаться найти какой-то глубокий импульс, внутренний толчок, определивший отношение ученого к предмету исследования, направления его научного поиска и не так уж наивно напомнить неискоренимые в человеке впечатления детства, те песни новгородских крестьян, которые были отрадой безотрадной жизни. Такой же отрадой были для китайского трудового люда яркие красивые картины. Детство Алексеева привило ему внимание к обыденным вещам, которое перешло в убеждение: многое из того, что не интересует ученых по причине своей обыденности, при вдумчивом рассмотрении обязательно обретет значительность и займет место в образе живой и целостной культуры страны. Китайская народная картина, несмотря на свою кричащую яркость, не вызывала у ученых желания исследовать ее, проникнуть в суть ее содержания. Алексеев был первым из синологов, европейских и китайских, кто увидел в этих повсюду прилепленных эфемерных листках «многовековую народную традиционность», оценил и понял их место в китайской культуре.

Среди коллекций Алексеева, добытых в Пекине и обоих путешествиях, была еще одна: собрание почтовых конвертов и бумаги — особого искусства, «стоящего как бы посередине между профессиональным и народным». За образцами этих гравюр Алексеев рыскал также с большим азартом и собрал в северных и южных городах около семисот разных замечательных по рисунку и каллиграфии экземпляров. (Заметим, что приезжавшие в 1985 г. в Ленинград китайские ученые с изумлением и восхищением разглядывали и эту коллекцию Алексеева, которая хранится вместе с коллекцией народных картин в Эрмитаже.) Почтовые конвертики привлекали Алексеева, конечно, не только изяществом и высоким мастерством рисунка: и в этом традиционном искусстве он видел адаптированную форму большой книжной культуры — на обороте конверта обязательно написана цитата из классиков, тех самых, которых он продолжал штудировать. Сама программа занятий, включавшая фольклор и классику, постоянно наталкивала Алексеева на сопоставления, говорящие о великом единстве традиционной китайской культуры.

Окончание следует

Возвращение сатирика

Н. ЗАХАРОВА

В восьмидесятые годы в Китае одновременно с публикациями новых произведений писателей младшего и старшего поколения, вступивших на литературную арену после событий «культурной революции», выходят в свет отдельные книги и собрания сочинений тех авторов, чьи имена старательно замалчивались на протяжении почти двадцати лет. Как и в советской литературе в последние годы, в КНР идет процесс реабилитации имен, возвращения долгов. Китайские читатели открывают для себя целые пласты отечественной литературы.

Мало кто из литераторов, начинавших в 30—40-е годы и стоявших у истоков литературы КНР, смог дожить до своего второго рождения. В период «черного десятилетия» многие погибли, оставшиеся в живых после всех испытаний уже не смогли вернуться к творческой деятельности. Корифеи современной литературы уходят, но жизнь их продолжается в книгах, которые вновь обретают читателя.

Еще несколько лет тому назад лишь немногим из молодых китайцев было известно имя Чжан Тяньи, чьи книги начиная с 30-х годов были едва ли не самыми любимыми в Китае. Новая волна популярности пришла к нему уже после кончины; умер он весной 1985 г., не дожив до своего восьмидесятилетия полутора лет. Здоровье писателя было значительно подорвано во время ссылки в «школе кадров» в уезде Сяньнин провинции Хубэй. Как вспоминает известная писательница Се Бинсинь, там находились на «перевоспитании физическим трудом» «старые, слабые, большие и немощные» члены Союза писателей¹. Шестидесятипятилетний Чжан Тяньи должен был выполнять сравнительно легкую работу — ухаживать за огородом, но отсутствие элементарных бытовых условий пагубно сказалось на состоянии его здоровья. Через несколько лет после реабилитации, в августе 1975 г., у него произошло кровоизлияние в мозг, однако его сознание до самой смерти оставалось ясным.

Возвращение Чжан Тяньи к читателям началось еще при его жизни. Группа энтузиастов во главе с его женой Чэнь Чэнкуань организовала издание сборника материалов о писателе². Вскоре после появления этой книги в различных издательствах страны стали выходить в свет сборники прозы, сочинений для детей, критических работ Чжан Тяньи. К юбилею писателя, который широко отмечался литературными кругами, шанхайское издательство «Вэнь чубаньшэ» начало выпуск собрания его сочинений в десяти томах. Первые два тома были подготовлены к печати еще при жизни автора.

В сентябре 1986 г. Институт литературы Академии наук КНР организовал конференцию, посвященную творчеству Чжан Тяньи. «Изучение произведений Чжан Тяньи чрезвычайно важно для осознания эволюции литературы левого направления, для понимания проблем сатирической и детской литератур, знакомства с классиками современной китайской беллетристики», — сказал, открывая заседание, Лю Цайфу³. На конференции была дана оценка творчеству Чжан Тяньи — сатирика, детского писателя, литературоведа — в современной китайской литературе.

Детство Чжан Тяньи было во многом типичным для той среды интеллигенции, из которой в первые десятилетия двадцатого века вышли многие известные писатели.

Чжан Тяньи (его настоящее имя Чжан Юаньдин) родился 26 сентября 1906 г. в Нанкине. Отец будущего писателя, получив ученое звание цзюйжэнь, решил искать счастья вне стен родного дома. Это был образованный человек, обладавший многими талантами, но не стремившийся извлечь выгоду из того, чем одарила его природа. Он, как вспоминает близкий друг писателя, был неравнодушен к вину, сочинял стихи, но не научился делать деньги⁴. Чжан Тяньи унаследовал от отца не только жизнерадостный характер, чувство юмора и любовь к искусству, но и склонность к свободному образу жизни.

Детство и юность Чжан Тяньи прошли на юге Китая, в Ханчжоу. Живописные окрестности этого города и его легендарное озеро Сиху вдохновили многих поэтов и художников, воспевавших эту жемчужину Китая. Чудесная природа, преклонение перед прекрасным, прививаемое детям в семье, — все способствовало тому, чтобы в мальчике пробудилось желание посвятить себя служению искусству. В шесть лет Чжан Тяньи пошел в школу. Однако первые же занятия принесли разочарование. Заучивание отрывков из философских трактатов «Мэн-цзы» и «Луньюй» не вызывало интереса, и Чжан Тяньи нашел для себя другое занятие. Тайком от учителя он читал книги. Сначала это были сказки, потом более серьезная литература: классические романы «Путешествие на Запад», «Троецарствие», «Речные заводи», «Неофициальная история конфуцианства». В школьные годы будущий писатель мало чем отличался от сверстников, так же шалил, озорничал, свободное время проводил в уличных играх. Воспоминания детства во многом определили творческую судьбу Чжан Тяньи.

Среди разнообразных граней его яркого литературного дарования особого внимания заслуживает его талант как детского писателя. Он пробовал себя в различных жанрах: в 30-е годы написал сказки «Линь Большой и Линь Маленький» (1932), «Глупый правитель» (1936) и сказку «Империя золотой утки» (1939), которая осталась незаконченной. В первые годы народной власти Чжан Тяньи публикует три рассказа о жизни пекинских школьников («В кино», «История Ло Вэньина» и «Они и мы»), получивших широкую известность. В эти же годы им созданы пьесы «Жун Шэн дома», «Серый волк» и сказки «Глупая история» и «Секрет драгоценной тыквы». Из всех книг, написанных Чжан Тяньи для детей, самой известной и любимой стала его первая сказка — «Линь Большой и Линь Маленький».

Своему повествованию Чжан Тяньи придает острую сатирическую направленность. Писатель поднимает проблемы современного общества — социальное неравенство, коррупция правящей гоминьдановской верхушки, деградация системы образования, эксплуатация детского труда.

В то же время эта книга написана для детей, ее отличают необычность сюжета и атрибутика сказочного мира, язык сказки — живой, яркий и, главное, близкий и понятный детям. Чжан Тяньи открылся в этой книге в качестве тонкого знатока детской психологии. Он понимает, что ребенка в сказке привлекает сложная, запутанная фабула, поэтому с большой выдумкой строит повествование. События сменяются с такой быстротой и непредсказуемостью, что напоминают порой остросюжетный фильм, ход действия которого невозможно предугадать.

Главные герои (их именами названа книга) — братья, но уже в первой главе они по воле случая разлучаются. Младший брат — Линь Маленький — после целого ряда приключений попадает на фабрику, хозяин которой беспощадно эксплуатирует детей. Линь Маленький вместе с друзьями убивает фабриканта и бежит к добрым людям — в сказке это машинист поезда и его товарищи — и вскоре сам начинает водить поезда.

Брату Линя Маленького уготована другая судьба. Его страстное желание — разбогатеть, жизненное кредо — в современном мире только богатые могут быть счастливы. Поэтому, когда лис-полицейский предлагает Линю Большому стать наследником бездетного богача, тот с радостью соглашается.

Незаурядный дар сатирика помогает Чжан Тяньи создать яркий образ Линя Большого. Писатель не боится фантастических преувеличений, нереальных ситуаций — ведь его повествование облечено в форму сказки. Однако им движет не только желание придать сказочный колорит своему произведению. Используя сатирические краски, гротеск, сарказм, он нарисовал неприглядный облик нравственного уродца, пользующегося благами, предоставляемыми отцом, и не способного не только трудиться, но и вообще чем-либо заниматься.

В конце сказки автор дает братьям возможность встретиться. Они не узнают друг друга. Это происходит не только потому, что Линь Большой давно забыл о том, что у него есть родной человек, а Линь Маленький не мог и представить, что толстяк, напоминающий скорее борова, чем человека, и есть его брат, которого он повсюду искал. Жизненные дороги развели братьев в разные стороны, теперь они принадлежат противоположным классам.

Одна из причин популярности сказки в том, что она написана человеком, не утратившим связи с миром детства, сумевшим сохранить в себе непосредственность восприятия

окружающего мира. «Писатель, если хочет создать сказку, которая будет близка и понятна детям, должен иметь в сердце чистоту, присущую детям», — считает друг Чжан Тяньи, писатель Цзян Мулян⁵. Чжан Тяньи в полной мере обладал этим даром.

Повесть была одинаково близка и взрослым, и детям. Поднятые в ней проблемы разоблачали пороки гоминьдановского общества и не могли не вызвать реакции властей. Не остался незамеченным и бунтарский дух сказки, призыв к борьбе за освобождение, вложенный в устав положительного героя. В 1933 г. издание сказки, «призывающей к революции», было запрещено.

В четырнадцать лет Чжан Тяньи поступил в частную литературную школу в Ханчжоу. В двадцатые годы в городе, считавшемся одним из крупных в стране, не было и десяти средних и высших учебных заведений, как государственных, так и частных, число студентов не превышало двух тысяч. Отец будущего писателя всю жизнь испытывал денежные затруднения, но без колебаний отдал сына в платную школу. (Возможно, одной из причин, побудивших Чжан Тяньи впоследствии предложить свои первые рассказы известным шанхайским газетам «Либай лю» и «Синьци», было желание помочь материально своей семье). К тому времени отец его уже не мог работать, и все материальные заботы о семье легли на плечи выросшего сына.

Ханчжоуская литературная школа, в стенах которой Чжан Тяньи провел четыре года, славилась на всю провинцию. Директор школы был поборником консервативных методов обучения, занятия велись на древнем языке взъяне, основное внимание уделялось изучению конфуцианских догматов. Занятия не приносили Чжан Тяньи удовлетворения, он частенько украдкой читал или что-то писал. Литературные вкусы стали разностороннее: помимо отечественной литературы, его привлекала и зарубежная. С детства он хорошо знал английский, поэтому англоязычная литература была доступна ему в подлиннике, а на других европейских языках — в переводах. В крут чтения юности входили самые различные книги: он с одинаковым упоением читал и романы Диккенса, рассказы Золя, Мопассана, и легкодоступные детективные и сентиментальные истории, которые в избытке печатали шанхайские журналы. В шестнадцать лет и сам Чжан Тяньи вместе с товарищами начал выпускать литературный альманах, был и редактором, и художником. Тогда же он решил попробовать себя в настоящей литературе: отправил в редакции свои рассказы, написанные в подражание детективным историям. Неожиданно некоторые из них напечатали. Юный автор был окрылен успехом. Но в ту пору его, и это вполне понятно, привлекал скорее не процесс творчества, а возможность получить гонорар. Но надо заметить, что не только тогда, но и став профессиональным писателем, он не испытывал мук творчества.

Чжан Тяньи всегда писал легко. В период наибольшей творческой активности — с 1930 по 1938 г. — им было создано семь романов и повестей, четыре крупные сказки, около ста рассказов и десятки статей и исследований по литературе. Обычно он писал две-три тысячи иероглифов в день, поражая друзей своей работоспособностью.

В 1924 г. после окончания литературной школы, к удивлению своих товарищей, Чжан Тяньи поступил в Шанхайский институт художеств на факультет живописи. У него, бесспорно, обнаружили задатки искусного каллиграфа, но стать художником? Вероятно, он и сам не помышлял о таком будущем, и уже через год уехал в Пекин, чтобы стать студентом филологического факультета Пекинского университета. Он поселился у сестры в пригороде Пекина и все свободное от лекций время проводил в библиотеке. Его вновь захватила литература: он открыл для себя русских писателей.

Любовь к русской классической литературе Чжан Тяньи сохранил на всю жизнь. Один из исследователей его творчества, У Фухуэй, анализируя влияние мировой литературы на формирование таланта прозаика, отметил, что «благодаря Лу Синю, Гоголю и Чехову он сумел избавиться от пут старой литературы»⁶. Повести Н. Гоголя «Нос» и «Шинель» восхищали Чжан Тяньи своим совершенством. Он писал: «Сюжет их необычен; они задуманы как сатирические произведения, но, лишь прочитав их, понимаешь, что написаны они были не ради занимательности, а как средство отражения правды жизни»⁷. Такую же высокую оценку давал он и рассказам А. Чехова.

В начале 30-х годов Чжан Тяньи познакомился с произведениями М. Горького. «Китайские писатели, — сказал он однажды, — учились у Горького неистощимой энергии борца, они учились у него не только тому, как нужно писать и о чем нужно писать, но и умению жить и бороться»⁸.

Интерес к русской и советской литературе с новой силой проявился у Чжан Тяньи после 1949 г., когда чтение советских книг перестало быть предлогом для ареста, как это было в годы гоминьдановской реакции. Ученик Чжан Тяньи, ныне известный литератор-историк Дэн Юмэй, пишет: «Я не помню, чтобы у Чжан Тяньи были какие-нибудь увлечения. Когда я приходил к нему, то, если на улице было не очень холодно и не очень жарко, заставлял его во дворе дома сидящим в плетеном кресле и читающим. Обычно это были отдельные тома сочинений Ленина или Толстого»⁹.

Чжан Тяньи внимательно следил за переводными произведениями русской и советской литературы. Так, о своих наблюдениях он написал в статье «Произведения Чехова в Китае», опубликованной в 1954 г. в газете «Правда».

Мировоззрение писателя формировалось в годы учебы в Пекинском университете. Перед ним вставали «проклятые вопросы бытия». Он вспоминал: «Меня одолевали отчаяние. Я понимал, что есть проблемы — смысла существования, необходимости революции, любви, — в которых мне трудно самому разобраться. И хотя я тогда отрицал значение искусства и литературы, считал, что они далеки от реальной жизни, они все-таки влекли меня»¹⁰.

Традиционно студенты-земляки в Пекине, да и в других городах Китая, куда они приезжали учиться, поддерживали отношения. Так и Чжан Тяньи был близок с ханчжоусцами. Объединенными в землячество общностью интересов и взглядов на многие «мировые проблемы». В этом кружке говорили обо всем, но чаще всего — о литературе.

Середина 20-х годов — время рождения современной литературы Китая. Не случайно, что молодые люди делились впечатлениями о новых журналах, обсуждали проблемы литературных обществ, а также спорили о книгах французских и русских писателей. Чжан Тяньи не принимал лозунга «искусство ради искусства», осуждал эстетизм и символизм. Он горячо отстаивал свой взгляд на роль литературы в обществе: «Она должна быть реалистичной, рисовать правдивую картину жизни, вскрывать темные стороны общества, указывать путь молодежи вперед»¹¹.

Решающее значение для определения дальнейшего жизненного пути имели для будущего писателя политические события, охватившие страну. Годы учебы в Пекинском университете совпали с революционным движением 1925—1927 гг. Подъем революционных настроений в среде рабочих, крестьян, прогрессивного студенчества захватил и Чжан Тяньи. Переворот Чан Кайши, поражение революции и наступление реакции не могли оставить безучастными молодых людей: они горячо переживали судьбу Родины. Чжоу Зунди, земляк Чжан Тяньи, вспоминал: «Мы стали меньше говорить об искусстве, а чаще о политике и революции»¹². Как и повсюду в стране, в землячестве ханчжоусцев шли споры об отношении к революции, о возможности победы над империализмом, об объединении Родины. Часто страсти разгорались вокруг двух самых влиятельных партий — коммунистической и Гоминьдана. Приобщение к марксистской литературе, чтение произведений Ленина помогли Чжан Тяньи сделать выбор. В начале 1927 г. он вступил в КПК.

В это же время начинается знакомство, а затем дружба Чжан Тяньи с основоположником современной китайской литературы Лу Синем. Вдова Чжан Тяньи рассказывала, что он всю жизнь с величайшим уважением относился к Лу Синю, преклонялся перед его талантом, считал своим учителем. Переписка между ними, поводом к которой послужил рассказ Чжан Тяньи «Сон трех с половиной дней», началась в 1929 г. Это было первое реалистическое произведение писателя об исканиях молодого современника. Рассказ автобиографичен. В нем отразились те изменения в жизни самого Чжан Тяньи, что произошли за два года после того, как он уехал из Пекина.

В 1927 г., не закончив университетского курса, Чжан Тяньи возвращается в Ханчжоу. Здесь молодого человека, не имевшего ни средств к существованию, ни связей, ожидала суровая жизнь. Он сменил немало профессий: был репетитором и переписчиком бумаг, был репортером и занимался редакторской работой, но после публикации нескольких обличительных заметок оказался безработным. Все это, однако, не поколебало его духовной стойкости. Чжан Тяньи поставил перед собой задачу, которая определила все его творчество: «Вскрыть противоречия общества, обнажить лицемерный облик угнетателей, рассказать о борьбе угнетенных»¹³. Много лет спустя, уже будучи признанным мастером слова, Чжан Тяньи вновь подтвердил верность принципу, выбранному в начале творческого пути: «Я хотел помочь людям разобраться, где правда, где ложь, что достойно любви и что — ненависти, говорил читателям — преимущественно молодой

интеллигенции, — какой следует выбирать путь в жизни, куда идти и к чему стремиться»¹⁴.

Рассказ «Сон трех с половиной дней» понравился Лу Синю, и он после небольшой правки поместил его в апрельском номере журнала «Бэньлю» за 1928 г. Такая поддержка всодушевила Чжан Тяньи. «Я почувствовал себя окрыленным, поверил, что смогу стать писателем», — вспоминал он.

Лу Синь внимательно следил за творческим ростом молодого прозаика. В письмах к Чжан Тяньи он отмечал достоинства и недостатки его произведений, приободрял в тяжелые минуты сомнений. Лу Синь способствовал пропаганде сочинений начинающего литератора: благодаря его рекомендациям рассказы Чжан Тяньи были напечатаны в Японии и США. Первая встреча Лу Синя и Чжан Тяньи произошла в Шанхае в апреле 1936 г. Эта и последующие беседы с учителем на долгие годы придали Чжан Тяньи уверенности в жизни и борьбе. Смерть Лу Синя стала для Чжан Тяньи личной утратой. Он участвовал в похоронах, написал траурные транспаранты, в числе молодых писателей опускал гроб в могилу.

После 1928 г. рассказы, подписанные еще мало известным читателям псевдонимом Чжан Тяньи, все чаще и чаще появляются на страницах шанхайских и нанкинских журналов. Он тогда работал мелким служащим в одном из правительственных учреждений в Нанкине. Выполнив необходимую работу, он принимался писать.

Уже в первых рассказах Чжан Тяньи зарекомендовал себя наблюдательным автором, владеющим живым разговорным языком. Хорошо зная жизнь, Чжан Тяньи изображал ее в мельчайших подробностях, выделяясь среди собратьев по перу острым чувством сарказма и едкой сатиры.

Рассказы, основанные на правде, приносят писателю популярность. Критика называет его «новым человеком в литературе»¹⁵. Обращают внимание на молодого прозаика и профессиональные писатели. В эти годы начинается дружба Чжан Тяньи с Мао Дунем, Дин Ли, Ху Фыном, Ся Янем. Под их влиянием осенью 1931 г. Чжан Тяньи вступает в Лигу левых писателей.

В 30-е годы выходят сборники рассказов Чжан Тяньи «От небытия к действительности» (1931), «Маленький Питер» (1931), «Пчелы» (1933), «Переселение» (1934), «Счастливый конец» (1935) и другие. Рассказы приобретают социальную заостренность, герои их разнообразны — это и люди низших слоев общества, обездоленные, потерявшие надежду на лучшую жизнь, и представители мира чиновников, интеллигенты, монахи.

Славу талантливого сатирика писателю приносит его первое крупное произведение — повесть с интригующим названием «Записки из мира духов», опубликованная в журнале «Юэжи чжоукань» в 1930 г. В ней писатель осуждает не отдельных людей в современном ему обществе, не отдельные темные стороны действительности, а всю систему в целом. Помятуя печальный опыт запрещенных цензурой произведений, Чжан Тяньи прибегает к фантастике: события разворачиваются в потустороннем мире, который населяют духи. Обвинению подвергаются все стороны «загробного мира»: отношения между верхами и низами, внутри самой правящей верхушки, система выборов, отношения между государствами. В «Записках» значительное место отведено интеллигенции, здесь сатирик живописует ее верхушку, стоящую в непосредственной близости к правителям. Это целая галерея сатирических образов, наделенных теми же чертами, что их собратья в мире живых.

Начавшаяся в 1937 г. война с Японией застала Чжан Тяньи в Шанхае. Три его рассказа того времени — «Деятельность господина Тань Цзю» (1937), «Господин Хуа Вэй» (1938) и «Новая жизнь» (1938) — справедливо считаются вершиной творчества писателя. В них беспощадно обличаются те, кто в трудное для страны время занимается пустословием, создает видимость активной деятельности, прикрываясь фразами о служении родине и народу, пытается извлечь личную выгоду из бедственного для нации положения. Как и раньше, острое сатиры направлено против тех буржуазных интеллигентов, которые, надев маску борцов с японскими агрессорами, приспособились к новым условиям, не изменив при этом своего образа мыслей и поступков.

Главные герои рассказов «Деятельность господина Тань Цзю» и «Господин Хуа Вэй» во многом похожи друг на друга. Господин Тань Цзю когда-то окончил юридический факультет, после чего на многие годы осел в провинции. Считая себя одним из немногих патриотов города, он в то же время не брезгает спекулировать зерном, стремясь воспользоваться сложной обстановкой в стране в связи с началом войны. В город

приезжают представители Отдела народного просвещения, чтобы организовать учебу по противовоздушной обороне, рассказать о положении на фронте и оказать помощь семьям военнослужащих. Тань Цзю, узнав об этом, решает, что наступил самый благоприятный момент для создания Комитета по оказанию отпора Японии. Он думает, что в этом случае горожане и жители других мест начнут «усердствовать, словно муравьи, носиться взад-вперед и бегать к нему домой, твердя лишь одно: "Ждем ваших указаний, председатель комитета Тань!"»¹⁵ Полагая, что лучшей кандидатурой, чем он сам, на пост председателя комитета нет и что изберут именно его, он заранее распределяет должности в комитете среди своих родственников и приятелей. Чтобы привлечь внимание горожан к своей особе, он обсуждает с учителями состав несуществующего комитета, сообщает посетителям чайной о последних новостях на фронте (которые заметно отличаются от того, что происходит на самом деле). Когда же его приглашают принять участие в обсуждении распорядка предстоящих военных учений, он наотрез отказывается, ибо считает, что нельзя тратить время на такие пустяки.

Предложение о создании комитета не встретило поддержки горожан, потому что они увидели, что Тань Цзю четко представляет лишь форму общения с уездными властями — путем официальной переписки, а конкретная деятельность комитета видится ему весьма туманно.

Чжан Тяньи не пожалел сатирических красок для обрисовки главного героя. Вызывающие у читателя смех поступки сего господина отнюдь не скрывают истинных черт его характера: лживости, своекорыстия, готовности очернить и предать ближнего.

Рассказ был написан «по горячим следам» — вскоре после начала вооруженной агрессии Японии, когда по всей стране развернулась кампания по организации отпора врагу. Однако часто она сводилась к формальной организации различных, фактически бездействовавших комитетов. Не напоминали ли они тот комитет, который безуспешно старался создать господин Тань Цзю? — так ставил перед читателями вопрос автор, пытаясь, очевидно, побудить «государственных мужей» перейти от красивых слов к настоящему делу.

Герой другого рассказа — господин Хуа Вэй (его имя можно перевести как «Могущество Китая») — это тот же Тань Цзю, но рангом выше и действующий в более крупном масштабе. Он возглавляет несколько комитетов по отпору врагу в крупном городе, возможно, в Чунцине, где в пору написания рассказа жил автор. Занят он чрезвычайно: каждый день надо поспеть на несколько заседаний и везде выступить. Речи его не отличаются разнообразием, а о «глубине» их содержания свидетельствует такой «пассаж»: «Массы разнородны. Работы много. И если мы не справимся со своей руководящей ролью, это приведет к опасным последствиям, очень опасным. Практически, без руководящего центра работа на местах обречена на провал. Наша ноша тяжела, но мы не боимся трудностей и берем их на себя»¹⁶.

Третий рассказ — «Новая жизнь» — тематически продолжает первые два, образуя как бы единый цикл. Главный персонаж — Ли Имо — известный художник и беллетрист. Как и в двух предшествующих произведениях, действие разворачивается в первый год антияпонской войны, когда японцы оккупировали значительную часть китайской территории и тысячи китайцев были вынуждены оставить свои родные места и бежать в глубь страны. Можно предположить, что в годы борьбы за создание единого национального фронта Ли Имо, подобно господам Хуа Вэй и Тань Цзю, ратовал за создание комитетов по спасению родины, то есть был активен до тех пор, пока ничто не нарушало его собственную размеренную жизнь. Но сейчас война коснулась его непосредственно: он бежал от японских войск, когда те находились в 60—70 ли от уезда, где он жил. Вражеское нашествие нарушило безмятежный образ жизни: он разлучился с семьей, потерял возможность заниматься привычным делом. Не оттого ли этот человек, отказавшись от всякой деятельности, постепенно спивается и заводит дружбу с предателем? Не оттого ли так пессимистически он смотрит на жизнь? Писатель показывает, что несет война и что она может сделать с человеком, если он не находит в себе сил противостоять ей.

На примере Тань Цзю, Хуа Вэй и Ли Имо читатели познакомились не с отдельными отрицательными характерами, а с социально-психологическими типами. Имя господина Хуа Вэй не забылось, и после 1949 г. оно стало в Китае нарицательным. Подобные господа не исчезли и после образования КНР. Они вновь заявили о себе в годы, предшествовавшие «культурной революции» и во время ее разгула. Не случайно после

1976 г., когда китайские литераторы вновь получили возможность открыто говорить со своими читателями, появились статьи о том, что господин Хуа Вэй не умер и что он все еще продолжает свои демагогические выступления на собраниях¹⁷. Рассказ, всколыхнувший широкие массы китайских читателей в 30-е годы, сохраняет свою актуальность и теперь, через сорок с лишним лет.

Осенью 1942 г. Чжан Тяньи тяжело заболел, у него открылся процесс в легких. Болезнь быстро прогрессировала, друзья писателя стали опасаться за его жизнь. Их тревога была вполне понятна: Чжан Тяньи в то время находился в тяжелых условиях, не хватало денег не то что на лекарства, но порой и на еду. Скоро он оказался почти в нищенском положении. Зная, что в деревне жизнь дешевле, чем в городе, он переезжает в пригород Чунцина. Но и там его жизнь не улучшилась. Друзья решили обратиться к читателям Чжан Тяньи. Газета «Синь Чжунго», издававшаяся в Чунцине, и яньнаньская «Цзефан бао» рассказали о трудном положении известного писателя. В ответ стали поступать письма со словами поддержки и небольшие суммы денег.

Уже пять лет на территории Китая продолжались военные действия. Здоровье писателя подорвали не только жизненные невзгоды, но и поистине титаническая творческая работа. В эти годы тяжелейшего военного времени Чжан Тяньи не имел своего крова, жил у родителей или у старшей сестры, а в последнее время у друзей. Вчитываясь в хронологию его жизни, воспоминания друзей, понимаешь, что Чжан Тяньи своей жизнью доказывал, что у него есть лишь одна цель — литературой служить народу. Отклик тысяч людей на призыв спасти умирающего писателя говорит о том, что простые китайцы оценили эту его жертвенность. Студенты, мелкие служащие, рабочие — все, кто знал его по книгам, старались, кто как мог, помочь ему. В редакции газет ежедневно приходили сотни писем. В них не всегда были деньги (многие в это время находились в бедственном положении), а часто просто слова поддержки. Этот отклик показал, что Чжан Тяньи стал поистине народным писателем — самая большая награда за его труд.

Известие о провозглашении 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики застало писателя в Аомыне (Макао), где он находился на лечении. Только в мае следующего года он смог вернуться на родину. Но еще до этого в июле 1949 года он был принят в Союз писателей, затем назначен директором Центрального института литературы, стал членом Ассоциации защиты детей. С 1953 г. Чжан Тяньи вошел в состав редакции органа Союза писателей — журнала «Жэньминь взньсюэ», а в 1957 г. стал его главным редактором.

Была и еще одна сфера приложения сил. Известный писатель стал наставником начинающих литераторов. Своим воспитанникам Чжан Тяньи старался передать не только секреты творчества, но и умение смотреть на жизнь глазами художника. «Чжан Тяньи был моим учителем в творчестве, но под его непосредственным руководством я не написал ни одного произведения, — пишет один из аспирантов Чжан Тяньи, Дэн Юмэй, — я не решался отнимать у него время на то, что еще не опубликовал... Но до конца дней своих он был моим старшим товарищем, во всем оказывал помощь»¹⁸.

Но все же для настоящего писателя, каким всегда был Чжан Тяньи, первоестественным делом оставалось творчество. Несколько лет после переезда в Пекин писатель не публиковал художественных произведений. После создания в 1947 г. цикла басен он больше не возвращался к сатире. Еще в 1939 г. дискуссия по поводу рассказа «Господин Хуа Вэй» показала, что далеко не все власть имущие с одобрением отнеслись к сатирическому изображению «спасителей родины». После 1949 г. сатира в литературе стала еще более невозможной. Уже с конца тридцатых годов «изображение вредного казалось многим китайским радикалам очернительством или, во всяком случае, менее важным, чем воспевание нового»¹⁹. Теперь Чжан Тяньи пишет только для детей. И он был не единственным примером. Так, Се Бинсинь, известная поэтесса и эссеист, после возвращения в КНР в 1952 г. тоже в основном писала о детях и для детей. Видимо, причиной такой «переквалификации» явилось положение в стране, и в частности в литературе. В пятидесятые годы, когда среди художественной интеллигенции проводились всевозможные критические кампании, устраивались массовые проработки и покаяния, честных художников не могло восхищать то, что происходило вокруг. Они либо вообще отказывались от творчества, либо выбирали нейтральные темы, такие, как детская литература, либо литературоведение. Видимо, чувство ответственности двигало Чжан Тяньи тогда, когда он, получив задание написать пьесу о жизни рабочих типографии и повесть

о преподавателях и студентах Пекинского университета, садился за свой рабочий стол. К сожалению, и пьеса и повесть так и не были закончены. Чжан Тяньи не мог писать по указке. Это происходило в конце 50-х годов. А к середине 60-х уже стало невозможным любое творчество.

Однако обращение к детской литературе было вызвано не только недовольством тем, что происходило в стране. Известный китайский переводчик на английский язык Е Цюньцзянь пишет о Чжан Тяньи: «Неудивительно, что его интересы обратились к детской литературе. В Китае много детей, они продолжают наше дело. Создание литературы для них стало предметом его заботы еще и потому, что, как мне кажется, он испытывал перед обществом высокое чувство ответственности»²⁰.

Вспоминая последние годы жизни писателя, Дэн Юмэй пишет, что Чжан Тяньи радовался переменам, происходящим в Китае после 1976 г. Друзья посоветовали ему купить телевизор, чтобы быть в курсе событий (перенесенный инсульт лишил его возможности самостоятельно двигаться). Просмотр телепередач стал неотъемлемой частью его жизни. Чжан Тяньи часто улыбался: после тяжелых испытаний, выпавших на его долю за долгие годы, он в конце жизни обрел покой. Улыбающимся он и остался в памяти своих друзей.

¹ См.: Чжан Тяньи лунь.— Хунань, 1987.— С. 4

² См.: Чжан Тяньи яньцзю цзыляо.— Хунань, 1982.

³ Чжан Тяньи лунь.— С. 27.

⁴ См.: Чжан Тяньи яньцзю цзыляо.— С. 46.

⁵ Там же.— С. 56.

⁶ Чжан Тяньи лунь.— С. 77.

⁷ Там же.

⁸ Цит. по: Р. Белоусов. В тысячах иероглифов.— М., 1963.

⁹ Дэн Юмэй. Сесе, Тяньи лаоши.— Жэньминь вэньсюэ.— 1985.— № 6— С. 120.

¹⁰ Чжан Тяньи яньцзю цзыляо.— С. 69.

¹¹ Там же.— С. 66.

¹² Там же.

¹³ Чжан Тяньи яньцзю цзыляо.— С. 12.

¹⁴ Цит. по: Чжан Тяньи. Записки из мира духов.— М., 1972.— С. 5.

¹⁵ Там же.— С. 239—240.

¹⁶ Чжан Тяньи сяошо сюань.— Хунань, 1980.— С. 499.

¹⁷ См.: Чжан Тяньи лунь.

¹⁸ Дэн Юмэй. Указ. соч.— С. 118.

¹⁹ Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе.— М., 1969.— С. 4.

²⁰ Чжан Тяньи лунь.— С. 120.

СИС: социум, информация, статистика

Китай — Интерпол

Как сообщает газета «Чайна дейли», в области международной борьбы с преступностью Китай поддерживает контакты с более чем 60 странами. Китай — член Интерпола с 1984 г. Национальное бюро Интерпола в Пекине ежегодно направляет тысячи радиogramм, фотографий и специальных писем в штаб-квартиру этой международной организации, принимая участие в расследовании примерно 200 уголовных дел в рамках деятельности Интерпола. По сообщению Министерства общественной безопасности, китайские полицейские разработали обширные планы укрепления сотрудничества со своими зарубежными коллегами, охватывающие практически все сферы борьбы с преступностью, и прежде всего борьбу с контрабандой наркотиков. Координации мер по борьбе с распространением наркотиков в Азии было посвящено совещание высших полицейских руководителей из 32 стран, которое прошло в октябре 1989 г. в Пекине.

А. ТАРАСОВА

Владимир Клавдиевич Арсеньев собрал в экспедициях огромный разнообразный научный материал, приложив неимоверные усилия. Однако с самого начала своей исследовательской деятельности и до последних дней жизни он щедро делился не только своими знаниями и опытом, но и всеми имевшимися в его распоряжении научными материалами. Для него не имело сколько-нибудь существенного значения, сам он будет вводить их в научный оборот или ими смогут распорядиться другие ученые. Из центра и многих отдаленных уголков нашей страны шли к нему запросы, просьбы от исследователей, практических работников, студентов, школьников, и он не оставлял без ответа ни одного письма, ни одной просьбы. Зачастую Владимир Клавдиевич сам предлагал заинтересованным лицам и учреждениям свою помощь.

Еще при жизни путешественника его материалы, главным образом неопубликованные, использовали в своих трудах академики Л. С. Берг и В. Л. Комаров, члены-корреспонденты АН СССР Л. Я. Штернберг, Д. К. Зеленин, видные ученые С. А. Бутурлин, П. В. Виттенбург, А. А. Емельянов, Б. М. Житков, Е. Г. Кагаров, И. В. Палибин, В. К. Солдатов и многие другие. После смерти В. К. Арсеньева к его экспедиционным дневникам, опубликованным и неопубликованным работам обращались и обращаются ученые, писатели, краеведы, люди самых различных специальностей. К настоящему времени мною выявлено более 60 работ, авторы которых опирались на труды и материалы В. К. Арсеньева.

Еще одним ярким свидетельством его бескорыстного отношения к науке и преданного служения ей являются недавно обнаруженные нами 9 неопубликованных писем Владимира Клавдиевича к известному деятелю Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, доктору географических наук, этнографу и музееведу В. В. Богданову (1868—1949).

Они познакомились в Москве на заседании ОЛЕАЭ в 1911 г., где Арсеньев делал доклад об этнографии удэгейцев, затем стали переписываться. В 1915 г. в журнале «Этнографическое обозрение» (1915, № 1—2) В. В. Богданов опубликовал рецензию на книгу В. К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» (Хабаровск, 1914), высоко оценив этот труд. Во все свои приезды в Москву Арсеньев виделся с Богдановым.

Из их переписки пока обнаружено только 9 писем Арсеньева за период 1913—1929 гг. (Архив Института этнографии АН СССР, ф. В. В. Богданова; описей не имеет) и 12 писем Богданова за 1911—1929 гг. (Приморский филиал Географического общества СССР, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, д. № 10, л. 1—14). В письмах Богданова содержатся главным образом просьбы о доставке в Румянцевский музей коллекций и книг, уведомления о их получении, а также сообщения о высылке дипломов об избрании Арсеньева действительным (13 октября 1911 г.) и почетным (20 октября 1928 г.) членом ОЛЕАЭ, приглашение на 5-ю сессию Центрального бюро краеведения (1924 г.), предложения о написании Арсеньевым статей для московских журналов и другие вопросы. В письме от 2 июля 1927 г. Богданов известил Арсеньева о статье президента Академии художеств П. С. Когана «Встречи и впечатления у Горького» («Вечерняя Москва», 1.06.1927 г.), из которой узнал о том, что краеведческая работа Владимира Клавдиевича «встретила большое одобрение Максима Горького». 25 октября 1928 г. Богданов сообщил, что после недавнего отъезда Арсеньева из Москвы о нем «везде еще много говорили, конечно, восторженно». Из письма от 26 декабря 1928 г. впервые становится известно, что «в Доме ученых на Кропоткинской просматривают киноленты «Лесные люди» и «В дебрях Уссурийского края», научным консультантом которых был Арсеньев».

Тарасова Анна Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока.

Более 30 лет посвятил В. В. Богданов изучению сухопутного транспорта различных народов мира. Начав сбор материалов в 1916 г., он занимался этим до конца жизни, но ему не удалось завершить полностью обобщение собранных материалов, хотя на их основе он написал большое количество работ, в том числе статьи «Телега, упряжка и упряжные животные в Китае» и «Средства передвижения в Монголии». Главной же работой является монография «Колесно-упряжной транспорт в истории культурного сближения народов Европы, Азии и Северной Африки». Все эти труды остались, к сожалению, неопубликованными¹. В связи с подготовкой упомянутой монографии Богданов обратился 25 января 1927 г. к Арсеньеву с просьбой помочь ему в освещении многих вопросов по колесно-упряжному транспорту Китая и Маньчжурии, в подборе литературы и иллюстраций.

Предлагаемые вниманию читателей два из 9 писем В. К. Арсеньева являются, как и остальные семь, ответом на эту просьбу и свидетельством того, с каким глубоким знанием предмета и каким исключительным вниманием Владимир Клавдиевич относился к подобному рода просьбам.

Письма публикуются с некоторыми сокращениями. Все дореволюционные даты приведены по старому стилю. Орфография и все особенности текста сохраняются авторские.

Глубокоуважаемый
Владимир Владимирович!

Владимир Клавдиевич
Арсеньев
г. Владивосток
Бестужевская № 35
I. II. 1928 г.

Как Вы знаете, я был в экспедиции по маршруту Советская Гавань — Хабаровск, закончил ее в октябре. Весь путь я совершил в 116 суток, перешел пять больших горных хребтов и выдолбил пять лодок. Всего в тайге оставил девять лодок. Как только я прибыл в Хабаровск, немедленно был командирован в Японию в составе делегации от ДВ края². По возвращении из Японии в декабре 1927 г. я должен был снова прибыть в Хабаровск. Только теперь я вернулся к себе во Владивосток и засел дома. На столе я застал множество писем, на которые и отвечаю в хронологическом порядке.

Я очень извиняюсь, Владимир Владимирович, что выполняю Вашу просьбу со столь большим опозданием. Быть может, и нужда уже миновала в сведениях о колесницах и арбах. Тогда я как раз собирался в экспедицию и с утра до ночи согласовывал, урезонивал, доказывал, ликвидировал тысячи выплывающих одно за другим недоразумений. Надо было заблаговременно выслать вспомогательные экспедиции и устроить далеко в горах питательные базы. Я очень извиняюсь еще раз и, хотя после времени, все же посылаю Вам две фотографии и кратко отвечаю на все вопросы, поставленные в Вашем письме. Я никогда не сосредоточивал внимания на таких деталях арб, о которых Вы пишете, поэтому вряд ли сумею ответить Вам на все задаваемые мне вопросы, но все же постараюсь это сделать возможно лучше и возможно подробнее.

Отвечаю по порядку:

1) китайская арба носит на себе следы первобытной повозки. Совершенствуются детали украшения, но основа ее остается по-прежнему примитивной. Раму и оглобли Вы рассмотрите на фотографиях. Оси вращаются с колесами вместе, как у железнодорожных вагонов. Колеса очень тонкие и потому глубоко врезаются в землю, в особенности у арб, предназначенных для перевозки знатных лиц. Колеса с широкими ободами считаются некрасивыми. Грузовые арбы имеют железный обод с гвоздями, шляпки которых плоские³. Гвозди набиты часто. Колесо грузовой арбы сделано очень грубо, у арбы для знатных лиц — очень изящно и по краям обито множеством гвоздей (см. рисунок)⁴. У этой последней арбы железный обод имеет зубья, как у пилы⁵, для того чтобы они врезались в землю. Сравнительная ширина ободьев той и другой арбы такова⁶. В древних железных ободах на колеса не делается вовсе. Грузовая арба «Та-че». Арба для людей «Дё о-че». Арба малая «Сяо-че» — так же называется и тачка. Вероятно, отсюда славяне позаимствовали наше слово «тачка», доставленное в Россию татарами в начале XIII столетия. Колесо — $Ч \frac{a}{e}$ — гулу, оглобли — $Ч \frac{a}{e}$ — га (н). Окружность колеса — $Ч \frac{a}{e}$ — фу. Ось — $Ч \frac{a}{e}$ — чжу.

Арбы китайцев не смазываются и потому при движении издают скрип и визг. Китайцы говорят, что это хорошо. Все знают, что едет не вор и не грабитель, а честный человек.

2) Упряжные животные. На юге запрягают рогатый скот в грузовые арбы и лошадей — в арбы для людей. На севере только лошадей. Иногда впрягают ослов и чаще мулов. На юге каналы, лодки паланкины, на севере дороги и упряжным животным является чаще всего лошадь и мул. Арбами пользуются круглый год и по всем дорогам. Дороги в лессовых местностях и с почвой из глины до крайности испорчены арбами. Колеса прорезаны так, что ось касается полотна дороги. В дождливое время года дороги делаются непроходимыми и сообщение иногда надолго прерывается.

Отношение к лошадям и мулам жестокое, бьют бичом по голове, вследствие чего часто выстегивают животным глаза. Китаец говорит, что ей не надо смотреть куда ехать — это его дело, он сам за ней смотрит и куда надо направляет. Буйвол — только на юге. Упряжных животных кормят хорошо. Китаец очень любит, чтобы лошадь имела формы тела округлые. Кормят бобовыми жмыхами, соломой и сеном. Грива коротко подстригается. Ковка горячая, варварская, на станке. Не подкова подгоняется к копыту, а наоборот — копыто к подкове, вследствие чего получается торцовое копыто, что делает лошадь слабосильной (неустойчивое положение). Опаленные копыта крошатся, трескаются, и лошади часто обезноживаются. Упряжь состоит из широких ремней с многочисленными кольцами (медными), отчего на белых лошадях по всему телу появляются большие зеленые пятна. Дуги нет. Хомут шьется из соломы. Половины его сверху не соединены и лежат плотно по сторонам шеи. Имеется иногда впереди еще широкий ремень нагрудник. Седелка с маленькими рогульками — деревянная. Лошадь управляется криками. ИИИ! — стой. Ио! Ио! — подбадривание и поворот направо. Ча! Ча! Ие! Ие! Ие! — налево. Тр! Тр! — подторапливание. Возчики имеют длинные бичи, которыми они ловко щелкают, производя звук резкий, как револьверный выстрел. Лошади делаются злыми и всегда кусаются. Итак, буйвол — для земляных работ, бык и корова — упряжные животные и для пахоты — все три на юге. Як — упряжной — на западе, верблюд — тоже на западе в качестве вьючного и упряжного животного. Лошадь — в северном Китае в качестве упряжного животного. Китайцы не умеют и не любят ездить верхом.

3) Об упряжи я сказал выше. Цугом не видал ни разу. Упряжка редко дышловая, но дышло короткое. Очень часто лошадь в оглоблях, которые доходят только до плеч животного. Припряжка сбоку — обычное явление. Китайцы на своих маленьких лошадках перевозят значительные тяжести. Я лично считаю, что их упряжь лучше русской. Последняя громоздкая. Если будет нужно, я смогу достать Вам ряд фотографий. Если Вы возьмете мою книгу «Rassen und Chinesen in Ostsibirien, Berlin, изд. 1926 г., то на стр. 72—73 найдете три очень хороших рисунка, которые дадут Вам ответы на многие вопросы, изложенные в письме Вашем, на которое я отвечаю со столь большим опозданием. Книга эта есть в библиотеке Русского географического общества в Ленинграде, возможно, что Вы найдете ее и в Москве в Румянцевской библиотеке. Если в Москве этой книги нет, Вам надо или писать в Ленинград в РГО, чтобы сняли фотографии с рисунков на стр. 72—73 (рисунки очень хорошие, как гравюра), или напишите мне, я сделаю это. Я мог бы сфотографировать и теперь, но не знаю, стоит ли заниматься такой процедурой, вследствие большого запаздывания в ответе. Быть может и нужда в них уже для Вас миновала.

4) Ответы на вопрос о путях сообщений Вы найдете и в предшествующих страницах моего письма. Китайские дороги (да и наши грунтовые), как и у других народов, в самом отвратительном состоянии. Это вынуждает делать колеса грубые, массивные. В Китае и в Корее не бывает глубоких снегов. Даже во Владивостоке сани не в ходу. В случае выпадения снега китайцы продолжают работать на телегах. Упряжка летом и зимой остается все та же.

5) Как Вы знаете, к очень устойчивым этнографическим признакам относятся детские зыбки, женские прически, дома, лодки и арбы. Арба восточных народов в течение многих веков осталась такой, какой она была и ранее. Она не эволюционировала. Дороги могут улучшаться, а арбы остаются теми же несовершенными повозками, как и раньше.

6) Грузоподъемность арбы зависит не столько от нее самой, сколько от сил упряжных животных и состояния дорог. Маньчжурские дороги самые ужасные. Максимальная нагрузка 30 пудов.

7) Двухколесная арба — есть большая тачка. Она стоит дешевле телеги, ибо имеет только

два колеса. Она легче «пробирается» по грязным дорогам, ее легче вытащить, если она застряла. Но самое ценное ее преимущество при переездах по горным дорогам: она устойчивее и может делать крутые повороты. Достоинно удивления, что русские в Восточной Сибири там, где есть местности гористые, тоже переходят от четырехколесных экипажей (легковых) к двуколкам, которые здесь на Дальнем Востоке в период с 1899 по 1912 гг. особенно были распространены. В городах Харбине, Хайларе, Гирине и др. очень многие китайцы-возчики завели четырехколесные телеги взамен арб. В городах четырехколесные телеги вытесняют арбы очень успешно.

С вьючными лошадьми китайцы ходят мало. Они предпочитают переносить грузы на себе в котомках [...] носят по 1,5—2 пуда, корейцы 3 и даже 4 пуда. С лошадьми движение происходит медленнее, с ними хлопотно, надо окарауливать ночью и нельзя оставлять на биваке днем. Переход через каменистые осыпи, овраги по бурелому через быстрые горные реки люди производят беспрепятственно, а для лошадей есть много мест совсем недоступных. Вообще лошадь у народов Востока очень недавно (позже всего в Японии) и до сих пор не в большом ходу.

Конспект вопросов, которые Вы мне изложили в своем письме, есть по существу работа для целой монографии. Для того, чтобы дать подробные ответы, я думаю, надо несколько месяцев работы. На этих пяти страницах я ответил очень кратко — сделал все, что был в силах сделать. ...

Теперь два слова относительно библиографии. Много материалов по арбам, дорогам, упряжным животным Вы найдете в двух томах Алексея Позднева (не Дмитрия Позднева, а его старшего брата Алексея) «Монголия и монголы. Дневник и маршрут 1892 г.», изд. С. Петербурга, тип. Академии наук, 1896 г. Затем отдельные места у Ратцеля, Осюкина, Э. Реклю. Больше всего указаний на литературные материалы может дать Библиография этнографической литературы Зеленина⁷.

В г. Харбине в Коммерческом училище находится большой знаток ориенталист Павел Васильевич Шкуркин⁸. Если Вы напишете ему, он сообщит Вам много нового, а может быть пришлет и фотографии. Я П. В. Шкуркина об этом со своей стороны уведомя. Еще один вопрос. Должен ли я продолжать подбирать для Вас материалы об арбах и далее или Вы уже свою работу закончили? Если да, то я стану следить за литературой, стану списываться с Японией, Кореей, Монголией, Маньчжурией и Китаем, стану подбирать и фотографии.

Сейчас я готовлю к печати свою книгу «В горах Сихотэ-Алиня». На днях выходит (брошюруется) «Быт и характер народностей Дальнего Востока». Вышлю ее очень скоро.

В заключение позвольте, глубокоуважаемый Владимир Владимирович, еще раз извиниться за задержанный ответ и пожелать Вам всяческих радостей и успехов.

Искренно Ваш В. Арсеньев

Владимир Клавдиевич
Арсеньев
г. Владивосток
Бестужевская № 35

Глубокоуважаемый
Владимир Владимирович

Я очень извиняюсь за то, что задержал высылку Вам нужных фотографий. [...] Книгу о китайцах на немецком языке я отдал фотографу. [...] У нас нет хорошей бумаги, и мы печатали на очень плохой. Прекрасные рисунки вышли неважно. Посылаю их Вам в том виде, в каком получил сегодня.

Уведомяю Вас, что во французском Антропологическом журнале за 1926 г. имеется интересная статья о древних колесницах и способах упряжки лошадей у египтян, греков, римлян.

L'Anthropologie 1926. Vol. XXXVI, № 3—4. Paris.

Искренно Ваш В. Арсеньев

Письма В. К. Арсеньева к В. В. Богданову за 1913, 1928—1929 гг., являющиеся автографом, содержат ценные сведения этнографического и биографического характера. Из письма от 22 января 1929 г. впервые становится известным место написания Арсеньевым книги «Сквозь тайгу» (М.—Л., 1930) — г. Никольск-Уссурийский (ныне — Уссурийск). Временное «бегство» в захолустный, тихий в то время городок было вызвано тем, что во Владивостоке у Арсеньева совершенно не оставалось времени на занятия литера-

твренным трудом из-за загруженности служебными и общественными делами. Большой интерес представляют высказывания Арсеньева о собственных книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» в плане этнографии, а также об отдельных ученых — Ф. Ф. Аристоле, Л. Я. Штернберге, Г. А. Ушакове и других — в письмах 1929 г.

Вспоминая о присланном Арсеньевым фотоматериале, во 2-й главе своей монографии Богданов писал: «Мне удалось получить ряд фотографий и разъяснений для Маньчжурии и Северного Китая от покойного В. К. Арсеньева, которому пришлось специально для этого сделать дополнительные наблюдения и снимки...» В очерке «Двухколесная и четырехколесная телега в истории культуры восточно-азиатского и средиземноморского мира» Богданов также писал, что им использованы многие фотографии, присланные Арсеньевым. Всего в фонде В. В. Богданова имеется 10 фотографий, полученных от В. К. Арсеньева. На 5 снимках проставлены даты (1925, 1926 и 1928 гг.) и сделаны поясняющие надписи рукой автора «Дерсу Узала».

В 1930 г. В. В. Богданов выступил инициатором создания при ОЛЕАЭ журнала «Земля и люди», ставившего своей задачей пропагандировать новейшие достижения науки и техники в деле изучения и использования производительных сил природы и человека в СССР, а также в других странах. Он составил проспект журнала, перечень статей для первого номера и список приглашенных авторов. В первом номере журнала намечалось опубликовать первоочередно статьи В. К. Арсеньева «Амур и Приамурье теперь и в будущем» и П. К. Козлова «Возрожденная Монголия». В 1931 г. ОЛЕАЭ прекратило свое существование, поэтому идея В. В. Богданова об организации журнала не была реализована. О судьбе упомянутых статей ничего не известно.

В списке докладов В. В. Богданова, прочитанных в ОЛЕАЭ в период 1924—1930 гг., под № 10 значится: «Воспоминания о Владимире Клавдиевиче Арсеньеве и его научной деятельности на Дальнем Востоке». По-видимому, эти воспоминания остались неопубликованными, а местонахождение рукописи сегодня неизвестно.

¹ Этнографическая наука до настоящего времени не располагает монографическими исследованиями по этой проблеме. Лишь сравнительно недавно появились три статьи: *Кожан П. М.* Проблема происхождения колесного транспорта // *Древняя Анатолия*. — М., 1985; Он же. Первые повозки // *Вопросы истории*. — 1986. — № 7; *Кожанов С. Т.* Ханьские повозки. — Новосибирск, 1983 (препринт).

² 26 октября 1927 г. Арсеньев выехал из Владивостока в Японию в составе научной экскурсии работников Дальневосточного университета (Н. А. Агрономов, В. М. Савич, Н. П. Овидиев и др.). Целью экскурсии было установить научные связи с Японией, откуда уже раньше приезжали во Владивосток ученые. Экскурсия была встречена доброжелательно и окружена исключительным вниманием. Ей были показаны научно-учебные и культурные учреждения, а также крупные промышленные предприятия как в Токио, так и в других городах Японии (Научный работник. — 1928. — № 2. — С. 98). Сохранилась записная книжка Арсеньева, в которой помечено, что экскурсанты посетили города Токио, Киото, Осака, Цуруга и другие. (АГО, ф. ВКА, Оп. 2, д. № 14, листы не пронумерованы).

³ Далее в тексте дается два рисунка («в плане» и «в профиле») железного обода с набитыми на него гвоздями. Этот и все остальные рисунки, помещенные в тексте данного письма, выполнены самим Арсеньевым.

⁴ Перед словами «см. рисунок» дан рисунок части колеса.

⁵ После слова «пилы» дан рисунок обода.

⁶ После слова «такова» имеется два рисунка ободьев арбы грузовой и арбы для знатных лиц. Следует отметить, что колесно-упряжной транспорт и в настоящее время является для некоторых стран основным видом транспорта. Так, в Индии, например, к 1980 г. насчитывалось 16 миллионов телег и повозок. Подсчитано, что там ежегодно на валах перевозят 2250 миллионов тонн грузов, а на железных дорогах — в 10 раз меньше, что гужевой извоз дает работу 20 миллионам индийцев, автотранспорт — 6 миллионам, а железнодорожный — 1,6 миллиона человек. Так это после 5 тысяч лет службы традиционные одноколески и повозки пока не уходят «на пенсию» (И. Ковалев. О двух колесах. — Известия.)

⁷ Имеются в виду труды: *А. Позднеев.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. — Т. I. Дневник и маршрут 1892 года — СПб., 1896. — Т. II. Дневник и маршрут 1893 года — СПб., 1898; *Ф. Ратцель.* Народоведение — СПб., 1903; *Э. Реклю.* Земля и люди. Всеобщая география. — Т. VII. Восточная Азия; Китайская империя, Корея и Япония — СПб., 1885; *Д. К. Зеленин.* Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России, 1700—1910. Жилище, одежда, музыка, искусство, хозяйственный быт. — СПб., — 1980. — 17 мая. 1913 (Записки РГО по Отд. этнографии. — Т. 40, вып. I). Об Осокине и его трудах сведений найти не удалось.

Путь самурая

(часть II — «Секреты будзюцу»)

А. ДОЛИН

II. Будзюцу — воинское искусство

Секреты *будзюцу* самураи, как и все прочие смертные на Дальнем Востоке, осваивали в рамках традиционных школ (*рюха*, или просто *рю*). Система школ, дожившая до наших дней, например, в *каратэ*, уходит корнями в раннее средневековье и имеет прямые аналогии в воинских искусствах Китая, Кореи, Вьетнама, Бирмы. Слово *рюха* состоит из двух иероглифов, где *рю* означает «течение» в прямом и переносном смысле, а *ха* — «школа», «секта», «группировка». Подразумевается здесь передача традиций *будзюцу* во времени. В XVIII в. насчитывалось до девяти тысяч разнообразных *рю* — по большей части имеющих дело с одним или несколькими конкретными видами оружия. В том числе изучалось: *кэндзюцу* (фехтование), *иаидзюцу* (искусство мгновенного обнажения меча с последующим ударом), *содзюцу* (владение копьем), *нагинатадзюцу* (фехтование на алебардах), *кюдзюцу* (стрельба из лука), *бадзюцу* (вольтижировка), *сасуматадзюцу* (владение рогатиной), *тигирикидзюцу* (владение кистенем), *тэцубодзюцу* (владение железной палицей), *бодзюцу* (владение шестом), *дзёдзюцу* (владение дубинкой), *содэгарамидзюцу* (владение багром). Кроме того, существовало множество *рю*, специализировавшихся по малым, подручным видам оружия, о которых речь пойдет ниже. К *будзюцу* относились также и дисциплины, не связанные с применением оружия: *дзюдзюцу* (самооборона без оружия), *кумиути* (борьба без оружия в доспехах), *сумо* (классическая борьба, давно превратившаяся в развлекательный вид спорта), *ходзёдзюцу* (искусство связывания противника), *суйэйдзюцу* (плавание) и другие. В списках *будзюцу* значатся и такие серьезные предметы, как *тихудзёдзюцу* (фортификация), *ходзюцу* (канонирское дело), *норосидзюцу* (раскладывание сигнальных костров) или *сэндзёдзюцу* (искусство маневрирования частями на поле боя).

Рю исторически формировались по двум линиям: по принципу кровного родства (*сэй*) и профессиональной общности (*дай*). Чаще всего в период зрелого и позднего средневековья *рю* действовали в рамках отдельных самурайских кланов и являлись достоянием клана.

Большинство японских школ, как, впрочем, и китайских, были обязаны своим происхождением подвижнической деятельности отца-основателя (*сёсэй* или *сёдай*), удостоившегося божественного откровения после долгих лет поисков. Пресловутое откровение (*тэнсинсё*), даже если оно и имело место, непременно приписывалось благочестивому самураю или храмовому воину (*сохэй*) для вящего престижа. Многие *рю*, окутанные ореолом таинственности, носили более или менее заметный отпечаток влияний тантрического буддизма и синтоистской мистики. Почти все имели «опорный пункт» в каком-либо буддийском или синтоистском храме, где не только проводились отправления местных и государственных культов, но и шли регулярные занятия. Храмы, особенно дзэнские, с их специально оборудованными залами для медитации и просторными дворами, были идеальным местом для упражнения в *будзюцу*.

В отличие от Китая, где антимагичурская борьба тайпинов и ихэтуаней вывела воинские искусства за рамки отдельных школ и сект, сделав их доступными для широких народных масс, японские *будзюцу* всегда имели ярко выраженный сословный характер и развивались в русле эзотерических традиций. Даже внутри одного клана далеко не каждый получал доступ к святым святым, тайным заповедям школы (*мицудэн*). Наставления отца-основателя и его ближайших преемников обычно фиксировались в рукописном свитке с иллюстрациями (*макимоно*), который хранился непосредственно у главы школы. Однако, даже располагая подобным свитком, самостоятельно, без опытного наставника.

Продолжение. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», 1989, № 6.

схватить сложные комбинации приемов было делом безнадежным. Учитель в течение долгих лет передавал свои познания ученикам «из рук в руки» и «от сердца к сердцу».

Официальный руководитель школы назывался *измото* — буквально «глава дома». Со временем система *измото* превратилась в широко разветвленный узаконенный институт, объединявший не только традиционные воинские искусства, но и такие разнородные области, как придворная музыка, сложение пятистиший-танка, гадание, каллиграфия, живопись, пение, соколиная охота, игра в мяч, аранжировка цветов, изготовление колодажей и фигурок из бумаги, театральные представления *Но* и др.

Целью создания системы *измото* была максимальная профессионализация всех «общественно полезных» занятий по цеховому признаку, выработка канонов и раздел сфер влияния между конкурентами. Кроме того, в рамках каждой школы, как и в Китае, складывались особые отношения между наставниками и учениками, представлявшие собой странную смесь конфуцианских добродетелей, дзэн-буддийской жизненной философии и низменных материальных расчетов. Целью обучения провозглашалось постижение великого Пути (До, кит. Дао), присущего тем или иным предметам: мечу, копью, кулаку, цветам, чаю, бумаге и т. п. Другими словами, учитель должен был раскрыть ученикам истинное предназначение данного предмета (например, меча) и научить их извлекать из него все те преимущества, которые он только может дать в земной жизни.

Поскольку древнее конфуцианское правило гласит, что долг ученика перед учителем выше гор и глубже морей, авторитет *измото* был абсолютно непререкаем. Поступая в школу, ученик добровольно обрекал себя на духовное рабство, которое нередко дополнялось рабством физическим: новичкам доставалась вся грязная работа в доме учителя.

В разраставшихся школах, которые насчитывали порой десятки и сотни человек, самого назначали из числа лучших учеников старших преподавателей (*сихан*), однако оставляли за собой право приема экзаменов и выдачи лицензий. В дальнейшем стали появляться преподаватели нескольких разрядов, которые постепенно передавали своих учеников из младшей группы в старшую. Создавалась иерархическая лестница, в основном копирующая структуру отношений в самурайских кланах. Как уже отмечалось, новшества и всевозможные нововведения в подобных условиях были почти невозможны, и поэтому школы *будзюцу* сохранили все свои изначальные особенности до наших дней. Современные японские идеологи националистического толка усматривают в «вертикальной» структуре традиционных школ прообраз отношений, сложившихся в японском обществе второй половины XX в.

Верность господину и беспрекословное подчинение наставнику стали краеугольными камнями педагогической системы средневековых школ *будзюцу*. «Когда личность — а не разум, душа — а не рассудок избираются учителем в качестве материала для работы, его занятие обретает священный характер», — пишет Инадзо Нитобэ в книге «Бусидо. Душа Японии». «Родители дали мне жизнь, учитель сделал меня человеком», — гласит одна из заповедей самурайства. При такой постановке вопроса почет и уважение, оказываемые учителю, были чрезвычайно велики. «Твой отец и мать подобны небу и земле, — гласит другая заповедь. — Твой господин и учитель подобны солнцу и луне». Нетрудно проследить в этих высокопарных изречениях кровное родство с широкоизвестными конфуцианскими догмами, на которые опирались правители феодальной Японии.

Обучение в родовых школах начиналось чуть ли не с младенчества, и от юного неопита не требовалось иных гарантий верности, кроме кровных уз. Традиция оттачивалась из поколения в поколение, достигая в каждом новом отпрыске рода предельного блеска и совершенства. Постепенно семья разрасталась в силу естественного прироста, и обладателями секретов школы становилось значительное число людей. Это была элитарная прослойка *рю*, приобщенная к «тайным заповедям». В некоторых случаях все они были связаны обязательством никогда, никому и ни под каким видом не выдавать своих познаний. Из родовой школы благодаря своим ратным подвигам получали назначение на официальную должность наставника фехтования, стрельбы из лука и т. п. Естественно, вассальный долг обязывал виртуоза не за страх, а за совесть обучать молодых самураев, что он и делал, не посвящая, впрочем, своих подопечных в *мицудэн*.

В более многочисленных *рю*, сформированных по принципу профессионального отбора, трем и посвящение осуществлялись по-иному. Абитуриента, если он не был лично знаком с наставником школы, должен был непременно рекомендовать кто-либо из старших учеников. Поступающий должен был также представить доказательства своего благородного происхождения из семейства самурая (*букэ*) или кiotоской дворцовой знати (*кугэ*).

Далее в процессе собеседования выяснялась степень его физической и духовной подготовки, а также оговаривались условия занятий (многие школы были платными). Если беседа оканчивалась к обоюдному удовлетворению сторон, поступающий расписывался кровью, а точнее ставил фамильную печать под уставом школы. Правила, перечисленные в уставе, варьировали большинство положений *Бусидо*, делая особый упор на уважении учителя (*сансэй*) и старших по уровню мастерства (*сэмпай*). В любом уставе требование секретности стояло на одном из первых мест. Нарушение обязательств по отношению к школе каралось смертью. *Рю* во главе с верховным наставником функционировала во времени и пространстве как некое независимое социальное объединение, братство по оружию. Прошедший полный курс обучения получал своего рода «аттестат зрелости» в виде свитка с печатью учителя, но на этом связи со школой не порывались, ибо считалось, что долг перед наставником оплатить в земной жизни невозможно.

В школах *будзюцу*, за редким исключением, не существовало специальных тренировочных костюмов. Поскольку полученные технические навыки должны были находить применение в реальной жизни, обычно самураи приходили на занятия в стандартном «партикулярном» платье. Форма состояла из куртки с широкими рукавами (*хаори*) и широких шаровар (*хакама*), не стесняющих движений. Вся конструкция подпоясывалась кушаком, а на лоб надевалась повязка для удержания волос (*хатимаки*). Ноги были босы, хотя в быту самураи всегда обувались в мягкие сандалии. Можно представить себе, с какими сложностями при отражении неожиданной атаки сталкивались даже опытные мастера, облаченные в парадные одежды — длиннейшее кимоно со шлейфом и рукавами почти до пола, а также «выходные» удлиненные шаровары (*нага бакама*) со штанинами, волочащимися по земле.

К обучению в школе воинских искусств (обычно в одной, хотя приветствовались и последовательное обучение в нескольких *рю*) самурай готовился с детства. Японские дети, несмотря на искони присущее родителям конфуцианское чадолубие, всегда росли в суровых условиях. В самурайских домах, как и в крестьянских, мальчишки зимой и летом бегали в легком платье, с непокрытой головой и босиком либо в легких соломенных сандалиях *дзори*. Носки (*таби*) выдавались только к парадным выходам. Отопление, весьма несовершенное и представлявшее собой вмонтированную в пол жаровню с углями, было редкостью даже в замках. Знаменитое стихотворение, в котором критики порой усматривают нотки социальной сатиры, отражало типичную деталь средневекового быта:

Провел я как-то ночь
В опочивальне князя —
И все равно продрог.

Вот что пишет автор «Сокрытого в листе» о воспитании детей в самурайских семьях: «Существуют вполне определенные методы воспитания ребенка самурайского рода. С ранних лет следует поощрять его храбрость, не следует запугивать его или обманывать. Если еще в детстве он будет мучиться тревогой и страхами, след от нанесенного ущерба останется с ним до могилы. Родители не должны слишком опекать ребенка, нельзя позволять ему обнаруживать страх при ударе грома, не нужно запрещать ему гулять в темноте. Скверное обыкновение — рассказывать ребенку страшные истории, чтобы заставить его замолчать, когда он плачет. В то же время, если ребенка слишком сильно наказывать, он вырастет слишком робким, самоуглубленным созданием. В любом случае необходимо заботиться, чтобы он не приобрел дурных черт характера».

Рацион взрослых и детей включал лишь рис, редьку, соленые баклажаны и огурцы, бобы, моллюсков и рыбу. Мясо потреблялось в основном только после охоты или на званых пирах.

С младых ногтей *буси* приучали не бояться темноты, одиночества, дикого зверя и нечистой силы. Классическая литература переполнена рассказами о подвигах самураев, торжествующих благодаря своему хладнокровию и мужеству над коварной нечистью. Вкус к выслеживанию, погоне, убийству прививался на охоте. Бесстрастное отношение к человеческой крови воспитывалось при упражнениях с мечом на трупах врага, на преступниках в тюрьме, а порой и на ни в чем не повинных живых бродягах и нищих — обычай, узаконенный в печально известном эдикте о «праве на пробу меча» (*тамэсигири*). К пятнадцати годам, когда подросток проходил обряд инициации и, выбрив лоб, получал два самурайских меча, он уже был вполне подготовлен к карьере воина.

Учитывая подобную подготовку, самураи сравнительно легко переносили физические и моральные тяготы, которые поджидали их на начальном этапе обучения в школах *будзюцу*. А тяготы были немалые. Месяцами длились скучные, однообразные упражнения. Постановка базисной техники даже у опытных самураев зачастую отнимала годы. Обучение по ускоренной программе не практиковалось вообще, ибо принято было считать, что каждый поступивший в данную школу (*нюмонся*) должен вжиться в новую систему, полностью перестроив свой организм.

Дважды в год, в зимние холода и в разгар летней жары по восемь — десять дней проводились усиленные занятия («сборы»); так называемые «зимние ученья» (*канкэйко*) и «летние ученья» (*сётюкэйко*). В эти периоды тренировки продолжались почти круглосуточно, чередуясь с часами сидячей медитации — практика, пришедшая из дзэнских монастырей. Зимой — в снегу босиком и без теплой одежды, летом — на солнцепеке, в духоте, под дождем. Так проходили «сборы» века назад, и точно так же проходят они во многих школах поныне.

Преподавание с точки зрения технических деталей было целиком и полностью подчинено канону, который не менялся в течение веков. Малейшая попытка исправить или дополнить мастера рассматривалась как вопиющее нарушение этикета.

Здесь нелишне отметить, что само слово «учиться» (*манабу*) в японском языке происходит от глагола *манзбу*, что означает «подражать», «копировать». Таким образом, ученик должен был прежде всего тщательно копировать действия учителя. Далее, слово «тренировка» применительно к воинским искусствам обозначается понятием «закрепление и повторение старого» (*кэйко*), где под «старым» подразумеваются прежде всего заветы старых мастеров. Можно утверждать почти наверняка, что школы *будзюцу*, дожившие до наших дней, абсолютно идентичны, если не по укладу, то по методике обучения, своим далеким феодальным предкам.

Методика преподавания в школах *будзюцу* была сходна с китайской. Первые два-три года — постановка базисной техники (*кихон*), закладка основ правильных движений: ударов, блоков, стоек, переходов, маневрирования. Второй этап — разучивание известных комбинаций (*рэндзюкувадза*) из нескольких элементарных приемов с завершающим ударом или броском (*иппонвадза*). Далее шло разучивание сложных комплексов формальных упражнений с включением многочисленных приемов (*ката*), имеющих также и прикладное значение. На этой стадии предполагается активный духовный рост, способствующий достижению совершенства. Овладевший всем техническим арсеналом школы проходил посвящение в тайные традиции (*мицудэн*), если заслуживал того по мнению наставника. Далее перед ним открывались бескрайние просторы свободного варьирования сочетаний приемов и оттачивания мастерства. В процессе обучения ученик должен был всесторонне подтвердить свои бойцовские и человеческие качества, достойно зарекомендовав себя перед учителем и старшими собратьями. Соответствующий пояс (хотя система поясов появилась сравнительно недавно), а также *дан* (степень зрелого мастерства) присуждались либо самим наставником, либо общим собранием старших учеников под председательством наставника. Каждое звание подтверждалось удостоверением вплоть до заключительного сертификата мастера *rank excellence* (*мэнкё*).

Популярное жизнеописание знаменитого фехтовальщика Бокудэн Цукахара повествует: «У мастера было три сына, которые с детства обучались владению мечом. Пришло время — и отец решил проверить, на что способны его наследники. На шнурке занавески, прикрывавшей вход в комнату, он поместил подушечку, которая должна была упасть при легком колебании ткани. Затем трое сыновей были вызваны к отцу в порядке старшинства. Подойдя к двери, старший сын по легкому провисанию шнурка, конфигурации складок и прочим малозаметным признакам догадался, что над входом — какой-то посторонний предмет. Протянув руку, он осторожно снял подушку, раздвинул складки занавески и вошел. Средний сын подушки не заметил, но когда она сорвалась со шнурка, юноша успел поймать ее в полете. Младший сын рывком откинул занавеску, и подушка шлепнулась ему на затылок — но прежде, чем она успела коснуться земли, бравого самурая рассек ее надвое мечом. «Ты, сын мой, — сказал Бокудэн старшему, — готов к тому, чтобы стать на путь меча. Ты, — сказал он среднему, — должен еще немало потренироваться, а ты, мой младший сын, позор для нашего рода!»

Среди самураев, не связанных ежедневной службой, популярны были рыцарские странствия из школы в школу (*муся сюгё*) с целью накопления опыта и расширения диапа-

зона *будзюцу*. Иногда такого рода странствия приобретали более агрессивный характер. В жажде утвердить славу непобедимого фехтовальщика самурай, подобно своим европейским коллегам-рыцарям, вызывал на поединок всякого, кто подвернется под руку. Поскольку основной заповедью в большинстве *рю* было убийство наповал с первого удара (*хиссацу*), побежденному редко приходилось жаловаться на пристрастность судьбы или нарушение правил. Если повод для поединка был достаточно важным, посылался официальный письменный вызов с подробным и весьма напыщенным изложением мотивов. Таким же образом решались и споры между конкурирующими школами. Решительное поражение или смерть главы одной *рю* чаще всего приводили к возвышению другой.

Овладение секретами воинских искусств для самурая было равносильно бесконечному Пути, духовному и нравственному самосовершенствованию во имя наилучшего исполнения долга: «Тренировке человека нет конца. Бывает, что вы вдруг начинаете чувствовать себя достигшим полного совершенства и перестаете заниматься тем, чем занимались до сих пор. Между тем, кто хочет быть совершенным, тот всегда должен помнить, что он еще очень далек от этого. Только не довольствующиеся уже достигнутым и постоянно стремящиеся к высшим достижениям будут почитаться потомством за лучших людей» («Хагакурэ»).

Так же, как истинный художник считает, что лучшая его картина еще не написана, истинный воин должен считать, что подлинные секреты мастерства ему еще недоступны, как и горные высоты духа. Хотя буддийские стадии самосовершенствования и не имеют прямых аналогов в воинских искусствах, идея «восхождения» в обоих случаях вполне очевидна. Это восхождение осуществляется по стадиям, которые как бы соответствуют виткам спирали в классической диаграмме, изображающей развитие вселенной. Спираль, уходящая в беспредельность. Только духовное прозрение, слияние с Пустотой, с Абсолютом и ощущение внутренней гармонии могут сделать человека настоящим Мастером воинских искусств — или Мастером чайной церемонии, икэбаны, живописи, поэзии...

Священное писание самурая «Сокрытое в листе» гласит: «Следует ценить «золотую середину», но, когда речь идет о воинских искусствах, даже в ежедневных тренировках самурай должен неизменно чувствовать, что его мастерство превосходит мастерство соратников... Самурай, чья конечная цель заключается в победе на поле брани, в одолении доблестного противника является истинным воплощением самурайской чести и мужества, неукротимым и рьяным».

Наибольшее внимание в среде *буси* уделялось важнейшим разновидностям оружия — мечу, копью, алебарде, луку. Борьба без оружия всегда имела второстепенный характер и практиковалась только как вспомогательное средство «на черный день», так как самурай всегда носил при себе небольшой арсенал и не расставался с ним даже ночью. Чаще всего поэтому в школах *будзюцу* преподавали технику владения одним-двумя из основных видов оружия плюс кое-что из классического *кэмпо*. Напомним, что школа *будзюцу* давала относительно узкую специализацию, но, кроме того, самурая полагалось знать и зачатки других *дзюцу* (каноническое их число составляло восемнадцать), чтобы столкновение с мастером другой школы не было для воина роковым сюрпризом. Квалифицированный *буси* являлся в известном смысле универсалом и мог со своим мечом, копьём или палицей, а иногда и без них успешно обороняться против многих противников.

Даже женщины в самурайских домах обучались владению алебардой (*нагината*), чтобы уметь в случае необходимости постоять за себя, а главное — чтобы проникнуться духом воинских искусств, понять устремления отцов, мужей, братьев и быть им верной опорой в жизни.

Продолжение следует

Оздоровительный комплекс упражнений

А. ДРОНОВ,
И. ПОТАПОВ

Вашему вниманию предлагается один из древних комплексов упражнений внутреннего цигуна. За основу взят трактат сановника Ван Цзуюаня «Нэйгун тушо»¹ («Внутренний цигун: изложение в картинках»), жившего в конце династии Цин. Эти упражнения входят в систему самосовершенствования, которой, согласно преданию, пользовались монахи монастыря Шаолинь.

Первая группа упражнений

1. Принять позу лотоса: сядьте на пол, спина прямая, ноги вытяните перед собой. Положите ступню правой ноги на левое бедро, а ступню левой ноги на правое бедро. Если данная поза не получается или Вы не можете в ней долго находиться, освоите позу полулотоса или просто примите удобную позу со скрещенными ногами. Чтобы выполнить позу полулотоса, необходимо ступню правой ноги положить на левое бедро, прижав пятку к паху, а ступню левой ноги положить под правое бедро. Позвоночник, шея и затылок образуют прямую линию (при этом голова слегка опущена). Руки положить на ноги, большой палец зажат в кулаке. Кончик языка слегка касается нёба. Глаза закрыты. Избавиться от посторонних мыслей.

Эта поза успокаивает дыхание, упорядочивает мысли, развивает и сохраняет силу духа.

2. (Все дальнейшие упражнения выполняются в позе лотоса.) Руки перенести за голову, пальцы сомкнуть в замок. Язык прижечь к нёбу. Несильно постучать зубами 36 раз. Затем раздвинуть руки и ладонями плотно закрыть уши. Отсчитать 9 дыхательных циклов (1 цикл — вдох и выдох). Дышать равномерно, спокойно и беззвучно. Добиваться, чтобы оставалось ощущение дыхания.

¹ Дронов Алексей Михайлович, кандидат филологических наук, член президиума Федерации ушу города Москвы и РСФСР, руководитель клуба китайской культуры МГИМО МИД СССР и клуба «Панда» д/к АЗЛК.

Потапов Илья Владимирович, младший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

3. Уши по-прежнему зажаты ладонями. Глаза закрыты. Указательные пальцы кладутся на средние и выполняются 24 ритмичных щелчка по голове одновременно с обеих сторон; имитируется постукивание барабана. После этого руки опускаются в исходную позицию упражнения № 1.

4. Тыльную сторону кисти левой руки положить на правую ладонь (для женщин — сверху правая рука). Делать повороты влево и вправо. Голова поворачивается одновременно с туловищем. В конце поворота голова наклоняется к плечу, глаза смотрят назад по ходу движения. Делать упражнение 24 раза (за один раз считать поворот влево и вправо). Следить за тем, чтобы упражнение выполнялось без напряжения, медленно и плавно.

5. Руки на коленях. Кончик языка касается нёба. За время выполнения предыдущих упражнений во рту должно накопиться много слюны. Некоторое время вращать языком в разные стороны, продолжая ее накапливать. Полоскать рот этой слюной, надувая щеки 36 раз. Затем проглотить слюну, разделив ее на три порции. Глотать звучно, мысленно погружая каждый глоток в «нижнее поле киновари»*.

* Согласно представлениям даосской йоги, тело человека делится на три зоны, именуемых «полями киновари», или дантянь: верхняя зона включает в себя голову, плечи и руки; средняя — грудь и спину; нижняя — живот, таз и ноги. Центр «нижнего поля киновари» лежит на три пальца ниже пупка. Эти «поля киновари» являются накопителями и трансформаторами ци.

6. Сделать вдох, задержать дыхание и интенсивно растереть ладони до ощущения в них тепла. Быстро перенести руки на поясницу и на медленном выдохе растереть ее круговыми движениями. После полного выдоха дышать произвольно. Всего растереть 26 раз.

Вторая группа упражнений

(Упражнения второй группы прибавляются к вышеописанному комплексу по одному через 7—10 дней.)

7. Глаза закрыты. Сделать вдох и задержать дыхание. Мысленно представить себе, что в середине груди возникает огонь, который опускается в «нижнее поле киновари». Вызвать здесь ощущение тепла. Выдох производится через нос.

8. Руки свободно опущены вдоль тела. Согнуть руки в локтях, большие пальцы отогнуть к себе, остальные сжать в кулак. Вместе с плечевым суставом выполнять круговые движения левой рукой 18 раз назад и столько же вперед. То же правой рукой.

9. Ноги вытянуты вперед. Руки выпрямлены параллельно полу, пальцы сомкнуть в замок. Согнув в локтях, руки приблизить к груди (при этом локти немного раздвигаются). Выворачивая ладони от себя, поднять руки ладонями вверх и зафиксировать их над головой. С движением рук вверх с силой тянуться всем телом вверх, представляя себе, что на ладонях лежит очень тяжелый камень. Руки поднимаются до предела и так же медленно опускаются на макушку. Движения рук над головой повторяются 9 раз (за один раз считать движение вверх и вниз). Дыхание произвольное.

10. Лечь на спину головой на восток. Руки лежат свободно вдоль тела. На медленном вдохе поднять руки и опустить их за голову. Затем на медленном выдохе поднять корпус и, не опуская рук (руки и туловище на одной прямой), плавно опуститься к ногам, стараясь лбом коснуться коленей, руками обхватить пятки. К этому моменту произвести полный выдох. Делать 12 наклонов, с силой притягивая пятки к себе. Ноги не сгибать. Дыхание произвольное. После 12 наклонов делается медленный вдох и тело возвращается в исходное положение с руками за головой. На выдохе перенести руки в положение, из которого начиналось упражнение.

11. Принять позу лотоса. Зажать руки в кулак (как в упражнении № 1). Вращать языком, наполняя рот слюной. Полоскать рот слюной 36 раз и глотать слюну в три приема (как в упражнении № 5). Упражнение повторить 2 раза. Всего нужно сделать 9 глотков.

12. Сосредоточить внимание на «нижнем поле киновари». Глаза закрыты. Мысленно представить себе, что оно охвачено горячим ци. Сидеть так несколько минут. Дыхание произвольное. Втянуть анус и пропустить горячее ци через нижнюю точку ануса. На вдохе поднимать ци по позвоночнику до макушки, фиксируя внимание на пояснице, шейных позвонках, затылке и макушке. Когда ци достигает наивысшей точки, дыхание задерживается. Далее, на выдохе, путь ци раздваивается и проходит через виски, корни ушей и соединяется вновь на кончике языка, прижатого к нёбу. (Можно опустить ци на шею, соединяя два луча в точке под горлом, на кадыке.) Затем, продолжая выдох, погружать ци в «нижнее поле киновари». Представить себе, что жар растекается по всему телу.

Дополнительные упражнения

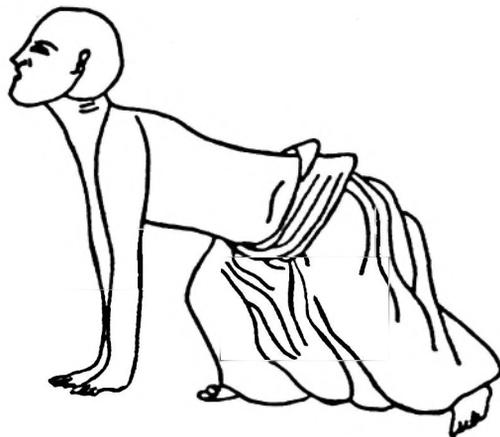
(Эти упражнения выполняются в течение дня, в свободное время и при наличии настроения.)

1. «Руки и шея соревнуются в силе». Упражнение выполняется сидя или стоя, но при обязательном условии, чтобы спина была прямой. Руки замком кладутся за шею. Поднимать лицо вверх по диагонали. Руки тянуть вперед, а шеей оказывать сопротивление и тянуть ее назад. Повторять упражнение 3—5 раз.

2. Стать на четвереньки, опора на ладони, руки прямые, колени расставлены на ширине плеч. Медленно поворачивать голову вправо, устремляя взгляд назад (корпус остается неподвижным). Затем выполнять поворот влево. Повторить 5 раз (за один раз считать поворот вправо и влево).

3. Растереть тыльную сторону второй фаланги больших пальцев до горячего состояния и тереть ими крылья носа 36 раз.

4. «Поза тигра». Встать в позу тигра: ноги поставить шире плеч, согнуть в коленях, правая нога выставлена немного вперед, левая отставлена назад. Ладони положить на пол. Руки прямые. Спина параллельна полу. Центр тяжести балансировать на пояснице. Резко выгнуть спину так, чтобы она образовала дугу, голова опускается вниз; затем так же резко прогнуть спину, а голову вскинуть вверх. Голова и спина действуют синхронно. Выполнять 4—6 раз.

5. Сесть в позу лотоса. Руки сжать в кулаки и положить на колени. Делать вращательные движения туловищем по 21 раз в каждую сторону, постепенно увеличивая амплитуду вращения. Стараться не отрывать ног от пола. Выйти корпусом за линию коленей, откидываясь назад до предела. Упражнение делать медленно, не прилагать больших усилий.

¹ Ван Цзуюань. Цэйгун тушо. — Сянган, 1962.

Икэбана: философия природы

Р. НОЗДРЕВА

Японцы воспринимают природу и как воплощение совершенства окружающего мира, и как идеал для мира человека. Им свойственны глубоко анимистические взгляды на природу, что составляет основу исконно японской религии — синтоизма. Японцы видят бога в растениях, камнях, воде. Их синтоистские святилища могут быть представлены и скалой в отдаленной долине, и рукотворным храмом в самом центре города, и священной веткой дерева, и святыми угодьями площадью несколько гектаров.

У всех святилищ есть общая черта: соотношение с природой, которая, помимо естественного, экологического значения, приобретает еще и символический смысл благодаря связи с божествами, которым поклоняются. На территориях синтоистских храмов можно встретить священные деревья и кустарники, а божествам в храмах преподносят букеты цветов, наполненные чистой красотой и символическим смыслом.

Анимистические взгляды предполагают неразрывное единство природы и культуры. Поэтому высокой оценки в японском обществе заслуживают именно тонкие и возвышенные отношения с природой. Так, например, словом «*мияби*» (императорский стиль, изящные манеры и утонченный вкус) характеризуют человека не просто вежливого и учтвого, что характерно для сходного по смыслу английского слова «*courtesy*», но способного по достоинству оценить и понять красоту природы, выразить свои чувства к ней в стихах, одежде, устройстве сада, составлении композиций икэбаны и т. д.

Японская эстетика в противоположность западной различает чаще всего не добро и зло, а прекрасное и безобразное. Правду и ложь, добро и зло японцы воспринимают как естественные следствия прекрасного и безобразного. Тот, кто не признает или не соблюдает этого кодекса, практически не может вписаться в японское общество. Если в Европе духовной первоосновой общества является слово, то в Японии, можно сказать, природа. Японцы тонко чувствуют красоту цветущей сакуры, сливы, бутонов и цветов ириса, хризантемы, львиноголова. Красоту полной луны на фоне пушистых метелок ковыля, красоту багряных листьев осеннего клена, причудливых изгибов горной сосны. Любование красотой природы стало в ряде случаев поводом для национальных японских празднеств: «ханами» — любование цветущей сакурой, «о-цукими» — любование луной и т. п.

В отличие от европейцев, которые любят, когда цветы стоят во всей своей красе, пышно распускаясь, японцы способны любить как жизнеутверждающую весеннюю силу цветущей вишни, так и ее облетающий цветочный наряд. Они подмечают в осыпающихся лепестках и улыбку, и удовлетворенность, и славу, и гордость.

Для глубокого и всеобъемлющего понимания прекрасного в природе необходимо умение его видеть, то есть искусство созерцания, самоуглубления и сопричастности. Созерцание и самоуглубление характерны для большинства видов японского прикладного искусства, но наиболее ярко они проявляются в искусстве икэбаны, на наш взгляд интереснейшем и красивейшем направлении японского изобразительного прикладного искусства, которое, будучи носителем утонченной философской мысли, играет особую роль в формировании и выражении японского национального характера. Автор художественных композиций из цветов, листьев, ветвей прежде всего должен уметь понимать красоту природы, ценить ее смысл и сущность.

Икэбана основана на созерцательности, и для непосвященного это может выглядеть торжеством иррационализма. Однако это не так. Надо уметь — учат японские заповеди — созерцать не чисто внешнее, иллюзорное, быстро меняющееся и обреченное на исчезновение, например облетающий наряд цветущего дерева, а внутреннюю красоту, очищенную и освобожденную от иллюзий, внутренний смысл явления. Искусство созерца-

ния требуется не только при оценке уже готовой композиции, но и при ее составлении, когда самоуглубленное размышление помогает автору более точно выразить идею композиции.

Мастер икэбаны стремится довести свое искусство до предела утонченного, очистить от всего лишнего. Чувство прекрасного в икэбанае выражается не в пышности украшения, не в ярких деталях, а в утонченности и естественной простоте, строгости и лаконичности выразительных средств, чистоте линий и форм. Подобная «первоначальная простота» характерна для японского национального искусства, национальных направлений живописи, скульптуры, каллиграфии, гончарного и лакокрасочного дела, садового искусства. И в икэбанае, во всех практически ее направлениях и школах, особое внимание уделяется максимальному лаконизму общего рисунка композиции, естественной простоте и поэтической выразительности деталей. В икэбанае искусством является не только законченная работа мастера, но и сам процесс создания композиции, который приносит радость и удовлетворение как самому составителю, так и, подчас в большей мере, зрителям. Движения мастера, особенно движения его рук, грациозны, плавны и отточены, напоминают своеобразие движений в национальных японских танцах. Аналогичную красоту и легкость движений можно наблюдать у мастеров чайной церемонии, гончарного искусства.

Для ведущих мастеров икэбаны характерны большая сила воображения, умение концентрировать свои эмоции и мысли. Часто мастер икэбаны, достигший высот в своем искусстве, демонстрируя процесс составления композиций, работает «лицом к зрителю», когда он сам не видит лицевой стороны составляемой композиции, а может только представить ее в своем воображении. Практически составитель композиции уже при подборе материала для будущей работы в своем воображении определяет идею, схему и возможные варианты формы, а в ходе работы под воздействием чувства вдохновения и фантазии несколько корректирует и совершенствует свое произведение, стремясь достичь идеала.

Философия *поиска* присуща ведущим мастерам икэбаны. Стремление к совершенству, изыскание новых выразительных средств и форм в аранжировке цветов в значительной степени способствовало развитию этого вида искусства. Достигнутый сегодня им уровень требует столь же эстетически развитой аудитории, как и любая сфера серьезного творчества. Художественную ценность той или иной композиции икэбаны, мастерство исполнителя способны оценить те, кто развил в себе чувство художественного восприятия, стремится понять смысл и сюжет композиции. При этом людям разного возраста, воспитания, интеллекта свойственно свое, специфическое восприятие, продиктованное индивидуальностью конкретной личности, но воздействие икэбаны на человека всегда положительное.

В действующих школах икэбаны значительное развитие получили авангардистские акценты, которые во многом созвучны современным понятиям красоты в архитектуре и быту европейцев, что в свою очередь обусловило значительный интерес к икэбанае не только в Японии, но и далеко за ее пределами. Однако японские мастера чтут и бережно сохраняют основы традиционных подходов к аранжировке, что делает их композиции самобытными и в какой-то мере неповторимыми. Японские мастера икэбаны довольно строго соблюдают требования символики, и в первую очередь для передачи в композиции основных составляющих частей мироздания: вселенной, земли и человека в их общности, взаимопроникновении. Именно этим философским тезисом и объясняется присутствие в композициях, как правило, трех главных элементов: *син* — небо, *соз* — человек и *хикаэ* — земля. В этом обнаруживается также чувство причастности к абсолюту природы, вселенной. Человек воспринимает свой жизненный путь как нечно нерасторжимое с общим движением.

Поведение японцев характеризуется чувством хрупкости земного бытия. Чувство преходящего заложено в каждом японце, поскольку природные катаклизмы: землетрясения, тайфуны, цунами, извержения вулканов — создают постоянную угрозу их существованию. Поэтому японец стремится к сохранению прекрасного, сохранению творческих и художественных традиций. На охрану и поддержание национальных сокровищ, храмов и дворцов выделяются значительные средства. И тем не менее японские деятели культуры обеспокоены тем, что «излишнее стремление к экономическим достижениям» и «быстрому промышленному росту» может привести к забвению души, традиций. Бесконечные дебаты о месте традиций в жизни и воспитании есть, в сущности, спор

о будущем национальном лице Японии. При этом обращается внимание на то, что сейчас нередко обучение японской девушки искусству чайной церемонии или секретам икэбаны рассматривается как лишь «наведение светского лоска». При этом забывается стремление к достижению внутренней гармонии — первоначальной смысловой основы этих видов искусства.

Однако японцам на протяжении веков свойственно стремление следовать сложившимся социальным устоям и культурным традициям, требующим не выходить за пределы невидимых внутренних рамок поведения и образа мышления. Это активно стимулируется системой воспитания и особой национальной политикой, направленной на поддержание и развитие устоявшихся канонов поведения, сохранение древних традиций, самобытного искусства, что дает определенные результаты и позволяет японцам в наш технократический век сохранять глубокую духовную связь с природой. Возможно поэтому в настоящее время традиционные виды народного творчества в Японии переживают беспрецедентный бум. Молодые актеры считают за высокую честь получить право на исполнение главной роли в классическом спектакле театра Но. Этой же причиной — стремлением найти духовную связь с природой — можно, видимо, объяснить и высокий интерес к японскому национальному искусству, в частности к икэбана, за рубежом. Японские национальные каноны, методики и идеи аранжировки цветов во многом совпадают с современным пониманием красоты в мире. Национально-самобытное, как правило, истинно прекрасно и всегда находит дорогу к сердцам людей, поскольку проникнуто началом общечеловеческим.

СИС: социум, информация, статистика

Преступность в Японии

Согласно опубликованной в Японии «Белой книге о преступности» в 1988 г. в стране было совершено 2 207 380 разного рода преступлений, что является самым высоким показателем за весь послевоенный период. Без дорожно-транспортных происшествий общее количество уголовных преступлений составило 1 641 310, это на 63 тыс. преступлений больше, чем в 1987 г. 86 % от общего числа преступлений составили кражи, далее следует мошенничество — 4 %. На долю крупных хищений приходится 2,8 %. С 46,4 до 48,6 % за год возросла преступность среди молодежи. Каждое пятое преступление совершалось женщинами, в основном это были кражи. От рук преступников в 1988 г. погиб 1441 человек. Как отмечается в «Белой книге», в сравнении с Западной Европой и США Япония по уровню преступности в целом остается более благополучной страной.

Японские туристы — «доноры» казны США

Японские туристы, посетившие США в первом полугодии 1989 г., истратили около 2,7 млрд. долл., что составило наибольшую долю поступления в казну США от иностранного туризма. За указанный период эти поступления составили почти 20 млрд. долл.

*С. ФРЭЙЗЕР
Австралия*

55 «национальных меньшинств», или «этнических групп», занимающих более 60 % всей территории Китая, составили в 1988 г. около 7,1 % населения страны (см. табл.). Национальные меньшинства варьируются и по численности, и по физическому типу наиболее многочисленную группу (14 млн.) составляют физически сильные чжуаны, проживающие на Западе Китая, самая малочисленная группа — 2 тыс. миниатюрных хэжэ (нанайцы) — размещается на Северо-Востоке. Описание и анализ демографического поведения и регулирования рождаемости этих этнических групп требуют некоторых обобщений, однако ввиду больших различий в их культуре, обычаях и социальном поведении следует соблюдать определенную осторожность. Для стороннего наблюдателя некоторые меньшинства, например маньчжуры, в настоящее время ничем не отличаются от ханьцев, населяющих вместе с ними районы смешанного проживания — провинции Ляонин, Хэйлунцзян, Цзилинь и Хэбэй вплоть до Автономного района Внутренней Монголии. Другие же, к примеру около 3 тыс. русских в Синьцзяне, по ряду расово-этнических и культурных признаков явно отличаются от других этнических групп, проживающих в районе советско-китайской границы — казахов, киргизов, монголов и, разумеется, ханьцев. Следовательно, любые рассуждения о политике и программах планирования семьи для национальных меньшинств в Китае «вообще» нуждаются в поправках, ибо любое «обобщение» несет в себе неминуемые противоречия.

Китайские демографы и специалисты по переписи, изучающие результаты 10 % выборочного обзора результатов переписи населения 1982 г., представили в последние 2 года интересные сравнительные данные по брачности, рождаемости, соотношению полов и процессам планирования семьи у ханьцев и национальных меньшинств в Китае. Есть надежда, что в ходе дальнейшего анализа этого обзора будет составлена более детальная информация по регионам и по этническим группам. В силу различных статистических и других соображений в данном обзоре не было учтено множество мелких национальных групп, а рассматривались 15 основных национальностей с населением более 1 млн. человек, то есть чжуанцы, хуэй, уйгуры, и, мяо, маньчжуры, тибетцы, монголы, туцзя, буи, корейцы, камы, яо, бай и хани.

Программы планирования семьи

В 1984—1988 гг. наметились некоторые изменения в демографической политике по отношению к меньшинствам. Она приобрела более гибкий характер. Эта политика осуществлялась по-разному, в зависимости от конкретного региона. При этом во всех случаях сохранялись такие элементы, как охрана здоровья матери и ребенка и пропаганда «идеального» количественного состава семьи. Официально на первое место выдвигались такие задачи, как установление оптимальных сроков между рождением детей в семье и снижение уровня детской смертности в районах проживания национальных меньшинств. Когда представители национальных меньшинств вступали в брак с ханьцами, то есть представителями большинства, то для такой пары обычно устанавливались «нормативы» по численности семьи, применяемые для ханьцев, особенно если пара проживает в городе. О конкретной необходимости поощрять сознательное увеличение семьи говорилось только в том случае, если дело касалось наиболее бедных

и почти вымерших национальных меньшинств — калхасов, сибо, саларов или хэчжэ из провинции Хэйлунцзян. К моменту освобождения в 1949 г. группа хэчжэ насчитывала менее 300 человек, а к середине 80-х годов население хэчжэ возросло почти до 1500 человек.

К концу 70-х годов сам факт принадлежности к этническим меньшинствам уже не гарантировал возможности игнорировать общенациональные программы планирования семьи. В ходе бесед с сотрудниками Института национальностей в Наньшине в мае 1978 г. и в 1979 г. автор установил, что ежегодный прирост населения чжуан (их численность в то время составляла примерно 11 млн. человек) достиг 2,5 %, что значительно превышало темпы роста ханьского населения в том же Гуанси-Чжуанском автономном районе. Считалось, что необходимо «поощрять» столь многочисленные и имеющие хорошие условия жизни этнические меньшинства, как чжуаны, а также хуэй (китайские мусульмане) в соседней провинции Юньнань на самостоятельное установление определенных ограничений на рост рождаемости, ибо их население возросло непропорционально быстро по сравнению с собственно китайцами, проживающими в соседних общинах. Ханьское население выступало с критикой ограничений, которые устанавливались для их семей, в частности настоятельно рекомендуемой программы «двое детей для сельских жителей», ибо она резко контрастировала с политикой, позволявшей иметь четверо, пятеро и более детей семьям в общинах народов и яо в юго-западных провинциях, зачастую расположенных в стратегических и уязвимых пограничных областях, примыкающих к Бирме, Лаосу и Вьетнаму.

В 1979 г. в Китае стали проводить политику «один ребенок в семье» и возобновились поощрения и санкции в проведении этой политики. Вначале меньшинствам не уделялось особого внимания, и ввиду отсутствия информации до переписи 1982 г. приходилось работать на необработанных статистических материалах. Тем не менее уже в 1981 г. профессор Хоу Вэньжо конкретно высказался по поводу новой политики правительства и необходимости более селективного подхода к «разрешению» или «неразрешению» высоких темпов рождаемости среди национальных меньшинств. Подведя итог общей демографической политики правительства на различных главных этапах с 1949 по 1981 г., Хоу Вэньжо предостерег от изменений позиции в данном вопросе. Сейчас, спустя 7 лет, его заявление находит отражение в нынешней национальной политике КПК. Следовательно, еще 7 лет назад начал выработываться более осторожный и селективный подход к каждому из 55 национальных меньшинств Китая.

Демографическая политика

Демографическая политика Китая также предполагает рассмотрение вопроса о демографических процессах среди национальных меньшинств страны. Китай — большая многонациональная страна, где наряду с ханьским большинством проживают 55 национальных меньшинств. Общая численность населения меньшинств, согласно статистике 1978 г., составляет 55,82 млн. человек, или 5,7 % всего населения Китая. В принципе Китай придерживается единой демографической политики. Поскольку в отношении ханьцев проводится политика планирования населения, считается, что меньшинства не должны составлять исключение. Недопустимо позволять спонтанный и анархичный рост населения национальных меньшинств, в то время как рост населения ханьского большинства развивается в плановом порядке. Ханьцы уже получили горький урок, вызванный безудержным ростом населения после 1949 г., и национальные меньшинства должны избегать его повторения.

Однако, учитывая малочисленность национальных меньшинств, расселяющихся на 50—60 % территории страны, в основном в горных или пограничных районах, при осуществлении мер планирования роста населения не настаивают ограничиваться только одним ребенком в семье. К национальным меньшинствам предъявляются более мягкие требования. Для национальных меньшинств, население которых слишком малочисленно и даже несколько сократилось за последние десятилетия (например, орочонов, хэчжэ, русских, казахов, цзинпо, татаров, узбеков и ва) проводится политика поощрения роста населения в плановом порядке. Такая же политика проводится в отношении тибетцев, ибо. При всей относительной многочисленности они живут небольшими, сильно разбросанными поселениями.

Предполагается, что такие послабления в демографической политике в отношении

национальных меньшинств помогут укрепить единство народов и национальностей Китая, развивать приграничные районы и, таким образом, будут способствовать осуществлению программы модернизации Китая.

До недавнего времени демографическая политика в отношении этнических и национальных меньшинств в силу различных политических, социальных и демографических причин была более взвешенной и реалистичной. Что касается национальных меньшинств Китая, то здесь проводилась иная политика планирования семьи, нежели в отношении ханьского большинства. За период между переписями 1964 и 1982 гг. население национальных меньшинств возросло на 68 %, а ханьское население — «только» на 44 %. За некоторыми исключениями, касающимися городских жителей, к группам меньшинств, проживающим в сельской местности, применялись более гибкие «ограничения» по численности семьи. Однако в данном вопросе необходимо учитывать политические и этнические факторы классификации населения по этническим группам. В ходе переписи 1964 г. некоторые представители меньшинств регистрировались как ханьцы и опасались регистрации в качестве этнических меньшинств. В настоящее время, напротив, некоторые дети от смешанных браков предпочитают регистрироваться как представители национального или этнического меньшинства.

Ввиду ряда трудностей, связанных с процедурой сбора статистической информации, данные переписей 1964 и 1982 гг. по национальным меньшинствам нельзя принимать как абсолютно точные. Есть и другие факторы идентификации, в том числе прежняя политическая дискриминация национальных меньшинств, а впоследствии «собственная реидентификация». Межнациональные браки и перерегистрация детей помогли многим супружеским парам избежать ограничений политики «один ребенок в семье» и воспользоваться тем, что в отношении национальных меньшинств стала проводиться более мягкая политика в вопросе рождаемости, нежели в отношении ханьцев.

При общем росте населения меньшинств выявились диспропорции в изменении численности отдельных меньшинств по годам: одни демонстрировали медленный рост населения, другие — чрезвычайно высокие темпы роста, третьи — даже сокращение численности населения.

Согласно статистическим данным, в период с 1953 по 1978 г. население страны увеличилось на 63 % (в среднем на 1,9 % в год), а рост населения национальных меньшинств составил всего 56 % (в среднем 1,8 % в год). В период же с 1978 по 1982 г. ввиду изменившихся политических, административных и социологических факторов население меньшинств выросло почти на 12 млн. (от примерно 57 млн. до 69 млн. человек), то есть на 20,4 %, или в среднем на 4,77 % в год.

Ян Исин, сотрудник Государственного комитета по делам национальностей, рассматривая «причины столь неравномерного развития» за два периода (1953—1978 и 1978—1982 гг.), называет «дискриминационной» политику, проводившуюся до 1978 г.¹ Затем последовал период возрождения и послаблений. После 1978 г. детей, рожденных в смешанных браках, все чаще стали регистрировать как представителей национальных меньшинств, а не ханьцев. Например, туцзя (проживающие в основном в провинциях Хубэй, Сычуань и Гуйчжоу) «ввиду политического вмешательства» (!) ранее причисляли к ханьцам, но 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) восстановил их отдельный национальный статус. К моменту проведения переписи 1982 г. население туцзя «возросло» с 690 тыс. в 1978 г. до 2830 тыс. человек, то есть теоретически почти в 4 раза, менее чем за 4 года. Население маньчжуров возросло с 2,6 млн. в 1978 г. до 4,29 млн. человек в 1982 г., то есть теоретически предполагается возрастание примерно на 60 % за 4 года. Среди других национальностей, «демонстрирующих» столь бурный рост населения за эти 4 года, можно назвать данов (77 %), ли (80 %) и мяо (79 %). В 1978 г. вообще не было данных по хэцжэ в провинции Хэйлунцзян, однако в 1980 г. их число составило 1009 человек, а по переписи 1982 г. — 1476 человек, что составляет прирост в 60 % за 4 года. В данном случае рост населения обусловлен исключительно перерегистрацией детей хэцжэ, считавшихся прежде ханьцами, что и дало цифру роста «населения» примерно на 95,5 %!

Помимо того, что некоторые (или многие?) национальные меньшинства сперва регистрировались как ханьцы, а затем вновь как меньшинства, были и ханьцы, которые на протяжении многих лет теряли свою принадлежность к ханьской группе и приобретали статус меньшинств.

Ян Исин предполагает, что «некоторые представители ханьской национальности, которые на протяжении многих лет жили в районах национальных меньшинств и попадали под сильное культурно-лингвистическое влияние национальных меньшинств, сами причисляли себя к национальным меньшинствам»². Эти группы имеют различную численность, и вышеприведенное обобщение едва ли поможет при установлении этнического статуса или кровнородственных отношений. Принято считать, что различные традиции могут оказывать сильное влияние на демографическое поведение и на процесс «демографического перехода» от высокого уровня смертности и рождаемости через промежуточную стадию низкой смертности и высокой рождаемости к низкой смертности и низкой рождаемости. Традиция ранних браков, родственных браков и так называемый «эффект феодального сознания», то есть придание ведущей роли мужчинам, постоянно воздействуют на родственные отношения, формирование семьи, брачность и рождаемость. У некоторых национальностей бытует равное отношение к дочерям и сыновьям, у даи и тунов мужчины и женщины имеют равный статус в семье, а также равные права в наследовании собственности и в принятии решений о браке детей. С другой стороны, у национальности лаху большее предпочтение в семье отдается девочкам, а у некоторых групп мяо и дунов бытует крайне негативное отношение к семьям, не имеющим сыновей. В некоторых национальностях сильно развиты суеверия — например, даи считают, что для защиты семьи и клана необходимо убивать близнецов.

Поскольку различные генетические нарушения создавали серьезные проблемы, особенно в приграничных районах проживания национальных меньшинств, органы здравоохранения уделяли особое внимание некоторым национальным группам. Широко развитые родственные отношения, браки между родными и двоюродными братьями и сестрами способствовали «различным врожденным уродствам и генетическим нарушениям». Поэтому в настоящее время органы здравоохранения проводят широкие медицинские обследования с целью выявления генетических нарушений среди национальных меньшинств, особенно в горных и приграничных районах.

До недавнего времени правительство проводило в отношении 55 национальных меньшинств политику невмешательства. До июля 1982 г. и до публикации результатов третьей переписи населения нормы, устанавливаемые для ханьского большинства, не распространялись на национальные меньшинства. В настоящее время, когда опубликованы и серьезно анализируются результаты переписи по национальным меньшинствам, в отношении некоторых меньшинств выдвигаются требования о сокращении численности семьи. Например, и мяо должны теперь иметь не более четырех детей в семье. Игнорирование фактора «перерегистрации» или «самоидентификации» как представителей национальных меньшинств предполагает весьма высокие темпы роста населения меньшинств в период 1981—1982 гг. (примерно 2,5 %). Это создало весьма серьезные проблемы для центральных органов планирования семьи. При сохранении нынешних темпов роста теоретически можно предположить, что через 100 лет население национальных меньшинств составит 900 млн. человек! Следовательно, если в этот период будут сохраняться ограничения на численность семьи для ханьского населения (двое детей в семье), национальные меньшинства через 100 лет будут составлять более половины населения всего Китая. Тем не менее правительственная политика ограничения рождаемости все еще носит выборочный характер и распространяется в первую очередь на 15 крупнейших этнических групп с населением более 1 млн. человек.

Правительство сознает, что темпы роста некоторых меньшинств не соответствуют экономическим мерам и положениям по охране здоровья матери и ребенка, которые разрабатываются в Пекине. Озабоченность по этому поводу прозвучала в докладах, представленных на крупной региональной конференции по планированию семьи в Инчуани, столице Нинся-Хуэйского автономного района 5 лет назад; конференция была созвана по случаю «Месячника по планированию семьи», в ходе которого предусматривалось проведение пропагандистской работы среди «всех национальностей региона». Один из ведущих «товарищей», представляющих меньшинства в региональных и правительственных организациях, Ма Тэнай четко выразил позицию правительства в отношении «безудержного роста населения... в наших регионах»: «В Нинся, особенно в горных районах, люди все еще привержены старому обычаю рано жениться, рано заводить детей и иметь много детей. Этот обычай не только продле-

вает детородный период женщины, но также сужает разрыв между поколением матери и дочери и, таким образом, ускоряет цикл человеческого воспроизводства и способствует быстрому росту населения. В некоторых местах нашего региона люди привержены вступлению в кровнородственные браки. Это ведет к различным наследственным заболеваниям и серьезно вредит качественному составу населения национальных меньшинств. Благополучие нации должно базироваться на определенной численности и на хорошем качестве населения. Ни один из этих факторов нельзя игнорировать. Ввиду особых условий в районах проживания национальных меньшинств необходимо путем тщательной неустанной пропаганды и воспитания настойчиво и неутомительно внедрять научно обоснованные меры планирования семьи. Политика, планы, меры и правила должны носить практический характер. Вообще осуществлять контроль за рождаемостью в районах проживания национальных меньшинств труднее, чем в ханьских районах. Тем не менее мы должны настойчиво осуществлять планирование в районах проживания национальных меньшинств. Необходимо остановить безудержный рост населения в нашем регионе».

21 декабря 1982 г. был обнародован Государственный план на 1982—1985 гг. В разделе «План социального развития» имеется подраздел «Начать контроль над ростом населения». В документе отмечается, что к 1985 г. население страны приблизилось к цифре 1060 млн. человек, а годовые темпы роста составили около 1,3 %. Далее следует заявление относительно национальных меньшинств: «Следует также практиковать планирование семьи в районах компактного проживания национальных меньшинств; программы планирования семьи следует проводить в соответствии с природно-экономическими условиями и демографической ситуацией в таких регионах».

Это заявление и другие предостережения относительно необходимого тщательного контроля над населением меньшинств и более настойчивого внедрения практики планирования семьи в районах их проживания эхом прокатились по районам проживания национальных меньшинств. Как видно из указанных сообщений, один из первых откликов последовал из области проживания крупнейшего мусульманского меньшинства — из Нинся-Хуэйского автономного района, примыкающего к провинции Ганьсу и Внутренней Монголии.

В 1987 г. в политику ограничения рождаемости в Китае были внесены различные изменения, связанные, в частности, с допустимым превышением официально установленного минимального количества детей в семье. Помимо общего правила, устанавливающего лимиты «один ребенок в городской семье» и «два ребенка в сельской семье», были введены различные правила по провинциям, которые стали применяться в соответствии с документом 7 (1987 г.), содержащим серию исключений. Эти исключения можно классифицировать по следующим признакам: медицинские, фамильно-родовые, профессиональные и этнические.

Возрастная структура: уровень семейной нагрузки

За последние 30 лет доля национальных меньшинств в общем населении Китая колебалась вокруг 6 % (от 6,06 % в 1953 г., 5,78 — в 1964 г. до 6,7 % в 1982 г.). Увеличение темпов роста в последние годы обусловлено рядом факторов, в том числе официальным поощрением роста населения национальных меньшинств в течение последних десяти лет, а также улучшением медицинского и культурного обслуживания. Кроме того, следует учитывать жесткие ограничения на численность семьи для ханьцев и несомненный успех программ планирования семьи после 1978—1979 гг. Эти факторы повлияли на увеличение доли населения меньшинств в населении Китая. Как уже отмечалось, необходимо также учитывать косвенные факторы политического или социологического характера — перерегистрацию и самоидентификацию населения в районах проживания национальных меньшинств. Чжан Тяньцзюй, доцент Института проблем населения при Пекинском экономическом колледже, считает, что очевидный и значительный рост числа национальных меньшинств в период 1962—1982 гг. обусловлен тремя основными причинами:

«Во-первых, после демократической реформы и социалистического переустройства проводилась политика равенства всех этнических групп. Искоренение классовой эксплуатации и дискриминации способствовало единству и благосостоянию. В Китае было создано 107 автономных районов, округов и уездов. Органы самоуправления в этих

областях могут устанавливать иные правила и проводить более гибкую политику в области планирования семьи, нежели ту, что проводится в отношении ханьцев.

Во-вторых, в целях обеспечения роста населения национальных меньшинств правительство оказывает им помощь в области экономики, культуры и здравоохранения. Каждый год медицинские бригады из крупных городов совершают поездки по районам проживания меньшинств с целью предотвращения заболеваний. Это значительно улучшило здоровье местных жителей и существенно снизило уровень смертности.

И наконец, поскольку в настоящее время государство официально поощряет рост благосостояния национальных меньшинств, многие из тех, кто ранее скрывал свою национальную принадлежность, теперь ее не скрывают. Например, население туцзя выросло с 545 тыс. человек в 1964 г. до 2833 тыс. в 1982 г., то есть годовые темпы роста составили 9,8 на тысячу населения. Это частично обусловлено реидентификацией большого количества людей.

Кроме того, дети от смешанных браков сейчас предпочитают регистрироваться как представители национальных меньшинств».

Возрастная структура населения меньшинств также отличается от возрастной структуры ханьского населения; в первом случае средний возраст составляет 19,41 лет, во втором — 22,91 лет. В ближайшем будущем этот фактор будет играть важную роль в изменении соотношения между численностью ханьского и неханьского населения, то есть в следующем десятилетии доля меньшинств относительно «стареющего» ханьского населения будет возрастать. Как отмечает профессор Чжан, «в будущем темпы рождаемости и роста населения национальных меньшинств будут относительно высокими и развиваться по нарастающей»⁴.

¹ Жэнькоу яньцзю.— № 4.— 1984.— 24 июля.— С. 37—41.

² Там же.

³ Нинся жибао.— 1982.— 29 декабря.

⁴ Beijing Review.— 1984.— Vol. 27.— N 25.— 18 Juny.

Таблица *

Национальные меньшинства Китая

Национальные меньшинства	Численность населения				Районы расселения
	1982 г.	1978 г.	1957 г.	1953 г.	
Чжуанцы	13378162	12090000	7780000	6960000	Гуанси, Юньнань, Гуандун, Гуйчжоу
Хуэй	7219352	6490000	3930000	3560000	Нинся, Ганьсу, Хэнань, Синьцзян, Цинхай, Юньнань, Хэбэй, Шаньдун, Аньхуй, Ляонин, Пекин, Внут.-Монголия, Хэйлунцзян, Тяньцзинь, Цзилин, Шаньси
Уйгуры	5957112	5480000	3900000	3640000	Синьцзян, Хунань
И	5453448	4850000	3260000	3250000	Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси
* Таблица впервые опубликована Мяо	5030897	3920000	2680000	2510000	Гуйчжоу, Юньнань, Хунань, Гуанси, Сычуань, Гуандун, Хубэй

Маньчжуры	4299159	2650000	2430000	2420000	Ляонин, Хэйлунцзян, Цзилинь, Хэбэй, Пекин, Внутренняя Монголия
Тибетцы	3870068	3450000	2770000	2770000	Тибет, Сычань, Цинхай, Ганьсу, Юньнань
Монголы	3411657	2660000	1640000	1460000	Внутренняя Монголия, Синьцзян, Лионин, Цзилинь, Хэйлунцзян, Цинхай, Хэбэй, Хэнань, Ганьсу, Юньнань
Туцзя	2832743	770000	600000	590000	Хунань, Хубэй, Сычуань
Бун	2120469	1720000	1310000	1250000	Гуйчжоу
Корейцы	1763870	1680000	1250000	1120000	Цзилинь, Хэйлунцзян, Ляонин, Внутренняя Монголия
Камы	1425100	1110000	820000	710000	Гуйчжоу, Хунань, Гуанси
Яо	1402676	1240000	740000	670000	Гуанси, Хунань, Юньнань, Гуандун, Гуйчжоу
Бай	1131124	1050000	680000	570000	Юньнань
Хань	1058836	960000	540000	480000	Юньнань
Казахи	907582	800000	530000	509000	Синьцзянь, Ганьсу, Цинхай
Тай	839797	760000	500000	470000	Юньнань
Ли	817562	680000	390000	360000	Гуандун
Лицу	480000	470000	310000	317000	Юньнань, Сычуань
Шэ	368832	330000	220000	219000	Фуцзянь, Жэцзян
Лаху	304174	270000	180000	139000	Юньнань

Ва	298591	260000	280000	286000	Юньнань
Суй	286487	230000	160000	133000	Гуйчжоу, Гуанси
Дунсян	279397	190000	150000	155000	Ганьсу, Синцзян
Наси	245154	230000	150000	143000	Юньнань, Сычуань
Монголы	159426	120000	63000	53000	Цзинхай, Ганьсу
Киргизы	113999	97000	68000	70000	Синьцзян, Хэйлуцзян
Цян	102768	85000	42000	35000	Сычуань
Дауры	94014	78000	50000	44000	Внутренняя Монголия, Хэйлуцзян, Синьцзян
Цзинпо	93008	83000	100000	100000	Юньнань
Мулао	90426	31000	44000	18000	Гуанси
Сибо	83629	44000	21000	19000	Синьцзян, Ляонин, Цзилин
Салары	69102	56000	31000	30000	Цинхай, Ганьсу
Бланы	58478	52000	41000	35000	Юньнань
Гэлао	53802	73000	23000	43000	Гуйчжоу, Гуанси, Сычуань, Хунань
Маонань	38135	31000	24000	18000	Гуанси
Таджики	26503	22000	15000	14000	Синьцзян
Пуми	24237	--	15000	--	Юньнань
Ну	23166	--	13000	--	Юньнань
Ачаны	20441	--	170000	--	Юньнань
Эвенки	19343	--	7200	--	Внутренняя Монголия, Хэйлуцзян

Узбеки	12453	—	11000	—	Синьцзян
Дэань	12295	—	6300	—	Юньнань
Цзинь	11995	—	4400	—	Гуанси
Цзино	11974	—	4400	—	Юньнань
Югурь	10569	—	4600	—	Ганьсу
Баоань	9027	—	5500	—	Ганьсу
Монпа	6248	—	3800	—	Тибет
Дрань	4682	—	2700	—	Юньнань
Орочонь	4132	—	2400	—	Внутренняя Монголия, Хэйлунцзян
Гатарь	4127	—	4300	—	Синьцзян
Русские	2935	—	9700	—	Синьцзян
Лоба	2065	—	3800	—	Тибет
Гаошань (тайваньцы)	1549	300000	200000	20000	Фуцзянь
Хэцжэ (нанайцы)	1476	—	600000	—	Хэйлунцзян
Другие национальные меньшинства (подлежит конкретизации)	879201	370000	—	538000	
Итого	67233254	55800000	38037000	35520000	

Источники: Данные по 1982 г.— На статьи. Данные по 1978 г. и 1953 г.— См.: Чжан Тяньбао. Развивать население меньшинств в соответствии с планом и стимулировать процветание национальностей // Жэнькоу ю цзиньцзи.— 1980.— № 1.— Р. 27—30.
Данные по 1957 г.— См. Синьхуа цзы дянь.— Пекин.— 1958.

Уже два года на страницах журналов и газет Дальнего Востока ученые и представители общественности ставят вопрос о трудностях с использованием материалов, хранящихся в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока. В 1940—1942 гг. в связи с обострением обстановки на наших дальневосточных границах он был вывезен из Владивостока в Томск. Даже краткий обзор хранящихся в архиве документов говорит о том, что они могли бы широко использоваться при выработке рекомендаций в ходе проходящей в стране перестройки, но не используются. Открытие и приближение архивов к научным и практическим работникам — насущная задача. Судьба ЦГА РСФСР ДВ

Предыстория вопроса

Хасанские события, Халхин-Гол, а затем тяжелый начальный период Великой Отечественной войны повлекли за собой ряд мер по эвакуации исторических ценностей, в том числе документов, из приграничных районов в глубь страны. В их числе оказался и архив Дальнего Востока, вывезенный в 1940—1942 гг. из Владивостока в Томск. Не за горами печальный полувековой юбилей, как лежит этот архив за тридевять земель практически мертвым грузом: в Томске никому не нужен и из Владивостока добраться до него далеко и дорого.

Проходили годы и десятилетия, и казалось, что с этим уже смирились, что вроде бы так и должно быть. Да и архив в Томске обзавелся многозначительной тяжеловесной вывеской: Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока.

Процесс демократизации всех сторон жизни советского общества вызвал небывалый интерес к вопросам отечественной истории. Причем интерес не праздный, а познавательный, поскольку многое в истории оказалось искаженным. Перед общественными науками встала задача воссоздания исторической правды до- и пос-

волнует не только дальневосточных ученых. Чем больше документов из него будет проанализировано и введено в научный оборот, тем больший исторический опыт мы сможем использовать в ходе нынешних преобразований. Комплекс проблем, связанных с ЦГА РСФСР ДВ, достаточно полно освещен в статье члена Приморского отделения Советского фонда культуры А. Груздева, опубликованной в газете «Дальневосточный ученый» (№ 36 за 1989 г.). Мы разделяем озабоченность автора судьбой архива и перепечатаваем статью с целью еще раз привлечь внимание к этим проблемам, а также хотя бы кратко показать те пласты документов, которые ждут ученых.

лереволюционного периода. Перестройка общественных наук, идеологической работы, да и практической деятельности потребовали расширения источниковой базы исследований, активизации работы по выявлению и изданию комплектов документов по актуальным вопросам общественно-политического, экономического, социально-культурного развития, внешне-экономическим связям.

В этих новых условиях отправным пунктом для нас, дальневосточников, естественно, является ЦГА РСФСР ДВ, где сосредоточен бесценный исторический опыт предшествующих поколений. Но весь этот пласт документов, охватывающий период с 1844 по 1939 г., отражающий самые разнообразные политико-экономические формации, оказался оторванным от заинтересованного потребителя.

В одном из крупнейших регионов страны создалась парадоксальная ситуация: полвека он живет и развивается, лишенный существенной части своего национального достояния — своей исторической памяти. Есть ли где-либо подобные прецеденты? Вряд ли. Нормально ли такое прозябание для общества, провозгласившего себя передовым? Конечно, нет. Потому что одним из показателей высокого уровня развития той или иной

страны является ее забота о своем документальном наследии, культура хранения документов, представляющих общественно-политическую и историческую ценность.

Обсуждение проблемы возвращения архива на Дальний Восток идет уже два года на страницах краевой печати, на радио, на телевидении, на совещаниях разных уровней. Сам же предмет дискуссии, т. е. содержание архива, до настоящего времени подробно не освещался. Но ведь судить о ценности его, а следовательно, и о целесообразности возвращения можно тогда, когда широкая общественность хотя бы в общих чертах будет иметь о нем представление. Постараемся восполнить этот пробел.

Что содержит архив Дальнего Востока

Материалы архива состоят из двух блоков документов. Первый охватывает дореволюционный период с 1844 по 1917—1922 гг. Второй — послереволюционный период с 1917—1922 по 1939 г. Он состоит из 4358 фондов, включающих в себя 474 733 дела. Таковы, так сказать, выходные паспортные данные.

В этих заметках, конечно, невозможно дать полное представление о документах, хранящихся в архиве. Ведь только перечисление одних фондов заняло бы несколько журналов. Но даже выборочное знакомство с отдельными фондами вряд ли оставит равнодушным даже самого невзыскательного читателя.

Из материалов дореволюционного периода наиболее объемно представлены документы Приморского областного управления (1856—1917 гг.) и Владивостокской городской управы (1877—1922 гг.). Достаточно широко отражены развитие промышленности, горного дела, внутренней и внешней торговли, почтово-телеграфных сообщений, банковского дела, страховых обществ, народного образования, здравоохранения, общественного самоуправления, церковных учреждений. Значительное место занимают документы по развитию транспорта: Китайско-Восточной железной дороги, Добровольного флота.

Документы архива характеризуют численность и состав населения Дальнего Востока, освещают историю возникновения городов, сел, деревень, процессы массового переселения крестьян из европейской части России на Дальний Восток.

Для специалистов сельского хозяйства, особенно сейчас, когда происходят радикальные, коренные изменения в сельском хозяйстве, связанные с передачей земли истинному хозяину — крестьянину, когда идет переосмысление сути кооперации на селе и она может приобретать самые различные формы, наверное, представят интерес материалы о землеустройстве и землепользовании тех лет, размерах посевных площадей, сенокосов и лесных угодий, отчуждении казенных земель в частную собственность, устройстве опытных полей, о состоянии сельского и лесного хозяйства, рыбного и пушного промыслов, о внедрении земледелия, огородничества и животноводства. Здесь же имеются сведения о посевах риса, кукурузы, чумизы, развитии садоводства, бахчеводства, об урожайности зерновых культур, сдаче рыболовных участков в аренду, о создании лесных заповедников, об охране островов Берингова и Охотского морей — естественных питомников пушного зверя.

Культурное развитие края характеризуют документы учебных заведений, библиотек, типографий, издательств.

В документах фондов архива имеются сведения об исследованиях на Дальнем Востоке экспедиций Российской Академии наук, Г. И. Невельского, В. К. Арсеньева и др.; хранятся физико-географические обзоры с описанием климата, почвы, геологического состава, растительного и животного мира Дальнего Востока.

Поскольку в этот период осуществлялась интенсивная торговля с зарубежными странами на суше и море, а на территории Приморской области проживало постоянно или временно население с иностранным подданством, то в архиве подробно представлены документы по пограничным вопросам и таможенной службе, как в целом по региону, так и по многочисленным таможенным пунктам.

Имеются в архиве документы по военному и морскому ведомствам: канцелярий военных губернаторов Камчатской области (1844—1868 гг.), Приморской области (1851—1916 гг.), Владивостока (1880—1886 гг.), Уссурийского казачьего войска (1874—1922 гг.), Дирекции маяков и лоций Восточного океана (1895—1922 гг.), Конторы капитана над портами Восточного океана.

Дипломатическая часть архива приамурского генерал-губернатора за 1869—

1918 г. познакомит исследователя с учреждением и деятельностью во Владивостоке консульств Китая, Германии и Японии, коммерческих агентств Китая, Франции, Бельгии, Северо-Американских Соединенных Штатов, Швеции, Норвегии, Нидерландов и Италии в 1881—1906 гг., а также русских представительств в сопредельных государствах.

Расширение в те годы международного торгово-экономического сотрудничества вызвало необходимость прокладки подводных телеграфных кабелей, соединивших Владивосток с Японией, Китаем и Кореей, строительства КВЖД. Растет торговое мореплавание в Восточном океане и по рекам Амуру и Сунгари, развиваются морские силы на Дальнем Востоке. С разной степенью подробности эти сведения нашли отражение в архиве.

Безусловно, для исследователей представят интерес политические обозрения и отчеты приамурского генерал-губернатора за 1867—1897 гг., дипломатическая переписка, обширные выдержки из тихоокеанской прессы, архив временной канцелярии наместника на Дальнем Востоке.

Есть здесь, правда, небольшой, но уникальный в своем роде фонд временного правительства автономной Сибири за короткий, но чрезвычайно важный период с ноября 1918 г. по декабрь 1919 г. Речь идет о правительстве при адмирале А. В. Колчаке. В нем показана деятельность правительства, возглавлявшегося премьер-министром А. Н. Пепеляевым, сношения его МИД с иностранными государствами. Тут же приводятся подробности о высадке американских войск во Владивостоке, о борьбе с большевиками, о сибирской областной думе. Историческая литература советского периода до сих пор рассматривала гражданскую войну только с классовых позиций, односторонне. О том, что для России это была величайшая национальная трагедия, от последствий которой мы еще долго не оправимся, по крайней мере в смысле невосполнимых утрат в генетическом и интеллектуальном потенциале общества в целом, все эти годы замалчивалось и многое описывалось в искаженном виде. Обращение к документам противоборствующей стороны позволит объективно установить истину и многое понять.

Архив Временного народного собрания Дальнего Востока (его состав, стенографические отчеты, протоколы, законопроекты) даст возможность проникнуть в обстановку сложной эволюции государственной власти на Дальнем Востоке в годы гражданской войны.

Документы советского периода органов государственной власти и управления Дальневосточной республикой рассказывают о борьбе трудящихся Дальнего Востока за установление и упрочение Советской власти, о гражданской войне, об организации Красной гвардии, образовании Дальневосточной республики и создании Народно-революционной армии, о партизанском движении в 1920—1922 гг. В фондах сосредоточена информация о воссоединении ДВР с РСФСР, восстановлении народного хозяйства, о развитии производительных сил Дальнего Востока. Они дают возможность познакомиться с зарождением, структурой и деятельностью молодых органов Советской власти в Приморье на различных уровнях: приморских губисполкома, губсовнархоза, губернской плановой комиссии, рабоче-крестьянской инспекции, местных Советов, профсоюзов, владивостокских уездного революционного комитета и окрисполкома. Освещена, в частности, деятельность военно-революционных комитетов Сучана, Ольги, Спасска, Гродеково, а также волисполкомов Сучана, Ольги, Имана.

Большой объем документов связан с коммерческой сферой (внутренняя и внешняя торговля, кооперация, акционерные общества, банки, биржа).

Много нового почерпнут исследователи, занимающиеся историей гражданской войны и сопротивлении иностранной интервенции, из фондов Владивостокской тюрьмы (1917—1923 гг.) и Владивостокской городской комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1925—1935). Без сомнения, в этих фондах откроются новые имена, чьи патристические дела в годы сталинских репрессий были очернены и преданы забвению.

Подлинные документы конца 1920—1930-х годов дадут возможность оценить успехи и просчеты перехода народного хозяйства к чрезмерной централизации управления, индустриализации, принудительной сплошной коллективизации, массового раскулачивания и расказачивания (следствие этого — непоправимый упадок

сельского хозяйства и снижение уровня жизни), сгона малочисленных коренных народностей с их исконных мест проживания и промыслов в кооперативные объединения, что в сочетании с развращающими льготами привело их в конечном счете на грань деградации и вымирания.

Вопрос поставлен — ответа нет

Даже из беглого обзора содержания архива Дальнего Востока нетрудно сделать вывод, насколько документы тех давних лет перекликаются с проблемами региона сегодняшнего дня, насколько нужен этот архив на Дальнем Востоке именно сейчас, когда реформируются все стороны политической, экономической, культурной, международной и военной жизни советского Дальнего Востока. Его материалы могут послужить незаменимым по своей степени достоверности и полезности подспорьем как для исторической науки, которой предстоит начать работу по переосмыслению и переоценке целых исторических пластов, так и для практики. Пренебрегать бесценным положительным и отрицательным опытом наших предшественников в период перестройки было бы непозволительным расточительством, если не сказать, глупостью.

Решение Совета Министров РСФСР № 4969—13 от 28 апреля 1987 г. по совершению архивного дела требует активизации работы по расширению информационной базы общественных наук, более широкому доступу исследователей к документам Государственного архивного фонда СССР. Но как же осуществить исследователям Дальнего Востока доступ к источникам, хранящимся в Томске? Ведь серьезный научный поиск с командировочным портфелем — это более чем несерьезно. Да и с какой стати нужна государству оплата за проезд и командировочные, когда при нормальных условиях можно обойтись трамвайным билетом, а то и пешком пройти.

Мы говорим — «воспитание историей». Но где они, популярные, адресованные массовому читателю сборники документов по истории родного края? Где издание описей наиболее важных фондов, указателей и каталогов по актуальным проблемам обществоведческих исследований? А если бы они и были, так ведь опять же в Томск надо лететь. Местные архивы практически исчерпаны. В книжных

магазинах Приморья можно увидеть лишь сборники мемуаров участников гражданской войны, партийных и хозяйственных работников 1920—1930-х годов, по своему содержанию далекие от научного и объективного освещения событий описываемого периода. Но ведь речь-то идет не о двадцатилетнем отрезке времени, история которого, подлежит, кстати, коренной переработке, а о столетней эпохе в целом. И все документы этой эпохи лежат в Томске, а наиболее острую потребность в ее изучении испытывают ученые Дальнего Востока, а не Западной Сибири.

Вот уже полтора года научная и краеведческая общественность Приморья ставит вопрос о возвращении архива Дальнего Востока из Томска на свою землю. За это время на данную тему опубликовано 14 статей в краевых газетах, в том числе в «Красном Знамени» — десять, девять выступлений состоялись на радио и телевидении и девять раз вопрос обсуждался с советским и партийным руководством края, на зональных и краевых совещаниях, заседаниях научных, архивных и общественных организаций.

Однако странная и не совсем понятная складывается ситуация. Ведь любой гражданин, обратившись в какую-то инстанцию, согласно установленным положениям, через месяц получит ответ: какой ответ — вопрос другой. В нашем же случае публично, через все виды массовой информации и другие каналы делается 32 (!) обращения, а со стороны властей никакой реакции. Создается впечатление, что идет свободная дискуссия интеллигенции. Но она никого ни к чему не обязывает. Нет никаких ответных откликов, обратной связи с так называемой массой, каких-либо разъяснений по существу дела с обоснованием имеющихся трудностей и т. п. Такая позиция игнорирования интересов равнодушных к своей истории граждан вызывает у них недоумение, тревогу и в конечном счете неверие в заинтересованность и возможности руководства. Получается как-то неуважительно и к авторам публикаций, и к сотням тысяч читателей, слушателей и телезрителей края. Одновременно теряется вера и в печатное слово в газете, поскольку получается, что пока средства массовой информации используются для сброса давления активной части общественности.

Впрочем, объяснение такой позиции найти ведь несложно. Сталинизм сделал все, чтобы выколотить историческую память у народа. Ведь не случайно в наше сознание вдалбливались десятилетиями, что чем «простой советский человек», т. е. «винтик», безродней и беспородней, тем ему же лучше для выживания в обществе, где все равны. А такому обществу родословная не нужна. Вот и вся философия!

Теперь давайте посмотрим, в каких условиях хранятся документы в ЦГА РСФСР ДВ. За пятьдесят лет специального здания для архива не построено. Размещается он в двух зданиях. Одно из них — церковь, совершенно не приспособленная для хранения архива. Судя по отзывам владивостокских ученых, работавших в архиве, несмотря на добросовестность и внимательность его сотрудников в силу неблагоприятных условий для работы с документами составление каталогов еще далеко от завершения. Микрофильмирование и ксерокопирование не осуществляется. Часть дел поражена грибком. Главное же, все усилия совершенствовать работу архива в этом помещении окажутся тщетными, потому что здание церкви в ближайшем будущем станет просто церковью. Таким образом, в Томске создается тупиковая ситуация.

Экономические проявления нового политического мышления постепенно сводятся к тому, что Дальневосточный экономический район (ДВЭР), являющийся в настоящее время во многом чисто условным географическим понятием, должен перерасти в действительно народнохозяйственный комплекс с региональным хозрасчетом и высокой степенью самостоятельности. Многие наши беды на краю земли русской происходят оттого, в частности, что до сих пор четко не определен административно-хозяйственный центр Дальнего Востока с соответствующими полномочиями. Идет лишь негласное соперничество между краями и областями по различным параметрам, вплоть до того, кто выше и дороже поставит памятник, приуроченный к какому-нибудь юбилею. Наиболее вероятными претендентами на ведущую роль в регионе являются Хабаровск и Владивосток. И до тех пор, пока это соперничество будет продолжаться, уровень и масштаб мышления руководителей этих краев будут сковываться границами подведомствен-

ных территорий, что вполне естественно.

Что касается архива Дальнего Востока, то, видимо, он должен остаться неделимым. Но где же его размещать? Как показали приведенные рассуждения, его размещение связано с будущей столицей Дальнего Востока.

Правда, хабаровская газета «Тихоокеанская звезда» в связи с «совершенно новой возникшей международной атмосферой» 1 марта с. г. уже предопределила исход: «Центральный архив Дальнего Востока должен быть в Хабаровске». Так гласит заголовок. Почему? Потому, разъясняет работник Госархива С. Розенталь, что «сама история, география отвели ему столь высокую и почетную роль».

Никто не собирается умалять роль Хабаровска в освоении Дальнего Востока. Но давайте обратимся к истории Российского государства. До конца XVII в. вся государственная концепция России основывалась на том, что она — ярко выраженное континентальное государство. Однако ко времени Петра Великого, подобно другим цивилизованным государствам, Россия на западе, юге и востоке устремилась к морям (на севере это произошло значительно раньше). К середине XIX в. этот сложный процесс завершился, и Россия — а впоследствии СССР — стала великой морской державой.

Действительно, в 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство, в которое вошли Амурская, Забайкальская и Приморская области с центром в Хабаровске. С различными вариантами такая административно-хозяйственная структура сохранялась до 1938 г. После чего начался процесс децентрализации на Дальнем Востоке.

Однако при всем при этом с самого начала основания поста, а затем порта, города и крепости Владивосток стал приобретать все большее военно-политическое и торгово-экономическое значение. В этом отношении, думается, представит интерес мысль видного экономиста В. Г. Ласкина из его работы «К вопросу о программе первоочередных работ Приморской Плановой Комиссии», опубликованной в журнале «Экономическая жизнь Приморья» № 1—2 за июль — август 1923 г., которую совсем недавно обнаружил автор настоящей статьи в фондах Приморского государственного архи-

ия: «В отношении порта Владивосток нужно, кроме того, учесть то обстоятельство, что Владивосток является единственным пока нашими широкими воротами, обращенными к соседям — народам Востока, то есть туда, куда — в осуществление пророчества Владимира Соловьева (В. С. Соловьев — выдающийся русский философ конца XIX в.— А. Г.) — ныне, по-видимому, начинает перемещаться центр развития культурной и экономической жизни земного шара. Последнее придает порту Владивосток не только экономическое, но и чрезвычайное политическое значение».

Что ж, можно только подтвердить прозорливость наших дальновидных предшественников, имея в виду, что ныне на берегах Тихого океана разместилась большая часть человечества и что здесь же расположены такие величайшие государства, как СССР, США, Китай и Япония. Подтверждением этой мысли может послужить известный дальнейший прогноз о том, что XXI в.— это век Тихого океана.

Именно Владивосток в настоящее время является при всех равных условиях с другими городами Дальнего Востока центром военного, торгового и рыбопромыслового мореплавания, а также центром науки этого региона. И видимо, не случайно во Владивостоке в 1986 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев провозгласил новые принципы внешней политики Советского Союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а в 1988 г. здесь же впервые проводился форум политических и общественных деятелей различных стран мира «АТР — диалог, мир, сотрудничество».

Завершая эту тему, следует подытожить: будущее Дальнего Востока во все большей степени будет в самых различных формах связано с Тихим океаном. Следовательно, и свое мышление мы должны все больше подтягивать от континентального, сухопутного к морскому. Потому что Дальний Восток — это естественная, неотделимая часть огромного АТР, и задача состоит в том, чтобы как можно быстрее занять в нем достойное место, поскольку на сегодняшний день валовой продукт Дальнего Востока составляет всего лишь 0,7 процента, то есть наш удельный вес в этом сообществе пока еще практически равен нулю.

В новых условиях с учетом многообразных видов инфраструктуры, что осо-

бенно ценится в деловом мире, Владивосток обладает бесспорными преимуществами.

Каким должен быть архив

Архив — это сосредоточие национальных культурных ценностей. Наряду с удобными внутренними помещениями, отвечающими целому ряду специфических технических норм, его внешнее оформление должно отвечать самым высоким требованиям эстетики и находиться в научно-культурном центре города.

Мы познакомимся с книгой одного из признанных авторитетов архивного дела, технического директора Дирекции французских архивов Мишеля Дюшена «Здания и оборудование архивов», Париж, 1973 г. Вот что из себя представляет типовой проект архива на 50 тыс. погонных метров для департамента с миллионным населением. Общая площадь хранилищ (при оборудовании традиционными стеллажами) составляет 8500—9000 м², кубатура 1820—19 300 м³. Общая площадь рабочих помещений 2000 м², кубатура 8000 м³. Хранилищ — 42 по 200 м² каждое.

Сравним с Приморским государственным архивом, находящимся в здании старого костела во Владивостоке. Его полезная площадь составляет 900 м², и она полностью забита 230 тысячами единиц хранения, то есть томами. И это на 2 млн. 260 тыс. населения Приморского края. Таким образом, по сравнению с небольшим французским департаментом архивная база Приморского края отстает в 25 раз.

Если же говорить об архиве Дальнего Востока, предназначенном для населения 7 млн. 941 тыс. чел., то площадь архива должна быть увеличена еще в 3—3,5 раза. И это расчет только на сегодня, без перспективы прироста населения и фондов архива. Совершенно ясно, что теоретически такой архив Дальнего Востока возможен не ранее чем через 75—100 лет. Поэтому обратимся к современным реалиям.

Известно, что в XII и XIII пятилетках строительство архива специальной постройки в Приморском крае не предусматривается. Следовательно, должен вступить в действие старый, «добрый» способ — реквизиция какого-то существующего солидного здания, в той или иной

степени отвечающего основным требованиям по размещению архивов.

Где разместить архив Дальнего Востока?

Судя по выступлениям большинства представителей общественности, этим требованиям наиболее удовлетворяет здание бывшего штаба Сибирской флотилии, впоследствии длительное время занимавшееся Приморским крайкомом КПСС и где, к большому недоумению горожан, разместились крайком комсомола и еще несколько организаций. Там же размещается часть партархива. Известно, что для партархива строится специальное здание, куда и перевезут эту часть архива.

В настоящее время в соответствии с решениями январского (1987) Пленума ЦК КПСС, XIX Всесоюзной партконференции и Съездов народных депутатов происходит процесс сокращения административно-командного, партийного и хозяйственного аппаратов управления. Следовательно, это предполагает освобождение значительного количества площадей в краевом центре, в том числе, вероятно, и в крайкоме комсомола. Думается, что если не нынешнее руководство, то вновь избранные на предстоящих выборах республиканские и местные органы власти вопрос перераспределения освобождающихся служебных помещений должны взять незамедлительно под свой жесткий контроль.

Общая площадь крайкома комсомола составляет более 6000 м², что позволит на ближайшее обозримое будущее содержать в нем архив Дальнего Востока и открыть широкий доступ для работы в нем исследователей и должностных лиц по кругу их интересов.

Приглашение к размышлению

Чтобы все эти рассуждения не показались утопическими и чтобы все оказалось, на каком уровне отсталости оказалось архивное дело в стране в целом и в крае в частности, позволим привести две выдержки компетентных деятелей в этой области из публикаций в «Литературной газете» от 16 августа 1989 г.

Говоря о всеобщей закрытости советских архивов, член советско-американской комиссии по сотрудничеству в области архивного дела доктор Патриция Кеннеди Гримстед пишет: «Одна из главных причин упадка архивов в вашей стране — борьба за классовый подход в архивном деле, которая развернулась с конца 1920-х годов. Из архива изгонялись прекрасные специалисты. Изгонялись они за составление объективных описей. Это ставилось им в вину наряду со знанием иностранных языков (значит, «шпион»)...»

Последнюю точку ставит член-корреспондент АН СССР Н. Н. Болховитинов: за последние 30—40 лет «в архивах и библиотеках Запада произошла революция, которая коренным образом изменила характер работы исследователя с документами. В США, например, эта революция сопровождалась созданием крупных банков машинной информации, сплошным микрофильмированием основных архивных фондов и распространением микрокопий по всему миру, широчайшим внедрением компьютеров и аппаратов «Ксерокс», прекрасной системой информации...»

Что можно сказать после всего этого? Слов нет. Нужны дела.

А. ГРУЗДЕВ

Китайский журнал на русском языке

В конце октября минувшего года делегация советских журналистов-ветеранов посетила Пекин, Харбин и Шанхай. Автор этих строк, бывший в составе делегации, познакомился с Чэнь Гуном — заместителем главного редактора журнала «Мост», который начал издаваться на русском языке в Пекине с 1989 г. Журнал пока что не распространяется в Советском Союзе: его первые два номера, прекрасно иллюстрированных и оформленных, изданы в экспериментальном порядке. Я внимательно изучил журналы, получив их в подарок, и хотел бы поделиться своими впечатлениями, ознакомить нашего читателя с содержанием номеров.

В вводной статье первого номера под заголовком «Мост понимания» главный редактор журнала Се Вэньцин пишет: «Само название журнала «Мост» как бы предопределяет двустороннее сотрудничество для авторов и читателей из Китая, Советского Союза и социалистических стран Европы. «Мост» будет способствовать обмену мыслями, идеями и опытом, укреплению дружбы. Народы Китая и Советского Союза особо нуждаются во взаимопонимании... Наши страны — ближайšie соседи и имеют одинаковую политическую систему. К тому же в ходе проведения экономических и политических преобразований перед обеими странами стоит важнейшая историческая задача — максимальное выявление преимуществ социалистического строя».

На большом фактическом материале журнал знакомит советских читателей с различными аспектами экономической реформы, проходящей в Китае. Этому посвящены статьи: Ли Инна — «О реформе в Китае на ближайшие 8 лет», Чэнь Линя — «Подрядная система не может стать окончательной моделью, ради которой проводится реформа», Чжан Цзяна и Дуи Вэйя — «Анализ проблемы инфляции в Китае», Ян Чансюня — «Бюрократический аппарат — главная преграда на пути создания нового порядка товарного хозяйства» и др.

Отношение населения к положению в стране анализируется в социологиче-

ских статьях: «Психологический настрой городских жителей» и «Психологический настрой рабочих и служащих в городах Китая в 1988 г.».

Особое внимание в журнале уделено китайско-советским отношениям. Председатель Общества китайско-советской дружбы У Сюшоань, который в 1925 г. впервые приехал в СССР и стал слушателем Университета имени Сунь Ятсена, в статье «Круиз дружбы» делится своими впечатлениями о недавней поездке в Советский Союз. Между китайским и советским народами, пишет У Сюшоань, существует традиционная дружба, истоки которой уходят в далекое прошлое. В трудные годы китайской революции и войны с японскими агрессорами советский народ протянул нам руку помощи. Советские летчики-добровольцы мужественно сражались в воздушном пространстве городов Ухани и Ланьчжоу. Советская армия внесла большой вклад в разгром Квантунской армии Японии, оккупировавшей Северо-Восточный Китай.

Журнал приводит конкретные факты помощи советских военных добровольцев китайскому народу в войне против японской агрессии. За четыре года, с 1937 по 1942 г., Советский Союз послал в помощь Китаю более 500 летчиков-добровольцев, 785 самолетов. Советские летчики-добровольцы приняли участие более чем в 50 боях, уничтожили на земле и сбили в воздухе около 200 вражеских самолетов, потопили или вывели из строя более 20 судов противника, нанесли большой урон японской армии.

В последние годы контакты и сотрудничество между организациями дружбы Китая и Советского Союза, отмечает У Сюшоань, неуклонно развиваются. Обмен визитами, проведение юбилейных мероприятий и организации различных выставок сыграли позитивную роль в деле углубления взаимопонимания народов обеих стран.

Ныне в Китае уделяется большое внимание пропаганде произведений В. И. Ленина. В статье «Великое духовное наследство» сообщается, что в КНР вышло вторым изданием на китайском языке 60-томное Собрание сочинений Ленина. Новое издание полного собрания сочинений В. И. Ленина, подчеркивается в статье, окажет огромное и глубокое влияние на дальнейшее освоение и твор-

ческое применение ленинского учения о социализме.

8 октября 1988 г. на территории Пекинской выставки состоялось торжественное открытие «Дней науки и техники СССР в Китае». Журнал пишет по этому поводу: «По своим масштабам это самая крупная, устраиваемая в КНР за последние годы экспозиция, которая представляет различные области и направления развития науки и техники, где работают советские ученые и специалисты». В приводимых журналом многочисленных отзывах посетителей выставки чаще других звучит слово «дружба».

Именно духом дружбы и понимания проникнуты статьи китайских авторов, в которых они высказывают свое мнение о перестройке в социалистических странах. Так, в опубликованной статье Шэнь Имина «Мой взгляд на перестройку в Советском Союзе и Восточной Европе» подчеркивается: «Мы не можем согласиться со взглядами тех, кто не видит хоть каких-то успехов перестройки, а видит лишь гору накопленных ею вопросов».

Значительное место в журнале отведено советско-китайским внешнеэкономическим связям. Так, в интервью заместителя председателя народного правительства провинции Хэйлуцзян Ду Сяньчжуна подробно рассказывается о пограничной торговле этой провинции с Советским Союзом, которая имеет давние традиции, хотя в силу различных причин несколько раз прерывалась. На протяжении многих лет торговыми партнерами Китая являются Амурская область, Приморский и Хабаровский края. К 1966 г. общий объем импорта — экспорта достиг 54 млн. 480 тыс. швейцарских фр. (по нынешнему курсу — 34 760 тыс. руб.). С 1967 г. пограничная торговля прекратилась, а в апреле 1982 г. возобновилась вновь. Торговый оборот возростал с каждым годом и за пять лет, к 1987 г., он составил примерно 140 млн. швейцарских фр.

В 1989 г. пограничная торговля сделала огромный скачок. Только за первое полугодие было подписано импортно-экспортных контрактов на сумму

230 млн. швейцарских фр., больше чем за все 15 лет сотрудничества.

Журнал знакомит советского читателя с изданием советской литературы в Китае. После образования КНР переведено и издано 5600 книг 1700 русских и советских писателей, среди которых большую часть составляют советские авторы. По переводу и изданию в Китае русская и советская литература идет впереди всех других литератур мира. Уже выпущены многотомные собрания сочинений Льва Толстого, Достоевского, Горького и других писателей. В последние годы, говорится в журнале «Мост», внимание наших литераторов и читателей привлекает творчество таких выдающихся современных писателей, как Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, В. Распутин, Г. Троепольский, Н. Думбадзе, О. Гончар. Их произведения в большинстве своем переведены на китайский язык.

Повысился интерес в Китае и к изучению русского языка. Сунь Юй в статье «Мост дружбы» рассказывает о том, как ведется преподавание русского языка по радио. Ежедневные радиоуроки русского языка по пекинскому радио проводятся пять раз. Такие же уроки передаются по радио в Шанхае и Ухани.

И, наконец, в журнале можно найти интересную информацию о самых различных сторонах жизни китайского народа на такие темы, как «Поцелуй в китайских кинофильмах», «Эволюция китайской моды за 30 лет», «Пекинские зарисовки», «Чудеса китайской медицины», «Пекинский ресторан «Москва» и др. Подобная информация поможет советскому читателю лучше познакомиться с повседневной жизнью китайцев, с их интересами, взглядами, вкусами.

Хотелось бы пожелать успехов редакции «журнала «Мост» в ее благородной работе во имя расширения взаимопонимания между китайским и советским народами, во имя дальнейшего укрепления советско-китайской дружбы. А нашим читателям сообщаем адрес журнала: КНР, Пекин, Дворец культуры Национальностей.

В. СИДИХМЕНОВ

Встреча с учеными из Таиланда

В редакции журнала состоялась встреча с группой профессоров и преподавателей экономического факультета Чулалонгкорнского университета (Таиланд) во главе с профессором Чатхипом Нартсупхом. Делегация находилась в Советском Союзе по приглашению Советского комитета защиты мира с целью знакомства с общественно-политическими процессами, академической жизнью нашей страны.

Университет Чулалонгкорн является старейшим и одним из наиболее известных высших учебных заведений страны. Он основан в 1917 году и назван в честь короля Рамы У, в правление которого началось становление современного образования в Таиланде. Финансируется правительством, насчитывает около 18 тыс. студентов и свыше 2 тыс. преподавателей. В университете 15 факультетов и 5 исследовательских институтов. В области общественных наук основное внимание уделено изучению вопросов социально-экономического развития сельскохозяйственных районов страны, тайского общества в целом, истории стран Юго-Восточной Азии.

В беседе с гостями приняли участие главный редактор журнала, д. и. н. В. Б. Воронцов, заместитель главного редактора Б. Н. Славинский, другие сотрудники редакции, ведущие научные сотрудники ИДВ АН СССР Ю. С. Столяров, В. Б. Якубовский, ответственный сотрудник СКЗМ Б. Е. Заранкин.

Встречу советских и тайландских ученых, хотя и являющуюся одной из первых «ласточек», предвещающих расширение академических контактов между двумя странами, все же нельзя отнести к числу случайных явлений. В отношениях Советского Союза с Таиландом явно определились позитивные сдвиги. Это тем более отрадно, что наши связи с этим влиятельным в Юго-Восточной Азии государством долгое время не складывались.

Установлен и получил развитие политический диалог между официальными представителями обеих стран вплоть до высшего уровня. В 1988 г. премьер-министр Таиланда П. Тинсуланон посетил

Советский Союз и был принят М. С. Горбачевым. Состоялся обмен визитами министров иностранных дел. Стороны признали полезными периодические консультации между министерствами иностранных дел обоих государств. Важное значение для укрепления взаимоотношений двух стран имеют контакты Верховного Совета СССР с Национальной ассамблеей Таиланда. Подписание соглашения о научно-техническом сотрудничестве, создание советско-тайландской комиссии по торговле должны способствовать стабилизации и укреплению торгово-экономических отношений, в целом формировавшихся достаточно неровно.

По просьбе гостей в центр обсуждения были поставлены проблемы перестройки в Советском Союзе, перспективы торгово-экономического сотрудничества между СССР и Таиландом.

Таиландские специалисты подчеркнули, что в их стране с вниманием следят за происходящим в Советском Союзе процессом обновления, желают советскому народу успехов в его великом начинании. Было высказано мнение о международном аспекте перестройки в СССР — неординарные подходы советской дипломатии, характерные для нового политического мышления, во многом способствуют улучшению климата в международных отношениях в азиатско-тихоокеанском регионе, нормализации обстановки в Юго-Восточной Азии.

Казалось, что вопросам гостей не будет конца: «Что такое перестройка? Каковы ее конкретные ориентиры и высшая цель? Не являются ли перемены, происходящие в советском обществе, реформами «сверху»? Есть ли противники у перестройки? Кто они? Что нового в механизме планирования? Каковы основы ценообразования в советской экономике? Почему процессу демократизации в СССР уделяется сейчас столь значительное внимание?»

В ответ советские участники рассказали о нынешнем этапе проводимой в СССР перестройки, нацеленной на обновление всех сфер жизни советского общества, повышение эффективности хозяйствования, достижение более высокого уровня развития страны, жизненных стандартов на основе радикальной политической и экономической реформы, широкой демократизации и гласности.

По ряду проблем возникли дискуссии. В частности, по мнению заместите-

ля декана факультета доктора Паттанадживилаи, поддержанному рядом тайландских ученых, одна из главных причин нынешнего трудного состояния советской экономики состоит в том, что она все еще базируется на командно-административных методах управления, неразвитости рынка, слабости экономических рычагов воздействия на хозяйственный организм. Он неоднократно возвращался к мысли о том, что было бы неправильно говорить, что рынок присущ только капиталистическому способу производства. Рынок — это великое завоевание, приобретение всей человеческой цивилизации, объективное мерило труда и товарного спроса. Ученый считает, что рынок должен играть гораздо большую роль в формировании цен, чем это имеет место в настоящее время в советской экономике. Одновременно доктор Паттанадживилаи, похоже, соглашался с тем, что общие для разнообразных способов производства черты и признаки товарного производства вообще, в том числе и рынка, должны действовать и реализоваться в специфических для социализма формах. Это, кстати, ставит перед наукой и практикой весьма непростую задачу разграничения общего содержания и специфических форм товарного производства и рынка.

Говоря о перспективах развития торгово-экономических отношений между двумя странами, советские и тайландские специалисты отмечали, что перестройка, в том числе и внешнеэкономического механизма, более высокий уровень политического взаимопонимания открывают новые возможности для освоения новых форм сотрудничества. В частности, в прошлом году в Таиланде созданы две смешанные компании с советским участием. Вместе с тем на этом пути предстоит еще немалая работа. Достаточно сказать, что доля Советского Союза в тайландском экспорте находится где-то в районе одного процента, а в импорте

и того меньше. В прошлом году во внешнеторговом обороте СССР на Таиланд приходилось 0,06 %.

По мнению гостей, наиболее перспективными являются торгово-экономические связи Таиланда с советским Дальним Востоком. Но при этом необходимо найти ответы на непростые вопросы, связанные со слабым развитием инфраструктуры в регионе, нехваткой рабочей силы, неконвертируемостью рубля, конкретизацией условий инвестирования, самостоятельностью местных органов власти в принятии коммерческих решений и ряд других.

На прощание гости подарили одну из своих последних работ, сделанную по материалам международной конференции на весьма актуальную для страны тему — проблемы взаимоотношений с северным экономическим гигантом — Японией. Характерно ее название: «Лев и мышь? Японская Азия и Таиланд». В заголовок вынесены слова, сказанные в виде шутки заместителем премьер-министра Таиланда П. Раттакуном. Он считает, что этот образ отражает характер асимметричной взаимозависимости двух стран. При этом он добавил, что, можно полагать, японцы знают и помнят мораль известной басни Эзопа.

В завершение обе стороны выразили уверенность в необходимости таких встреч и бесед. А автору этих строк припомнилась поездка в Таиланд в 1976 году, когда он был принят деканом экономического факультета Чулалонгкорнского университета доктором Чомплоен Чандр-Руан-Фен. Конечно, разговор шел тогда о продолжении контактов. С тех пор прошло 13 лет. Хотелось бы, чтобы следующая встреча с учеными, преподавателями из знаменитой в Таиланде Чулы состоялась много раньше. Для этого сегодня гораздо больше предпосылок.

В. ЯКУБОВСКИЙ

Семинар по исследованиям Тибета

Уникальное явление человеческой цивилизации Тибет издревле привлекал внимание исследователей и путешественников, политиков и религиозных деятелей. На протяжении последних веков он притягивал к себе загадочностью, однако пугал недоступностью, будучи отгороженным от всего мира как географическими препятствиями, так и своеобразной системой государственного устройства, отторгавшего все нетибетское. Но, с другой стороны, таинственность и недоступность еще больше обостряли стремление преодолеть препятствия на пути познания этого края. Несмотря на то, что отдельные европейцы сумели проникнуть в Тибет около трехсот лет назад — это были итальянские католические миссионеры, — тибетская дверь вновь была хлопнута перед всеми иностранцами практически до наших дней. Лишь в конце 70-х годов в нескольких тибетских городах стали появляться иностранные туристы. Однако их дорожные впечатления, разрозненные и субъективные, ни в малой степени не способствовали «открытию» Тибета.

Значительным шагом вперед в изучении Тибета стала организация Международной ассоциации по тибетским исследованиям, в которую входят ученые разных стран, занимающиеся проблемами культуры Тибета, его истории, языка, буддизма и т. д. Ассоциация с периодичностью в два-три года проводит семинары-конференции тибетологов, на которых заслушиваются и обсуждаются доклады по различным аспектам тибетоведения. Последний по времени 5-й Международный семинар по тибетским исследованиям проходил с 27 августа по 2 сентября 1989 г. в Нарите (Япония).

Непосредственным организатором семинара был Институт буддистских исследований Наритасан, взявший на себя все материально-техническое обеспечение этого мероприятия, которое, скажем сразу, было выше всех похвал.

На семинар съехались представители тридцати стран, в том числе СССР, КНР, США. Состав участников был чрез-

вычайно разнообразным — от вчерашней студентки-монголистки из Варшавы Агаты Барей до чехословацкого профессора Иозефа Колмаша — автора широко известных фундаментальных монографий по внешнеполитической истории Тибета, его месту в китайской империи.

Прочитанные и продискутированные на семинаре доклады не определялись какой-то одной конкретной тематикой. Они были посвящены главным образом этнографии, географии, языку, другим научным темам и лишь в редких случаях затрагивали тибетские болевые точки внешнеполитического характера. Надо отметить, что подлинно научное освоение Тибета, по существу, только-только начинается. В предшествующие десятилетия тибетоведение находило отражение во множестве публикаций, посвященных преимущественно международной проблематике, связанной с Тибетом. Наиболее известными их авторами были деятели британской администрации в Индии Ф. Янгхазбенд, Ч. Белл, Х. Ричардсон, что не могло не наложить определенного отпечатка на содержание этих работ. Если обратиться к отечественному тибетоведению, то первым среди авторитетов в этой области, безусловно, следует назвать отца Иакинфа (Бичурина), затем Н. П. Кюнера. Однако источниковая база авторов была нетибетского происхождения вследствие недоступности оригинальных тибетских материалов.

Существенно важной чертой докладов на семинаре в Нарите являлось то, что они базировались, как правило, на тибетских материалах и источниках. Каждому из докладчиков было дано право выразить более развернутое изложение своей точки зрения в статье по теме доклада, которая будет опубликована в специальном сборнике.

Диапазон тематики докладов свидетельствовал о большой широте и разнообразии ведущихся в мире исследований Тибета. Несколько докладов было посвящено тибетским фондам в различных научных центрах, в том числе в Бурятском институте общественных наук, представляющим большую научную ценность, однако не введенным в научный оборот до настоящего времени. «Заметки о тибетских любовных песнях в Амдо», «Реконструкция старого тибетского языка», «Религиозная география Тибета согласно традиции бон» и другие доклады

вызывали не меньший интерес слушателей и соответствующую дискуссию, чем выступления, затрагивавшие социально-исторические вопросы, такие, как «Хронология амбаней в Лхасе», «Торговля Ладака с Тибетом при дограх», «У ворот Тибета (Христианские миссионеры в Куннауре)», «Россия и Тибет».

В представленном советским участником семинара докладе о взаимоотношениях между Россией и Тибетом содержалась принципиально новая трактовка этой проблемы, вызывая острые споры и дискуссии среди специалистов разных государств. Долгие годы в научных кругах ряда стран имела хождение версия, по которой царская Россия однозначно представлялась в роли жандарма Европы и поработителя в Азии. Сторонники этой версии приписывали России некую агрессивную, экспансионистскую

деятельность и в Тибете. В докладе документально опровергнута такая предвзятая трактовка отношений России с Тибетом, показано, что Россия никогда не осуществляла экспансии в этом направлении и не была причастна к затяжному тибетскому кризису в первые полтора десятилетия XX в.

В целом семинар в Нарите продемонстрировал растущий интерес мирового востоковедения к самобытной тибетской культуре, истории и религии. На рабочей встрече был избран новый президент ассоциации. Им стал известный итальянский тибетолог Лючано Петех.

*Н. С. КУЛЕШОВ,
доктор исторических наук
Нарита — Москва*

Выпускники Харбинского Политехнического Института действуют

В декабре 1988 г. в Новосибирске была создана Ассоциация друзей Харбинского политехнического института, входящая в состав Общества советско-китайской дружбы. Сейчас ее членами являются 170 новосибирцев.

Что же представляет собой Харбинский политехнический институт (ХПИ) и почему у него столько друзей в сибирском городе? Создание и деятельность института неразрывно связаны с историей Китайско-Восточной железной дороги — совместного русско-китайского предприятия в Маньчжурии. Сооружение КВЖД было начато Россией в 1897 г. Город Харбин стал центром железнодорожного строительства.

Стоящий на стыке железных дорог (западное, восточное и южное направления) и судоходной реки Сунгари, Харбин стал быстро расти. Сюда хлынули

из России многие тысячи русских, так как строителям дороги предоставлялись различные льготы.

Через десять лет Харбин насчитывал уже более 30 тыс. жителей. Это был чисто русский город, с русскими постройками, русским колоритом, но на китайской территории в так называемой «полосе отчуждения КВЖД», в которой были русские администрация, суд и полиция, а также русские охранные войска — Заамурская бригада.

После Октябрьской революции русское население Маньчжурии оставалось на своих местах. КВЖД продолжала работать, хотя обстановка на дороге была сложная, так как в Харбине и Маньчжурии осели каппелевцы, колчаковцы, семеновцы, настроенные резко антисоветски.

С установлением дипломатических отношений между СССР и Китаем в 1924 г. КВЖД перешла в совместное советско-китайское управление. К этому времени численность населения в Харбине превышала 250 тыс. человек. В 1920 г. здесь был открыт Русско-китайский техникум. Преподавание в нем велось на русском языке. Поэтому для лиц китайской национальности были образованы подготовительные курсы.

2 апреля 1922 г. Русско-китайский техникум был преобразован в Харбинский политехнический институт, первым директором которого стал А. А. Шелков. Позднее на этом посту его заменил

профессор Л. А. Устругов. В связи с японской оккупацией Маньчжурии ХПИ был закрыт в течение десяти лет. После разгрома Квантунской армии и прихода Советской Армии Харбинский политехнический институт был вновь открыт в 1945 г. с тремя факультетами: инженерно-строительным, электромеханическим и транспортно-экономическим. Позднее добавились восточно-экономический, а также химический и горный факультеты. Самоотверженным трудом русских профессоров и преподавателей ХПИ выпустил большой отряд высококвалифицированных советских и китайских инженеров.

Как известно, Советский Союз безвозмездно передал свои права на КЧЖД со всем принадлежащим дороге имуществом Китайской Народной Республике. К этому моменту, то есть к 1953 г., дорога уже располагала необходимыми китайскими техническими кадрами, в чем, подчеркиваю, немалая заслуга Харбинского политехнического института, его русского преподавательского состава. Им были подготовлены и необходимые преподавательские кадры из лиц китайской национальности. Преподавание в институте было переведено на китайский язык. Большинство его выпускников, являющихся членами Ассоциации друзей ХПИ в Новосибирске, закончили ХПИ в период 1945—1955 гг.

К 1956 г. большая часть советских людей, постоянно проживавших в Харбине, выехала в Советский Союз на освоение целинных и залежных земель, часть из них уехала в Австралию, Бразилию, Израиль и другие страны, а в Харбине фактически осталось лишь несколько десятков русских, в основном пожилые люди.

У выпускников ХПИ — новосибирцев в свое время были добрые, товарище-

ские отношения с китайскими коллегами и администрацией Харбинского политехнического института. К сожалению, трудные годы в советско-китайских отношениях не способствовали и нашим контактам. Сейчас эти контакты восстанавливаются. Ассоциация ведет регулярную переписку с Объединением выпускников ХПИ в Харбине.

Члены Ассоциации друзей ХПИ неоднократно встречали китайские делегации из Харбина, приезжавшие в Новосибирск, а делегация новосибирцев, в состав которой входили председатель совета Ассоциации друзей ХПИ Г. А. Мыслин и член совета П. М. Зверев, посетила Харбин.

Состоялась теплая полезная встреча с Объединением выпускников ХПИ, в результате которой был подписан протокол о развитии дружеских связей между организациями выпускников Харбинского политехнического института. Согласован график обмена делегациями на 1989—1990 гг. Намечен визит делегации ХПИ в Новосибирск в январе 1990 г. на общее собрание Ассоциации друзей ХПИ, а ответный визит делегации нашей ассоциации состоится в июне 1990 г., когда в Харбине будет торжественно отмечаться 70-летие ХПИ, на которое будут приглашены его выпускники из разных городов КНР, СССР и других стран.

В подписанном протоколе китайская сторона выразила надежду на то, что Ассоциация друзей ХПИ в Новосибирске вовлечет в свою деятельность всех выпускников ХПИ, проживающих в разных местах Советского Союза, и будет способствовать созданию всесоюзной ассоциации друзей Харбинского политехнического института.

П. ФИАЛКОВСКИЙ

Дальний Восток в работах авторов Политиздата

---

1. Кривель А. М. Служили, Халхин-Гол — 1989, 12 д., 800 тыс. экз.

Публицистический рассказ спецкора газеты «Правда» о жестоких боях в 1939 г. на реке Халхин-Гол против японских милитаристов, о подвигах советских и монгольских воинов, о командующем совместной советско-монгольской группировкой Г. К. Жукове, о разгроме в 1945 г. Квантунской армии и срыве планов бактериологической войны против СССР. Книга основана на документах, личных впечатлениях автора, воспоминаниях участников описываемых сражений.

2. Воронцов В. В. Судьба китайского Ваншарта.— 1989, 20 д., 800 тыс. экз.

В 1989 г. исполнилось 40 лет со дня провозглашения Китайской Народной Республики и краха диктатуры Чан Кайши. В книге ученого-международника В. В. Воронцова показана деятельность Чан Кайши, мотивы его поведения на наиболее драматических поворотах новейшей истории Китая: революции 1925—1927 гг., переворота 1927 г., трагедии в Циняньи, сваньских событий, провокации у Лугоуцзя, послужившей поводом для вторжения японских милитаристов, и многие другие события, тесно связанные с биографией лидера гоминьдана, его взлетом и падением. Книга написана в жанре научной публицистики на основе материалов, опубликованных в СССР и за рубежом, а также архивов.

3. Куликов В. С. Китайцы о себе.— 1989, 87 д., 800 тыс. экз.

В основу очерков легли интервью автора с политическими деятелями, рабочими, студентами, интеллигенцией. В них освещаются различные стороны жизни страны; особо выделены проблемы реформы в Китае, рассказывается о наиболее примечательных особенностях китайской жизни.

4. Авторский коллектив под руководством академика С. Д. Топольского.— 1988, 20 д., 800 тыс. экз.
Портреты китайских революционеров.

В книге известных советских китаеведов даны политические биографии — портреты Чжоу Эньляя, Чжу Дэ, Лю Шаоци. Написанные живо и интересно, они расскажут о жизненном пути этих людей, о годах борьбы и победе китайской революции, становлении и развитии КНР.

5. Таверский Ю. В. Друзьям нашим Япония: Две тысячи дней на Японских островах.— 1988, 86 д., 100 тыс. экз.

В книге собраны впечатления от поездок по стране, сотни встреч и с простыми, и с известными японцами. Автор рассказывает в столице Японии Токио и других ее городах — древних и современных, о традициях страны, ее особенностях, проблемах и надеждах, стремится рассмотреть контуры Яп — в XXI века.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Путь к созданию КНР

А. В. Меликсетов. Победа китайской революции. 1945—1949. М.: Наука, 1989.— 181 с.

Советский книжный прилавок пополнился еще одной новинкой на китайскую тему — книгой известного ученого-китаеведа А. В. Меликсетова. Среди вышедших в нашей стране в последнее время публикаций по Китаю большую часть составляют справочники, сборники, коллективные исследования. На этот раз речь идет об авторской монографии, то есть работе, в которой отчетливо видна личная позиция ученого своя, нередко оригинальная, трактовка тех или иных исторических событий.

Во введении к этой относительно небольшой по размеру, но весьма емкой по содержанию книге отмечается, что данный период в истории Китая не был обойден вниманием в советской, зарубежной, да и в китайской историографии, что подтверждается приводимым в книге списком литературы. Данную работу, однако, отличает то, что она написана, в прямом смысле этих слов, с позиций нового политического мышления. Это проявилось прежде всего в строго научном, объективном изложении фактического материала и его осмыслении без столь обычного для прежних лет влияния политической конъюнктуры. Смелые, порой острые оценки исторических событий и связанных с ними персонажей сочетаются с должным политическим тактом и, главное, искренним уважением и доброжелательностью к основному творцу исторического процесса — китайскому народу.

Книга А. В. Меликсетова наверняка вызовет интерес в кругах советских историков, будет, надо полагать, замечена в Китае, в других странах. Она заслуживает детального разбора в наших специальных исторических журналах, где, возможно, наряду с бесспорными положительными оценками будут высказаны некоторые несогласия по отдельным фактам или их трактовке. В данном случае рецензент таких задач перед собой не ставил.

Представляется целесообразным выделить три группы вопросов, которые прямо или косвенно связывают события более чем сорокалетней давности с современными реалиями Китая, позволяют лучше разобраться в том, что происходит в этой стране в наши дни.

Первая группа вопросов касается того,

каким образом политический опыт, накопленный китайской компартией в революционной борьбе за власть, отразился на последующей ее деятельности, уже после образования КНР. Опираясь на принятые в Китае в последнее десятилетие партийные документы, автор монографии приходит к обоснованному, на мой взгляд, выводу о том, что «полное преобладание военной стороны революционного процесса... оказало существенное влияние и на развитие КПК как правящей партии и на все строительство нового государства» (с. 141).

Уже первые годы существования КНР дали немало доказательств того, что многие вопросы государственного строительства, развития социально-экономических процессов решались, опираясь в значительной степени на огромную военно-политическую силу нового государственного аппарата, безраздельно находившегося в руках КПК. Однако если в первые годы эти процессы шли на гребне небывалого подъема трудовой и политической активности масс, то в последующем произошли, как известно, опасные перекосы в сторону усиления военно-административных методов управления общественным развитием. Наиболее наглядно это проявилось в печальной памяти событиях «большого скачка», повсеместном насаждении «народных коммун», когда идеология и практика «казарменного коммунизма» достигли своего апогея.

Следующий «тур» усиления военно-политического фактора в государственной жизни КНР связан с «культурной революцией». На этот раз армия выступила, правда, как сила, к которой пришлось прибегнуть для наведения элементарного порядка в стране, до основания расшатанного «хунвейбиновщиной». Однако в результате в течение довольно длительного времени удерживался диктат военных во всех сферах государственного, хозяйственного строительства, в идейно-политической жизни общества.

Десятилетие, прошедшее после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978), многое изменило в экономической и общественно-политической обстановке КНР. Реалистическая политика нового руководства КПК, его стремление покончить с волюнтаристско-левацкими подходами к вопросам социалистического строительства способствовали прежде всего коренным сдвигам в социально-экономической сфере. Страна встала на путь расширения мирохозяйственных связей, крайне важных для решения задач «четырёх модернизаций». Новый курс был закреплен и теоретически обоснован на XIII съезде КПК (1987).

На съезде было со всей определенностью указано на то, что «хозяйственная реформа не сможет увенчаться успехом без реформы политической системы». «Наша нынешняя политическая система, — говорилось на съезде, — зародилась в годы революционных войн, установилась в основном в период социалистических преобразований и развивалась в условиях крупномасштабных массовых движений, в про-

цессе непрерывного усиления директивного планирования». Подчеркивалась, однако, сложность проведения в стране политической реформы, на основании чего делался вывод, что последняя «в ближайшее время может иметь лишь ограниченные цели»¹.

Как свидетельствует жизнь, затяжка с проведением серьезных политических преобразований имела для китайского общества крайне негативные последствия. Драматические события апреля — июня 1989 г. в Пекине показали, что, каковы бы ни были подлинные пружины, которые привели в действие механизм этих событий, питательной средой для них явилась, несомненно, общая социальная неудовлетворенность в стране. Наряду с экономическими факторами (утражающие темпы роста цен, инфляция) огромную дестабилизирующую роль в обществе сыграли недостаточное развитие плюрализма в политике, нерешительность в расширении народовластия, гражданских прав.

В Китае идет трудный процесс поисков выхода из переживаемого им политического, духовного кризиса. Эти поиски могут быть успешными прежде всего при условии безотлагательной реализации установок XIII съезда КПК по вопросам реформы политической системы. Чем быстрее это произойдет, тем больше шансов на то, что Китаю удастся в обозримом будущем достичь поставленной съездом цели «превратить страну в богатое, могучее, демократическое и цивилизованное современное социалистическое государство».

Вторая группа вопросов — социально-экономические. В монографии немало страниц отведено показу экономической, прежде всего аграрной, политики КПК в рассматриваемый период. Из приведенных автором данных видно, что в целом руководство КПК удавалось, маневрируя (не всегда удачно), успешно подчинять аграрную политику интересам революционной войны. В то же время всякий раз, когда (в основном по вине высшего руководства) в аграрных мероприятиях проявлялось «революционное нетерпение», это неизбежно вызывало отрицательную реакцию со стороны крестьянства. Левацко-волюнтаристские перегибы в аграрных вопросах, да и в экономической политике в целом, в последующие годы, уже после образования КНР, как известно, не раз давали о себе знать, что отодвигало на целые десятилетия социально-экономическое развитие страны.

В монографии убедительно показано, как в результате перехода в руки органов народной власти (сначала — в отдельных освобожденных районах, а затем — в масштабах государства) огромного имущества «бюрократической буржуазии», собственности иностранных предпринимателей произошло формирование государственного сектора, занявшего командные высоты во всех основных отраслях экономики. Быстрое и относительно безболезненное огосударствление важнейших сфер экономической жизни оказало неоднозначное влияние на последующее развитие страны.

Наличие мощного государственного сектора, особенно в базовых отраслях промышленности, на транспорте, в финансах, облегчило решение задачи быстрого восстановления народного хозяйства, создания фундамента индустриализации страны, более эффективного использования материально-финансовой и научно-технической помощи со стороны СССР, других социалистических стран. «Таким образом, — говорится в монографии, — в руках нового государства, руководимого КПК, оказалась огромная сила хозяйственного механизма, сложившегося в годы национально-освободительной революции». Однако у этого явления, обоснованно считает автор, была и своя обратная сторона: у руководителей новой власти создавалось «иллюзорное представление о всемогуществе политических рычагов, о ненужности экономических (в узком смысле — рыночных) методов при построении ими фундамента нового общества» (с. 167).

Только с конца 70-х годов в КНР, в рамках экономической реформы, произошло восстановление многоукладности экономики, возрождение как коллективного, так и частного укладов. Получили значительное расширение хозяйственная самостоятельность основных производственных единиц — предприятий. Начала складываться «плановая рыночная экономика». Процессы эти находятся в своем развитии, подчас — весьма противоречиво. Ясно лишь, что экономическая реформа неизбежно ведет к ликвидации экономической монополии государства, основы которой закладывались еще до образования КНР.

Третья группа вопросов касается советско-китайских отношений. В книге А. В. Меликсетова приводится немало свидетельств того, какое громадное значение для победы революции в Китае имела помощь СССР. И хотя многие из конкретных данных на эту тему уже приводились в советской литературе, все они выглядят здесь уместно и убедительно.

В то же время автор затронул, кажется впервые в нашей литературе, вопрос о том, какое влияние на строительство социалистического общества в Китае оказывал опыт СССР. Вопрос этот — далеко не праздный. В китайской прессе, в работах ряда ученых проводится мысль о том, что Советский Союз «навязал Китаю сталинскую модель социализма», придавая тем самым его развитию неверное направление, что вело якобы к большим потерям для страны.

Касаясь этих непростых вопросов, автор монографии, ссылаясь на высказывания советских руководителей, ряда наших ученых, признает, что в то время, то есть, в конце 40-х годов, многое из опыта СССР перенималось без учета особенностей тех или иных стран, вставших на путь строительства социализма. «Хуже того, — отмечал М. С. Горбачев, — этот шаблонный подход идеологически «освещался» некоторыми нашими теоретиками и особенно практиками, которые выступали чуть ли не в роли единственных хранителей истины. Не учи-

тивая новизны проблем, специфики социалистических стран, они порой проявляли подозрительность к их поискам².

В то же время, резонно замечает автор рецензируемой монографии, нельзя не подчеркнуть глубокую внутреннюю близость «идей Мао Цзэдуна» и «сталинской модели», глубокую созвучность двух идеологических систем. В этих условиях, считает автор, «сталинскую модель» не было нужды «навязывать» китайскому руководству того времени, поскольку это была модель, «выражавшая их собственные идеалы» (с. 150).

Состоявшаяся в мае 1989 г. встреча руководителей СССР и КНР «подвела черту под прошлым, открыла новый этап в советско-китайских отношениях». Как отмечал в выступлении перед китайской общественностью Генеральный секретарь ЦК КПСС, «мы за то, чтобы в истории советско-китайских отношений не оставалось белых пятен. За объективную и беспристрастную оценку всех, в том числе самых сложных ее эпизодов»³.

Очевидно, такая работа должна и будет проводиться как со стороны советских и китайских ученых, так и совместными их усилиями. Думается, что монография А. В. Меликсетова, и в частности ее страницы, касающиеся советско-китайских отношений, лежит в русле этих благородных усилий.

Хозяйственный договор в Китае

Цзинци хэтуи цзыбэнь юаньли / Чу Цзе чжубянь. Фалкэй чубаньшэ, 1988.— 291 с. Основные принципы хозяйственного договора / Под ред. Чу Цзе. Юридическое издательство, 1988.— 291 с.

Усиление за годы реформы самостоятельности предприятий и других хозяйственных организаций, расширение их прав в планировании своей деятельности и реализации продукции привело к повышению роли хозяйственного договора как инструмента организации экономических связей, повышению его общественной значимости, преобразованию функций в условиях изменившегося соотношения планирования и рыночного регулирования.

Вышедшая в КНР вторым изданием монография, посвященная вопросам хозяйственного договора, представляет собой очередную работу в серии учебников для вузов по основным проблемам правового регулирования хозяйственных отношений в народ-

В заключение остается выразить сожаление по поводу того, что в силу относительного малого тиража книги доступ к ней массового читателя будет ограниченным. Между тем, именно сейчас к публикациям по китайской тематике у нас проявляется нарастающий интерес. К тому же, в этой глубокой работе, написанной кстати простым и образным языком, содержится немало интересных и важных мыслей, выходящих за рамки Китая и его революционной истории.

Г. ГАНШИН

¹ Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987).— Пекин, 1988.— С. 65.

² Горбачев в М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира.— 1988.— С. 167.

³ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева в Китайскую Народную Республику.— М., 1989.— С. 24.

ном хозяйстве в период реформы. В подготовке работы принимали участие специалисты ведущих научных центров — Китайского политико-юридического института, юридических факультетов Пекинского и Народного университетов, Юго-Западного, Восточно-Китайского, Северо-Западного и Южно-Китайского политико-юридических институтов, Пекинского экономического института, юридического факультета Чжэнчжоуского университета и ряда других организаций. Монография снабжена приложением — текстами Закона КНР о хозяйственном договоре, принятого в декабре 1981 г., и впоследствии разработанных на его основе специальных актов — Положений об отдельных видах хозяйственных договоров.

Подход авторов к рассматриваемой проблеме можно назвать комплексным. Начав с анализа понятия хозяйственного договора, они затем рассматривают историю формирования системы хозяйственных договоров со времени победы народной революции, выделяют виды договоров, сложившихся за последние годы, а также подробно останавливаются на порядке заключения, исполнения, изменения и расторжения хозяйственных договоров, на вопросах договорной ответственности, контроля за договорами, урегулирования споров, связанных с хозяйственными договорами. В итоге перед читателем возникает широкая и подробная картина правовой регламентации порядка формиро-

вания и функционирования хозяйственно-договорных связей в китайской экономике в контексте с товарно-денежными отношениями, материальными стимулами, хозяйственным.

Авторы не предлагают своего понятия хозяйственного договора, а повторяют положение ст. 2 Закона о хозяйственном договоре (ЗХД), согласно которому «хозяйственный договор есть соглашение между юридическими лицами для осуществления определенных хозяйственных целей и четкого определения взаимных прав и обязанностей». Это понятие раскрывается благодаря выявлению характерных признаков хозяйственного договора, одновременно отличающих его от общегражданского. К числу этих признаков авторы относят следующие: 1) участниками хозяйственного договора выступают социалистические организации, наделенные статусом юридического лица; 2) цель договора всегда носит экономический (хозяйственный) характер, договоры, направленные на удовлетворение повседневных, жизненных потребностей, не могут считаться хозяйственными; 3) на хозяйственные договоры прямо или косвенно оказывает воздействие государственное руководство экономикой, и, как правило, они заключаются на основе планов. Однако реальность экономической жизни страны заставляет авторов тут же вносить коррективы в понятие хозяйственного договора, оговаривая, что стороной в нем могут выступать и граждане как индивидуальные предприниматели (с. 3—8). Добавим также, что и само значение плановости (в юридическом смысле) ныне, видимо, требует иной оценки, коль скоро официальный тезис о «вспомогательной роли рыночного регулирования» в хозяйственном механизме ушел в прошлое. Попутно возникает вопрос: можно ли рассматривать в качестве хозяйственного договор, заключенный между индивидуальными предпринимателями в деловых целях?

Интересен раздел об истории развития хозяйственно-договорной системы в КНР. Отмечая успехи в использовании договорной системы в период социалистических преобразований, авторы называют и цитируют немало нормативных актов, которыми регулировались хозяйственно-договорные отношения в 50-е — начале 60-х годов в различных сферах экономики. Само количество таких актов свидетельствует в пользу пересмотра иногда встречающихся у советских китаеведов взглядов о незначительной роли права как регулятора общественных отношений в КНР до «культурной революции». Вместе с тем, как следует из содержания соответствующих параграфов, подавляющее большинство этих актов носило ведомственный характер, причем акты, регулировавшие ту или иную сферу хозяйственной деятельности, неоднократно обновлялись, заменялись (например, в области же-

лезнодорожных перевозок, капитального строительства). Иначе говоря, в эти годы во многом из-за «большого скачка» не удалось сформировать стройную, законченную систему нормативного регулирования хозяйственно-договорных отношений.

После провозглашения в конце 1978 г. курса на модернизацию экономики начался новый период развития системы хозяйственных договоров, сопровождающийся укреплением контроля за их исполнением, восстановлением арбитражного и судебного порядка урегулирования споров (с. 21—22).

При анализе функций хозяйственного договора на современном этапе развития экономики страны позиция авторов отличается некоторым своеобразием. Договор рассматривается не только как инструмент планирования, конкретизации планов, исправления допущенных ошибок в планировании, но и как «средство выполнения государственного плана». Думается все же, что планы выполняются посредством рационально организованной производственно-хозяйственной деятельности, а договор в свою очередь формирует хозяйственные обязательства. Видимо, такой подход авторов вольно или невольно отражает ситуацию, когда механизм взаимодействия плана и договора в китайской экономике еще не отработан, когда административные методы руководства хозяйством отнюдь не отошли в прошлое, да и сам договор еще не приобрел самостоятельное значение как одно из важнейших оснований возникновения прав и обязанностей субъектов хозяйственной деятельности.

Вопросу классификации хозяйственных договоров посвящена отдельная глава. Авторы справедливо отмечают, что «научное выделение разновидностей хозяйственных договоров способствует улучшению законодательства, ориентации сторон при заключении и исполнении договоров, содействует правильному применению законов органами хозяйственного арбитража и народными судами, позволяет рационально урегулировать споры по хозяйственным договорам» (с. 33—34). Одновременно авторами предлагается немало критериев для выделения различных групп и типов договоров, перечисляются такие типы (договоры плановые и неплановые, долгосрочные и краткосрочные, договоры, различающиеся по целям — направленные на «перемещение» имущества, предоставление услуг, выполнение работ, а также договоры письменные и устные, основные и вспомогательные) (с. 33—37). Однако среди всех критериев авторы так и не называют основного, то есть предлагаемая ими классификация хотя имеет право на существование, но не представляет собой ценности, поскольку строится на второстепенных признаках договоров. Поэтому при рассмотрении отдельных видов хозяйственных договоров авторы следуют за ЗХД, в котором были определены основные де-

сять моделей договоров, и обращают внимание исключительно на особенности каждого договора.

Исполнение хозяйственных договоров неразрывно связано с ответственностью за их нарушение. Поскольку в ЗХД и Положениях об отдельных видах договоров предусматриваются различные формы гражданско-правовой ответственности, как основные, так и рассчитанные на специфические случаи, авторы путем подробного анализа нормативных актов выделяют весь «набор» возможных неблагоприятных последствий для нарушителя. В их число входят и такие распространенные санкции, как уплата неустойки, возмещение убытков, и применяющиеся реже расторжение договора, санкции по ценам, увеличение процентов за неправильно используемый кредит и др. Однако представляется неубедительной попытка трактовать обязанность нарушителя продолжать исполнение договора в случае его нарушения также в качестве «своего рода» меры ответственности (с. 108). Тем более, что сами авторы тут же признают, что про-

должение исполнения нарушенного договора является «воплощением принципа реально-го исполнения».

В заключение следует сказать, что авторами подготовлена содержательная монография, представляющая несомненный интерес как для советских китаеведов, занимающихся проблемами экономической реформы, так и для юристов, специализирующихся в области права социалистических государств. Такой вывод уместен несмотря на общие недостатки работы, которые, на наш взгляд, заключаются в чересчур плотном следовании за действующим законодательством, что нередко мешает авторам высказать самостоятельные суждения, оценки в отношении сложившейся системы хозяйственных договоров в КНР, показать ее недостатки и предложить пути их преодоления. Достижению этих целей содействовало бы и более широкое привлечение материалов о практике применения законодательства о хозяйственных договорах.

Е. ПАЩЕНКО

Жизненный подвиг Сэн Катаямы

А. И. Сенаторов. Сэн Катаяма. Научная биография / Главная редакция восточной литературы. — М.: Наука, 1988. — 323 с.

В большой, богатой событиями жизни Сэн Катаямы преломились все основные перипетии зарождения и развития рабочего и коммунистического движения в Японии и США с конца прошлого до 30-х гг. нынешнего века, а также деятельность Коминтерна в 20—30-е гг. Изучение жизни выдающегося японского борца за дело угнетенных позволяет глубже понять важные страницы новой и новейшей истории. Поэтому так актуальна рецензируемая работа, представляющая собой первое в Советском Союзе исследование всех периодов жизни Сэн Катаямы.

В монографии А. И. Сенаторова, построенной по хронологическому принципу, просматриваются две основные линии научного поиска: анализ эволюции идейных взглядов Сэн Катаямы и изучение его практической деятельности по организации рабочего и коммунистического движения. Разумеется, эти линии можно выделить лишь условно — в монографии они составляют единство, отражающее взаимосвязь и взаимообусловленность теоретической деятельности и организатор-

ской работы выдающегося революционера.

Подробно, с привлечением широкого круга источников рассматривается процесс становлением марксиста-ленинца, видного теоретика коммунистического движения. Надо иметь в виду, что Катаяма сумел получить серьезное образование, воспитать в себе интеллигента будучи крестьянским сыном, родившимся в глухой горной деревне. Он добился этого благодаря всепобеждающей тяге к знаниям, преодолев многолетнюю нужду, невзгоды существования на чужбине — в Соединенных Штатах. Катаяма стремился к знаниям прежде всего из желания облегчить жизнь людям труда, страдавшим от нещадной эксплуатации. И на первом этапе это определяло основное внимание будущего организатора борьбы трудящихся к социальным вопросам.

В начале непростой идейной эволюции Сэн Катаямы было его приобщение к христианству. «Путь к высшему образованию в США, — пишет А. И. Сенаторов, — шел у Катаямы через повседневное соприкосновение с христианством, его учреждениями и прочими атрибутами. Христианские идеи, в первую очередь представления о добре, любви к ближнему, довольно органично накладывались на некоторые изучавшиеся им ранее категории конфуцианской классики типа «гуманизм и любовь», по-своему вызывавшие к чувствам масс» (с. 40). В рецензируемой монографии убедительно показано, что Катаяма воспринимал прежде всего гуманистическую сторону христианства. А именно в силу своего гуманистического аспекта христианство стало важным этапом в духовном развитии человечества. С другой стороны, в

гуманистическом пафосе марксистского учения прежде всего проявляется его ответственность по отношению к богатствам духовной культуры, накопленным человечеством в ходе развития. Поэтому христианский момент в восхождении Катаямы к марксизму объясним и в конкретных обстоятельствах его жизни был естественным. Позднее Катаяма осознал механизм использования религии правящими классами в целях эксплуатации и порвал с христианством.

Сын своего времени, Сэн Катаяма первоначально оказался под влиянием иллюзий, свойственных многим прогрессивным деятелям конца прошлого — начала нынешнего века, и придерживался взглядов социал-реформизма, считал самой насущной задачей просвещение рабочих и укрепление их нравственности. Но логика классовых отношений, практическая организаторская работа среди рабочих быстро вносили изменения в его взгляды. После знакомства с марксистской литературой, Катаяма пришел к выводу, что «только марксизм есть истинная теория, которую надлежит принять и проводить» (с. 74). На VI Конгрессе II Интернационала в Роттердаме в августе 1904 г. он решительно выступил против русско-японской войны, продемонстрировав интернационалистическую позицию.

Процесс развития политических взглядов Катаямы был противоречивым. В 1906—1907 гг., когда в молодом социалистическом движении Японии выделялись различные направления, Катаяма боролся против анархо-синдикалистской тенденции, однако при этом делал чрезмерный акцент на «осторожность», «порядок». Явно допуская легалистскую ошибку, Катаяма 15 октября 1910 г. писал: «Наша императорская конституция совершенна для осуществления парламентской политики» (с. 142). Но всего через год, в декабре 1911 г. он организовал боевое пролетарское выступление — забастовку 6 тыс. токийских трамвайщиков — и в качестве нарушителя Полицейского закона об охране порядка и спокойствия был арестован и осужден на несколько месяцев тюрьмы.

Зрелым марксистом-ленинцем Сэн Катаяма стал под влиянием победы Октябрьской революции. Оценивая содержание рукописи о социализме, подготовленной Катаямой в начале 1920 г., автор рецензируемой монографии подчеркивает: «Можно сказать вполне определенно: рукопись Катаямы начала 1920 г. является свидетельством его быстрого и необратимого утверждения на позициях научного социализма, усвоения им марксистско-ленинской мысли, опыта международного коммунистического движения» (с. 178).

Второе направление исследования в рецензируемой монографии составляют детальное рассмотрение и оценка организаторской работы Катаямы. Эта практическая деятельность в защиту интересов трудящихся была главной в его жизни. Она давала богатый

материал для идейного роста революционера, для корректировки его мировоззрения.

К активной общественной деятельности Катаяма приступил сразу же по возвращении на родину из первой поездки в Америку в 1896 г. Его работа, первоначально благотворительно-просветительская, быстро переориентировалась на непосредственное участие в рабочем движении. Катаяма внес свой вклад в создание в 1897 г. первого в Японии профсоюза металлистов и стал главным редактором первого профсоюзного органа — газеты «Родо сэкай» («Рабочий мир»).

В десятилетие, предшествовавшее первой мировой войне, внутри японского социалистического движения шла активная дискуссия между различными течениями. Авторитетный организатор профсоюзного движения, всегда близкий к рабочим, Катаяма вел борьбу против анархистского уклона, добиваясь приближения социалистического движения к трудящимся массам. Постоянно отстаивая необходимость замены капиталистического строя социализмом, он полагал, что активное участие социалистов в борьбе за ближайшие требования рабочих и крестьян-арендаторов могло бы только поднять среди трудящихся авторитет идей социализма. В рецензируемой монографии делается обоснованный вывод, что, несмотря на отдельные ошибки, увлечение Катаямы легализмом, его линия в японском социалистическом движении в наибольшей мере отвечала условиям того времени.

В 1914 г. Катаяма был вынужден эмигрировать в США. Семилетнее пребывание в этой стране стало периодом становления Катаямы как видного деятеля международного коммунистического движения. В ноябре 1920 г. он был назначен председателем американского агентства Коминтерна и выполнял важные поручения штаба международного коммунистического движения: содействовал объединению американских коммунистов в единую Компартию Америки, вел подготовительную работу для созыва I съезда Компартии Мексики.

Большое внимание в рецензируемой монографии уделяется деятельности Катаямы в Москве в Исполкоме Коминтерна в 1921—1933 гг. Подробно исследуется участие Катаямы в Съезде народов Дальнего Востока в январе-феврале 1922 г., где он последовательно проводил идею солидарности всех антиимпериалистических сил дальневосточного региона. Особо отмечается роль пионера японского социалистического движения и авторитетного деятеля Коминтерна в основании в июле 1922 г. в Токио Компартии Японии. «Среди участников учредительного съезда его не было, однако и сам созыв съезда, и характер принятых на нем решений явились во многом результатом неутомимой деятельности Сэн Катаямы», — подчеркивается в рецензируемой книге (с. 214). Заслуги Сэн Катаямы перед

Компартией Японии трудно переоценить. Он участвовал в разработке программных документов КПЯ, оказывал помощь в выборе курса партийного строительства и работы партии с массами, воспитывал японских коммунистов в духе пролетарского интернационализма. Действуя в обстановке жестоких репрессий против партии со стороны властей, руководители КПЯ в 1924 г. допустили ошибку, пойдя по существу на роспуск партии. Под руководством Коминтерна и лично Катаямы в 1925 г. была проведена работа по воссозданию КПЯ, утвердился курс на активное участие японских коммунистов в профсоюзном движении, в выборах и в парламентской деятельности, была создана легальная партия японских трудящихся — Рабоче-крестьянская партия.

Однако в 1927 г. в КПЯ сложился новый левооппортунистический, сектантский уклон, для которого было характерно сведение пролетарского движения к теоретической борьбе, понимаемой весьма догматически. Такой подход закрывал доступ рабочим и крестьянским массам в партию и фактически вел к ее ликвидации. «Тезисы Исполнительского комитета Коммунистического Интернационала по Японии от 15 июля 1927 года», выработанные при участии Катаямы, позволили упредить связи японских коммунистов с массами, активизировать работу в профсоюзах и в рамках Рабоче-крестьянской партии.

Рецензируемая монография содержит выполненный на высоком научном уровне анализ всех периодов жизни выдающегося япон-

ского революционера. Она представляет собой ценное пособие по истории рабочего и коммунистического движения. Каждый этап в жизни Катаямы показан в книге на широком историческом фоне начиная с 60-х гг. прошлого до 30-х гг. нынешнего века.

Вместе с тем работа не свободна от некоторых недостатков. При широком охвате событий в монографии не все эпизоды исследованы одинаково глубоко. Так, в последней главе книги лишь вскользь говорится о таких важных моментах в истории КПЯ, как, например выдвижение руководством КПЯ в 1931 г. левооппортунистического курса. Но в целом работа показывает необычайную широту политического кругозора Катаямы, его опыт сотрудничества с различными течениями прогрессивных сил. В этом ценность научного вклада автора в исследование истории международного рабочего и коммунистического движения.

В. А. ГРИНЮК,
кандидат исторических наук

¹ См., напр.: В. Цветов. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. — М., 1987.

² Рецензия Х. Г. Д. Хука // Japan Quarterly. — 1987. — Vol. XXXIV. — N 4. — P. 438—440.

Политика Токио: взгляд изнутри

J. Kyogoku. The Political Dynamics of Japan / Translated by N. Ike. — Tokyo: University of Tokyo Press, 1987. — 239 p. — Дз. Кёгоку. Политическая динамика Японии / Перевод Н. Икэ. — Издательство Токийского университета, 1987. — 239 с.

Предлагаемая вниманию читателя книга занимает особое место в огромной, практически необъятной массе англоязычной литературы о Японии. Ее автор — известный японский ученый, профессор Токийского университета Дзюньити Кёгоку, труд которого — «Японская политика» («Нихон-но сэйдзи»), — выйдя впервые в Токио осенью

1983 г., выдержал уже более десятка переизданий.

Книга, получившая название «Политическая динамика Японии», представляет собой авторизированный перевод монографии Дз. Кёгоку, выполненный крупным специалистом Нобутака Икэ. Н. Икэ — американец японского происхождения, профессор Стэнфордского университета в Калифорнии, известен как автор целого ряда исследований по японской политике, в частности таких, как «Японская политика. Вступительный очерк» (1958), «Теория японской демократии» (1978) и др.

Как пишет Н. Икэ в предисловии, работа Дз. Кёгоку выгодно отличается своим «энциклопедическим размахом» и в отличие от большинства работ японских политологов, как правило склонных к частным исследованиям, «представляет попытку углубиться в наиболее фундаментальные проблемы,

тенденции и процессы на политической арене» Японии (с. 7—8).

Первая часть книги представляет собой краткий очерк послевоенного политического развития. Автор особо останавливается на анализе существенных изменений в политической структуре Японии, происшедших в период реформ 1945—1952 гг. В качестве фундаментальных инноваций он выделяет изменения в конституционной системе, статусе императора, функционировании и роли парламента. Важнейшие структурные изменения, происшедшие в политическом механизме, в свою очередь содействовали заметной переориентации по таким кардинальным вопросам национального развития, как оборонная политика, деятельность политических партий, социальный курс государства.

Переходя к основной части работы, Дз. Кёгоку особо отмечает, что ее целью не является детальное исследование формализованных структур, в качестве каковых предстают в первую очередь три отрасли власти — законодательная, исполнительная и судебная. Настойчиво подчеркивая, что японская политическая система представляет собой своеобразный гибрид, сочетающий «импортированные» с Запада институты — парламентскую систему, партии, государственную службу — и политическое поведение, тип которого сформировался под сильным воздействием традиций — культурных, религиозных и т. д. (с. 226), Дз. Кёгоку уделяет особое внимание описанию политики как явления повседневной жизни. Он пишет: «...формальные, легализованные институты образуют нечто вроде обрамления, в котором происходит политика, но более динамичные процессы демонстрируют существование множества неформальных, хотя частично институализированных понятий и категорий, которыми, как правило, руководствуются те, кому приходится принимать участие в политическом процессе» (с. 37).

Подход, применяемый Дз. Кёгоку к анализу «начинки» — повседневной политики в Японии, — существующей внутри вышеупомянутого «обрамления», весьма интересен. Автор выделяет ряд категорий, которые называет «кодами» и «парадигмами», определяющими, по его мнению, то, что можно назвать спецификой японской политики.

В качестве первого подобного «кода»

Дз. Кёгоку выделяет «коллективизм». Он находит свое проявление практически во всех сферах социума: во внутренней организации компаний, в деятельности политических партий и т. д. Характерной чертой коллективизма японского типа является ярко выраженное стремление не допускать аутсайдеров вовнутрь групп — будь то деревенские общины, фирмы или политические объединения. «В противоположность американской культурной традиции, — пишет Дз. Кёгоку, — выраженной в словах «е pluribus unum», начертанных на национальной валюте, в соответствии с японскими традициями члены коллектива должны быть по возможности похожими друг на друга, с тем чтобы корпоративный дух был проявлен сильнее» (с. 65—66). В то же время автор специально отмечает, что подобный дух отнюдь не порождает стремление к изоляции от каких-либо влияний извне, что видно по широте заимствований с Запада за последние сто с лишним лет японской истории.

Вторым «кодом», дающим, по мнению Дз. Кёгоку, ключ к пониманию специфики политики в Японии, является концепция «одержимости». Как утверждает автор, в стране традиционно принято считать политика личностью явно неординарной, сродни человеку, как бы одержимому религиозным духом. На уровне обыденного сознания существует отношение к политическим деятелям как к людям, которые должны «ежедневно идти на жертвы, дабы через собственный аскетизм приносить пользу другим» (с. 47).

Третий «код» — это «равенство», «эгалитаризм». Он также связан с религиозным элементом, укоренившимся, по мнению автора, достаточно глубоко. Речь идет о «буддистско-даосистской метафизике и онтологии», согласно которым все люди равны в том смысле, что обладают исконными потенциями для самосовершенствования (с. 50—51).

Знание вышеуказанных кодов, указывает Дз. Кёгоку, позволяет проникнуть в действующие в японском обществе, в частности в политике, модели поведения и «правила игры» — «парадигмы». Так, он подробно останавливается на известной процедуре «нэмава-си» (буквально «окапывание корней»). В соответствии с ней, в целях эффективного осуществления процесса принятия

решений, в том числе и политических, обязательно достижение консенсуса по данному вопросу. Для этого на предварительных стадиях «план действий доводится до сведения всех членов [данной группы.— А. М.] с тем, чтобы у них появилось психологическое удовлетворение от сознания того, что с ними предварительно проконсультировались» (с. 57). Подобная процедура формализуется в широко распространенную в бюрократических кругах Японии систему «ринги — рингисэй», неизменно вызывающую к себе пристальный интерес со стороны зарубежных исследователей¹. По этой системе после принятия соответствующего соглашения — в случае государственных ведомств — на уровне руководителей отделов министерств и представителей внешних заинтересованных организаций и лиц (в первую очередь речь идет о предпринимательских кругах.— А. М.) — документ, излагающий содержание вопроса, по которому подлежит принять решение, подготавливается чиновниками младших рангов. Далее он «поднимается» вверх во все подразделения министерства, принимавшие участие в предварительном неформальном согласовании, причем руководители этих подразделений по традиции в знак своего одобрения должны поставить на проекте оттиски своих личных печатей (с. 216—217).

Как и другие исследователи политической культуры Японии, Дз. Кёгоку подчеркивает, что ее характернейшей чертой является стремление осуществлять процесс принятия решений в духе гармонии, по возможности избегая открытых конфликтов. Определяя идеальный тип политического лидера в этой стране, автор отмечает, что первоочередной задачей последнего является «избегать трений и беспокойств внутри своей группы, способствуя достижению в ней единства и гармонии» (с. 57). При этом он должен обладать рядом освященных традицией «добродетельных качеств»: «служить общественным делам за счет личных интересов, показывать, что ему лично участие в общественных делах не сулит каких-либо выгод, и производить впечатление на окружающих в качестве образца самопожертвования» (с. 72). Весьма характерна при этом апелляция к мнению большинства при назначении, например, на какую-

либо должность или избрании в представительный орган. В речах по подобным случаям обычны такие штампы: «Неожиданно для себя я был избран...» (с. 189).

Характерное стремление к достижению гармонии — по крайней мере на внешнем уровне — проявляется, по мнению автора, даже в области политической борьбы, в частности в парламентской деятельности. Как считает Дз. Кёгоку, даже в условиях более чем 30-летнего единоличного господства Либерально-демократической партии (ЛДП) на политической арене страны последняя тщательно стремится подчеркнуть, что «диктаторской политики нет, продолжает существовать парламентская деятельность с противоборством правящей партии и оппозиции» (с. 179). При этом, помимо усилий ЛДП по созданию благоприятного имиджа своей политике, в стране сами по себе весьма распространены настроения в пользу гладкого функционирования высшего законодательного органа. Так, средства массовой информации неизменно критикуют правящую партию за склонность к «тирании большинства», а оппозиционные партии — за то, что они «никогда ни с чем не соглашаются», препятствуя таким образом «нормальному» осуществлению законодательного процесса (с. 183).

Безусловно, широко распространенные теории «консенсуса», «малоконфликтности» социальных отношений в Японии имеют под собой, как показывают результаты конкретных исследований, весьма реальные основания, хотя для этих концепций и характерна склонность к амплификации значения отдельных сторон японской действительности. Имеет место подобное и в рецензируемой книге, автор которой, рассматривая, например, фракционность в правящей партии, расширяет значение этого в значительной степени уникального явления до утверждения, что в условиях длительного несменяемого режима ЛДП политическая борьба в ее классическом смысле в Японии отсутствует. «Политическая борьба,— пишет он,— ...принимает форму фракционных раздоров внутри ЛДП», отмечая особую роль нескольких десятков лидеров в парламентской группе правящей партии, занимающих доминирующее место в реальном процессе принятия политических решений (с. 191—192). Факти-

чески речь идет о персональных перемещениях внутри высшего эшелона ЛДП при отсутствии смены политических направлений.

Характеризуя реальный механизм политической власти в Японии, наряду с фракционностью в ЛДП автор отмечает такие его особенности, как теснейшее взаимодействие между правящей партией и чиновничеством государственных министерств и ведомств при сохранении значительной автономии последних, вообще значительный авторитет государственной власти как таковой. Как и многие другие авторы, Дз. Кёгоку крайне высоко оценивает роль правительственной бюрократии в Японии, которая в условиях частых — примерно раз в полтора года — перемещений в кабинете министров является единственной силой, «обладающей возможностями заниматься планированием политики в систематическом и организованном виде» (с. 220).

Завершая свой обзор характерных особенностей политики в послевоенной Японии, автор еще раз обращает внимание на силу традиций как в системе политического участия, так и в отношении к политике как таковой. В частности, он подчеркивает сохранение до сих пор «глубокой культурной традиции, в соответствии с которой власть предрержащие находятся выше закона» (с. 227). В то же время требования нового этапа развития Японии, который, по мнению Дз. Кёгоку, наступил после «нефтяного кризиса» начала 70-х гг. и связан, добавим мы, с новым этапом научно-технической революции, выдвигают новые задачи, на которые уже сложившаяся система власти не может отвечать так эффективно, как прежде. В этой связи, считает автор, на первый план в значительно большей степени, чем раньше, будет выдвигаться задача обеспечения действенного политического руководства, уже не связанного с традиционной фракционной политикой в правящей партии.

Книга Дз. Кёгоку представляет значительный интерес в плане выявления общего и частного в японском опыте решения ряда важнейших социально-политических проблем, в частности при изучении практически не имеющего параллелей «феномена ЛДП» — создания долгосрочного, имеющего тенденцию к стабилизации правящего режима одной

партии. В этой связи особое значение — естественно, при критическом прочтении — приобретают разделы книги, посвященные анализу политики правительства, направленной, по сути, на расширение своей политической базы (с. 96—112). В отличие от большинства японских и американских исследований политики в Японии Дз. Кёгоку уделяет значительное внимание выявлению или по крайней мере очерчиванию основных контуров роли средств массовой информации в политическом процессе. Он склонен высоко оценивать эту роль, приближаясь к классификации прессы как «четвертой отрасли власти» (с. 196—202).

Ряд положений книги Дз. Кёгоку заслуживает критики. В частности, представляется спорным авторская оценка значения религиозно-традиционного элемента в формировании «типичного» политического поведения в Японии. В работе не только недостаточно, но и явно принижено истолковывается роль оппозиции в политическом процессе. Заявление автора о том, что «простые люди» в Японии «взирают на деятельность левого крыла как на политическое отклонение» (с. 150), говорит само за себя.

Выход англоязычного варианта известной монографии Дз. Кёгоку не остался незамеченным за рубежом¹. Представляется, что, несмотря на противоречивость оценок и подачи материала, с которыми не всегда можно согласиться, книга «Политическая динамика в Японии» должна вызвать у советских японоведов интерес своей нетривиальностью и освещением многих малоизвестных сторон повседневной политики в этой стране.

А. А. МАКАРОВ,
кандидат исторических наук

¹ См., напр.: В. Цветов. Пятнадцатый камень сада Реандзи. — М., 1987.

² Рецензия Х. Г. Д. Хука // Japan Quarterly. — 1987. Vol. XXXIV. — N 4. — P. 438—440.

Хранители японской старины

А. Н. Мещеряков. Герои, творцы и хранители японской старины. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1988, 235 с.

«Время в нас и мы во времени» — эти слова замечательного болгарского революционера Васила Левского с полным правом можно поставить эпиграфом к новой книге А. Н. Мещерякова, посвященной, как пишет сам автор, роли «человека в многомерном процессе созидания культуры» (с. 4). Она включает в себя девять самостоятельных очерков о религиозных, общественных деятелях и писателях Японии IV—XI вв. Некоторые из них — Ки-но Цураюки и Мураками Сикибу — уже известны читателю благодаря работам В. Н. Горегляда, Т. Н. Борониной и др. О других широкий читатель впервые узнает из книги. Это легендарный богатырь Ямато Такэру, религиозные и государственные деятели — царевич Сётоку и монах Докё, крупный буддийский теоретик и один из первых японских книжников Кукай, посмертно обожествленный поэт Сугавара Митидзанэ. Но книга не просто сборник не связанных между собой литературных и исторических портретов. Девять эссе — девять глав единой книги, затрагивающей важнейшие проблемы истории, религии и культуры древней и средневековой Японии, в том числе распространение буддизма в Японии и сосуществование его с синтоизмом, проблема человека и общества в ее религиозном и культурном осмыслении. Эти проблемы уже затрагивались в научной литературе и ранее, но одним из достоинств книги А. Н. Мещерякова является комплексный подход к ним.

Жизнеописание Ямато Такэру, «мужественного богатыря земли Ямато», относится к добуддийскому периоду. Тогда практически не существовало этических категорий добра и зла. Разделение мира по принципу «хороший — плохой», характерное для раннего этапа развития народов, диктует оценку в народной традиции тех или иных действий с точки зрения полезности их для общества, к которому герой принадлежит. Герой выделяется из общества лишь какими-либо исключительными качествами (в данном случае силой и бесстрашием), остальное для эпоса просто не существует. Интересны в связи с этим высказывания автора о причинах неразвитости у японцев этической традиции (с. 20).

С распространением буддизма в Японии постепенно претерпевает изменения и духовная культура общества. Автор показывает, что это распространение не было насильствен-

ным, не было сопряжено с вытеснением синтоизма. Буддизм «освоил» те сферы духовной жизни, которые не были затронуты синтоизмом, что привело к синкретизму двух религий. Столкновения имели место, в сущности, только между их адептами, использовавшими религию в политических целях, прежде всего для укрепления своего положения в борьбе за власть. Автор указывает на сложность данного процесса, в частности на весьма прохладное, а то и прямо отрицательное отношение некоторых императоров к «континентальной» религии, хотя императорская династия была заинтересована в распространении буддизма для преодоления децентрализаторских тенденций. И это тоже находилось в неразрывной связи с перипетиями политической борьбы.

Вместе с тем традиционная религия была опорой императорской власти не только в силу ее распространенности. Она освящала божественное происхождение этой власти. Начиная с правления императора Тэмму (673—686), политика властей была направлена на достижение мирного сосуществования религий. Динамике этого процесса уделено одно из главных мест в книге.

Традиционные обряды, связанные с рождением человека, совершает синтоистский священник, а со смертью и погребением — буддийский. А. Н. Мещеряков отмечает, что акт творения, рождения, начала какого-либо действия — центральный в синтоизме. Подтверждением этому служат и японские космогонические мифы и древние хроники. С этим связан и сохраняющийся доныне культ предков, дающий ощущение единого целого, неразрывной связи с легендарным «началом». Ощущение «общего корня» в значительной степени способствовало преобладанию в синтоизме коллективных форм сознания, когда личная добродетельность (или недобродетельность) отдельного человека не подлежала этической оценке.

Именно эта этическая оценка каждого человека, каждого члена общества по его добродетелям становится ключевым моментом в философии буддизма, распространение и окончательное укрепление которого в Японии связано с именами царевича Сётоку и монаха Докё, едва не занявшего императорский трон. Развитие индивидуалистического начала в буддизме шло вкупе с развитием национального самосознания. По верному замечанию автора, «японцы VII—VIII вв. ... творили и самих себя» (с. 47).

Развитие личностного начала иллюстрируется примерами из литературы. На раннем этапе (VIII в., поэты «Манъёсю»), автор, исполнитель и собиратель смешиваются, порой сливаясь в одно лицо. Категория автора не представляла ценности для современников, равно как и стихи практически не существовали вне конкретных обстоятельств. С течением времени роль автора как воплощения творческого начала стала возрастать

(прежде всего в поэзии). В творчестве поэтов антологии «Кокинсю» (IX в.) развивается личностное начало, а также оперирование абстрактными категориями, вытеснившее господство конкретных обстоятельств. В связи с этим автор высказывает мысль, что если для поэтов «Маньёсю» одной из главных категорий является пространство, то в эпоху «Кокинсю» ею становится время. Пространственный мир познан, место человека в нем, благодаря стараниям предков, определено. Освоению подлежит время, динамичный, постоянно меняющийся во времени мир. Для «Маньёсю» очень характерны мотивы разлуки, прежде всего физической, пространственной, а также мотивы путешествия, дороги. В «Кокинсю» и других антологиях того же времени они практически исчезают («Путешествия» — самый маленький раздел «Кокинсю»).

В соответствии с буддийской традицией развивается и понятие «конец». Автор пишет о хэйанских аристократах — авторах и читателях «Кокинсю»: «...В настоящем они видели конец прошлого, а в будущем — конец настоящего» (с. 179). Все их переживания, в том числе и переживание времени, имели чрезвычайно индивидуальный характер. Следствием этого является развитие в литературе тех лет такого сугубо «личного» жанра, как дневник. Он достиг своего расцвета в творчестве Ки-но Цураюки и Сэй Сэнагон («Дневник путешествия из Тоса» и «Записки у изголовья» этих авторов известны советскому читателю), а также Мурасаки Сикибу, знакомство с творчеством которой, прежде всего с ее романом «Гэндзи-моногатари», еще впереди.

С развитием личностного начала связана и эстетизация жизни аристократов, о которой много пишет автор в последнем эссе. Творчество Мурасаки Сикибу свидетельствует о господстве эстетических категорий не только в материальной, но и в духовной жизни, в том числе в том, что касалось религии. Ее современница Сэй Сэнагон писала: «Дхарани — магические заклинания — лучше слушать на рассвете, а сутры — в вечерних сумерках»¹. Дальнейшее развитие личностного начала не могло не привести к социальной замкнутости и смене самопознания сетованиями на эфемерность земного существования, поглощенностью исключительно собственными переживаниями. А это сыграло не последнюю роль в возвышении и установлении господства в XII в. военного сословия — самураев. Концом эпохи Хэйан хронологически оканчивается книга.

Продуктивны наблюдения и выводы А. Н. Мещерякова о коллективном характере обращения к богу в синтоизме и индивидуальном характере буддийской молитвы. Заслуживают внимания также его замечания о соотношении стихов и прозы в средневековых поэтических антологиях и произведениях жанра «ута-моногатари», а также о

неканоничности и причинах многовариантности прозаического обрамления стихов. Необходимо отметить и несомненные достоинства стихотворных переводов, выполненных самим автором.

Достоинством книги является и то, что автор не замыкается на сугубо национальной проблематике, а приводит широкие, порой неожиданные сопоставления. Он удачно использует труды выдающегося русского философа и историка культуры Л. П. Карсакина. Но если привлечение работ по европейской народной культуре стало уже привычным, то не может не представлять интереса использование работ Д. С. Лихачева о древнерусской литературе, Ю. М. Лотмана о русских средневековых религиозных текстах, а также данных о христианизации иицев и ее последствиях в работе Л. В. Хомич. Это позволяет автору шире взглянуть на затронутую проблему и сделать нетривиальные выводы.

Говоря о достоинствах новой книги А. Н. Мещерякова, нельзя не сказать о ее языке. Он свободен от искусственно образованных терминов, не загроможден малопонятными даже для культурного читателя конструкциями. Язык книги полностью соответствует ее жанру научно-популярного эссе. А стиль книги поневоле заставляет вспомнить классиков советской «научной прозы» — труды Ю. Н. Тынянова, А. К. Виноградова, М. М. Бахтина, Н. И. Конрада. Не от всякой научной книги можно требовать стилистического совершенства, но оно только красит подлинно научный труд. Очень выиграла книга и от оформления, выполненного с большим вкусом и полностью соответствующего ее теме и духу.

К сожалению, общее впечатление снижают отдельные неточности в справочном аппарате. Например, в библиографии отсутствует расшифровка сноски (Иноуз, 1974) на с. 33, а в списке имен оказался А. К. Толстой, который вообще не упоминается в книге.

«Время оживает для нас лишь тогда, когда его согревает тепло человеческой жизни». Трудно не согласиться с этим утверждением автора. Можно смело сказать, что поставленная им задача выполнена. Ближе и понятнее становятся для нас события более чем десятивековой давности, показанные через призму выдающихся личностей эпохи.

Э. В. МОЛОДЯКОВА,
кандидат исторических наук

¹ Сэй Сэнагон. Записки у изголовья. М., 1975, с. 243.

НИС в мировой политике

Новые индустриальные страны. Вызов и возможности для промышленности стран — членов ОЭСР. — Париж, 1988. — 151 с.
The Newly Industrialising Countries. Challenge and Opportunity for OECD Industries. — Paris, 1988. — 151 p.

Постановка проблемы пересмотра традиционной концепции международного капиталистического разделения труда применительно к феномену НИС определяет цель монографии. В самом общем плане — это попытка комплексного анализа причин успешного развития «новых индустриальных стран», факторов их экономического роста, нынешнего состояния и перспектив отношений между НИС и развитыми капиталистическими странами. В более конкретном — авторы стремятся «на основе анализа современных тенденций обрабатывающей промышленности и торговли, а также государственной политики и стратегии фирм» определить «сущность и масштабы вызова НИС и вариантов ответа на него, которых можно ожидать от стран ОЭСР» (с. 9).

Структурно книга делится на пять глав и большое статистическое приложение, включающее 61 таблицу.

В первой, вступительной главе авторы характеризуют этапы развития НИС, их положение в мировой экономике; приводят усредненные показатели темпов экономического роста, промышленного производства и экспорта в 60—80-е годы; рассматривают возможные варианты ответа промышленно развитых государств на экспортный вызов НИС. Во второй — анализируют особенности торговли между странами ОЭСР и НИС, причины роста дефицитов торгового баланса, изменения структуры внешнеторговых потоков и повышения доли продукции обрабатывающей промышленности, особенно в отраслях высокой технологии. Эти главы отличают предельный лаконизм изложения и солидная статистическая и фактологическая база.

Однако в теоретическом плане наибольшего внимания, как нам представляется, заслуживают три последующие главы работы. Так, анализ в третьей главе особенностей стратегии развития шести наиболее типичных НИС (причем по каждой стране и территории в отдельности), выделение их общих черт и отличий, положительных и отрицательных моментов опыта индустриализации; исследование преимуществ и недостатков, вытекающих из программ государственного стимулирования экономики и функциони-

вания государственного сектора, привлечения иностранного капитала в форме прямых инвестиций и займов; выявление эволюции ограничительной деловой практики и методов регулирования деятельности ТНК — все эти вопросы приобретают в нынешних условиях актуальность как в связи с проблемами интенсификации экономических структур развивающихся стран социалистической ориентации, так и в контексте курса социалистических стран на активизацию экономических отношений «Восток — Юг». Не меньший интерес представляет и опыт осуществления индустриализации в НИС, генезис их внешне-торговой политики — от традиционных отраслей легкой промышленности ко все более высокотехнологичным, от курса на импортзамещение к постепенному переносу центра тяжести на экспорт наукоемкой продукции.

В течение последних десятилетий НИС достигли больших успехов в области экспорта в промышленно развитые и в развивающиеся страны. Расширилась номенклатура и изменилась структура вывозимых товаров. Если еще в 60-х годах в качестве основных экспортных позиций в их внешней торговле фигурировали текстиль, одежда, обувь и изделия из кожи, то в 80-х годах к ним добавилась бытовая электроника, продукция металлургической промышленности и судостроения (с. 67—69). Вместе с тем неустойчивость рыночной конъюнктуры середины 80-х годов, усиливающаяся конкуренция со стороны так называемых «новых индустриальных стран второй волны» (Таиланд, Малайзия, Филиппины, Шри-Ланка и др. рост протекционизма в промышленно развитых государствах обусловили необходимость существенной корректировки стратегии развития и экспортной экспансии НИС.

Анализ новых элементов экономической политики НИС представлен в четвертой главе книги. В 80-е годы значительно возрастают расходы ряда НИС (в первую очередь Южной Кореи) на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), активизируется процесс подготовки и переподготовки квалифицированной рабочей силы, формируется технократическая элита. Прослеживается стремление НИС проникнуть на рынки наиболее передовой технологии (промышленная электроника и телекоммуникация, автомобилестроение). Идет поиск путей географической диверсификации экспорта. НИС начинают выступать в качестве экспортера капитала, рассматривая прямые инвестиции в промышленно развитые страны как средство для преодоления протекционистских барьеров и доступа к современной технологии (с. 71—72).

Глава завершается рассмотрением возможной реакции промышленно развитых стран на экспортный «вызов» НИС. Хотя эта часть исследования, по нашему мнению, является недостаточно разработанной и не

дает четкого ответа на поставленный вопрос, тем не менее поиск авторов идет в правильном направлении — от отказа от рассмотрения НИС в качестве «экспортной угрозы» и выявления новых возможностей для взаимовыгодного партнерства, отказа от протекционизма к формированию новой схемы международного разделения труда (с. 72). Такой подход к обоснованию необходимости сотрудничества «Север — Юг» определяется растущей экономической взаимозависимостью государств. «...Несомненно, правильно будет сказать, — замечают авторы, — что, если промышленно развитые страны не допустят увеличения импорта из государств третьего мира, замещающего часть внутреннего производства, они одновременно упустят шанс наращивания собственного экспорта, поскольку страны третьего мира будут не в состоянии его оплатить» (с. 85).

Наиболее интересной и, пожалуй, наиболее теоретически не завершенной выглядит последняя глава, где суммируются результаты и излагаются ключевые выводы монографии. Авторы стремятся решить здесь ряд актуальных проблем современной мировой экономики: сгруппировать внутренние и внешние факторы, обусловившие высокую динамику экономического роста НИС; ответить на вопрос, определивший цель работы — в каком направлении будут идти перемены в рамках существующей модели капиталистического разделения труда; показать вероятные формы экономического партнерства между НИС и промышленно развитыми странами в обозримом будущем. Далеко не все из названных проблем удается раскрыть с равной степенью глубины.

В качестве важнейших внутренних факторов, позволивших НИС осуществить успешный переход от политики импортзамещения к стимулирующему экономический рост форсированному расширению экспорта, авторы справедливо выделяют наличие дисциплинированной, хорошо обученной и дешевой рабочей силы («теория сравнительных издержек»), а также целевые правительственные программы развития ключевых секторов экономики (с. 81). Одновременно отмечается, что вмешательство правительств НИС в экономику неоднократно вызывало и негативный эффект, приводило к снижению конкурентоспособности ориентированных на экспорт отраслей и т. п., как это было, например, с программой инвестиций в тяжелую промышленность в Южной Корее или программой повышения заработной платы в Сингапуре (с. 84—85).

Внешние факторы экономического роста и индустриализации НИС сводятся в докладе лишь к деятельности ТНК — созданию в этих странах предприятий по производству и сборке экспортной продукции, которая реализуется в значительной степени по внутрифирменным каналам (с. 81). Именно с деятельностью ТНК промышленно развитых

стран связывают авторы возможность формирования новой модели международного разделения труда. Логика здесь такова: НИС постепенно теряют преимущества, связанные с низкой оплатой труда, так как внедрение гибких автоматизированных систем понижает роль зарплаты как издержкообразующего фактора производства. Отсюда следует, что место НИС в мировой экономике уже не может всецело связываться с развитием трудоемких производств, необходимо перемещение центра тяжести на отрасли высокой технологии. Путь к этому якобы один — создание благоприятного инвестиционного климата и выбор привлекательных для ТНК форм сотрудничества, а они, мол, и обеспечат приток передовой технологии. Не подвергая сомнению положение авторов о невозможности успешного развития НИС без привлечения зарубежного капитала и технологии, нельзя не заметить подчеркнутую односторонность позитивной оценки роли ТНК.

Что касается новой модели экономических отношений «Север — Юг» в целом, то ее рисунок выглядит достаточно расплывчато. Из исследования ясно, что в основе модели должно лежать взаимовыгодное партнерство НИС и промышленно развитых стран. Но как этого достичь и будет ли это достигнуто — остается под вопросом. По мысли авторов, в рамках новой модели международного разделения труда НИС все более становятся производителями современной наукоемкой продукции, а освобожденное ими место занимают «НИС второй волны». Иными словами, должна произойти своего рода «подвижка», в результате которой нынешние НИС перейдут в число промышленно развитых стран, а другая группа развивающихся государств станет «новыми индустриальными». Однако это лишь одна сторона взаимоотношений. А что же вторая? Поставив вопрос, авторы воздерживаются от однозначного ответа и сколько-нибудь определенных прогнозов. Взамен они подчеркивают: «Взаимовлияние и взаимопроникновение современных общественных структур, простирающиеся преимущественно из быстрого экономического развития и распространения технологии, таковы, что никакая международная экономическая стратификация не может рассматриваться как устоявшаяся» (с. 87). Спорить с таким выводом трудно в силу его очевидности. Однако проблема исследования остается открытой, а ее решение становится прерогативой читателя.

Так приведет ли «вызов» НИС в обозримом будущем к адекватному ответу — формированию новой, более совершенной модели разделения труда между «Севером» и «Югом»!

*С. П. МЯСОЕДОВ,
кандидат экономических наук
Е. Ю. ТРЕПЕЛКОВА*

Технический редактор *Т. Ерохова*

Сдано в набор 23.11.89. Подписано в печать 22.01.90. А 01139
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 16,9. Усл. кр.-отт. 34,4
Уч. издат. л. 24,11. Тираж 13543 экз. Заказ 2799
Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли 119817, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
по делам издательств и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области